Рус. Старина

№ 2

1906.

…ская
…рина
…06

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Книга на дом не выдается.

Годъ XXXVII-й. ФЕВРАЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки В. А. Инсарскаго 233—271
II. Въ Болгаріи. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба) П. Паренсова 272—287
III. Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго . . 288—311
IV. Изъ записокъ П. И. Степанова . . . . . 312—335
V. Изъ семейнаго архива графа Нессельроде. П. Майкова . . . . 336—358
VI. О выборномъ началѣ въ церкви . . . . . 359—392
VII. Церковно-историческая жизнь Грузіи подъ русскимъ владычествомъ Священника Н. Покровскаго . . . . . 393—438
VIII. Заграничныя замѣтки: Барра въ Люксембургскомъ дворцѣ. . . 439—450
Цензура при Наполеонѣ III . . . . . 451—463
IX. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Ивановича Степанова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 115-й. Матеріалы Екатерининской законодательной коммиссіи. Т. X.

Въ разсматриваемомъ нами томѣ Сборника напечатаны наказы отъ разныхъ видовъ сельскихъ обывателей губерній: Московской, Кіевской, Казанской и Астраханской.

Наказы отъ сельскихъ обывателей очень различаются отъ дворянскихъ и городскихъ по крайнему разнообразію состава ихъ сочинителей. Обрядъ выборовъ, составленный императрицею Екатериною, дѣлаетъ попытку опредѣлить тѣ разряды сельскаго населенія, которые должны были выслать по одному депутату отъ каждой провинціи и дать имъ наказы. Она называетъ слѣдующіе разряды: 1) однодворцы; 2) пахотные солдаты и разныхъ служебъ служилые люди, содержащіе ландмилицію; 3) черносошные и ясашные крестьяне; 4) инородцы крещеные и некрещеные; 5) казацкія и запорожскія войска.

Дѣйствительность не оправдала этихъ предначертаній императрицы. Однодворцы тоже содержали ландмилицію, а потому писали иногда наказы вмѣстѣ со служилыми людьми старыхъ службъ и съ пахотными солдатами, а черносошные крестьяне — отдѣльно отъ ясашныхъ; крещеные инородцы также отдѣльно отъ инородцевъ некрещеныхъ, такъ какъ ихъ нужды и недостатки не во всемъ совпадали. А съ другой стороны оказались такіе разряды лицъ, которые Обрядомъ вовсе не были предусмотрѣны, но въ выборѣ депутатовъ и въ составленіи наказовъ приняли участіе, напр., крестьянскіе пристава и сторожа, отставные унтеръ-офицеры и солдаты, засѣчные сторожа, служилые мурзы и татары, раскольники и т. д.

За единицу, которой было предоставлено право писать наказъ, Обрядъ принимаетъ погостъ. Жители каждаго погоста могли избрать изъ своей среды погостнаго повѣреннаго и дать ему наказъ, который должны были подписать священникъ и не менѣе 7-ми хозяевъ. Эти повѣренные собираются въ уѣздъ и избираютъ изъ своей среды по каждому разряду—уѣздныхъ повѣренныхъ, которымъ и передаютъ всѣ привезенные ими наказы. Уѣздные повѣренные собираются въ провинціальномъ городѣ и избираютъ изъ своей среды провинціальнаго депутата также отъ каждаго изъ означенныхъ въ Обрядѣ разрядовъ сельскихъ обывателей, которымъ и передаютъ всѣ собравшіеся въ ихъ рукахъ наказы.

Сельскимъ обывателямъ предоставлено было на волю—избирать депутата или нѣтъ, а потому печатаемые наказы нельзя считать отголоскомъ всего сельскаго населенія. Были села и деревни, которыя на призывъ Екатерины вовсе не отозвались.

Причины нуждъ и недостатковъ были чрезвычайно разнообразны, но многія изъ нихъ сводятся къ плохому состоянію правосудія, управленія и законодательства, для исправленія которыхъ и созывалась коммиссія. XVIII вѣкъ—вѣкъ крупныхъ реформъ, начало которымъ положилъ Петръ Великій. Нѣкоторыя изъ его начинаній при исполненіи были недостаточно хорошо соображены съ мѣстными условіями, а потому, несмотря на отличныя намѣренія законодателя, тяжело отразились на народномъ бытѣ. Плохое состояніе правосудія давало возможность сильнымъ людямъ дѣлать все, что имъ было угодно. Сельскіе обыватели жалуются, что помѣщики-сосѣди силою отбираютъ у нихъ земли и присоединяютъ къ своимъ. Въ наказахъ приводятся имена, чины и громкіе титулы этихъ опасныхъ сосѣдей. Если сельскіе обыватели пробовали отражать силу силою, это вело къ такимъ послѣдствіямъ: „А когда помѣщики станутъ отъ насъ землю отнимать,—говорится въ одномъ наказѣ,—и то мы не станемъ допускать, и то они на насъ просятъ у судей, якобы его крѣпостная дача. И тѣ судьи изъ нашихъ жительствъ забираютъ много людей, человѣкъ по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и сажаютъ насъ въ приказъ и въ тюрьму, и бьютъ немилостиво, и морятъ насъ бѣдныхъ мѣсяца по два, и по три, и по году, и приневоливаютъ безвинно мириться. И мы бѣдные безгласные, чтобы государственныхъ податей остановки не было, принуждены и безвинно мириться“.

Если такъ плохо были ограждены имущественныя права, то объ огражденіи неприкосновенности лица маленькаго человѣка и рѣчи быть не могло. Вотъ что читаемъ въ нѣкоторыхъ наказахъ: „По состоянію насъ, государственныхъ крестьянъ, находимся не въ призрѣніи не только благороднаго дворянства, но и отъ самыхъ послѣднихъ служителей за бои и безчестье... почти всякаго, только особливо изъ военно-служащихъ развѣ не можетъ обидѣть, кто самъ не захочетъ, а кто пожелаетъ, то всегда чѣмъ захочетъ, тѣмъ и обидѣть можетъ“.

Введеніе Петромъ Великимъ подушной подати было богато разнообразными и весьма важными послѣдствіями. Оно установило равные душевые надѣлы и передѣлы земли и ввело новое начало въ распредѣленіи податей, котораго наша древность совершенно не знала. Въ до-Московской и Московской Россіи повинности лежали не на душахъ, а на хозяйствѣ. Люди бѣдные, ничего не имѣвшіе, вовсе не облагались и ничего не платили государству. Подушная подать облагаетъ не имущество, а душу,

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Петръ Ивановичъ

Степановъ.

Записки В. А. Инсарскаго.

IV [1]).

Отъѣздъ князя за границу.—Невозможность предвидѣть того, что произошло послѣ этого отъѣзда.—Мой отъѣздъ изъ Тифлиса.—Прощальный праздникъ, данный мнѣ Тифлисомъ.—Завалы въ горахъ.—Бунтъ линейныхъ казаковъ.—Свиданіе съ княземъ Дмитріемъ Мирскимъ и графомъ Евдокимовымъ.—Бѣдность извѣстій о князѣ.—Стремленіе его уединиться.—Неудачная попытка нѣкоторыхъ нарушить это уединеніе.—Дурное настроеніе Петербурга въ отношеніи къ князю.—Бутковъ перемѣнилъ тонъ.—Отъѣздъ мой въ Подмосковную.—Неожиданное требованіе меня княземъ въ Дрезденъ.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда князя. День былъ ясный и свѣтлый, какъ почти всѣ они на Кавказѣ. Почти весь Тифлисъ провожалъ князя. Огромныя толпы народа окружали дворецъ. Князя, все еще безногаго, помѣстили въ прекрасную покойную коляску, купленную имъ во время коронаціи у англійскаго посланника. Садясь въ эту коляску, онъ сказалъ мнѣ: „до свиданія въ Петербургѣ“. За тѣмъ коляска, окруженная адъютантами и конвоемъ, тронулась и повезла князя на Поти, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на пароходъ. Восторженные крики „ура!“ провожали князя. Вслѣдъ за нимъ отправилась свита его, въ которой, по обычаю, состояли Тромповскій и Зиновьевъ... Думалъ ли самъ князь, уѣзжая въ этотъ моментъ изъ Тифлиса, что онъ уже не вернется въ свой любимый Кавказъ, въ страну, воспитавшую и возвеличившую его, думали ли граждане и обитатели этой страны, чиновные и не чиновные, знатные и незнатные, что они не увидятъ болѣе своего велико-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1906 г.

лѣпнаго намѣстника! Нѣтъ! никто этого не думалъ и думать не могъ. Никто не могъ предвидѣть обстоятельствъ, сложившихся потомъ и затруднившихъ обратный путь князя въ Тифлисъ. Точно также бѣдный Тромповскій, разставаясь бодрымъ, веселымъ, счастливымъ, съ безчисленными пріятелями тифлисскими, ибо весь Тифлисъ былъ его пріятелемъ, не могъ думать и ожидать, что въ этомъ предстоящемъ, мирномъ и пріятномъ, путешествіи ему суждено погибнуть отъ ничтожной болѣзни (поноса), возникшей отъ ничтожнѣйшей причины (капусты нѣмецкой)! Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ нашего земнаго странствія, является мудрость и непреложность той пословицы, которая гласитъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

Послѣ отъѣзда князя, сталъ собираться и я. Не стану говорить подробно о праздникахъ, безъ которыхъ Тифлисъ рѣшительно не можетъ допустить ни пріѣзда, ни отъѣзда кого бы то ни было изъ сколько-нибудь значительныхъ лицъ. Изъ предъидущихъ моихъ разсказовъ видно, что судьбѣ угодно было сдѣлать изъ меня тамъ, въ нѣкоторой степени, значительное лицо. По правдѣ сказать, я не очень обращалъ вниманіе на эту значительную сторону моего оффиціальнаго положенія и якшался запросто съ самыми разнородными личностями. Мнѣ пріятно было думать, что общее расположеніе, которое я вокругъ себя видѣлъ, происходитъ не столько отъ мѣстъ и званій, которыя я занималъ, сколько отъ личныхъ моихъ свойствъ, свойствъ, какъ я сказалъ уже, открытой, широкой натуры. Поэтому, у меня вездѣ были пріятели: и въ толпѣ княжескихъ адъютантовъ, и въ средѣ незначительныхъ чиновниковъ. Поэтому, когда разнымъ высшимъ лицамъ тифлисскаго гражданскаго управленія въ шутку присвоивали петербургскія имена тамошнихъ значительныхъ лицъ—меня называли „Бутковымъ“.

Къ удивленію князь смотрѣлъ на популярность мою не совсѣмъ благосклонно, хотя, казалось, самъ искалъ популярности, разумѣется, другими путями. Такъ, напр., онъ не одинъ разъ передавалъ мнѣ, черезъ другихъ приближенныхъ лицъ и преимущественно черезъ Фадѣева, свое удивленіе, что я, при моемъ значеніи, со всѣми его адъютантами на „ты“. Этому удивленію я, въ свою очередь, тоже „удивлялся“. Сближаясь, по своей натурѣ, со всѣми классами, я полагалъ въ то же время доставить князю пріятное чувство видѣть, что въ средѣ, въ которую онъ меня поставилъ, я держусь не одними его милостями и благоволеніемъ, но немножко и личными свойствами. Быть можетъ его безпокоили высшіе мои сотоварищи, не оставлявшіе, какъ можно заключить, изъ зависти пускать въ меня шпильки такого свойства, что „какой же это, дескать, государственный чело-

Центральная Рабочая Библиотека Московского совета

вѣкъ, который якшается со всѣми, кутитъ и поетъ пѣсни". Впрочемъ, на все это я мало обращалъ вниманія, не будучи рѣшительно созданъ для интригъ возвышеннаго свойства. Вообще, я никогда не думалъ и не заботился о томъ, что обо мнѣ скажутъ, полагаясь совершенно на мою натуру, самою природою такъ созданную, что она не могла допустить ничего подлаго, злаго, безсовѣстнаго. Конецъ концовъ былъ тотъ, что самъ князь, такъ способный понимать другихъ и знавшій меня болѣе, чѣмъ кто-либо, говорилъ обо мнѣ, что у меня „сердце ангела!" При всей поэтической формѣ такого отзыва, она хорошо опредѣляетъ мои свойства. Отсюда понятно, каковы были мои отношенія къ Тифлису и ко всѣмъ подраздѣленіямъ его. Прибавлю только, что въ женской половинѣ его у меня были самыя обширныя и дружескія связи. Понятно также, что при предстоящемъ моемъ отъѣздѣ всѣ наперерывъ старались выразить мнѣ дружеское свое вниманіе.

Щедрый и роскошный Мирзоевъ, кажется, первый началъ дѣло. Но не исчисляя разнообразныхъ формъ и случаевъ, въ которыхъ выражалось это вниманіе, я упомяну объ одномъ только праздникѣ наиболѣе громадныхъ размѣровъ, который былъ устроенъ въ честь мою гражданскимъ міромъ моихъ сослуживцевъ. Онъ былъ данъ въ Ботаническомъ саду и въ общемъ видѣ сходствовалъ съ тѣмъ праздникомъ, въ томъ же саду, который я уже описалъ въ началѣ моихъ разсказовъ о Кавказѣ. Существенная разница состояла въ томъ только, что на этомъ праздникѣ я былъ осыпанъ хвалебными спичами, которые заключались желаніемъ моего возвращенія. Но наиболѣе отличительною и лестною для меня чертою этого праздника было то, что все общество со всею обстановкою: фонарями, свѣчами, музыкой, зурнами, пѣсельниками—торжественно проводило меня до моего дома и не только проводило, но сдѣлало подъ моимъ балкономъ, такъ сказать, новый праздникъ. Изъ сосѣднихъ улицъ и домовъ присоединились огромныя толпы народа и всѣ, по туземному обычаю, съ зажженными свѣчами. Противъ дома, который я занималъ, былъ домъ Томамшіевыхъ, о которыхъ я говорилъ. Домъ этотъ горѣлъ, какъ фонарь, и буквально былъ набитъ знакомыми мнѣ дамами. Всѣ окна и балконы были заняты ими. Хотя съ приближеніемъ къ моей квартирѣ я въ словахъ, богатыхъ не столько краснорѣчіемъ, сколько чувствомъ, торжественно распрощался съ обществомъ моихъ друзей, но это нисколько не закончило праздника. Толпы оставались предъ моими окнами, музыка гремѣла, мое имя постоянно раздавалось на разные тоны. Я долженъ былъ много разъ появляться на балконѣ. При моемъ появленіи, крики „ура" неистово неслись къ темному небу; друзья, съ виномъ въ рукахъ, выражали добрыя желанія; дамы, занимавшія

*

противоположный домъ, рукоплескали и махали платками. Однимъ словомъ, въ эту минуту, по овaціямъ, которыя мнѣ, такъ шумно и такъ блистательно, воздавались, я могъ, по русскому выраженію, „за поясъ заткнуть“ любаго нѣмецкаго царька средней руки.

На другой день условлено было устроить для меня окончательные проводы за городомъ. Всевозможныя возраженія съ моей стороны не имѣли никакой силы. Но роль героя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, имѣетъ вмѣстѣ съ своими пріятностями и свои неудобства. Эта постоянная необходимость держать себя насторожѣ, отвѣчать на всѣ привѣтствія и пожеланія и отвѣчать всегда складно, съ эффектомъ, быть средоточіемъ всѣхъ взоровъ—утомляетъ героя значительно, такъ, что герой, если во-время не прекратить свою роль, можетъ сдѣлаться смѣшнымъ. Поэтому, какъ только закончился пиръ и толпы разошлись, я тотчасъ распорядился послать за лошадьми. Такое коварное распоряженіе, быть можетъ, и не имѣло бы мѣста, если бы я отправлялся одинъ; но для моей больной жены рѣшительно было невозможно останавливаться среди дороги для новаго пира и, въ свою очередь, сдѣлаться также предметомъ нескончаемыхъ овацій. Поэтому, прежде нежели взошло солнце на другой день, мои экипажи тихо и незамѣтно покинули Тифлисъ, столь же мною любимый, сколько ненавидимый моей женой...

Это было ранней весною 1861 года. Весна—обыкновенное время заваловъ въ Кавказскихъ горахъ. Такъ точно предъ моимъ отъѣздомъ было нѣсколько страшныхъ заваловъ, прекратившихъ на нѣсколько дней всякое сообщеніе. Разумѣется, сосредоточены были значительныя силы для расчистки дороги. Расчистка эта продолжалась очень долго. Почти переносились на рукахъ. Путешественники съ обѣихъ сторонъ выжидали. Нѣкоторые изъ тифлисцевъ и между прочимъ Старицкій (гражданскій) теряли терпѣніе и пускались на авось. Кончалось тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы ожидать спокойно въ Тифлисѣ, они вынуждены были ожидать въ холодныхъ, грязноватыхъ и биткомъ набитыхъ почтовыхъ станціяхъ по нѣскольку дней. Я внимательно слѣдилъ за ходомъ работъ по расчисткѣ заваловъ и нетерпѣливо ждалъ возможности отправиться. Наконецъ, Кохановъ, управляющій почтовою частью, увѣдомилъ меня, что завалы расчищены и проѣздъ возстановленъ. За всѣмъ тѣмъ, инженеры-распорядители снабдили меня какими-то полномочіями требовать пособія мѣстныхъ командъ при переѣздѣ чрезъ завалы.

Когда мы приблизились къ этимъ заваламъ, то предъ нами предстали необъятныя горы снѣга и узенькая пробитая сквозь нихъ дорожка. Эта дорожка и называлась „возстановленнымъ проѣздомъ“. Но ни о ѣздѣ, ни о проѣздѣ тутъ и рѣчи быть не могло. Заваловъ

было три. При нашемъ приближеніи къ первому изъ нихъ, насъ окружила туча солдатъ. Большая часть уцѣпилась за наши экипажи, изъ которыхъ, разумѣется, мы вышли. Остальные ухватились за насъ, ради поддержки. Но помощь ихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оказывалась слабою. Экипажи прыгали съ одного снѣжнаго уступа на другой, разсчитывая преимущественно на собственную крѣпость. Я и жена моя безпрерывно проваливались и падали вмѣстѣ съ солдатами, насъ поддерживавшими. Столь же удобный и покойный проѣздъ былъ на другомъ и на третьемъ завалахъ, то есть, собственно не проѣздъ, а ужасный и мучительный до невозможности переходъ. Впрочемъ, надо благодарить Бога и за то, что все кончилось однимъ физическимъ утомленіемъ. Впослѣдствіи оказалось, что инженеры, расчищавшіе завалы, никакъ не могли попасть на тропинку, называемую Военно-Грузинской дорогой, а пробивали проѣзжія тропинки въ массахъ снѣга, лежавшихъ надъ пропастями.

Измученные и разстроенные, мы добрались кое-какъ до Владикавказа, гдѣ, при внимательномъ обозрѣніи нашихъ экипажей, открылись въ нихъ самыя существенныя поврежденія. Въ особенности пострадала моя прекрасная четырехмѣстная коляска, работа Тацки, предназначенная жить и дѣйствовать на петербургскихъ ровныхъ мостовыхъ, а не дѣлать въ Кавказскихъ горахъ двухъаршинные скачки, съ одного снѣжнаго уступа на другой. Къ счастію, мое имя и мое значеніе слишкомъ были извѣстны въ Владикавказѣ, такъ что согнанные отовсюду полковые кузнецы съ горемъ пополамъ залѣпили, такъ сказать, самыя чувствительныя раны съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ Ставрополѣ уже подвергнуть мой великолѣпный, но изувѣченный, экипажъ болѣе радикальному лѣченію.

На пути отъ Владикавказа къ Ставрополю совершенно неожиданно предстало предъ нами обстоятельство, которое въ свое время надѣлало много шума. Рано утромъ, подъѣзжая къ одной изъ казацкихъ станицъ, Александровской, или Андреевской уже не помню, я замѣтилъ въ полѣ, близъ нея, кучу бѣлыхъ палатокъ, нѣчто въ родѣ военнаго лагеря.

Малоопытный въ воинскихъ распорядкахъ и вообще мало интересующійся ими, я не обратилъ на это никакого вниманія. Точно также, когда мы въѣхали въ станицу, я не обратилъ вниманія и на особенное оживленіе, происходившее въ ней. Но когда станціонный смотритель, прописавъ мою подорожную, принесъ ее ко мнѣ, я спросилъ его: не праздникъ ли какой въ станицѣ, что народъ такъ снуетъ по улицамъ? Смотритель отвѣчалъ: „казаки празднуютъ замиреніе!“ „Какое замиреніе?“ спросилъ я. „А какже-съ!“ продолжалъ смотритель: „казаки взбунтовались! Имъ объявленъ приказъ переселяться, а они говорятъ: не хотимъ! И такъ и сякъ, стоятъ на

однимъ: не пойдемъ да и только! Тогда прислали Нижегородскій драгунскій полкъ, чтобы попугать, а казаки весь скотъ и всѣ пожитки въ лѣсъ, да и говорятъ: посмотримъ еще—чья возьметъ? Всѣ вооружились. Такіе страшные всѣ стали! Сегодня прискакалъ князь Мирскій (тогда помощникъ Евдокимова) и объявилъ, что переселенія не будетъ и казакамъ дозволяется остаться на мѣстѣ. Теперь вотъ они на радостяхъ и празднуютъ. Разводятъ костры, рѣжутъ и жарятъ быковъ!"

Разсказъ станціоннаго смотрителя заинтересовалъ меня въ высшей степени. Я спросилъ: „когда Мирскій ѣдетъ изъ станицы?" „Должно быть сейчасъ, велѣно держать лошадей наготовѣ", отвѣчалъ онъ. „Скажи князю", поручилъ я смотрителю, „что я подожду его на слѣдующей станціи!" Съ этими словами мои экипажи помчались далѣе... На слѣдующую станцію, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ моего пріѣзда, дѣйствительно прискакалъ Мирскій, и мы, соединивъ свои дорожные запасы, расположились вмѣстѣ обѣдать. Во время этого обѣда князь, въ сущности, разсказалъ мнѣ то же самое, что и смотритель, съ присовокупленіемъ сильныхъ порицаній плана переселенія казаковъ. На мою замѣтку, хорошо ли поступаетъ начальство, дѣлая такую скорую и легкую уступку упорству казаковъ, князь Мирскій, не совсѣмъ понятно для меня, отвѣчалъ, что это рѣшительно ничего не значитъ, что ослушаніе и упорство ихъ относится къ гражданскимъ обстоятельствамъ и съ военною субординаціею ничего общаго не имѣетъ!..

Дѣло это, къ которому болѣе или менѣе я долженъ былъ потомъ имѣть нѣкоторыя прямыя соприкосновенія, заключалось въ томъ, что по мѣрѣ распространенія нашихъ завоеваній впередъ, станицы старой линіи, остававшихся далеко назади, теряли уже всякое значеніе, и потому возникъ планъ, по которому они долженствовали быть выдвинуты вновь впередъ и слѣдовательно переселены на новыя мѣста. Подобныя передвиженія бывали и прежде, но они совершались такимъ образомъ, что старыя станицы выдѣляли изъ себя извѣстную, третью или четвертую, часть населенія, и эти собственно части обращались на образованіе новыхъ станицъ. Старая же станица оставалась на мѣстѣ со всѣми своими правами и имуществомъ. Въ настоящемъ же случаѣ рѣшено было двинуть станицы впередъ цѣликомъ. Кому собственно принадлежала эта мысль, сказать положительно не могу, хотя все это дѣло было нѣсколько разъ въ моихъ рукахъ; но въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что мнѣ придется говорить не только объ обстоятельствахъ, сюда относящихся, но и вообще о какихъ-либо обстоятельствахъ моего земнаго странствованія. Помню, однако, что и въ то время это было какимъ-то

вопросомъ темнымъ и спорнымъ. Одни говорили, что мысль о переселеніи старыхъ станицъ цѣликомъ принадлежала Евдокимову, а другіе—что она создалась въ головѣ самого князя. Какъ бы то ни было, но мысль эта не удалась и оказанное казаками сопротивленіе произвело во всемъ Кавказскомъ мірѣ весьма значительный скандалъ, тѣмъ болѣе значительный, что главнаго хозяина, который могъ бы рѣшительно повернуть дѣло туда или сюда, т. е. князя Барятинскаго, не было дома, а заступавшій его мѣсто добрый и слабый князь Орбеліани, купно съ новымъ и еще неопытнымъ начальникомъ главнаго штаба Карцовымъ, естественно должны были дѣйствовать ощупью изъ опасенья сломать собственную шею какими-либо рѣшительными и неудачными мѣрами. Умный Карцовъ, впрочемъ, нашелъ наилучшимъ средствомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ свалить всю вину на Евдокимова. Я самъ потомъ читалъ огромныя письма его къ князю, въ которыхъ онъ рѣзко разбиралъ и критиковалъ дѣйствія Евдокимова.

По прибытіи моемъ въ Ставрополь я видѣлся съ Евдокимовымъ. Умный и прозорливый онъ понималъ, что не сегодня, такъ завтра и во всякомъ случаѣ прежде его я буду имѣть счастіе вновь интимно бесѣдовать съ княземъ, и потому нашелъ полезнымъ, независимо отъ обычныхъ его любезностей въ отношеніи ко мнѣ, посвятить меня во всѣ подробности этого несчастнаго дѣла, которыя повторять здѣсь не буду, потому, что плохо помню ихъ и навѣрное что-нибудь напутаю. Помню только, что въ заключеніе своего подробнаго разсказа онъ сталъ положительно просить меня довести до свѣдѣнія князя, что „онъ усталъ“, что болѣзни и старыя раны лишаютъ его прежней энергіи и что онъ только о томъ и думаетъ, „какъ бы на покой“ и т. п. Когда я замѣтилъ, что со стороны его нужно только главное руководство, а что самое исполненіе его идей можно предоставлять такому энергичному помощнику, какъ князь Мирскій, Евдокимовъ съ обычною своею манерою, въ которой было настолько же ума, насколько внѣшней простоты, сказалъ: „Ну, батюшка! Плохо я вѣрю этимъ помощникамъ и не привыкъ полагаться на нихъ. Какъ бы отличны и распрекрасны ни были эти помощники, все-таки себѣ я болѣе вѣрю, чѣмъ имъ. Работая всегда своимъ умомъ, своими руками и глазами, я не умѣю уже работать чрезъ помощниковъ!“ Разставшись съ Евдокимовымъ, я вынесъ изъ бесѣды съ нимъ такое впечатлѣніе, что каковы бы ни были его отношенія къ вопросу о сопротивленіи казаковъ, его громадныя заслуги въ прошедшемъ, необходимость его личности для будущности Кавказа ограждаютъ его, во всякомъ случаѣ, какъ стѣной, отъ нареканій и укоровъ. Послѣдствія показали, однако, что не всѣ раздѣляли это убѣжденіе и — удивительное дѣло!—менѣе всѣхъ князь Барятинскій!..

Послѣ любезныхъ овацій и со стороны ставропольскихъ властей, я отправился далѣе. По пути отъ Ставрополя до Москвы я уже не припомню ничего замѣчательнаго. Замѣчательнаго, впрочемъ, было то, что въ то время, когда по мѣрѣ приближенія къ нашимъ столицамъ, я ожидалъ скораго свиданія съ княземъ въ Петербургѣ, куда онъ долженъ былъ явиться по приказанію государя прежде, чѣмъ предаться заграничному лѣченію, различныя личности, встрѣчаемыя мною по пути, знавшія меня и князя и вообще кавказскій міръ, изумляли меня извѣстіемъ, что князя нѣтъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ и что нѣтъ даже никакихъ свѣдѣній, гдѣ онъ находится. Плохо довѣряя, этимъ страннымъ и непонятнымъ извѣстіямъ, я прибылъ въ Москву, гдѣ они нашли уже полнѣйшее подтвержденіе.

Случайно встрѣтилъ я тамъ одного изъ адъютантовъ князя, Николаева, того самаго Николаева, о которомъ я выше разсказывалъ и который, явившись къ князю просить мѣста, получилъ отъ него заграничный отпускъ. Въ тотъ моментъ, когда я встрѣтилъ его въ Москвѣ, онъ только-что возвратился изъ своего невольнаго путешествія. Отъ Николаева я узналъ слѣдующее: когда ему сдѣлалось извѣстнымъ, что князь отправился за границу, Николаевъ рѣшился тамъ преслѣдовать его своими просьбами, разсчитывая, что въ чужестранномъ климатѣ онѣ лучше будутъ выслушаны. Кажется, въ Парижѣ онъ встрѣтился съ княземъ Викторомъ Барятинскимъ, который, наслушавшись весьма неблагопріятныхъ свѣдѣній о болѣзняхъ брата, спѣшилъ свидѣться съ нимъ и тѣмъ выразить ему братскую любовь и привязанность. Связанные, хотя различными побужденіями, но единою цѣлью увидѣть князя, князь Викторъ и Николаевъ стали ухитряться, какъ бы изловить князя. Въ этихъ видахъ они стали разсылать во всѣ города, чрезъ которые, по ихъ предположенію, князь долженъ проѣзжать, телеграммы, на его имя. Ни на одну изъ нихъ, однако, они не получали отвѣта и такимъ образомъ погружены были въ сильнѣйшее недоумѣніе. Имъ удалось, однако, совершенно другими путями узнать, что князь проѣхалъ тамъ-то и, вѣроятно, будетъ тамъ-то. Въ эту точку они поспѣшно и устремились. Князь дѣйствительно находился тамъ.

Николаевъ разсказывалъ мнѣ, что дѣло было вечеромъ, когда они прибыли въ это мѣсто. Узнавъ гостиницу, гдѣ остановился князь, они отправились къ нему. При входѣ ихъ князь стоялъ въ углу и мылъ руки. Обернувшись къ нимъ, онъ выразилъ на лицѣ своемъ самое непріятное изумленіе и тотчасъ сердито сказалъ: „что вы меня травите, какъ зайца! Если бы я хотѣлъ васъ видѣть, я бы отвѣчалъ на ваши безчисленныя телеграммы. Неужели я и здѣсь не могу имѣть покою!“ Однимъ словомъ, пріемъ былъ столь суровъ

и неблагосклоненъ, что князь Викторъ и Николаевъ должны были тотчасъ убираться по добру по здорову. Объ этомъ пріемѣ князь Викторъ писалъ съ достодолжною искренностью своимъ петербургскимъ братьямъ, такъ что это оригинальное обстоятельство сдѣлалось предметомъ столичныхъ толковъ. Слушая разсказъ Николаева, я подумалъ про себя: „вѣрно, князь погруженъ въ устройство своихъ романическихъ дѣлишекъ и не хочетъ, чтобы ему мѣшали“. Ужъ не помню, тутъ ли отъ Николаева же, или нѣсколько позже, изъ другихъ источниковъ я узналъ, что государь, во вниманіе, что князь находится уже за границей, поручилъ ему тамъ оставаться и лѣчиться, а предположенное свиданіе съ его величествомъ отложить до того времени, когда поправится и поѣдетъ обратно въ Тифлисъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я, разумѣется, не нашелъ тамъ князя. На первыхъ же порахъ мнѣ стало замѣтно, что Петербургъ относится къ нему, какъ человѣку покончennому. Происходили ли эти отношенія изъ упадка вліянія князя, или изъ убѣжденія, что онъ уже не поправится и покончитъ дни свои за границей—только видно было, что въ общемъ мнѣніи князь Барятинскій обратился въ ничто. Въ особенности это грустное явленіе выступало рельефно при свиданіяхъ моихъ съ Бутковымъ. Милѣйшій Владиміръ Петровичъ, такъ любезно и подобострастно ожидавшій нѣкогда цѣлые часы въ пріемной князя, теперь страшно поднялъ носъ и вѣчно плывущій по вѣтру, началъ третировать князя свысока—и даже нѣсколько враждебно. Когда съ цѣлью обратить его, по возможности, на прежній путь, я упомянулъ о постоянной дружбѣ, связывавшей ихъ, Владиміръ Петровичъ возвышеннымъ тономъ сталъ проповѣдывать, что онъ поддерживалъ и поддерживаетъ не личности, но принципы, что князя Воронцова и князя Барятинскаго онъ поддерживалъ потому, что раздѣлялъ принципы, которыми они руководились, что, напротивъ, Муравьева онъ свалилъ потому, что не раздѣлялъ его принциповъ, и т. п. Я почтительно слушалъ и думалъ про себя: „Страсти Господни! Вотъ что значитъ государственный мужъ! Тотъ же человѣкъ, да сталъ не тотъ!“ Добрый и благородный Милютинъ не заносился такъ высоко; но держался какихъ-то равнодушныхъ отношеній къ князю, выражая удивленіе, что онъ скрылся отъ всѣхъ, никому не пишетъ и даже государю не отвѣчалъ на два письма! „Удивительно, какой добрый государь“, прибавлялъ Милютинъ „не сердится“. При свиданіяхъ съ Милютинымъ я передалъ ему, что зналъ о бунтѣ казаковъ, который и въ Петербургѣ произвелъ сильное впечатлѣніе. Разсказъ мой Милютинъ нашелъ интереснымъ и сказалъ, что на-дняхъ только получилъ съ Кавказа оффиціальныя бумаги, сюда относящіяся...

Я видѣлъ, что мнѣ нечего дѣлать въ Петербургѣ. Объѣздивъ всѣ

острова, заселенные уже дачниками, посмотрѣвъ на закатъ солнца съ извѣстной стрѣлки Елагинскаго острова (la pointe), исправивъ свои гардеробы, при помощи любезнаго и разорительнаго Сара, я рѣшился повернуть оглобли и засѣсть на лѣто въ нашей Подмосковной, о которой выше говорилъ, въ ожиданіи, что̀ теченіе волнъ житейскихъ покажетъ далѣе? Поглощенный моремъ зелени, окружавшей наше жилище со всѣхъ сторонъ, освѣжаемый ежедневно и по нѣскольку разъ видами Москвы рѣки, на берегу которой стоитъ это жилище, сосредоточивши свое вниманіе исключительно на достоинствѣ обѣдовъ и ужиновъ, однимъ словомъ, поглощенный физическимъ, помѣщичьимъ существованіемъ, я забылъ всѣ другіе высшіе интересы; если и вспоминались подчасъ Кавказъ, князь, Бутковъ, то какъ-то смутно, неопредѣленно и, главное, безсильно для того, чтобы возмутить мое полнѣйшее спокойствіе. Но, увы! оно неожиданно было нарушено съ такой стороны, съ которой менѣе всего предполагать было можно...

Какъ теперь помню великолѣпнѣйшій лѣтній день. Обѣдали мы, какъ обыкновенно, на балконѣ. Внизу перебиралась, по камешкамъ, мелководная Москва рѣка; на противоположномъ берегу стояло задумчивое стадо; далѣе въ морѣ густой ржи мелькали бѣлыя рубахи жницъ; множество птичекъ порхали надъ нашими головами въ гнѣзда, свитыя на самомъ балконѣ, и изъ гнѣздъ обратно въ голубое пространство. Однимъ словомъ, общая картина была безукоризненно идиллическая! Разговоры шли о томъ, въ какую сторону, на какой пунктъ и при какихъ условіяхъ предстоитъ сдѣлать послѣобѣденную прогулку и т. п. Среди этой мирной тишины вдругъ раздался звонъ почтоваго колокольчика. „Письма и газеты!“ воскликнули многіе голоса.

Надобно замѣтить, что сельцо Петрово, въ которомъ я мирно проживалъ, отстояло верстахъ въ 18 отъ уѣзднаго города Рузы, Московской губерніи. По старинным связямъ моимъ съ почтовымъ вѣдомствомъ дѣло моей корреспонденціи устроено было такимъ образомъ, что всѣ газеты на мое имя рузскій почтмейстеръ пересылалъ съ крестьянами нашими, или изъ окрестныхъ деревень, безпрерывно сновавшими въ Рузу и обратно по своимъ промышленнымъ и другимъ дѣламъ; письма же, мнѣ адресованныя, онъ немедленно доставлялъ съ эстафетой, которая слѣдовала всегда въ бѣговыхъ дрожкахъ и звономъ почтоваго колокольчика издали уже возвѣщала свое прибытіе. Такъ точно было и теперь. Отдаленный звонъ колокольчика говорилъ намъ, что ѣдутъ письма.

Не знаю, какъ другіе, а я всегда испытывалъ какое-то пріятное чувство, когда мнѣ подносятъ запечатанный пакетъ. Самая неиз-

вѣстность, откуда этотъ пакетъ и что въ себѣ содержитъ, щекотитъ любопытство и производитъ волненіе, не лишенное удовольствія. Весьма часто случается, что распечатанный пакетъ и посланіе, въ немъ заключавшееся, съ негодованіемъ тотчасъ предаются уничтоженію съ присоединеніемъ ядовитыхъ словъ, по части содержанія этого посланія—тѣмъ не менѣе, пока оно не прочитано, васъ сильно занимаетъ вопросъ: что тамъ такое? Такъ точно, когда въ маскарадѣ васъ беретъ подъ руку маска и начинаетъ пищать надъ вашимъ ухомъ, вами овладѣваетъ страшное любопытство узнать, кто это скрывается подъ маской, любопытство, въ которомъ всегда есть какое-то смутное ожиданіе: не сама ли жаръ-птица слетѣла для васъ изъ волшебныхъ странъ или, быть можетъ, какая-нибудь изъ чужестранныхъ принцессъ, наслышавшись о вашей красотѣ и вашихъ доблестяхъ, стѣсняемая международными отношеніями, рѣшилась, какъ простая смертная, пріѣхать въ маскарадъ, чтобъ взглянуть на васъ и побесѣдовать съ вами? А что во всякомъ случаѣ вы непремѣнно ожидаете, что подъ маской скрывается неописанная красавица—за это я ручаюсь головой. Всѣ эти сомнѣнія, ожиданія, предположенія, имѣющія камнемъ основанія ваше громадное самолюбіе и убѣжденіе въ неизмѣримомъ превосходствѣ вашемъ надъ другими—доставляютъ вамъ много наслажденія. Но подобно тому, какъ, прочитавъ пустое письмо, вы бросаете его съ гнѣвомъ на полъ, такъ точно, узнавъ въ этой китайской принцессѣ какую-нибудь увядшую гувернантку вашихъ знакомыхъ, вы разомъ падаете съ неба, начинаете ненавидѣть эту бѣдную женщину, для которой только и свободы, что подъ маской, и коварно ухитряетесь, какъ бы поскорѣе улизнуть отъ нея...

Наконецъ, бѣговыя дрожки подъѣхали къ крыльцу и посланный представилъ мнѣ пакетъ. По почерку, которымъ сдѣлана была надпись, я тотчасъ узналъ, что письмо отъ князя Владиміра Барятинскаго. Онъ писалъ: „Спѣшу сообщить вамъ полученную вчера депешу отъ князя Александра Ивановича. Потрудитесь мнѣ сказать, когда вы можете выѣхать въ Дрезденъ? Я желалъ бы князю телеграфировать о днѣ вашего отъѣзда. По прочтеніи депеши прошу мнѣ ее возвратить. Примите и пр. Царское Село, 11 іюля 1861 г.“. Въ депешѣ князя Александра Ивановича, на французскомъ языкѣ, сказано было просто и до крайности кратко, чтобы я пріѣхалъ къ нему, если могу, какъ можно скорѣе.

Такое неожиданное требованіе рѣшительно переполошило мою мирную семью; явились слезы и другія обстоятельства, столь естественныя при подобныхъ случаяхъ въ каждомъ порядочномъ семействѣ; но, привыкнувъ благоговѣть предъ желаніями и велѣніями князя, я имѣлъ въ виду только депешу, требующую меня въ Дрез-

день, и такъ живо повернулъ дѣломъ, что пока мы оканчивали обѣдъ, камердинеръ мой совершенно уложился, зная по предыдущимъ путешествіямъ всѣ мои привычки и потребности, а у подъѣзда стоялъ совершенно готовый дорожный экипажъ. Послѣ обѣда вся семья моя настоятельно желала проводить меня до великолѣпной рощи, расположенной вблизи селенія по большой дорогѣ, въ чемъ, конечно, я отказать не могъ. Тамъ я расцѣловалъ всѣхъ своихъ и простился съ ними. Утромъ, на другой день, я ужъ былъ въ Москвѣ, и только перемѣнивъ мой сельскій, черезчуръ уже безцеремонный, костюмъ, расположился въ почтовомъ вагонѣ желѣзной дороги, въ которомъ обыкновенно совершалъ свои переѣзды изъ Петербурга въ Москву и обратно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я тотчасъ бросился къ Милютину, Буткову, князю Владиміру Барятинскому. Самыя энергическія хлопоты сосредоточены были, разумѣется, на немедленномъ полученіи для меня заграничнаго паспорта. Владиміръ Петровичъ Бутковъ немедленно сообщилъ требованіе о томъ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ я такъ упорно и неотвязчиво надоѣдалъ всѣмъ, что паспортъ былъ полученъ чрезвычайно скоро. Жара, помню, стояла страшная. Я постоянно обливался потомъ и имѣлъ рѣшительное сходство съ грецкой губкой...

Вообще, замѣтно было, что требованіе меня княземъ въ Дрезденъ произвело значительное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Не безъ основанія можно предполагать, что князя, дѣйствительно, считали, если не умершимъ уже, то умирающимъ, чѣмъ болѣе всего можно объяснить и тотъ высокопарный тонъ добрѣйшаго Владиміра Петровича, о которомъ я выше говорилъ; требованіе княземъ меня въ Дрезденъ показало, что князь сохраняетъ еще признаки жизни и, чего добраго, можетъ дать кому-нибудь такого пинка, отъ котораго и не опомнишься. Само собою разумѣется, что я не могу уже припомнить всѣхъ явленій и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это впечатлѣніе; но самое это впечатлѣніе я живо помню. Начать съ того, что со мною гораздо болѣе любезничали, чѣмъ въ предыдущій пріѣздъ. Милютинъ оставался тотъ же и выражалъ то же удивленіе, что князь никому не пишетъ и не отвѣчаетъ даже самому государю; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ мнѣ, что по дѣлу о казакахъ государь приказалъ спросить мнѣніе князя, которое и ожидается отъ него. Владиміръ Петровичъ видимо былъ сдержаннѣе, чѣмъ въ предыдущій мой пріѣздъ.

Хотя я не могъ знать въ точности, для какихъ именно дѣлъ князь требуетъ меня къ себѣ, однако, по различнымъ признакамъ, могъ предполагать, что какія бы тамъ дѣла меня ни ожидали, Мингрельское дѣло непремѣнно займетъ въ нихъ видное мѣсто. Поэтому,

при одномъ изъ свиданій съ Бутковымъ, я рѣшился сказать ему: „есть признаки, ваше превосходительство, что князь не совсѣмъ доволенъ рѣшеніемъ Кавказскаго комитета по Мингрельскому дѣлу. Поэтому, не изволите ли мнѣ дать какія-либо наставленія въ этомъ отношеніи, которыхъ я могъ бы держаться при личныхъ объясненіяхъ съ княземъ!“ Съ свойственною ему живостью, Владиміръ Петровичъ сказалъ: „Тутъ ужъ ничего не остается дѣлать, какъ исполнить высочайшее повелѣніе. Дѣло это разобрано со всѣхъ сторонъ самымъ глубочайшимъ образомъ. Оно было на заключеніи графа Блудова и графа Панина и рѣшено единогласно всѣмъ Кавказскимъ комитетомъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ самымъ энергическимъ образомъ защищалъ сторону княгини Дадьянъ. Наконецъ, самъ государь во дворцѣ при всѣхъ поздравлялъ ее. Что жъ тутъ можно сдѣлать? Самое лучшее—это исполнить высочайшее повелѣніе. Нельзя идти противъ всѣхъ. Самъ государь будетъ недоволенъ, хотя, быть можетъ, и не выразитъ этого. Государь добрый и любитъ князя Барятинскаго, но крѣпко держится за свои права и свою власть. Вы знаете дѣло о земляхъ?“ „Нѣтъ, не знаю“, отвѣчалъ я. „Какже“, продолжалъ Владиміръ Петровичъ, „въ бытность свою здѣсь, въ 1859 году, князь представилъ записку о томъ, чтобы ему предоставлено было право самому раздавать земли на Кавказѣ разнымъ лицамъ за службу. Государь написалъ на этой запискѣ: „Барятинскій хочетъ присвоить себѣ мои права, чего допустить нельзя“ и выслалъ эту записку ко мнѣ, а самому князю не сказалъ объ этомъ ни слова“... „Впрочемъ“, продолжалъ Владиміръ Петровичъ, „я скоро буду самъ въ Дрезденѣ, увижусь съ княземъ и переговорю лично съ нимъ. До тѣхъ поръ просите его рѣшительно ничего не предпринимать...“

VII.

Моя поѣздка въ Дрезденъ.—Мое помѣщеніе вмѣстѣ съ княземъ въ „Hotel de Vienne“.—Свиданіе съ княземъ.—Зиновьевъ, преобразившійся въ статскаго франта.—Его сила и опытность въ мірѣ камелій.—Соблазны, на меня направленные.—Осетинъ Гиго, тоже превратившійся въ франта.—Его успѣхи при дворѣ прусскаго короля.—Тромповскій, отчаянно больной.—Чистота города.—Прелестныя окрестности.—Дрезденская галлерея.—Брюллевская терраса.—Впечатлѣніе, произведенное на меня дрезденскимъ населеніемъ.—Чувство гордости, испытанное мною, что я русскій.—Русскія женщины сравнительно съ туземными.—Способности русскаго человѣка устраиваться въ чужестранныхъ государствахъ.—Мингрельское дѣло.—Первыя бурныя объясненія мои съ княземъ по этому дѣлу.—Восхищеніе князя моимъ проектомъ разрѣшенія

этого дѣла.—Безконечная возня съ этимъ проектомъ.—Пріѣздъ Буткова въ Дрезденъ.—Свиданіе его съ княземъ.—Названіе „деспота", данное князю Бутковымъ.—Проводы Буткова.—Письма Милютину и Буткову о разныхъ личностяхъ.—Несчастное лицемѣріе князя.—Комическій случай при составленіи этихъ писемъ.—Наивность князя въ денежныхъ дѣлахъ.—Вопросъ: гдѣ въ это время была Давыдова?

Такимъ образомъ, снабженный различными свѣдѣніями, наставленіями, полный впечатлѣній по части отношеній Петербурга къ князю Александру Ивановичу я пустился въ заграничный путь. Путь этотъ, совершенно для меня новый, почти на каждомъ шагу представлялъ для меня лично тотъ или другой интересъ; но само собою разумѣется, что въ немъ не было и не могло быть интереса, такъ сказать, общаго. Заграничныя дороги во всѣ концы сдѣлались для русскихъ, и въ особенности для петербуржцевъ, едва-ли не болѣе знакомыми, чѣмъ дороги внутренней Россіи, слѣдовательно, сказать что-нибудь новое по этой части рѣшительно невозможно. Взглянувъ мимоходомъ на Берлинъ, который мнѣ показался, по внѣшнему виду, сродни нашему Петербургу,—я преблагополучно примчался въ Дрезденъ.

Князь жилъ во второстепенной и едва-ли не третьестепенной гостиницѣ „Вѣна" (Hotel de Vienne, Stade Vien), садъ которой расположенъ былъ по берегу Эльбы, что, кажется, и составляло существенную причину предпочтенія княземъ этой неблистательной гостиницы другимъ, несравненно болѣе блистательнымъ гостиницамъ, какъ, напр., Hotel de Sax, Hotel belle vue и др. Князь занималъ заднее отдѣленіе гостиницы, комнаты въ три, которое выходило прямо въ садъ. Въ саду былъ особый павильонъ, который занималъ Зиновьевъ, имѣвшій, такимъ образомъ, полную свободу для своихъ романическихъ похожденій. Тромповскій, больной уже, занималъ номеръ въ переднемъ отдѣленіи гостиницы, имѣвшемъ три этажа и выходившемъ на обширную площадь, оживленную самымъ суетливымъ и многолюднымъ движеніемъ дрезденскихъ обывателей. На этой площади стояла гауптвахта и предъ ней, каждый день, часовъ въ 12, при смѣнѣ караула, играла прекрасная полковая музыка.

Само собою разумѣется, что я пріѣхалъ въ ту же гостиницу, гдѣ жилъ князь и гдѣ мнѣ отвели милѣйшее помѣщеніе, милѣйшее не по великолѣпію, но по удобству и уютности. Я занялъ одну, довольно большую, комнату, необычайно умно раздѣленную какъ-то на-двое: одна половина представляла пріемную и кабинетъ, другая спальню и уборную. Окна этой комнаты выходили именно на ту веселую площадь, о которой я говорилъ. Камердинеру моему отвели особый маленькій номеръ, чрезъ коридоръ, и все это стоило только

талеръ, тогда какъ въ Петербургѣ такое удобное и милое помѣщеніе нельзя имѣть и за три рубля. Едва мы расположились кое-какъ, какъ началось облаченіе моей фигуры въ парадную форму со всѣми регаліями, которыми отечество меня украсило, для торжественнаго представленія князю; но лишь только кончилось убранство, какъ камердинеръ князя, именемъ его, объявилъ мнѣ, что мундирнаго блеска не нужно и чтобы я пожаловалъ къ князю просто въ сюртукѣ.

Перейдя дворъ гостиницы, чистый, какъ комната, и раздѣляющій переднее отдѣленіе, гдѣ я помѣстился, отъ задняго, которое занималъ князь, я отворилъ наружную дверь его помѣщенія и въ первой же комнатѣ увидалъ князя, лежащаго на диванѣ съ покрытыми, какъ и въ Тифлисѣ, ногами. Никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ я въ немъ не замѣтилъ, да, впрочемъ, и не ожидалъ ихъ найти. Удивительное дѣло! При самыхъ жестокихъ страданіяхъ прекрасное лицо князя весьма мало измѣнялось. Для самаго опытнаго наблюдателя, въ подобныхъ случаяхъ, могла быть замѣтна только незначительная мутность въ его великолѣпныхъ голубыхъ глазахъ. Нечего и говорить, что князь принялъ меня самымъ благосклоннымъ и радушнымъ образомъ, благодарилъ, что я пріѣхалъ, извинялся, что потревожилъ меня и поручилъ тотчасъ написать женѣ моей, что онъ долго меня не задержитъ и скоро отпуститъ. Первое наше свиданіе не было продолжительно: я передалъ ему бездну петербургскихъ поклоновъ; онъ передалъ мнѣ нѣсколько подробностей относительно своего лѣченія, руководимаго знаменитымъ (едва-ли не по шарлатанству только) Вальтеромъ. Затѣмъ, князь отпустилъ меня, любезно приглашая отдохнуть послѣ дороги.

Я тотчасъ бросился въ павильонъ, занимаемый Зиновьевымъ, и съ перваго взгляда на его обстановку, былъ рѣшительно пораженъ бездною самыхъ разнородныхъ франтовскихъ принадлежностей, которыя я нашелъ въ его уборной комнатѣ. Самого его я почти не узналъ. Неуклюжій, некрасивый, дурно одѣтый, тифлисскій офицеръ преобразился въ парижскаго франта. Пальто, пиджаковъ, жакетовъ, утреннихъ, вечернихъ, денныхъ, ночныхъ, свѣтлыхъ, темныхъ, длинныхъ, короткихъ было у него невообразимое количество. Однѣхъ пляпъ, какъ я говорилъ уже, была огромная коллекція. Веселый и свѣжій Зиновьевъ обрадовался мнѣ, радушно меня принялъ и согласно моей просьбѣ взялъ меня въ полное свое руководство по части разнородныхъ похожденій въ незнакомомъ нѣмецкомъ городѣ, гдѣ онъ, вообще страшно опытный по части заграничныхъ поѣздокъ, и, кажется, посѣтившій всѣ точки земнаго шара, плавалъ уже, какъ рыба въ водѣ. И я съ благодарностью долженъ сказать, что руко-

водство его было дѣйствительно столько же полезно, сколько и пріятно. Почти дня не проходило, чтобы я, вмѣстѣ съ другими заѣзжими въ Дрезденъ кавказцами, именно подъ командою Зиновьева, не совершалъ какихъ-нибудь загородныхъ поѣздокъ или другихъ увеселительныхъ предпріятій, украшенныхъ, большею частію, женскимъ участіемъ.

Я уже говорилъ, какъ силенъ былъ Зиновьевъ особенно въ этомъ отношеніи, учредивъ даже особенныхъ повѣренныхъ и коммиссіонеровъ, обязанныхъ зорко слѣдить за всѣми движеніями и передвиженіями въ мірѣ камелій высшаго сорта и доносить ему о всемъ замѣчательномъ. Понятно, что нравственность моя, какъ семейнаго человѣка, подвергалась сильнѣйшимъ искушеніямъ. Ясно видно было, что хорошенькимъ нѣмкамъ особенно было поручено атаковать меня и во что бы то ни стало низринуть въ бездну соблазна. Были признаки, что въ подобныхъ заговорахъ на мое грѣхопаданіе принималъ участіе самъ князь Александръ Ивановичъ, которому Зиновьевъ, за утреннимъ чаемъ, подробно разсказывалъ всѣ наши похожденія и который могъ дать ему нѣкоторыя, въ этомъ отношеніи, инструкціи. Существенный признакъ заключался, между прочимъ, въ томъ, что Зиновьевъ изъ кожи лѣзъ, чтобы совратить меня, и съ обычною своею горячностью доказывалъ мнѣ, почти ежедневно, до какой степени неблагородно, подло даже, по его мнѣнію, проводить цѣлый вечеръ съ хорошенькой женщиной и не доводить дѣло до конца, что̀, по мнѣнію его, столь опытнаго въ подобныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, составляло сильнѣйшее для нея оскорбленіе, котораго не долженъ допускать ни одинъ порядочный человѣкъ. Свирѣпыя эти рѣчи я слушалъ съ подозрительной улыбкой и прямо говорилъ: „вишь, какъ старается человѣкъ! Въ самомъ дѣлѣ досадно, что никакъ не можетъ исполнить порученія высшаго начальства. Успокойтесь! Не удастся вамъ съ княземъ совратить меня съ нравственнаго пути. Я удивлю васъ, грѣховодниковъ, чистотою своихъ правилъ!“ „Да, очень намъ нужно съ княземъ хлопотать объ этакой телятинѣ“, уклончиво отвѣчалъ Зиновьевъ: „дѣло въ томъ, что такое поведеніе гадко и недостойно порядочнаго человѣка!“

Извѣстно, что князь любилъ женщинъ. Несмотря на то, что онъ числился по спискамъ больнымъ, намъ говорили нѣкоторыя хорошенькія женщины, что были у него. Что касается до меня, то намѣреніе князя, предполагаемое, впрочемъ, совратить меня проистекать могло просто изъ шаловливыхъ затѣй, отъ которыхъ князь былъ всегда не прочь, а быть можетъ изъ желанія дѣйствительно поколебать мои дѣйствительно чистыя до глупости отношенія къ семейству и тѣмъ самымъ сдѣлать разлуку мою съ нимъ, какъ въ настоящемъ

случаѣ, такъ и въ другихъ будущихъ случаяхъ, которые прозорливый князь быть можетъ уже предвидѣлъ, менѣе тягостною. Усиліе Зиновьева и соблазны натравленныхъ на меня женщинъ остались, однако, безплодными, и послѣ одной бурной ночи, когда и эти усилія, и эти соблазны дѣйствовали съ наибольшею энергіею, князь, вѣроятно, выслушавъ донесеніе Зиновьева, разрушавшее окончательно всѣ разсчеты, какъ-то полушутливо, полусерьезно сказалъ мнѣ: „однако, знаете ли что? Я долженъ написать вашей женѣ о вашемъ неприличномъ поведеніи. Вы всѣ ночи проводите съ женщинами. Мнѣ еще достанется отвѣчать за васъ предъ вашей женой. Я не зналъ, что вы такой развратникъ!“ „Жена знаетъ меня“, отвѣчалъ я, „да и Василій Васильевичъ (Зиновьевъ) можетъ засвидѣтельствовать о моихъ добродѣтеляхъ“. „Разсказывайте!“ весело продолжалъ князь, „я тоже думалъ, что вы солидный человѣкъ; но что Зиновьевъ про васъ разсказываетъ—это просто ужасъ!“.

Кромѣ Зиновьева, въ свитѣ князя, къ несказанному моему удивленію, оказался другой франтъ, въ которомъ еще труднѣе было узнать одного изъ старыхъ моихъ пріятелей. Тотъ самый осетинъ, который всегда представлялся мнѣ въ громаднѣйшей папахѣ почти на бритой головѣ, вѣчно въ костюмѣ линейныхъ казаковъ, съ узкими азіатскими глазами и нѣсколько выдавшимися скулами, осетинъ, едва говорившій по-русски ломанымъ языкомъ, тотъ самый Гиго, любимецъ князя, которому приписываютъ похищеніе Да—ой изъ Одессы, предсталъ предо мною въ элегантномъ пиджакѣ, съ отложными воротничками, въ изящной маленькой шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Я долго смотрѣлъ на его улыбающуюся фигуру, прежде чѣмъ узналъ въ ней конвойнаго казака—Гиго. Въ новомъ костюмѣ онъ былъ недуренъ и даже интересенъ, именно азіатскимъ характеромъ своей личности. Этого мало. Оказалось, что онъ уже успѣлъ подружиться съ прусскимъ королемъ. Какъ это случилось: князь ли представлялся королю, сопровождаемый Гиго, или король навѣстилъ князя и замѣтилъ эту эффектную личность въ эффектномъ костюмѣ кавказскаго линейнаго казака, я ужъ не помню, хотя въ то время мнѣ подробно объ этомъ разсказывали; помню только тотъ несомнѣнный фактъ, что Гиго чрезвычайно понравился его величеству и былъ выпрошенъ у князя на нѣкоторое время. Все это время Гиго жилъ во дворцѣ, постоянно находился въ свитѣ короля и вообще былъ предметомъ самаго любезнаго вниманія. Когда король взялъ его съ собою на какіе-то маневры, всѣ нѣмецкіе воины смотрѣли на него, какъ на чудо: до такой степени онъ поразилъ ихъ своимъ отчаяннымъ джигитствомъ на конѣ и различными штуками, которыя ни въ какомъ циркѣ видѣть нельзя. Въ Дрезденъ онъ пріѣхалъ изъ Берлина, только-что

25-9.55

предъ моимъ пріѣздомъ, обласканный какъ королемъ, такъ и вообще пруссаками, и здѣсь уже замѣнилъ свой воинственный костюмъ франтовскими пиджаками.

Бѣднаго Тромповскаго я нашелъ въ постели. Въ моментъ моего пріѣзда, никто еще не предвидѣлъ той опасности, которая его ожидала, такъ что я, при свиданіи съ нимъ, шутливо, укорялъ его, что онъ позволяетъ себѣ лежать и нѣжиться при такой вздорной болѣзни, и требовалъ настоятельно, чтобы онъ немедленно вставалъ и принялъ дѣятельное участіе въ исполненіи обширныхъ плановъ, которые мы съ Зиновьевымъ тотчасъ проектировали по части веселаго препровожденія времени. И въ самомъ дѣлѣ можно ли было думать, что одно простое разстройство желудка, произведенное нѣмецкою капустою, сведетъ въ могилу такого богатыря, какъ толстый и громадный Тромповскій? И сведетъ въ могилу въ то время, когда эта, казалось, пустѣйшая болѣзнь была въ рукахъ такого знаменитаго изъ знаменитыхъ доктора, какимъ считался въ то время, а можетъ быть считается и теперь, Вальтеръ? Я, конечно, не могу судить, хорошо или дурно лѣчилъ Вальтеръ Тромповскаго, но справедливость требуетъ сказать, что уходъ, учрежденный имъ за больнымъ, не оставлялъ желать ничего болѣе. Начать съ того, что самъ Вальтеръ, ежедневно посѣщавшій князя, постоянно отъ него шелъ прямо къ Тромповскому; этого мало: въ теченіе дня нѣсколько разъ посѣщалъ больнаго одинъ изъ главныхъ помощниковъ Вальтера, спеціально приставленный, такъ сказать, къ Тромповскому; кромѣ того, при немъ постоянно, безотлучно, день и ночь, находились, во-первыхъ, какая-то личность, въ родѣ фельдшера, или лѣкарскаго помощника, которая слѣдила за всѣми малѣйшими явленіями въ состояніи больнаго и ходѣ болѣзни и докладывала свои замѣчанія по принадлежности помощнику Вальтера и самому Вальтеру, и, во-вторыхъ, добрѣйшая, хотя нѣмецкой формы, старушка, въ родѣ нашей сидѣлки, которая вѣчно торчала подлѣ постели Тромповскаго. Несмотря на эту роскошную въ своемъ родѣ обстановку, дѣло шло хуже и хуже, но, повторяю, при моемъ пріѣздѣ въ Дрезденъ, и я, и другіе думали, что все это вздоръ и Тромповскій скоро оправится, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, можно было замѣтить, что въ улыбкѣ его, съ которою онъ слушалъ мои настоянія скорѣе вставать и заняться исполненіемъ веселыхъ предпріятій, было что-то до крайности грустное и даже зловѣщее...

Само собою разумѣется, что я спѣшилъ, прежде всего, ознакомиться съ городомъ и всѣми мѣстными его условіями. Невообразимая внѣшняя чистота его, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ нашимъ Петербургомъ, чрезвычайно поразила меня. На улицахъ, буквально,

можно булавку найти, если вы ее потеряли. Дворы домовъ чисты, какъ комнаты. Когда я высказывалъ свои впечатлѣнія по этой части князю, онъ замѣтилъ: „чудесный городъ; видно, что нѣмцы давно здѣсь живутъ и хорошо устроились". Для выраженія степени этой чистоты достаточно привести слѣдующій случай. Чрезъ нѣсколько дней послѣ меня пріѣхалъ въ Дрезденъ пріятель мой Харитоновъ и привезъ съ собою свое семейство, предполагая отправить его далѣе, на какія-то минеральныя воды. Онъ занялъ комнаты въ верхнемъ этажѣ, прямо надо мною. Одинъ изъ его маленькихъ сыновей лежалъ на открытомъ окнѣ и смотрѣлъ на площадь, кипѣвшую народомъ. По русскому обычаю онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и плюнулъ внизъ. Почти въ то же мгновеніе является въ номеръ, занимаемый семействомъ Харитоновыхъ, какой-то градскій стражъ или коммиссаръ и требуетъ за эту великороссійскую штуку штрафа десять талеровъ. Бѣдный Харитоновъ страшно переполошился и едва отдѣлался отъ этого представителя объясненіями, что это произошло отъ дѣтской неопытности, незнанія мѣстныхъ распорядковъ и т. п. и увѣреніями, что впередъ такихъ штукъ не будетъ.

Окрестности Дрездена восхитительны, нѣкоторыя изъ нихъ даже называются Саксонскою Швейцаріею! Нечего и говорить, что эти окрестности мы исколесили по всѣмъ направленіямъ. Независимо отъ ежедневныхъ почти поѣздокъ, то въ ту, то въ другую сторону, я часто, по утрамъ, дѣлалъ по десяти верстъ по шоссе, обсаженному великолѣпными деревьями и потому похожему не столько на простую дорогу, сколько на садовую аллею. При этихъ-то прогулкахъ я видѣлъ, какъ аккуратные нѣмцы, отнявъ свободу у бѣдныхъ собакъ, бѣгающихъ у насъ, когда и сколько угодно, перевозили на нихъ различныя тяжести; какъ работникъ, разбивающій, напр., камень для ремонтированія шоссе, вооружался огромными синими очками; какъ штукатуръ или маляръ какой-нибудь, приставляя къ дому лѣстницу, укрѣплялъ ее внизу въ землю придѣланными къ лѣстницѣ желѣзными острыми шипами; какъ, наконецъ, извозчикъ, влекущій на тощей клячѣ свои „дрошкенъ", при малѣйшемъ наклоненіи дороги внизъ начиналъ вертѣть придѣланную къ козламъ пружину, замѣняющую нашъ тормозъ и т. п. Вообще все, что бросалось въ глаза по части внѣшней обстановки Дрездена и его общественной жизни, говорило, прежде всего, о необыкновенной чистотѣ и аккуратности. Дрезденскія гостиницы, напр., за исключеніемъ, разумѣется, той, въ которой мы съ княземъ помѣщались, такія гостиницы, какъ Hotel de Saxe, Hotel Bellevue—прелесть.

Надо замѣтить, что Дрезденъ по части красоты много обязанъ разрѣзывающей его прекрасной быстрой Эльбѣ. Знаменитый мостъ

чрезъ эту рѣку, разрушенный нѣкогда французами, представляетъ грандіозное сооруженіе. Вообще въ Дрезденѣ много прекрасныхъ сооруженій, какъ, напр., дворецъ, знаменитая Дрезденская галлерея, театръ, церковь и пр. Прямо отъ моста возвышается не менѣе знаменитая терраса Брюля, и я сомнѣваюсь, что бы было гдѣ-нибудь и что-нибудь подобное. Возвышаясь надъ Эльбою, засаженная столѣтними деревьями, открывающая великолѣпные виды во всѣ стороны, Брюллевская терраса составляетъ центръ, куда стекаются и коренные граждане Дрездена, и путешественники, въ ряду которыхъ первенство, по крайней мѣрѣ, по количеству, безъ сомнѣнія, принадлежитъ русскимъ. Посреди Эльбы, именно посреди, а не у береговъ ея, какъ у насъ, построено нѣсколько купаленъ, расположенныхъ чрезвычайно остроумно. Въ срединѣ находится общій большой бассейнъ, гдѣ можно плавать. Кругомъ этого бассейна расположено множество отдѣльныхъ номеровъ.

Перевозчики, на маленькихъ, чистенькихъ лодкахъ, берутъ васъ съ берега, подвозятъ къ купальнямъ, и когда вы выкупаетесь — доставляютъ васъ обратно на берегъ. Вообще, вспоминая всѣ эти подробности, я и теперь испытываю величайшее удовольствіе. Время проведенное мною тамъ, оставило во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе.

День мой, когда я былъ свободенъ,—а я былъ свободенъ большею частью,—начинался съ того, что я отправлялся въ купальню, бралъ себѣ отдѣльный номеръ и полоскался тамъ, сколько душѣ угодно. Возвратившись въ гостиницу и приведя свою персону въ должный порядокъ, я являлся на короткое время (разумѣется, когда не было занятій) къ князю и затѣмъ, вольной птицей, или пускался по живописнымъ окрестностямъ, или, съ каталогомъ въ рукахъ, углублялся въ Дрезденскую галлерею и вмѣстѣ съ другими благоговѣйно стоялъ предъ „Сикстинской Мадонной“ или, если былъ праздникъ — шелъ въ церковь, садился вмѣстѣ съ нѣмцами на скамью и слушалъ великолѣпную музыку и великолѣпное пѣніе, стараясь удерживать на лицѣ самое набожное выраженіе, потому что швейцаръ при этой церкви былъ самый свирѣпѣйшій изъ всевозможныхъ швейцаровъ, распоряжался посѣтителями, какъ стадомъ барановъ, и на моихъ глазахъ многихъ выводилъ за сколько-нибудь громкое слово, за малѣйшую улыбку и т. п.

Вопросъ объ обѣдахъ составлялъ наиважнѣйшій вопросъ въ нашей средѣ и почти ежедневно подвергался многостороннему обсужденію. Но я прежде скажу объ обѣдахъ, такъ сказать, домашнихъ, которыми первое время угощали меня въ гостиницѣ. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, меня предупредили, что общій столъ, такъ называе-

мый „table d'hote",—мерзость мерзостью, и потому я объявилъ, что буду обѣдать въ своей комнатѣ. Послѣ перваго же обѣда я убѣдился въ полнѣйшемъ разладѣ русскихъ обычаевъ по этой части съ обычаями нѣмецкими. Меня поразило, прежде всего, странное качество и невообразимое количество блюдъ, составлявшихъ этотъ обѣдъ. По части качества все было какъ-то мелочно и плоховато. Подаютъ вамъ, напр., мерзѣйшій супъ, до котораго вы если и дотрогиваетесь, то единственно въ томъ разсчетѣ, чтобы не оскорбить автора; подаютъ вамъ, напр., кусокъ говядины и при этомъ на десяти особыхъ маленькихъ тарелочкахъ разной дряни, въ видѣ принадлежностей. Пирожныхъ предлагалось безчисленное множество. Однимъ словомъ, чтобы имѣть дѣло съ нѣмецкими обѣдами, надобно имѣть, во-первыхъ, нѣмецкій желудокъ и, во-вторыхъ, и это главное, нѣмецкое умѣнье обращаться съ ними. Само собою разумѣется, что я не имѣлъ ни того, ни другаго и потому, поглотивъ въ началѣ обѣда нѣсколько блюдъ съ русскимъ азартомъ, я въ срединѣ уже обѣда становился втупикъ и не только безъ аппетита, но даже непріязненно смотрѣлъ на множество маленькихъ тарелочекъ, постоянно и безконечно являющихся и исчезающихъ предъ моими глазами. Мнѣ казалось, что слуга, занимавшійся этими превращеніями, какъ-то насмѣшливо посматривалъ на меня. Чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, я прямо объявилъ хозяину, что никакъ не могу одолѣвать его обѣдовъ, и требовалъ, чтобы размѣръ ихъ убавленъ былъ, по крайней мѣрѣ, на половину. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что обѣдъ, который онъ присылалъ мнѣ, стоитъ талеръ и пятнадцать грошей и что на будущее время онъ будетъ присылать мнѣ обѣдъ только въ одинъ талеръ; на томъ мы и порѣшили. Но немного уже довелось ему пріобрѣсти выгоды по этой статьѣ, потому что мы, довольно значительной семьей, составившейся изъ меня, Зиновьева, князя Мірскаго, Новосельскаго, Дорогобужинова и др., учредили очередные обѣды, то въ той, то въ другой гостиницѣ, и обѣды эти большею частію располагались уже не по нѣмецкой программѣ, но по нашимъ заблаговременнымъ указаніямъ.

Послѣобѣденное время, какъ я говорилъ уже, посвящалось большею частію загороднымъ поѣздкамъ, которыя обходились не дешево и, главное, потому что при общей дрезденской дешевизнѣ наемные экипажи тамъ,—удивительное дѣло!—стоили очень дорого. Коляски, которыми мы исключительно пользовались, стоили талеръ въ часъ, такъ что за время отъ 5 до двѣнадцати, а зачастую и до двухъ часовъ мы постоянно платили отъ 7 до 10 талеровъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда поѣздки эти не составлялись почему-либо, мы шли въ театръ. Именно въ Дрезденѣ я слышалъ прекрасно исполненную

оперу Вагнера „Ріензи“ и великолѣпнаго пѣвца Тихачека, который въ это время былъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, потому находился на закатѣ своей славы. Харитоновъ, какъ спеціалистъ музыкальнаго дѣла, утверждалъ, что дрезденскій оркестръ просто чудо и по совершенству своему не уступитъ нашему петербургскому. Когда не было ни театра, ни поѣздки—неизмѣннымъ пристанищемъ нашимъ была дивнѣйшая Брюллевская терраса, гдѣ постоянно толпились массы народа и гдѣ, въ особомъ вокзалѣ, вѣчно гремѣла музыка. Въ самомъ вокзалѣ и на площадкѣ, находящейся предъ нимъ, находилось безчисленное множество маленькихъ столиковъ, окруженныхъ стульями. На стульяхъ сидѣли нѣмцы и нѣмки, на столахъ стояли кружки съ пѣнящимся пивомъ. Мы платили нѣсколько грошей за входъ, занимали маленькіе столики и пили, въ меньшей степени, пиво, и въ большей—шампанское!

Именно шампанское заставляетъ меня, послѣ изображенія внѣшнихъ прелестей Дрездена, сказать нѣсколько словъ о туземномъ народѣ и томъ уровнѣ, на которомъ онъ стоитъ. Въ первый день моего прибытія туда, переѣзжая со станціи желѣзной дороги въ гостиницу, я замѣтилъ какое-то громадное зданіе, съ громадною надписью: „фабрика шампанскаго!“ Сгоряча я не понялъ даже, что это такое? Я даже думалъ, что не ошибся ли я? Но потомъ мнѣ объяснили, да я и самъ, страшный любитель шампанскаго, собственными опытами убѣдился, что въ Дрезденѣ, во всѣхъ гостиницахъ, только и подаютъ, что туземное фабричное шампанское! Въ какой степени относится фабричное шампанское къ настоящему, въ такой точно степени дрезденскій народъ, по моимъ наблюденіямъ, относится къ нашему петербургскому народу. Совѣстно сказать, но всѣ туземцы показались мнѣ какими-то сапожниками, мастеровыми. Невѣроятное дѣло! но мнѣ положительно не случалось встрѣтить какого-нибудь джентльмена, въ родѣ тѣхъ, которые ежедневно толпами расхаживаютъ у насъ по Невскому. Быть можетъ, это случилось и оттого, что по случаю лѣтняго времени весь высшій свѣтъ разъѣхался по дачамъ и чужимъ землямъ. Дрезденскія женщины—ужасъ! Гадкія, старыя, большею частію, въ отвратительныхъ костюмахъ съ какими-то лопухами на головахъ, вмѣсто тѣхъ великолѣпныхъ шляпъ, которыя были тогда въ модѣ. Случалось нерѣдко, что, сидя въ вокзалѣ Брюллевской террасы и не зная, на какой физіономіи остановить свой взоръ, потому что всѣ онѣ одинаково пошлы и ничуть не привлекательны, вдругъ замѣтишь оживленную группу прелестныхъ женщинъ, въ прелестныхъ нарядахъ, въ шляпахъ, съ перьями на головѣ, группу, на которую всѣ нѣмцы съ удивленіемъ уставили свои глаза. „Наконецъ-то“, думаешь, „вотъ онѣ, настоящія-то саксонки, хорошаго тона и обще-

ства!" Приближаешься къ группѣ, чтобъ ближе разсмотрѣть это рѣдкое явленіе, и слышишь русскую рѣчь, видишь оживленныя, прекрасныя лица, видишь смѣющіяся уста и горящіе глаза, однимъ словомъ, видишь съ восторгомъ нашихъ русскихъ женщинъ, едва-ли не самыхъ великолѣпныхъ женщинъ въ мірѣ!

Въ Дрезденѣ я только сознадъ неизмѣримое превосходство русскихъ предъ нѣмцами и искренно гордился тѣмъ, что я, благодареніе Богу, русскій, а не нѣмецъ! И, боюсь, что не повѣрятъ мнѣ, это гордое сознаніе, должно быть, до такой степени сильно и рельефно выражалось во всей моей фигурѣ, что, когда я шелъ по улицѣ, нѣмцы положительно уступали мнѣ дорогу и иногда посматривали мнѣ въ слѣдъ...

До какой степени русскій человѣкъ, по натурѣ своей, превосходствуетъ предъ нѣмцемъ, укажу на отношенія моего камердинера и камердинера Харитонова, простыхъ русскихъ лакеевъ, рѣшительно не знавшихъ и не понимавшихъ ни одного нѣмецкаго слова, къ новой средѣ, въ которой они находились. Начать съ того, что они умѣли какъ-то взять въ свою команду всю прислугу гостиницы и распоряжались ею, какъ обыкновенно распоряжается барскій камердинеръ второстепенною прислугою въ господскомъ домѣ. Однимъ словомъ, наши люди были, какъ у себя дома, и мы точно также отдавали имъ различныя приказанія, какъ въ Петербургѣ. Ни мы, ни они, какъ будто не замѣчали, что мы окружены сплошь да рядомъ нѣмцами, которые ихъ не понимали и которыхъ они не понимали. Какъ это они устраивались—уму непостижимо. По крайней мѣрѣ, не было ни одного случая, гдѣ бы данное мною камердинеру приказаніе не было исполнено, или было исполнено не такъ, вслѣдствіе того, что мы находились среди нѣмцевъ. Тутъ мнѣ стало понятно, что какая-нибудь ярославская старуха добирается до Іерусалима, проходя разныя чужія земли и прорѣзывая поселенія невѣрныхъ народовъ. Отъ этого происходило, что я самъ лично, тоже незнатокъ нѣмецкаго языка, избѣгалъ всевозможно непосредственныхъ сношеній съ нѣмцами и старался предоставлять ихъ умѣнію и искусству моего Василья. Такъ, напр., отправляясь ежедневно купаться, я постоянно бралъ его съ собою, не столько для услуги, сколько именно для переговоровъ, во-первыхъ, съ лодочниками, которые перевозили насъ съ берега въ купальню и обратно и, во-вторыхъ „съ мадамой", какъ называлъ мой Василій ту нѣмку, которая заправляла внутренними распорядками въ купальнѣ. Переговоры эти шли у него чрезвычайно успѣшно, хотя связаны были съ денежными разсчетами, что, казалось, дѣлало ихъ болѣе затруднительными. Я помню, что однажды, при нашемъ возвращеніи на берегъ, Василій мой бойко бросилъ, ни слова не

говоря, нѣсколько монетъ лодочнику. „Чортъ знаетъ“, подумалъ я, „что онъ это ему кидаетъ? Быть можетъ, очень мало или очень много!“ Изъ любопытства я спросилъ его: „Василій! сколько ты далъ лодочнику?“ „Восемь финиковъ!“ бойко отвѣчалъ онъ, какъ будто рѣчь шла о нашихъ восьми копѣйкахъ. Что это еще за финики? подумалъ я про себя и по нѣкоторомъ размышленіи догадался, что это должно быть „пфенниги“, какая-то крошечная нѣмецкая монетка. „Да, быть можетъ, это мало!“ замѣтилъ я. „Да мы съ нимъ ужъ говорили, онъ сказалъ, что довольно!“ отвѣчалъ Василій. Какъ они ужъ между собою говорили—я не разспрашивалъ.

Едва-ли нужно говорить, что на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ на пути въ Дрезденъ и обратно всѣ распоряженія и сношенія съ нѣмцами, заправляющими этими станціями, я предоставлялъ тому же Василію. „Нужда научитъ калачи ѣсть!“ замѣтятъ мнѣ на это, можетъ быть. „Баринъ приказываетъ, надобно такъ или этакъ исполнить приказаніе!“ Положимъ, что и такъ, положимъ, что дѣйствительно необходимость заставляетъ ухитряться каждаго человѣка, будь онъ русскій или нѣмецъ даже. Но позвольте представить вашему вниманію слѣдующее обстоятельство. Надо прежде замѣтить, что въ гостиницѣ, гдѣ мы жили, прислуга раздѣлялась на двѣ половины: мужскую и женскую. Мужская прислуга имѣла обязанности, такъ сказать, представительныя. Такъ, напр., она подавала чай, служила за столомъ и т. п. На женской прислугѣ лежали обязанности, такъ сказать, внутренняго хозяйства: она убирала комнаты, перемѣняла бѣлье и т. п. Женская прислуга численностью значительно превосходила мужскую. Женщины безпрерывно шныряли по нашимъ комнатамъ, то за тѣмъ, то за другимъ. Это были, большею частію, молодые, но вовсе непривлекательные экземпляры. Не такъ, однако, смотрѣли на нихъ наши люди. Возвращаясь откуда-нибудь въ свою гостиницу, мы постоянно находили толпу этихъ женщинъ въ сообществѣ съ нашими камердинерами и постоянно въ самомъ веселомъ настроеніи. Тутъ, согласитесь, никакой гнетущей необходимости уже не было; было единственно собственное произволеніе и проявленіе несомнѣнныхъ талантовъ русскаго человѣка понимать всѣ языки и заставлять понимать себя всѣ народы. Проводить цѣлые вечера съ нѣмками, ни слова не зная по-нѣмецки—это вещь поразительная! Слышно было, что нѣмкамъ такъ нравилось общество „нашихъ кавалеровъ“, что хозяйка, т. е. жена хозяина, должна была, и не одинъ разъ, внезапно являясь, среди веселой компаніи разгонять пощечинами „милыхъ дамъ“.

Къ сожалѣнію, на-ряду съ этими несомнѣнными талантами проявились и подловатыя черты простаго русскаго человѣка—черты наду-

вательства всюду и во всемъ, гдѣ только можно надуть. Довольно долго спустя послѣ нашего возвращенія изъ Дрездена, когда мы съ Харитоновымъ жили въ Петербургѣ, слѣдя за романическими похожденіями нашего князя, мой добрый пріятель Харитоновъ сталъ получать изъ Дрездена какія-то слезливыя нѣмецкія письма. Эти письма трогательно повѣствовали, что коварный камердинеръ Харитонова обольстилъ одну изъ этихъ довѣрчивыхъ женщинъ, обѣщалъ выписать ее въ Петербургъ и жениться на ней, а между тѣмъ, какъ только уѣхалъ изъ Дрездена, забылъ ее, и она, купно съ плодомъ любви, ввергнута такимъ вѣроломствомъ въ пучину несчастій. Впрочемъ, Харитоновъ не имѣлъ рѣшительно никакой возможности извлечь ее изъ этой пучины, потому что еще до полученія этихъ слезливыхъ писемъ—камердинеръ его, обнаружившій и другія прелестныя качества, былъ уже прогнанъ...

Но пора перейти къ дѣловой сторонѣ моей заграничной поѣздки. На другой день моего прибытія я передалъ князю все, что находилъ нужнымъ для того, чтобы вѣрнѣе и опредѣлительнѣе обрисовать дѣйствительныя отношенія къ нему Петербурга въ ту минуту. Князь внимательно слушалъ и по обыкновенію „моталъ себѣ на усъ“. Послѣдствія показали, что многія черты моихъ разсказовъ особенно рельефно засѣли въ его памяти. Такъ, напр., на него сильно подѣйствовало выраженное Милютинымъ удивленіе, что добрый государь не сердится за то, что князь не отвѣчаетъ на собственныя письма его величества. Съ его пылкимъ воображеніемъ, всегда забѣгающимъ впередъ, обращаясь потомъ много разъ къ этому предмету, князь выражалъ положительное безпокойство, что „государь сердится“, и мнѣ надо было каждый разъ доказывать, что сердится ли государь, или не сердится, это не извѣстно, но что Милютинъ выразилъ только удивленіе, что государь не сердится. „Ну если уже Милютинъ такъ говоритъ“, замѣчалъ князь, „значитъ, что государь сердится“. Разсказы о воззрѣніяхъ Буткова и о той запискѣ, на которой будто бы государь сдѣлалъ знаменательную резолюцію относительно раздачи кавказскихъ земель, произвели на него, видимо, непріятное впечатлѣніе и вызвали съ его стороны суровое замѣчаніе, что „это все вздоръ“. Князь всегда такъ говорилъ, когда что-нибудь ему не нравилось. Потомъ началось обсужденіе знаменитаго Мингрельскаго дѣла, для котораго, какъ оказалось, я преимущественно и былъ вызванъ.

Надобно, прежде всего, замѣтить, что по этому дѣлу князь сильно былъ вооруженъ противъ кавказскаго комитета и вообще противъ Петербурга тѣми мнѣніями и соображеніями, которыя доставлены были ему изъ Тифлиса. И удивительное дѣло! На этомъ поприщѣ

болѣе всѣхъ подвизался скромный и недѣловитый Кру—нъ, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать такой прыти. Высылая князю толстѣйшія тетради съ подробнымъ изложеніемъ существа дѣла, изложеніемъ, сдѣланнымъ столь же топорно, сколько и не удобопонятно, Кр—нъ доказывалъ, что рѣшеніе кавказскаго комитета компрометтируетъ и роняетъ власть и достоинство намѣстника. Этого было достаточно для гордаго князя. Для него было достаточно одного замѣчанія въ этомъ отношеніи со стороны Кр—на, ибо, по своему обычаю, въ мнѣніи Кр—на князь читалъ мнѣніе всей страны. Такимъ образомъ, въ Мингрельскомъ дѣлѣ князь видѣлъ роковой для себя вопросъ: „быть или не быть?“.

При такомъ раздраженномъ настроеніи наши обоюдныя совѣщанія, съ перваго же шагу, пошли очень дурно. Князь плавалъ въ высшихъ соображеніяхъ и сердито говорилъ: „Государь можетъ меня прогнать, если я дѣлаю глупости; но когда я, его намѣстникъ, и сижу на мѣстѣ, нельзя говорить цѣлой странѣ, что мой намѣстникъ у васъ дуракъ!“ Я же, съ своей стороны, старался свести его изъ этихъ облаковъ и привлечь на почву самаго дѣла и показать, что въ немъ нѣтъ ничего особенно чрезвычайнаго. Но мои усилія въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ первое время, не имѣли никакого успѣха и совершенно разбивались о предубѣжденія князя. Начать съ того, что, не привыкнувъ читать толстыхъ, дѣловыхъ тетрадей, онъ не такъ понялъ тетради, высланныя ему изъ Тифлиса, и приводилъ факты, не существующіе въ дѣлѣ. Я возражалъ, что сущность дѣла не представляетъ такихъ фактовъ. Князь сердился. Я продолжалъ доказывать ему, что, если онъ не выслушаетъ меня и не уяснитъ себѣ—въ чемъ именно заключается спорная сторона дѣла, князь не можетъ дать вѣрнаго направленія ему. Споръ принималъ непріятный характеръ; но я считалъ своею обязанностью удержать князя, во что бы то ни стало, отъ промаха въ такомъ важномъ дѣлѣ, что̀ и высказывалъ ему довольно рѣзко.

„Во всякомъ случаѣ“, продолжалъ князь, „кавказскій комитетъ не смѣлъ рѣшить этого дѣла безъ меня; что они въ немъ смыслятъ? Онъ обязанъ былъ свое рѣшеніе прежде прислать мнѣ, какъ онъ и дѣлалъ по другимъ важнымъ дѣламъ!“ Къ несчастію, князь и здѣсь спуталъ понятія. Дѣйствительно, случалось, что по нѣкоторымъ дѣламъ кавказскій комитетъ, собравъ мнѣнія различныхъ министерствъ, передавалъ эти мнѣнія, прежде окончательнаго рѣшенія дѣла, на заключеніе князя. Сосредоточивая все свое вниманіе на предстоящей борьбѣ съ кавказскимъ комитетомъ, князь припомнилъ подобные случаи и представилъ себѣ, что кавказскій комитетъ самыя рѣшенія свои по важнѣйшимъ дѣламъ присылалъ предварительно къ нему на его

одобреніе и что такъ точно онъ долженъ былъ поступить и въ Мингрельскомъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что я энергически доказывалъ, что этого никогда не было, да и быть не могло, что къ нему присылались предварительно заключенія различныхъ министерствъ, но не самыя постановленія кавказскаго комитета и что если бы такъ было, то выходило бы, что не онъ, какъ намѣстникъ, представляетъ свои мнѣнія и предположенія кавказскому комитету, а, наоборотъ, комитетъ дѣлаетъ свои представленія ему, какъ кавказскому намѣстнику. Князь спорилъ и горячился. Съ своей стороны, и я проявилъ невиданное дотолѣ упорство.

Я очень хорошо понималъ, что уступить князю и согласиться съ нимъ значило ввести его же самого въ величайшій скандалъ. Я доказывалъ ему, что такая открытая борьба съ цѣлымъ кавказскимъ комитетомъ поставитъ самого государя въ большое затрудненіе, ибо для него трудно будетъ, не говоря уже о собственномъ его утвержденіи новаго рѣшенія дѣла, принесть, такъ сказать, въ жертву цѣлый сонмъ государственныхъ людей одному князю. Я доказывалъ, что для выигрыша дѣла надобно непремѣнно отнестись къ высочайше утвержденному мнѣнію кавказскаго комитета почтительно и наши мѣры представить, не какъ протестъ, но какъ наилучшій способъ исполненія этого самаго постановленія, способъ, соглашенный съ различными мѣстными обстоятельствами. Князю непріятно было видѣть, что его воззрѣнія разбиваются одни за другими; князю, въ его величіи, рѣшительно невозможно было сознаться, что онъ ошибался и что мой планъ гораздо практичнѣе. Поэтому онъ выражалъ величайшее нетерпѣніе при изложеніи моихъ доводовъ, спорилъ, горячился, такъ что первое совѣщаніе наше кончилось страшно неудачно, почти ссорой.

Разстались мы очень холодно. Для князя, конечно, тяжело было видѣть, что человѣкъ, на котораго онъ совершенно полагался, котораго онъ и выписалъ единственно за тѣмъ только, чтобы придуманное имъ направленіе блистательно изложить на бумагѣ, вдругъ протестуетъ противъ этого направленія и протестуетъ такъ упорно, какъ никогда. Но я сильно вѣрилъ въ свѣтлый умъ князя; я зналъ, что въ его „кухнѣ“, какъ онъ называлъ свою голову, переварится все, что мною сказано, и онъ непремѣнно пойметъ, что правда на моей сторонѣ; я зналъ также, что онъ обратитъ вниманіе и на то, что я, всегда внимательный и почтительный, возвышаю голосъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, представляющихъ положительную опасность сбиться съ прямаго пути. Прошло нѣсколько дней, по правдѣ сказать, не совсѣмъ пріятныхъ. Мнѣ тяжело было видѣть затруднительное положеніе князя, въ которое, нѣкоторымъ образомъ, я же его по-

ставилъ. Онъ уже ни слова не говорилъ о Мингрельскомъ дѣлѣ и продолжалъ, повидимому, переваривать совершенно новыя воззрѣнія на него, которыя я ему изложилъ. Такое натянутое состояніе скоро мнѣ надоѣло. Въ одно прекрасное утро я явился къ князю и сказалъ ему: „не признаете ли, ваше сіятельство, въ ожиданіи скораго пріѣзда Владиміра Петровича, полезнымъ заготовить проектъ всеподданнѣйшаго доклада по Мингрельскому дѣлу? По прибытіи его, ваше сіятельство, можете показать нашъ проектъ Владиміру Петровичу и обязать его поддерживать нашу сторону". Предложеніе это князю чрезвычайно понравилось; онъ благодарилъ меня и тотчасъ передалъ мнѣ, во-первыхъ, кучу писемъ, тетрадей и различныхъ бумагъ, присланныхъ ему по этому дѣлу изъ Тифлиса и, во-вторыхъ, различныя карандашовыя замѣтки, сдѣланныя на отдѣльныхъ листахъ собственною его рукою.

Къ величайшему удивленію, изъ этихъ замѣтокъ оказалось, что главнымъ виновникомъ порчи Мингрельскаго дѣла князь признавалъ добрѣйшаго Владиміра Петровича. Въ замѣткахъ этихъ высказывалась та мысль, что основанія Мингрельскаго дѣла, т. е. удаленіе изъ Мингреліи малолѣтняго владѣтеля съ матерью и введеніе тамъ русскаго управленія въ тѣхъ видахъ, чтобы владѣтель и по достиженіи совершеннолѣтія не имѣлъ уже ни основанія, ни интереса вступать въ личное управленіе этою страною и такимъ образомъ окончательно отказался отъ нея, предпочитая спокойно получать хорошее содержаніе отъ государства,—составляли государственную тайну, которая извѣстна была только государю и Буткову и которую князь не имѣлъ права обнаруживать предъ кавказскимъ комитетомъ, и что поэтому на немъ, Владимірѣ Петровичѣ Бутковѣ, лежитъ отвѣтственность за то, что основанія эти поколеблены послѣднимъ постановленіемъ кавказскаго комитета. Какъ ни мало основателенъ былъ и этотъ взглядъ, но я предпочелъ отложить дальнѣйшіе споры до времени и тотчасъ приняться за работу, рѣшившись допустить въ ней одинъ только, такъ сказать, запахъ этого несправедливаго взгляда, да и тотъ уничтожить при послѣдующихъ объясненіяхъ съ княземъ. Это мнѣ удалось.

Въ теченіе утра я набросалъ проектъ всеподданнѣйшаго рапорта князя къ государю, гдѣ изложилъ планъ, какъ все устроить, т. е., чтобы и высочайше утвержденное постановленіе кавказскаго комитета считалось исполненнымъ и въ то же время политическія основанія князя остались безъ нарушенія. Я выше уже излагалъ сущность дѣла; здѣсь неизлишне припомнить, что постановленіемъ комитета предоставлялось владѣтелю собирать съ мингрельцевъ различные сборы, которые принадлежали ему, какъ владѣтелю страны, и такимъ

образомъ установлялись снова постоянныя сношенія его, или его представителей, съ народомъ, сношенія, которыя князь считалъ необходимымъ, для вышеизложенныхъ политическихъ цѣлей, совершенно прервать. Эту, сколько могу припомнить, самую щекотливую статью я предлагалъ разрѣшить оцѣнкою принадлежащихъ владѣтелю сборовъ и, устранивъ прямыя его сношенія съ страной, назначить ему соотвѣтственное за эти сборы вознагражденіе изъ государственнаго казначейства.

На другой день, когда я пришелъ къ князю, онъ уже дѣйствительно успѣлъ придумать два, три, впрочемъ, совершенно не значительныя измѣненія. Нисколько не придавая значенія этимъ измѣненіямъ, я остановилъ вниманіе князя на той неблагопріятной тѣни, которую наше сочиненіе набрасываетъ на Владиміра Петровича Буткова. „Припомните, ваше сіятельство“, говорилъ я, „какъ всегда вы были довольны имъ; какъ всегда онъ усердно служилъ вамъ во всѣхъ дѣлахъ!“ „Мало-ли что!“ возражалъ князь, „когда служилъ, я и былъ ему благодаренъ; а когда пошелъ противъ меня, то и мнѣ церемониться нечего“... На дальнѣйшіе мои протесты князь отвѣчалъ: „да вѣдь онъ самъ пріѣдетъ сюда. Посмотримъ, какъ будетъ вести себя, и всегда успѣемъ исправить или исключить то, что до него относится“... Указанныя княземъ исправленія сдѣланы, и, казалось— дѣло кончено, но я зналъ уже, что далеко не кончено, а только начинается. И дѣйствительно, какъ я говорилъ уже, въ продолженіе недѣли или двухъ, мы только и дѣлали, что измѣняли и исправляли бумагу, несмотря на то, что она сразу привела князя въ восхищеніе. Положительно случалось такъ, что сегодня, напр., одну какую-нибудь фразу мы замѣняли другою, на завтра эта другая фраза уничтожалась и замѣнялась опять прежнею. Наконецъ, эти безконечныя перемѣны и перестановки надоѣли мнѣ страшнѣйшимъ образомъ, потому особенно, что я какъ-то не умѣлъ найти въ Дрезденѣ хорошаго русскаго писца и потому долженъ былъ собственноручно переписывать перемаранные листы для того, чтобы завтра снова ихъ исправлять и перемарывать. Чувство скуки и досады, которое естественно возбуждалось во мнѣ этимъ „толченіемъ воды“, этимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее я, не церемонясь, высказывалъ „другу“ князя, Зиновьеву, а отъ него, какъ и можно было ожидать, оно доведено до свѣдѣнія самого князя. Какъ-то утромъ, когда мы снова придумывали, какъ бы замѣнить одну фразу другой, князь самъ сказалъ: „не правда ли, со мной трудно работать?“ Я рѣшительно отвѣчалъ: „правда, ваше сіятельство! но хуже всего то, что вы сами себя слишкомъ утомляете, едва-ли не напрасно. Результаты далеко не соотвѣтствуютъ вашимъ личнымъ трудамъ. Тотъ, кто бу-

детъ читать бумагу, никогда не пойметъ того различія одной фразы отъ другой, надъ которыми ваше сіятельство сосредоточиваете столько заботъ...“ „Ну ужъ, что дѣлать?“ уклончиво отвѣчалъ князь: „быть можетъ, это и правда, но ужъ у меня такая натура. Пожалуйста, извините меня!“ Но долго ли, коротко ли, всѣ эти передѣлки кончились. Между тѣмъ въ Дрезденъ прибыло одно довольно ничтожное существо греческаго происхожденія изъ числа состоящихъ при князѣ, съ своей красавицей женой, на которой онъ, какъ злые языки утверждали, и женился для того, чтобы быть пріятнѣе князю и пріобрѣтать болѣе служебныхъ благъ всякаго рода. Его-то мы и запрягли переписывать наше произведеніе. Когда и эта операція кончилась, князь, вооруженный изготовленной бумагой, сталъ ожидать пріѣзда Буткова.

Чтобъ не прерывать разсказа, я здѣсь же скажу, что, когда наступилъ этотъ ожидаемый моментъ, и князь и Бутковъ, можно безошибочно сказать, не были чужды нѣкоторыхъ волненій. Пріѣхавъ въ Дрезденъ, остановившись въ Hotel de Saxe, Бутковъ спросилъ меня запискою: „когда онъ можетъ представиться князю?“ Я представилъ эту записку князю, и онъ отвѣчалъ: „когда хотите, хоть сейчасъ!“ Я предполагалъ лично доставить этотъ отвѣтъ Владиміру Петровичу, потому что гостиница, гдѣ онъ остановился, была только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей гостиницы; но князь положительно мнѣ это запретилъ, поручивъ увѣдомить его письменно. Часовъ въ одиннадцать Владиміръ Петровичъ весьма эффектно подкатилъ къ нашей гостиницѣ въ прекрасномъ экипажѣ, на прекрасныхъ лошадяхъ гостиницы Hotel de Saxe. Вся наша маленькая свита съ любопытствомъ слѣдила за его появленіемъ. Всѣ ожидали, что непремѣнно произойдетъ интересное столкновеніе у него съ княземъ. Къ величайшему сожалѣнію, никто изъ насъ, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ быть свидѣтелемъ этого интереснаго свиданія, и потому мы должны были, хоть и не совсѣмъ честно, немножко по-школярному, поручить камердинеру князя замѣтить въ особенности, какъ они встрѣтятся, и потомъ обстоятельно донести намъ. Изъ донесенія этого оказалось, что Владиміръ Петровичъ, съ обычнымъ шумомъ и беззаботностью, на этотъ разъ, вѣроятно, и искусственною, влетѣлъ въ кабинетъ князя и, какъ всегда, приближался къ нему съ распростертыми объятіями, готовясь обниматься и цѣловаться. Но князь отстранилъ эти объятія и серьезно спросилъ Буткова:

— Прежде всего скажите, Владиміръ Петровичъ, какъ мы теперь встрѣчаемся: старыми друзьями или врагами? Вопросъ этотъ значительно смутилъ Владиміра Петровича. Само собою разумѣется, что онъ сталъ увѣрять, до какой степени его изумляетъ и огорчаетъ

такое сомнѣніе, однимъ словомъ, доказывать, что онъ никогда не мѣнялся, всегда былъ и остается преданнымъ князю человѣкомъ.

Утреннее свиданіе ихъ не было продолжительно. Отъ князя Владиміръ Петровичъ зашелъ прямо ко мнѣ; отъ меня мы вмѣстѣ отправились вверхъ къ Харитонову; держалъ онъ себя, по обычаю, весело, какъ ни въ чемъ не бывало, сыпалъ остротами, тоже по обычаю, довольно свободными и заключилъ свиданіе съ нами условіемъ обѣдать вмѣстѣ, кажется, въ вокзалѣ Брюллевской террасы; хорошо не помню; помню только, что именно на этой террасѣ и въ самый день пріѣзда, гуляя со мной послѣ обѣда, когда я разсказывалъ ему наши мученія съ Мингрельскимъ дѣломъ, Владиміръ Петровичъ нѣсколько разъ повторилъ въ отношеніи князя: „Деспотъ! величайшій деспотъ“.

Замѣтно было, что свиданіе ихъ, какія бы внѣшнія формы ни облекали его, неминуемо оставитъ глубокіе и непріятные слѣды въ душѣ Владиміра Петровича. Часовъ въ 6 онъ, согласно условію, снова отправился къ князю и оставался у него цѣлый вечеръ. Когда уѣхалъ Бутковъ, князь потребовалъ меня. Онъ лежалъ въ постели; на лицѣ его играла самодовольная улыбка. При моемъ появленіи князь весело сказалъ:

— Ну, батюшка, совершилось знаменитое свиданіе!

Я спросилъ, доволенъ ли князь результатомъ.

— Ничего, отвѣчалъ князь, я читалъ ему нашу бумагу, разумѣется, за исключеніемъ того, что до него касается. Онъ хвалитъ и обѣщаетъ поддерживать, если дѣло поступитъ опять въ кавказскій комитетъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ молчанія князь прибавилъ: „относительно Кипіани онъ сказалъ, что онъ не долженъ оставаться на службѣ“.

Надо замѣтить, какъ я и выше говорилъ, кажется, въ біографіи Кипіани, что все это дѣло загорѣлось отъ него. Въ качествѣ представителя опекунши надъ малолѣтнимъ владѣтелемъ, т. е. матери его княгини Екатерины Александровны Дадьянъ, Кипіани не поладилъ какъ-то съ мѣстнымъ нашимъ управленіемъ въ Мингреліи. Споры, сначала незначительные, разгорались болѣе и болѣе и, наконецъ, перешли въ Петербургъ, куда переѣхалъ и самъ Кипіани. Ловкая, умная и, главное, красивая княгиня Дадьянъ была въ рукахъ его сильнымъ и могущественнымъ средствомъ. Она путешествовала по дворцамъ и пріемнымъ министровъ и трогательнымъ голосомъ, поддерживаемымъ выразительными грузинскими глазами, разсказывала свои бѣдствія и несправедливости, сдѣланныя ей кавказскимъ начальствомъ. Ея разсказы и въ то же время краснорѣчивыя прошенія

и записки, изготовляемыя искуснымъ перомъ Кипіани и всюду разсылаемыя, имѣли тотъ результатъ, что дѣло рѣшено вопреки предположеній и политическихъ цѣлей князя. Однимъ словомъ, смыслъ былъ тотъ, что Кипіани, чиновникъ князя, дерзнулъ вступить съ нимъ въ борьбу и одержалъ побѣду. Поэтому я сильно удивлялся, что, когда мы работали и спорили съ княземъ, у него не вырвалось ни одного непріязненнаго слова въ отношеніи Кипіани, и я часто недоумѣвалъ, что это значитъ? Занятый предстоящей борьбой съ цѣлымъ кавказскимъ комитетомъ, презираетъ ли онъ эту, по отношенію къ нему, „козявку?“ думалъ я, или держится своего правила отвергать всякое мщеніе? Какъ бы то ни было, но я, лично, очень доволенъ былъ, что князь не останавливаетъ своего вниманія на дѣйствіяхъ этого господина, ибо въ такомъ случаѣ и на мою долю неминуемо досталось бы кое-что, такъ какъ я преимущественно развивалъ прелестныя послѣдствія, которыя принесетъ и Мингреліи, съ одной стороны, и кавказскому начальству, съ другой, назначеніе именно Кипіани представителемъ опеки надъ малолѣтнимъ владѣтелемъ. Но теперь я еще болѣе былъ удивленъ, когда князь передалъ мнѣ замѣчаніе Буткова, что Кипіани не должно оставлять не только представителемъ опеки, но даже и на службѣ. Это замѣчаніе показало, что дѣйствія Кипіани были предметомъ обсужденія между княземъ и Бутковымъ и, стало быть, не остались незамѣченными, какъ я предполагалъ, со стороны князя. Во всякомъ случаѣ я думалъ, что, передавая мнѣ мнѣніе Владиміра Петровича, князь хотѣлъ показать мнѣ свое великодушіе: „вотъ, дескать, Бутковъ полагаетъ, что этого господина надобно выгнать, а я его щажу“. Но послѣдствія показали не то: князь дѣйствительно потребовалъ и потребовалъ настоятельно увольненія Кипіани и хотя красивая княгиня Дадьянъ, какъ слышно было, становилась на колѣни предъ нимъ, защищая своего вѣрнаго слугу, однакожъ, не успѣла измѣнить рѣшенія князя, и Кипіани дѣйствительно былъ уволенъ.

На другой день Бутковъ опять все утро провелъ у князя. Я не могу припомнить положительно, два или три дня провелъ онъ въ Дрезденѣ; только весьма немного, помню, что мы, какъ я сказалъ уже, гуляли съ нимъ по Брюллевской террасѣ; помню, что мы ѣздили съ нимъ по окрестностямъ Дрездена; помню, наконецъ, что въ день своего отъѣзда онъ задалъ намъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ мы торжественно, хотя и фальшиво, распрощались съ нимъ. Поѣздъ, съ которымъ онъ отправлялся, отходилъ часовъ въ 6 или 7, и потому мы условились, простившись съ нимъ въ его помѣщеніи, сдѣлать ему сюрпризъ нашимъ появленіемъ въ цѣломъ составѣ на станціи желѣзной дороги. Такъ все и сдѣлано было. Веселый, до-

вольный Владиміръ Петровичъ снова распростился съ нами и покатилъ въ Парижъ и другія веселыя мѣста, гдѣ уже не преслѣдовали его ни мингрельскія и никакія другія дѣла...

Мингрельское дѣло было, такъ сказать, капитальнымъ нашимъ дѣломъ; но кругомъ его группировалось множество второстепенныхъ дѣлишекъ, такъ что я долженъ былъ безпрерывно перебрасываться письмами и телеграммами, то съ Милютинымъ, то съ Бутковымъ, когда онъ былъ еще въ Петербургѣ, то съ Кр—мъ. Неизлишне замѣтить, что скоро по моемъ пріѣздѣ, князь показалъ мнѣ свое мнѣніе, которое онъ отправилъ уже въ Петербургъ, по дѣлу о возмущеніи казаковъ. Мнѣніе это они сочиняли вдвоемъ съ однимъ изъ племянниковъ князя, молодымъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, то есть сочиняли такимъ образомъ, что князь диктовалъ, а Орловъ-Давыдовъ писалъ. Разумѣется, слогъ былъ ужасенъ, а сущность, къ удивленію, состояла въ томъ, что графъ Евдокимовъ обвинялся и княземъ въ своихъ распоряженіяхъ, и потому предлагалось, чтобы высочайшимъ рескриптомъ ему сдѣлано было замѣчаніе, а казакамъ даны были при переселеніи новыя права и преимущества. Такое предположеніе такъ было несоотвѣтственно съ тѣмъ, что говорилъ мнѣ Евдокимовъ и что я передалъ князю, что я не могъ не выразить князю своего опасенія, что все это глубоко оскорбитъ заслуженнаго старика и, быть можетъ, заставитъ его оставить службу. На это князь какъ-то уклончиво и неопредѣленно отвѣчалъ: „ну, что жъ было дѣлать?..“ Едва-ли нужно говорить, что въ Петербургѣ поступили совершенно по мнѣнію князя.

Потомъ однажды утромъ, еще до пріѣзда Владиміра Петровича въ Дрезденъ, князь сказалъ мнѣ:

— На моей совѣсти лежитъ много личныхъ дѣлъ; помогите мнѣ свалить эту обузу. Вѣдь вы знаете, что я предполагалъ быть прежде въ Петербургѣ и видѣться съ государемъ. Если бы это состоялось, я бы разомъ покончилъ со всѣми просьбами, которыя на меня навалили; а теперь, когда я буду въ Петербургѣ и увижу государя, Богъ знаетъ! Между тѣмъ всѣ эти господа ждутъ. Вотъ у меня какой длинный списокъ... Надобно все это свалить на Милютина и Буткова...

Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ читать вполголоса, какъ будто про себя, списокъ господъ, испрашивающихъ разныхъ благъ и милостей, и при этомъ не оставилъ подпустить коварнѣйшей и тончайшей штуки слѣдующаго содержанія: продолжая пробѣгать имена, значащіяся въ спискѣ, онъ произносилъ: „Дюкруаси, Мухранскій, Инсарскій... ну, объ этомъ я самъ буду просить государя...“ Я молчаливо наклонился въ знакъ безпредѣльной моей благодарности. Потомъ, раздѣливъ статскихъ отъ военныхъ, князь сталъ мнѣ объяснять, что

нужно писать Милютину о военныхъ, а въ заключеніе, отдавая мнѣ списокъ, онъ прибавилъ: „Просьбы статскихъ вамъ извѣстны. О нихъ напишите Буткову“.

Я замѣтилъ князю, что такъ какъ Бутковъ скоро долженъ быть въ Дрезденѣ, то, казалось бы, переговоры объ этихъ личностяхъ лучше отложить до предстоящаго личнаго съ нимъ свиданія. Мысль эта рѣшительно не понравилась князю.

— Помилуйте, Василій Антоновичъ! вскричалъ онъ,—вѣдь здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ этихъ господъ, рѣшенія которой они ждутъ со дня на день. Какъ же тутъ откладывать! Пишите, Бога ради, пишите скорѣе. Бутковъ радъ будетъ привезти хорошій отвѣтъ, чтобъ помириться со мной, и для этого поспѣшитъ обдѣлать всѣ эти дѣла до своего отъѣзда изъ С.-Петербурга. Да и государь теперь скорѣе утвердитъ мои представленія, зная, что я не совсѣмъ доволенъ...

Я съ удовольствіемъ выслушалъ этотъ энергическій протестъ, видя въ немъ такую заботливость о людяхъ, ему подчиненныхъ. Письмо Буткову вышло весьма пространное. Всего содержанія его я уже не помню; помню только, что Дюкруаси, какъ знатокъ, по его собственному убѣжденію, финансоваго дѣла, просилъ мѣсто члена совѣта министра финансовъ, а князь Мухранскій, какъ юристъ, просилъ перемѣстить его въ консультацію министра юстиціи. Само собою разумѣется, что оба они просили сохранить имъ кавказское ихъ содержаніе, въ чемъ и заключался самый главный камень преткновенія. Въ этомъ же письмѣ помѣщена была просьба старика Фадѣева, въ которой онъ ходатайствовалъ объ обезпеченіи, въ случаѣ его смерти, незамужней его дочери. Письмо, наскоро набросанное и не читанное княземъ, отправлено въ Петербургъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно не только застало тамъ Владиміра Петровича, но чтобы онъ успѣлъ обработать всѣ дѣла, въ немъ изложенныя, до своего отъѣзда. Увы! разсчеты наши рѣшительно не оправдались! Бутковъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ, просто на просто объявилъ, что не получилъ этого письма, что было рѣшительной неправдой, потому что онъ привезъ отвѣты на нѣкоторыя другія письма, значительно позже къ нему отправленныя. Не раздѣлялъ ли онъ тѣхъ ходатайствъ и предположеній, которыя заключались въ письмѣ князя, считалъ ли онъ обременительнымъ для себя заняться ими при своемъ отъѣздѣ,—не извѣстно; видно было только, что отзывъ его о неполученіи письма сшитъ былъ „бѣлыми нитками“ и, само собою разумѣется, что князь первый не повѣрилъ ему, хотя и не высказалъ этого невѣрія самому Буткову.

Послѣ дрезденскаго свиданія, доставившаго столь мало пріятнаго для Владиміра Петровича, еще менѣе можно было ожидать, чтобы

онъ приложилъ потомъ, въ отношеніи этого письма, то энергическое участіе, какое онъ проявлялъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно желалъ сдѣлать дѣло. Вопросы о Дюкруаси и князѣ Мухранскомъ онъ передалъ рутиннымъ порядкомъ, по принадлежности, министрамъ финансовъ и юстиціи, и тѣ, разумѣется, воздвигли стѣны препятствій. Въ особенности они напирали на тѣ оклады содержанія, которые эти господа желали сохранить, и говорили, что такихъ окладовъ не существуетъ въ Петербургѣ и сохраненіе ихъ, для этихъ лицъ, произведетъ скандалъ между новыми ихъ товарищами. Такъ это дѣло и погибло. Спасся только отъ крушенія и гибели старикъ Фадѣевъ съ своею просьбою о дочери, получившею какое-то удовлетвореніе...

Съ письмомъ Милютину, которое приняло громаднѣйшіе размѣры, произошли двѣ комедіи. Одна изъ нихъ состояла въ слѣдующемъ: не помню, говорилъ ли я, что, при моемъ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга въ Дрезденъ, Милютинъ далъ мнѣ письмо князю, которое, разумѣется, я и доставилъ по принадлежности. Поэтому наше письмо началось чѣмъ-то въ этомъ родѣ: „Письмо ваше, присланное съ г. Инсарскимъ, я получилъ“... Просматривая заготовленный мною проектъ, князь вскричалъ:

„Зачѣмъ г. Инсарскій? Пишите: Василій Антоновичъ! Инсарскихъ много, а Василій Антоновичъ одинъ и единственный! Разумѣется, Милютинъ будетъ подлинникомъ читать мое письмо государю. Пусть и государь знаетъ, что мой старый другъ—Василій Антоновичъ!“ Такъ и было сдѣлано, хотя я рѣшительно не видѣлъ, съ своей стороны, ни цѣли, ни пользы, что государь узнаетъ, что меня, Инсарскаго, зовутъ Василіемъ Антоновичемъ. Мнѣ даже показалось какъ-то смутно, что этою любезностью князь уподобилъ меня нѣкоторымъ образомъ Гоголевскому Добчинскому, или Бобчинскому, который такъ усердно желалъ, чтобы государь непремѣнно узналъ о его существованіи...

Другая комедія, которая заставляла хохотать многихъ, кому я разсказывалъ ее впослѣдствіи, была слѣдующаго рода. Письмо касалось множества важныхъ лицъ, изъ которыхъ однихъ князь предполагалъ назначить на новыя мѣста, другихъ перевезти, а третьихъ наградить. Всѣ эти лица хорошо были извѣстны Милютину по прежней должности начальника главнаго штаба кавказской арміи и во всякомъ случаѣ гораздо лучше, нежели мнѣ. Поэтому, начиная говорить о какой-либо личности, я предпосылалъ иногда слѣдующія слова: „Вамъ извѣстно и т. д.“ Само собою разумѣется, что такіе пріемы изрѣдка только были разбросаны по всему письму, такъ, чтобы они не были замѣтны между другими періодами, начинавшимися другими словами. Случилось такъ, что князь, слушая проектъ, оста-

новился на одномъ изъ первыхъ періодовъ, именно начинавшемся другими словами. Подумавъ съ минуту, князь сказалъ: „нѣтъ! Вы лучше начните такъ: вамъ извѣстно, что генералъ и т. д.“ Я сдѣлалъ указанныя исправленія и подозрительно посматривалъ на слѣдующій періодъ, который именно начинался у меня словами: „Вамъ извѣстно“... Ну, думаю, потомъ замѣню эти слова другими... Когда періодъ, остановившій на себѣ вниманіе князя, былъ исправленъ, князь сказалъ: „прочитайте-ка еще разъ!“ Я началъ: „вамъ извѣстно и т. д.“ Когда я кончилъ, князь сказалъ: „прекрасно! Читайте дальше!“ Я опять началъ: „вамъ извѣстно“... „Помилуйте, Василій Антоновичъ!“ вскричалъ князь „что это такое? Все—вамъ извѣстно, да вамъ извѣстно! Нельзя же всю бумагу начинать этими: „вамъ извѣстно!“ Князь былъ очень удивленъ, когда замѣтилъ, что этотъ протестъ, который онъ, конечно, находилъ и дѣльнымъ, и серьезнымъ, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я съ величайшимъ трудомъ удерживался, чтобы не засмѣяться. Князь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Что вамъ тутъ смѣшнаго?“ Я объяснилъ ему невольное столкновеніе этихъ знаменитыхъ „вамъ извѣстно“, и онъ весело сказалъ: „ну, такъ исправьте, какъ знаете“.

Что въ князѣ, на мои глаза, по крайней мѣрѣ, имѣло особенную прелесть—это соединеніе страшнаго величія вельможи и сановника съ какою-то чисто юношескою, офицерскою наивностью. Изъ дрезденской нашей жизни припоминаю одну черту, сюда относящуюся. Скоро послѣ моего пріѣзда туда князь, столь деликатный по части денежной, съ нѣкоторою краскою въ лицѣ, сказалъ мнѣ:

— Василій Антоновичъ! Вы, пожалуйста, записывайте все, что вы здѣсь тратите. Всѣ расходы ваши, разумѣется, должны относиться на мой счетъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на князя. Эти слова и нѣкоторое волненіе князя, отражавшееся на его прекрасномъ лицѣ, ясно говорили мнѣ, что, выписавъ меня въ Дрезденъ, онъ не знаетъ, какъ установить и рѣшить финансовую сторону этой поѣздки. Я отвѣчалъ неопредѣленно: „Очень хорошо!“ потомъ прибавилъ:

— Только я не знаю, почему мои расходы должны падать на собственный вашъ счетъ. Я выписанъ вами по дѣламъ службы и, кажется, казна должна дать мнѣ, что слѣдуетъ по закону.

— Да, да! И въ самомъ дѣлѣ! Ваша правда! съ видимымъ удовольствіемъ вскричалъ князь.

— И прекрасно! Ахъ, я очень радъ! Вы представить не можете, какъ я бѣденъ! Мнѣ такъ мало дали на дорогу, всего 10 т. р. А сколько стоитъ мнѣ одинъ Тромповскій? У меня ужъ остается очень мало! Прекрасно.

Я продолжалъ:—Алексѣй Александровичъ Харитоновъ (считавшійся и въ это время главнымъ нашимъ финансистомъ) представитъ вашему сіятельству оффиціальный докладъ по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что онъ самъ находится въ положеніи, подобномъ моему.

Надо замѣтить, что Харитоновъ, какъ великій кавказскій финансистъ, долженъ былъ отправиться изъ Дрездена въ Парижъ и Лондонъ для пріисканія капиталовъ на сооруженіе Кавказской желѣзной дороги.

— Прекрасно, прекрасно! повторялъ князь,—я очень радъ. Скажите Харитонову, чтобъ представилъ докладъ. Сколько онъ тамъ себѣ выведетъ, столько я и вамъ назначу.

Видимо было, что князь былъ чрезвычайно доволенъ, какъ будто у него гора съ плечъ свалилась.

Между тѣмъ бѣдный Тромповскій, который дѣйствительно стоилъ копѣйку князю, видимо угасалъ. Никакія медицинскія средства не дѣйствовали, и самъ Вальтеръ объявилъ князю, что положеніе его безнадежно. Князь, хотя по-прежнему безногій, рѣшился посѣтить больнаго и взглянуть на него въ послѣдній разъ. Я очень хорошо помню день, когда князя понесли два сильныхъ человѣка, на какихъ-то носилкахъ изъ его помѣщенія въ помѣщеніе Тромповскаго. Подробности этого свиданія передавалъ мнѣ самъ князь. Тромповскій, взглянувъ на князя, заплакалъ. Князь очень хорошо зналъ, что завѣтною мечтою Тромповскаго всегда было: достигнуть чина генерала, имѣть пенсію въ 3 т. р. и провести остатокъ жизни на родинѣ, гдѣ-то въ Лифляндіи. И чинъ и пенсія у него были; но онъ, скромный, деликатный, не смѣлъ произнести предъ княземъ просьбы объ удаленіи на родину, быть можетъ, подавляемый тѣми же художественными пріемами князя душить всякія просьбы, которые я на себѣ испыталъ. Князь видѣлъ, что теперь удерживать его уже нечего и, по его словамъ, самъ началъ къ нему такую рѣчь:

— Послушайте, Тромповскій! Вы не ребенокъ, и потому я не буду скрывать отъ васъ, что ваша болѣзнь очень серьезна. Нечего думать ни о Кавказѣ, ни о службѣ. Вамъ надо ѣхать на родину и стараться укрѣпить ваше здоровье. Мнѣ тяжело съ вами разстаться, вы это знаете, но вы также знаете, что я васъ всегда приму, какъ друга, если, Богъ дастъ, поправитесь и пріѣдете ко мнѣ.

Восторгъ Тромповскаго отъ этого дозволенія былъ безпредѣленъ, онъ горячо благодарилъ князя, а потомъ, какъ только онъ удалился, пригласилъ къ себѣ Зиновьева и вручилъ ему всѣ нужныя бумаги, вмѣстѣ съ форменной просьбой, относительно его увольненія отъ службы. Оказалось, что бумаги эти онъ давно и постоянно возилъ съ собою, выжидая случая высказать князю свое желаніе. Къ сожалѣнію,

случай этотъ представился слишкомъ поздно... Радость Тромповскаго была такъ велика, что, казалось, онъ ожилъ и сталъ поправляться; но это оживленіе было искусственно и кратковременно, потомъ дѣло пошло хуже и хуже, такъ что, въ виду неминуемой катастрофы, признано было нужнымъ вызвать изъ Лифляндіи брата Тромповскаго, какого-то статскаго господина, который и прибылъ въ Дрезденъ въ день моего оттуда отъѣзда.

Неизлишне было бы сказать что-нибудь о лѣченіи самого князя, да я не знаю, что сказать? Бонтонный Вальтеръ въ великолѣпномъ экипажѣ ежедневно пріѣзжалъ въ полдень къ князю, бесѣдовалъ съ нимъ и уѣзжалъ. Часто я присутствовалъ при этихъ бесѣдахъ, но мало понималъ ихъ, потому что они происходили большею частью на нѣмецкомъ языкѣ. Я зналъ, что князь принималъ какія-то ванны; зналъ, что больную ногу его лѣчатъ электричествомъ, на которое князь особенно мнѣ жаловался.

— Чортъ знаетъ, что за гадость! говорилъ онъ,—приложатъ какую-то штуку къ плечу, а пальцы на ногѣ начинаютъ шевелиться. Точно надъ мертвымъ дѣлаютъ опыты. Пренепріятно!

Впрочемъ, болѣзненное положеніе князя только и выражалось тѣмъ, что онъ постоянно лежалъ; но было ли это дѣйствительнымъ свидѣтельствомъ его болѣзни—это одинъ Аллахъ, да самъ князь знаютъ! За исключеніемъ этого лежанья, общее положеніе его было весьма удовлетворительно: всегда или большею частью онъ былъ веселъ и, сколько извѣстно было, прекрасно ѣлъ и спалъ...

Тотъ, кто будетъ читать эти записки (если таковые найдутся), имѣетъ полное право замѣтить: „Боже мой! какая скука! Только и толкуетъ о дѣлахъ. Видно, что чиновникъ! Разсказалъ бы лучше о романическихъ похожденіяхъ князя. Гдѣ Лиза? Что съ ней?“ Позвольте, позвольте! Вполнѣ сознаю справедливость этого замѣчанія; да бѣда въ томъ, что я чрезвычайно слабъ въ этомъ отношеніи и никакихъ интересныхъ матеріаловъ по этой части не имѣю. Можно бы, конечно, и присочинить кое-что, въ видахъ увеличенія интереса моихъ разсказовъ, но ужъ извините—это рѣшительно не по моей части. Худы ли, хороши ли, скучны или веселы они, я не знаю; но за то ручаюсь, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова неправды, разумѣется, намѣренной. Весьма можетъ быть, что гдѣ-нибудь, особенно по части военныхъ дѣлъ и лицъ, я что-нибудь и понапуталъ, но это могло быть прегрѣшеніемъ рѣшительно невольнымъ, въ которомъ и прошу извинить, именно во вниманіи ненамѣренности.

Впослѣдствіи, значительное время спустя, камердинеръ князя говорилъ моему камердинеру, что, во время пребыванія нашего въ Дрезденѣ, Д—а была тоже тамъ. По разнымъ признакамъ это пред-

ставляется весьма вѣроятнымъ; но правда это или нѣтъ—я положительно утверждать не могу. Однимъ изъ этихъ признаковъ можно считать то, что князь почти ежедневно совершалъ весьма продолжительныя прогулки въ экипажѣ. Часа въ два обыкновенно являлась на дворѣ гостиницы одна и та же коляска и становилась у подъѣзда князя. Князя кое-какъ выводили или выносили изъ его комнатъ и помѣщали въ коляску. Съ нимъ постоянно садился Зиновьевъ, и они отправлялись—куда? неизвѣстно. Возвращались они обыкновенно къ обѣду, такъ что отсутствіе ихъ продолжалось обыкновенно часа три или четыре. Если принять во вниманіе, что постоянно кататься все это время нелѣпо и что князь, при его болѣзни въ ногахъ, не могъ удѣлять часть этого времени на прогулку пѣшкомъ, можно предположить, что они дѣйствительно заѣзжали въ какое-нибудь пріятное мѣсто; но было ли это поэтическое обиталище таинственной Л. или другой какой-нибудь пріютъ,—этотъ вопросъ оставался и остается для меня лично покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Припоминаю, впрочемъ, что по поводу этихъ поѣздокъ говорили тогда, что князю понравилась какая-то дача, которую онъ и хочетъ нанять для себя и потому внимательно ее осматриваетъ. Припоминаю также, что Зиновьевъ съ злыми насмѣшками разсказывалъ о письмѣ Д—а, полученномъ въ это время или нѣсколько ранѣе княземъ, въ которомъ Д—въ требовалъ или умолялъ князя открыть убѣжище его жены и на которое князь, по словамъ Зиновьева, отвѣчалъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Кажется, эта именно переписка и завязала дѣло о дуэли, состоявшейся потомъ. Болѣе я ничего не знаю.

Вслѣдствіе несомнѣнныхъ признаковъ геніальности, большихъ причудъ и странностей, любви къ женщинамъ и, наконецъ, физической красоты—нѣкоторые кавказцы называли князя „Алкивіадомъ“. Въ какой степени сравненіе это вѣрно—я не знаю; но вся исторія его съ Д—й, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о его величайшемъ искусствѣ вести романическія дѣла. Я уже не говорю ни о планѣ поѣздки за границу, предложенномъ имъ мужу, ни о планѣ похищенія на дорогѣ Л.—все это понятно и возможно; но укрыть предметъ своего обожанія такимъ образомъ, что въ теченіе, кажется, двухъ или трехъ лѣтъ постоянные и самые энергическіе поиски, предпринятые какъ со стороны покинутаго мужа, такъ и со стороны нѣжныхъ родителей Л., не могли открыть ея убѣжища—это уже кажется просто невозможнымъ и непонятнымъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

VI [1]).

Командировка войскъ для подавленія возстанія. — Юго-западная граница. — Формированіе пограничнаго баталіона.—Недостатки организаціи войска, обнаружившіеся благодаря возстанію.—Учрежденіе должности товарища военнаго министра.—Графъ Кевенгюллеръ и его противодѣйствіе моей дѣятельности.—Рѣшеніе мое ѣхать въ Россію для личнаго доклада о болгарскомъ войскѣ и положеніи дѣлъ въ княжествѣ, насколько это положеніе касалось войска и меня.

На военномъ положеніи были объявлены всѣ мѣстности восточной Болгаріи, ограничивая ихъ линіей, приблизительно, отъ Рущука на Тырновъ; имѣя же въ виду быстро и энергично водворить порядокъ, оборвать возстаніе въ самомъ началѣ, пришлось двинуть въ этотъ районъ войска и изъ другихъ мѣстностей, не объявленныхъ на военномъ положеніи. Необходимость оставить часть дружинъ въ мѣстахъ постояннаго ихъ квартированія для несенія гарнизонной службы, охраны правительственныхъ учрежденій и складовъ, привела къ дробленію дружинъ и командированію ихъ не цѣликомъ, въ полномъ составѣ, а по нѣсколько ротъ отъ каждой дружины и при томъ въ разные пункты, возлагая на нихъ дѣйствія самостоятельныя; эта посылка частей дружинъ, при необходимости сосредоточить сразу большія силы, въ свою очередь, вызвала необходимость тронуть войска изъ другихъ военныхъ отдѣловъ.

Въ юго-западномъ углу княжества, по границѣ Македоніи, было тоже неблагополучно, но тамъ характеръ былъ другой. Болгарское населеніе Македоніи, бывшее всегда болѣе воинственнымъ, чѣмъ населеніе сѣверной, придунайской Болгаріи, образовало, во время

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1906 г.

войны, нѣсколько самостоятельныхъ четъ и, кромѣ того, въ дружинахъ ополченія служило много македонцевъ. Обездоленные берлинскимъ трактатомъ македонцы, вернувшись домой, не могли сразу перейти на мирное положеніе и многіе изъ нихъ примкнули къ мѣстнымъ „комитамъ", такъ что турецкія власти вынуждены были, съ своей стороны, притянуть туда войска и начались стычки, чему много способствовало то, что въ этой части граница не была еще вполнѣ точно опредѣлена. Особенно усложнилось дѣло въ Джумаѣ, гдѣ болгарское населеніе бѣжало отъ турецкихъ войскъ, а турецкое отъ македонскихъ „комитовъ". Городъ Джумая оказался совершенно пустымъ, такъ какъ командовавшій тамъ Сулейманъ-Паша не впускалъ въ городъ ни турокъ, ни христіанъ, впредь до разъясненія вопроса о границѣ. Пришлось командировать туда для разбора дѣлъ командира софійской № 1—дружины русскаго маіора Чиляева [1]), очень расторопнаго офицера, служившаго во время войны въ болгарскомъ ополченіи, заслужившаго отличную боевую репутацію и популярность въ Болгаріи. Чиляевъ предложилъ Сулейману устроить нейтральную полосу, отодвинувъ болгарскую и турецкую пограничныя стражи другъ отъ друга. Сулейманъ согласился, тишина временно водворилась, Чиляева же пришлось вернуть въ Софію, гдѣ присутствіе его, какъ командира софійской № 1 дружины, шефомъ которой провозгласилъ себя князь, было необходимо.

Кстати упомяну здѣсь о слѣдующемъ. Князю очень хотѣлось чтобы нашъ государь принялъ на себя званіе шефа этой дружины, но онъ не рѣшался самъ заявить объ этомъ, а поручилъ флигель-адъютанту полковнику Шепелеву зондировать почву. А. А. Шепелевъ понималъ, что россійскій императоръ не можетъ быть шефомъ воинской части вассальнаго государства, но, уступая настояніямъ князя, 16-го августа телеграфировалъ графу Милютину, шифромъ, слѣдующее:

„Князь сообщилъ мнѣ, что *завѣтная его мысль и желаніе народа видѣть* Государя Императора *шефомъ первой дружины*. Князь не рѣшился до сихъ поръ просить объ этомъ государя потому, что *не знаетъ какъ отнесется Его Величество къ подобной просьбѣ* при настоящемъ положеніи *Болгаріи. Князь былъ бы счастливъ провозгласить Государя Императора шефомъ 30 августа* и проситъ ваше сіятельство, не благоугодно ли будетъ Его Величеству соизволить на ходатайство о томъ. Если Государь Императоръ *не соизволитъ принять нынѣ это званіе, то князь назначитъ себя шефомъ первой дру-*

[1]) Бывшій конногренадеръ.

жины съ тѣмъ, чтобы непремѣнно, по *достиженіи независимости, поднести Государю Императору это званіе*".

Государь былъ въ путешествіи, и Шепелевъ получилъ 18 августа, изъ Варшавы, слѣдующую телеграмму отъ графа Милютина: „Государь Императоръ изволитъ признать неудобнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, *принять званіе* [1]), о которомъ сообщается телеграммою 16-го числа".

Отвѣтъ понятный.

Взамѣнъ Чиляева на границу Македоніи я послалъ моего адъютанта, болгарина Бендерева, выдающагося своими способностями артиллерійскаго офицера [2]). Бендеревъ представилъ мнѣ замѣчательный проектъ: принимая во вниманіе, что члены „четъ" и „комитъ", еще до освобожденія Болгаріи, вели постоянную партизанскую войну съ турецкими войсками, участвуя во всѣхъ возстаніяхъ, главнымъ же образомъ сражались въ послѣдней войнѣ и получили за нее награды отъ русскаго правительства, теперь же, по случаю замиренія, остались ни при чемъ, не имѣя пристанища и средствъ къ существованію, то образовать изъ нихъ отдѣльный пограничный батальонъ, сильнаго состава, сформировавъ его на подобіе остальныхъ дружинъ княжества, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ установленной организаціи, вызываемыми особенностями ихъ службы и кордоннаго расположенія. Мысль эта мнѣ очень понравилась, такъ какъ этимъ достигалось: увеличеніе вооруженныхъ силъ княжества на цѣлую тактическую единицу, освобожденіе регулярныхъ дружинъ отъ пограничной, кордонной службы, всегда расшатывающей дисциплину, болѣе дѣйствительная охрана границы людьми, уже привыкшими къ особенностямъ такой службы и знающими мѣстность; главнымъ же образомъ мнѣ являлась возможность сдѣлать дѣло, нѣкоторымъ образомъ патріотическое: пристроить, популярныхъ въ народѣ, борцовъ за освобожденіе. Переговоривъ съ моими коллегами по министерству, а также съ опредѣлившимися уже тогда вождями будущихъ оппозиціонныхъ партій, я получилъ увѣренность, что предстоящее народное собраніе не откажетъ мнѣ въ кредитѣ на это дѣло, и потому

---

[1]) Напечатанное курсивомъ было написано шифромъ.

[2]) Бендеревъ блистательно отличился въ сербско-болгарской войнѣ, въ сраженіи при Сливницѣ, но былъ на дурномъ счету у князя, какъ человѣкъ, вполнѣ мнѣ преданный. Во время диктатуры Стамбулова сидѣлъ въ тюрьмѣ, едва избѣгъ казни. Кончивъ курсъ въ нашей академіи генеральнаго штаба, составилъ и издалъ обширный трудъ: „Военная географія и статистика Македоніи и сосѣднихъ съ нею областей Балканскаго полуострова". Избѣгнувъ казни, Бендеревъ эмигрировалъ въ Россію и находится на службѣ въ нашихъ войскахъ.

поручилъ Бендереву разработать проектъ на мѣстѣ, обсудивъ все съ выдающимися четниками и комитами [1]).

Бендеревъ провелъ все лѣто на границѣ, устраивая это дѣло, но до осуществленія его, пограничныя регулярныя дружины изъ Самокова, Кюстендиля и Радоміра не смогли быть передвинуты на востокъ. Софія, какъ столица, резиденція князя и правительства, требовала увеличенія числа войскъ, въ ней расположенныхъ, такъ какъ одной дружинѣ было слишкомъ тяжело нести разные наряды, и я испросилъ разрѣшенія князя перевести въ Софію Тетевенскую дружину, а для усиленія войскъ на востокѣ пришлось двинуть войска изъ западнаго отдѣла.

Передвиженія войскъ въ новые пункты временнаго ихъ квартированія, командировки для подавленія возстанія, происходившія при этомъ стычки отрядовъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія съ отличными турецкими солдатами, образовавшими сильныя шайки, преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ, вполнѣ наглядно доказали мнѣ всю несостоятельность организаціи *Земскаго* войска, при народившейся потребности имѣть *армію*, *постоянную*, *подвижную* и *боевую*. Не скрою, конечно, что я былъ ревностнымъ носителемъ идеи о цѣлокупной Болгаріи и понималъ, что достигнуть этой „цѣлокупности“ можно будетъ не иначе, какъ, опираясь на благоустроенную, боевую армію, а не на земское войско—милицію.

Укажу главное, что выяснилось вслѣдствіе мусульманскаго возстанія, сослужившаго, противъ воли, отличную службу болгарской арміи, которая, благодаря этому, въ неособенно отдаленномъ будущемъ, не на востокѣ, а, къ сожалѣнію, на западѣ и, къ несчастію, не при выполненіи идеи о „цѣлокупности“, а наоборотъ, въ братоубійственной сербской войнѣ, проявила отличныя боевыя качества и замѣчательную подвижность.

Отчисленіе русскихъ кадровъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ значительно понизило качество болгарскихъ войскъ. Прекрасный, но молодой матерьялъ, не имѣя опытныхъ руководителей и учителей, въ стычкахъ съ турками, не всегда выдерживалъ.

Обоза въ войскахъ почти не было, а это естественно отражалось на довольствіи передвигаемыхъ частей и на снабженіи ихъ по всѣмъ отраслямъ ихъ существованія и службы.

На основаніи первоначальнаго положенія о *земскомъ* войскѣ, квартирующемъ въ своемъ округѣ, нѣкоторыхъ отпусковъ отъ казны

---

[1]) Мнѣ лично извѣстны были до войны: Панаіотъ Хитовъ, о которомъ я уже упоминалъ въ 1-й части „Изъ прошлаго“, а затѣмъ, во время войны и послѣ нея: Илья воевода и воеводы Велко и Тотя.

совсѣмъ не полагалось. Такъ, солдаты жалованія не получали, теплой одежды и даже бѣлья тоже не получали. Въ дружинахъ былъ только одинъ комплектъ обмундированія, построенный еще русскими, который, понятно, истрепался совсѣмъ. Недостатокъ бѣлья привелъ къ тому, что въ частяхъ, передвинутыхъ на новыя мѣста и постоянно находившихся въ движеніи, при столкновеніи и преслѣдованіи шаекъ, развились на людяхъ насѣкомыя, а затѣмъ и накожныя, чесоточныя болѣзни.

Предположенное по окончаніи войны удешевленіе всѣхъ предметовъ довольствія и снабженія не состоялось, отпускаемыхъ 40 сантимовъ не хватало, и мнѣ пришлось, не ожидая созыва собранія, внести въ совѣтъ министровъ и на утвержденіе князя указъ о добавкѣ 10 сантимовъ на человѣка. Русскимъ правительствомъ были подарены болгарскому войску ружья системы Крнка, которыя, выдержавъ всю войну, сдѣлались уже не вполнѣ годными. Артиллерійскія орудія, дѣйствовавшія во время войны, оказались съ значительнымъ разстрѣломъ, а лафеты—потерявшими прочность. Лошади кавалеріи, купленныя у нашихъ казаковъ, а также артиллерійскія продѣлали всю кампанію, выслужили всѣ сроки и въ значительномъ числѣ оказались тоже негодными.

Не желая утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ открывшихся прорухъ и недочетовъ и отсылая интересующихся къ „Объяснительной запискѣ о дѣятельности военнаго министерства“ [1]), скажу только и при этомъ скажу не преувеличивая, а по чистой совѣсти: все указанное выше составляетъ малую часть всѣхъ недостатковъ и всего, что приходилось творить. Но не это меня пугало; главная же затруднительность моего *тогдашняго* положенія заключалась въ томъ, что я былъ одинъ!

Какъ выше сказано [2]), одинъ изъ моихъ помощниковъ, начальникъ строеваго и инспекторскаго отдѣленія министерства, очень сподобный капитанъ Н. И. Соловьевъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ на время въ Россію; отличный, способный штабъ-офицеръ, полковникъ П. А. Плеве, разработавшій „широкіе“ проекты, трудился безъ отдыха, но, понятно, только по своей части и затѣмъ тоже уѣхалъ въ отпускъ. Остались со мной, въ самомъ министерствѣ: капитанъ Ясенскій, завѣдывавшій хозяйственной частью министерства и весьма старательный штабъ-офицеръ для порученій Д. А. Каменицкій, которому я всецѣло обязанъ тѣмъ, что удалось снабдить войско бѣльемъ, мундирной одеждой и обувью. Кромѣ того, на немъ лежали всякія командировки. Я

---

[1]) Будетъ помѣщена въ концѣ „воспоминаній“.

[2]) Глава II.

же лично былъ нѣчто какъ во Франціи, въ бѣдныхъ семьяхъ, бываютъ служанки: pour tout faire [1]), въ томъ числѣ: вести текущія дѣла министерства, осматривать войска (такъ какъ въ сущности, при естественномъ главенствѣ надъ арміей князя, я олицетворялъ въ себѣ командующаго арміей), сочинять проекты переустройства арміи и быть членомъ кабинета по остальнымъ дѣламъ государства.

Такое положеніе длиться не могло; я рѣшилъ переорганизовать военное министерство и прежде всего найти себѣ помощника, на котораго я могъ бы вполнѣ положиться. Я остановился на полковникѣ генеральнаго штаба, А. К. Тимлерѣ, моемъ товарищѣ по академіи и другѣ, съ которымъ списался, получилъ его согласіе и выхлопоталъ предварительное одобреніе князя, а также моихъ коллегъ, на приглашеніе его въ Болгарію, сначала для временной службы, такъ какъ установленіе новой должности, закономъ не предусмотрѣнной, требовало утвержденія народнаго собранія. На мое счастіе, имѣвъ возможность во время войны побывать во многихъ мѣстностяхъ Болгаріи и познакомиться со многими будущими дѣятелями княжества, а затѣмъ успѣвъ уже зарекомендовать себя своей работой и строгимъ соблюденіемъ законности, мнѣ удавалось очень многое, чего я, вѣроятно, не достигъ бы при отсутствіи помянутыхъ сейчасъ условій.

Помогло еще и слѣдующее. На основаніи временнаго положенія о войскѣ, существовала должность инспектора войскъ. Права и обязанности этой должности были весьма туманны и даже отношенія его къ военному министру, въ смыслѣ подчиненности, не были точно опредѣлены. Я и рѣшилъ эту должность упразднить, создавъ вмѣсто нея должность товарища министра; такая комбинація давала мнѣ возможность не испрашивать новаго кредита у народнаго собранія.

Первыя препятствія моей организаторской дѣятельности я встрѣтилъ въ представителѣ Австріи, графѣ Кевенгюллерѣ.

Отношенія мои къ этому выдающемуся дипломату были довольно оригинальны. Въ гл. IV я уже очертилъ его личность и указалъ, что это былъ злѣйшій врагъ славянства; въ Болгаріи, а потомъ въ Сербіи, ему представилось широкое поле дѣятельности и онъ не сидѣлъ сложа руки.

По образованіи кабинета, всѣ представители иностранныхъ державъ дѣлали поочередно дипломатическіе обѣды, приглашая на оные министровъ поочередно, или по нѣсколько заразъ. Понятно, что и я бывалъ на такихъ обѣдахъ, а когда въ Софію пріѣхала моя жена и мы зажили какъ слѣдуетъ семейнымъ домомъ, а не на холостую

[1]) На всякую потребу.

ногу, какъ я жилъ первое время, то, конечно, и мы приглашали обѣдать дипломатовъ и другихъ лицъ, занимавшихъ какіе-нибудь важные посты, или выдававшихся дѣятелей. Единственный дипломатъ, который ни разу не пригласилъ меня, былъ Кевенгюллеръ. У него бывали собранья по вечерамъ, на этихъ собраньяхъ „винтили“, но я, какъ не играющій въ карты, приглашаемъ не былъ. Не будучи приглашаемъ имъ, и я, въ свою очередь, не приглашалъ его обѣдать или вечеромъ, и мы обмѣнивались только утренними визитами, при чемъ, въ общемъ, отношенія наши были строго корректныя. Во время этихъ визитовъ, понятно, затрогивались разные вопросы, касавшіеся княжества; говорили и о войскѣ. Гр. Кевенгюллеръ говорилъ мнѣ, что онъ очень внимательно слѣдитъ за моей дѣятельностью, читаетъ мои приказы, при чемъ откровенно выражалъ, въ самой вѣжливой и деликатной формѣ, несочувствіе моимъ начинаніямъ относительно переорганизаціи и упроченія арміи. Исходная точка графа была слѣдующая: княжество—государство вассальное и, вдобавокъ къ этому, находится подъ контролемъ и покровительствомъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ; изъ этого очевидно, что княжество никакой самостоятельной политики имѣть не можетъ и не должно. Къ чему же тогда армія? Страна еще въ младенчествѣ, источники доходовъ не изслѣдованы, не опредѣлены, а потому самые доходы весьма незначительны, слѣдовательно, бюджетъ княжества долженъ быть весьма ограниченъ, и во всякомъ случаѣ расходованіе поступленій должно быть направлено къ внутреннему развитію государства, а отнюдь не на армію, которая, при этихъ условіяхъ, является дорогой и ненужной игрушкой. Кевенгюллеръ осторожно намекалъ при этомъ, что мои дѣйствія идутъ въ разрѣзъ съ постановленіями Берлинскаго трактата и могутъ вызвать неудовольствіе державъ. Дойдя до этого пункта, онъ всегда очень вкрадчиво, но и ехидно, спрашивалъ: „Но, можетъ быть, вы уполномочены такъ поступать русскимъ правительствомъ, такъ какъ мнѣ извѣстно, что ваша отставка изъ русской службы фиктивна?“ Кончалъ онъ всегда стереотипной фразой: „на вашемъ мѣстѣ я бы учредилъ хорошую жандармерію, для поддержанія порядка [1])“.

Я не особенно спорилъ съ нимъ, отдѣлывался общими мѣстами, но велъ свою линію и, какъ-то разъ, послѣ одного разговора съ нимъ, въ которомъ онъ особенно напиралъ на то, что болгарское войско—*земское* войско, т. е. милиція, я порѣшилъ, не поднимая шума, съ словомъ „земское“—покончить. Случай скоро представился. Въ министерствѣ и въ частяхъ войскъ были израсходованы бланки для оф-

[1]) A votre place je ferais une bonne gendarmerie pour maintenir l'ordre.

фиціальной переписки, въ заголовкѣ которыхъ стояло: „Болгарское *земское* войско“; я приказалъ новыя бланки отпечатать безъ слова „земское“. То же приказалъ я дѣлать въ заголовкахъ и въ текстѣ, печатавшихся въ то время, разныхъ уставовъ, положеній, наставленій и т. п. для войска, равно какъ и на всѣхъ вывѣскахъ военныхъ зданій, складовъ и проч. Кевенгюллеръ злился, говорилъ, что я хочу устроить переворотъ [1]). Не будучи въ состояніи сдѣлать что-либо противъ меня непосредственно, онъ избралъ другой путь, окольный; онъ началъ возстановлять противъ меня князя и при томъ возстановлять не противъ моей оффиціальной дѣятельности, какъ министра, а противъ моей личности, проводя мысль, что я слишкомъ самостоятеленъ, слишкомъ популяренъ въ арміи и у болгаръ вообще, а также, что я дружу съ либералами въ то время, когда князь ихъ не любитъ, а коллеги мои съ нимъ враждуютъ.

Извѣстно, что ловко пущенная клевета легко распространяется и растетъ. Въ оперѣ „Севильскій цирюльникъ“ донъ Базиліо очень картинно рисуетъ доктору Бартоло, какъ клевета вначалѣ стелется, почти незримо, по землѣ, но затѣмъ постепенно растетъ, растетъ, распространяется вверхъ и въ стороны и, наконецъ, разражается съ шумомъ на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ, поражая свою жертву. Такъ вышло и тутъ. Князь, очень самолюбивый, трудно мирился съ своимъ положеніемъ вассала, а потому вполнѣ сочувствовалъ упроченію войска, но, будучи весьма властолюбивъ и подозрителенъ, хотѣлъ непремѣнно вставлять въ военное дѣло собственные свои взгляды и начинанія, чтб было очень трудно осуществить, такъ какъ болгарская армія была устроена русскими людьми, по русскимъ образцамъ, обучалась по русскимъ уставамъ, русскими инструкторами и ихъ учениками, болгарскими офицерами. Тѣмъ не менѣе князь хотѣлъ непремѣнно вставить „свое“. Случай скоро представился и, какъ всегда, началось съ совершенныхъ пустяковъ.

Въ разныхъ мѣстахъ дворца князя и на подъѣздѣ стояли часовые; смѣна караула происходила всегда очень торжественно, передъ дворцомъ, при чемъ знамя части, заступавшей въ караулъ, вносилось во дворецъ, съ соотвѣтстственнымъ, по уставу, церемоніаломъ. Князь любилъ все военное, но, будучи очень молодъ, вполнѣ естественно увлекался, главнымъ образомъ, внѣшней, парадной стороной. При одномъ изъ моихъ докладовъ князь сказалъ мнѣ, что, наблюдая изъ окна смѣну карауловъ, онъ обратилъ вниманіе на церемоніалъ, который совершается иначе, чѣмъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, въ прусскихъ войскахъ. Я доложилъ, что, дѣйствительно, болгарскія

[1]) Il me semble que le général Parensoff veut faire un coup de tête.

войска обучены по русскимъ уставамъ, различествующимъ отъ прусскихъ, и думалъ, что это было сказано только, какъ говорится: „къ слову“. Но затѣмъ князь сталъ возвращаться къ этому вопросу и, наконецъ, просилъ меня измѣнить уставъ, согласно его желанію. Строго говоря, армія не пострадала бы отъ того, что знамя внесутъ во дворецъ такъ или иначе, но тутъ возникалъ вопросъ принципіальный: 1) Русскіе офицеры могли обучать своихъ болгарскихъ учениковъ только тому, что имъ хорошо извѣстно и усвоено. 2) Въ такое горячее время, когда приходилось заниматься обширной, творческой, созидательной работой, не было возможности размѣниваться на мелочи и заставлять не только учениковъ-болгаръ, но и самихъ русскихъ учителей переучиваться. 3) Всякія новшества, позаимствованныя у нѣмцевъ, были бы встрѣчены въ арміи весьма недружелюбно, и 4) я не имѣлъ никакой гарантіи, что князь, начавъ съ церемоніи относа знаменъ, на этомъ остановится и не пойдетъ дальше; наоборотъ, у меня были данныя на то, что князь хочетъ многое перевернуть à la Берлинъ.

Одновременно съ этимъ возникъ вопросъ, поднятый княземъ, о принятіи на службу въ войска иностранныхъ офицеровъ изъ австрійскихъ и преимущественно прусскихъ войскъ. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность удостовѣриться, что въ этомъ дѣлѣ князь былъ плѣнникомъ обѣщаній, данныхъ имъ разнымъ его товарищамъ и знакомымъ, офицерамъ прусскихъ войскъ, которые, при избраніи его въ князья болгарскіе, выпросили у него обѣщаніе пристроить ихъ въ Болгаріи. Вначалѣ вопросъ этотъ не былъ поставленъ остро; я доложилъ князю, что теперь, до созыва народнаго собранія, я не могу и возбуждать его, такъ какъ, на основаніи §§ 65 и 66 конституціи княжества, иностранные подданные могутъ быть принимаемы на службу только съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, народнаго собранія [1]).

Третій вопросъ разногласія моего съ княземъ касался титула, о чемъ я уже упомянулъ выше [2]). Послѣ описанной тамъ сцены я, съ одобренія нашего дипломатическаго агента, А. П. Давыдова во всѣхъ документахъ, писанныхъ по-болгарски, ставилъ „Свѣтлость“, а въ личномъ обращеніи къ князю и въ словесныхъ докладахъ, происходившихъ на французскомъ языкѣ, называлъ его Altesse (Высочество), безъ прибавки Sérénissime, обозначающей „Свѣтлость“. Такъ дѣло шло довольно гладко, но, тоже, какъ всегда бываетъ, одинъ незна-

---

[1]) Въ секретныхъ протоколахъ Тырновскаго учредительнаго собранія было оговорено, что §§ эти не касаются русскихъ.

[2]) Глава III.

чительный случай, привелъ къ тому, что вопросъ о титулѣ выплылъ на поверхность и, будучи личнымъ, весьма быстро обострился.

Во время пребыванія князя въ Тырновѣ, офицеры саперной роты, тамъ расположенной, послѣ смотра просили разрѣшенія князя поднести ему различныя фотографіи обученія роты, а затѣмъ въ концѣ іюля или августа, завѣдывавшій инженерной частью арміи, русскій капитанъ Е. С. Саранчовъ, представилъ мнѣ двѣ большихъ, роскошныхъ папки съ фотографіями. Одна изъ нихъ предназначалась для князя, другая мнѣ. На княжеской папкѣ золотыми буквами было вытѣснено: „Его Свѣтлости князю Александру Болгарскому...“ и т. д. Принявъ благосклонно подношеніе, князь, оставшись со мной вдвоемъ, конфузясь и краснѣя сказалъ: „pourtant c'est l'armée seule qui me nomme свѣтлость, tandis que tout le monde me nomme высочество [1]).

По поводу этого титула много говорилось и писалось за границей и въ Россіи. Нѣмецкія газеты, а съ ихъ словъ и „Голосъ“ въ Россіи, утверждали, что князь, уже по рожденію своему, былъ высочество. Это утвержденіе не имѣло ни малѣйшаго основанія. Братъ нашей императрицы Маріи Александровны принцъ Александръ Гессенскій, служа въ австрійскихъ войскахъ и бывая часто въ Петербургѣ, еще молодымъ человѣкомъ влюбился въ фрейлину императрицы, графиню Гауке и на ней женился, морганатическимъ бракомъ, при чемъ графиня Гауке не была возведена въ принцессы гессенскаго дома, и соотвѣтственнаго титула не получила, а именовалась княгиней Батенбергъ, безъ титула высочества. Дѣти отъ этого брака тоже не получили титула принцевъ гессенскихъ, а князей Батенбергъ. Далѣе: проектъ статей конституціи составлялся въ Россіи, разсматривался въ Тырновскомъ учредительномъ собраніи и въ конституцію былъ внесенъ титулъ свѣтлости, при полной освѣдомленности нашего правительства о томъ, кто будетъ первымъ княземъ Болгаріи. Съ точки зрѣнія тщеславія и болгарамъ и мнѣ было бы пріятнѣе имѣть во главѣ насъ лицо не только съ титуломъ высочества, но и величества, царя Болгаріи и весь вопросъ сводился къ тому, чтобы измѣненіе это произошло законнымъ путемъ, черезъ народное собраніе. Такому обороту я вполнѣ сочувствовалъ и при обостреніи вопроса о титулѣ, какъ укажемъ ниже, уже завелъ переговоры съ вожаками различныхъ партій, чтобы ближайшее народное собраніе возбудило этотъ вопросъ. Изложенное подтверждается и письмами флигель-адъютанта полковника Шепелева къ графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину, тоже приводимыми далѣе.

---

[1]) Однако, одна армія называетъ меня свѣтлостью, тогда какъ всѣ остальные—высочествомъ.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ, крайне непріятныхъ, видна была, конечно, въ разной степени силы, рука Кевенгюллера. Меньше всего онъ интересовался тенденціями князя о введеніи въ болгарское войско прусскихъ уставовъ и формъ. Отчасти, это его, какъ австрійскаго улана, не интересовало, отчасти же, онъ, какъ умный человѣкъ, понималъ, что тутъ я неуязвимъ, покуда въ войскѣ служатъ русскіе инструкторы. Относительно принятія иностранныхъ офицеровъ въ войско, графъ Кевенгюллеръ держался тоже довольно безучастно, потому что австрійскихъ кандидатовъ явилось очень малое число, нѣсколько единицъ, а поступленіе прусскихъ инструкторовъ совсѣмъ не было на руку австрійцу, католику и мальтійскому кавалеру, по происхожденію—чеху. Но зато въ вопросѣ о титулѣ графъ Кевенгюллеръ разошелся. Для него было важно устранить, или, по крайней мѣрѣ, обезвредить, лично меня, Паренсова, зараженнаго славянскими симпатіями, славянофильскими воззрѣніями, горячаго проводника идеи „цѣлокупной“ Болгаріи, т. е. княжества Болгарскаго, слившагося съ Ѳракіей (окрещенной берлинскимъ конгрессомъ именемъ Восточной Румеліи) и Македоніей, мечтавшаго о федераціи славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Кевенгюллеру, предпринявшему походъ противъ моей личности, удобнѣе всего, и вѣрнѣе всего, было вести эту борьбу на почвѣ личностей: князя и моей. Не отвергая значенія §§ конституціи, Кевенгюллеръ опирался на то, что мои коллеги покорно склонили выю передъ желаніемъ князя, не постѣснявшись конституціей, слѣдовательно, если я не примкнулъ къ нимъ, то корень этого надо искать отнюдь не въ приверженности моей къ существующему закону, а въ несочувствіи къ личности избраннаго князя, причиною же этого несочувствія служитъ то, что я славянинъ, православный, а князь, не сочувствующій Россіи, полунѣмецъ, полуполякъ и лютеранинъ. По мѣрѣ развитія этого вопроса, выставлялись уже и другія причины: мое честолюбіе и властолюбіе, стремленіе стать „управляющимъ“, а не „управляемымъ“ и, въ концѣ концевъ, мою, якобы принадлежность къ нигилистическому направленію, народившемуся въ Россіи.

Изложенное показываетъ, что мое положеніе осложнялось, и даже весьма. Я взиралъ на Россію, ждалъ помощи отъ графа Д. А. Милютина и государя. Мой другъ, А. А. Шепелевъ, помогалъ мнѣ, насколько могъ, поддерживая меня личнымъ сочувствіемъ въ Софіи и письмами въ Петербургъ графу Милютину.

Среди этихъ невзгодъ и кипучей работы по министерству, возникъ еще одинъ, очень важный, вопросъ, о личномъ составѣ русскихъ офицеровъ, оставшихся на службѣ въ войскѣ. При эвакуаціи войскъ дѣйствующей арміи въ Россію, много отличныхъ офицеровъ,

служившихъ въ болгарскомъ войскѣ, не согласились остаться на службѣ въ княжествѣ и, несмотря на очень большіе оклады, уѣхали. Главной причиной было желаніе ѣхать „домой“. Помыкавшись болѣе 2-хъ лѣтъ на мобилизованномъ и военномъ положеніи, съ осени 1876 по весну 1879 года, всѣмъ хотѣлось успокоиться на родинѣ, а потому многія хорошія личности уѣхали. Въ числѣ оставшихся въ княжествѣ было также много отличныхъ офицеровъ, но были и такіе, которые хороши были только въ Россіи, при прочной организаціи и твердой, давно установленной, власти; въ Болгаріи же, предоставленные себѣ самимъ, они дѣлались не подходящими. Чтобы заполнить открывшіяся вакансіи и не оставить войска въ не-комплектѣ, военная часть управленія императорскаго коммиссара вынуждена была принимать офицеровъ, желающихъ остаться въ Болгаріи, безъ особаго разбора. Приходилось торопиться. Благодаря всему этому, на лицо, въ войскѣ оказались офицеры: хорошіе вообще и вездѣ, даже отличные; хорошіе только въ Россіи и не годившіеся, какъ инструкторы болгаръ и совсѣмъ не хорошіе—нигдѣ. Мнѣ лично были извѣстны офицеры, исключенные изъ русскихъ частей судомъ общества офицеровъ, нашедшіе пріютъ въ болгарскомъ войскѣ. Кромѣ того, бросалась въ глаза несообразность въ командномъ составѣ: дружинами пѣхоты командовали бывшіе кавалеристы, въ чинахъ подполковника и поручика, командиры сотенъ были совсѣмъ неопытные, не командовавшіе въ Россіи эскадронами и т. д.

Власть моя надъ русскими офицерами была совсѣмъ не опредѣлена. Это понималось и чувствовалось на столько всѣми, что однажды, по поводу одного моего распоряженія, одинъ изъ русскихъ офицеровъ, возражая мнѣ, позволилъ себѣ спросить меня, или правильнѣе—указать мнѣ: „какъ-то посмотритъ на это русское императорское правительство“. Очевидно было, что дальше идти такъ нельзя, и я рѣшилъ принципіально удалить всѣхъ, по моему мнѣнію, не подходящихъ русскихъ офицеровъ, но для этого надо было заблаговременно заготовить кадръ ихъ замѣстителей.

Какъ видно, вопросовъ накопилось столько, что излагать ихъ на бумагѣ было почти невозможно, и я рѣшилъ поѣхать въ Россію, для личнаго доклада. Въ необходимости такой поѣздки со мной были вполнѣ согласны А. А. Шепелевъ и А. П. Давыдовъ; послѣдній ѣхалъ тоже въ Россію по дѣламъ княжества и взялъ на себя испросить разрѣшеніе на мой пріѣздъ, не стѣсняя меня, однако, временемъ. Я же рѣшилъ подождать пріѣзда А. К. Тимлера, чтобы посвятить его въ курсъ дѣла, составить вмѣстѣ съ нимъ обстоятельную записку о всѣхъ нуждахъ и вопросахъ и, сдавъ ему временно должность, поѣхать.

*

Немедленно по пріѣздѣ Тимлера мы разсмотрѣли списки русскихъ офицеровъ, по моему мнѣнію, не подходящихъ, но рѣшенія никакого еще не постановили, и я просилъ Тимлера, предварительно, во время моего отсутствія, произвести инспекторскіе смотры, по возможности, большему числу дружинъ и присмотрѣться къ личному составу русскихъ офицеровъ. Я обратилъ вниманіе Тимлера на необходимость оцѣнивать нашихъ офицеровъ не только со стороны ихъ умѣнья обучать болгарское войско, но и съ нравственной стороны, такта, умѣнья держать себя съ болгарами безъ различія партій, не вмѣшиваясь въ ихъ борьбу. Инспекторскіе смотры Тимлера должны были всесторонне разсмотрѣть положеніе войскъ. По хозяйственной части надо было выяснить: что̀ гдѣ есть и чего нѣтъ. Для облегченія работы я разрѣшилъ ему, собственно по министерству, въ мое отсутствіе, ограничиться текущей перепиской, не предпринимая ничего существеннаго.

Я возлагалъ большія надежды на Тимлера, зная его опытность, способности, идеальную честность и личную ко мнѣ привязанность. Еще въ академіи генеральнаго штаба мы жили вмѣстѣ; онъ былъ гораздо старше меня годами, воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія и въ Севастопольскую войну поступилъ юнкеромъ въ Бородинскій полкъ, но полкъ не дошелъ до Севастополя по случаю заключенія мира; служилъ долго въ арміи, а затѣмъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскомъ полку, въ генеральномъ штабѣ и во время войны былъ сначала въ Нижне-Дунайскомъ отрядѣ, а потомъ командовалъ желѣзнодорожнымъ батальономъ. На бѣду всѣ отличныя качества Тимлера разбились о князя, чему, впрочемъ, отчасти, способствовала раздражительность самого Тимлера, которая, при мнѣ, не доходила до князя, но высказывалась, въ мое отсутствіе, при ихъ непосредственныхъ сношеніяхъ. Тимлеръ съ мѣста не понравился князю и обратно. Происходило это еще и отъ того, что Тимлеръ, зная зарождавшееся нерасположеніе князя ко мнѣ, смотрѣлъ на него недружелюбно, а князь говорилъ: le colonel Timler a l'air d'un crocodile qui veut m'engloutir [1]).

Я успокоивалъ себя тѣмъ, что, въ мое отсутствіе, докладовъ у князя будетъ мало [2]), если же и будутъ, то несущественные, не вызывающіе разногласія, а по пріѣздѣ моемъ Тимлеру и совсѣмъ не прійдется бывать у князя. Передъ отъѣздомъ моимъ, мы составили перечень главныхъ вопросовъ, которые мнѣ надлежало разрѣшить въ

---

[1]) Полковникъ Тимлеръ похожъ на крокодила, который желаетъ меня поглотить.

[2]) Тѣмъ болѣе, что князь Александръ уѣзжалъ въ Бухарестъ, къ королю Карлу, гдѣ и пробылъ до начала октября.

Россіи, испросивъ на то согласіе князя. Главнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе:

выяснить и опредѣлить мое отношеніе къ конституціи, съ точки зрѣнія Россіи. Въ этотъ вопросъ входило дѣло о титулѣ князя;

выяснить мое отношеніе къ русскимъ офицерамъ и опредѣлить, что я изображаю относительно ихъ въ Болгаріи: старшаго товарища, подобнаго имъ волонтера, или же властнаго начальника, имѣющаго право, по докладу князю, удалять, по моему мнѣнію, неподходящихъ, съ обстоятельнымъ донесеніемъ въ Петербургъ о причинахъ, вызвавшихъ это удаленіе;

выяснить мое отношеніе къ народному собранію и главнымъ образомъ рѣшить вопросъ: долженъ ли я, при паденіи теперешняго министерства, тоже уйти, даже если мнѣ лично не будетъ выражено недовѣріе палаты.

Дальнѣйшіе вопросы касались дѣлъ войска. Испрашивалось: разрѣшить мнѣ приглашать изъ Россіи извѣстныхъ мнѣ, или рекомендованныхъ, офицеровъ, для замѣны уходящихъ и вообще при открытіи вакансій, съ предоставленіемъ имъ тѣхъ же правъ, которыми пользовались мы;

вызвать изъ Россіи желающихъ унтеръ-офицеровъ, коихъ, по нашимъ расчетамъ, требовалось 506 человѣкъ;

затронуть вопросъ и пощупать почву относительно полученія изъ Россіи, для всего болгарскаго войска, состоящаго на дѣйствительной службѣ, полнаго комплекта новыхъ ружей, системы Бердана, принятаго въ Россіи образца, съ уплатой, но по удешевленной цѣнѣ и въ разсрочку. Попросить сукна для постройки втораго комплекта обмундированія, тоже на все войско. Кромѣ этихъ главныхъ, были еще менѣе важные вопросы, такъ что, въ общемъ, хлопотать приходилось о многомъ.

Поѣздкѣ моей рѣшено было придать совершенно частный характеръ; я ѣхалъ въ отпускъ, чтобы привезти мою семью въ Софію, но такъ какъ, пріѣхавъ въ Россію и ѣдучи черезъ Одессу, неудобно не представиться государю и русскимъ властямъ, находящимся въ Крыму, то я испрошу разрѣшенія *заѣхать* въ Ливадію.

Весь этотъ маскарадъ не привелъ ни къ чему, а, наоборотъ, еще болѣе раздувалъ значеніе моей поѣздки, и софійскій корреспондентъ „Politische Correspondenz“ сообщилъ, 28 сентября, своей газетѣ слѣдующее:

„Состоявшійся втихомолку отъѣздъ въ Ливадію болгарскаго военнаго министра Паренсова вызвалъ самые разнообразные толки и подалъ поводъ къ самымъ рискованнымъ предположеніямъ. По словамъ однихъ поѣздка эта находится въ связи съ предположенной переорганизаціей арміи, а по увѣренію

другихъ, генералу поручено переговорить въ Ливадіи о покупкѣ оружія въ Тулѣ. Очень можетъ быть, что генералъ Паренсовъ посовѣтуется объ этомъ предметѣ, и о другихъ подобныхъ вещахъ, съ русскимъ военнымъ министромъ генераломъ Милютинымъ, находящимся въ Ливадіи вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, однако, дѣйствительно данное ему порученіе, по слухамъ, имѣетъ величайшее и высокополитическое значеніе. Извѣстно, что Порта, въ силу 13 протокола Берлинскаго конгресса, имѣетъ право, въ случаѣ надобности, направлять черезъ Болгарію въ Коссовскій вилайетъ войска изъ Ѳракіи и въ частности изъ Адріанополя. Означенную этапную дорогу пришлось бы провести къ югу отъ Софіи и близъ Кюстендила соединить съ военной дорогой Салоникскаго вилайета. Оттоманскіе коммиссары въ болгарской коммиссіи по установленію границъ настаивали на оставленіи за Турціей права, обезпеченнаго ей международнымъ трактатомъ въ томъ смыслѣ, что потребовали ближайшаго топографическаго обозначенія упомянутой этапной дороги. Коммиссія не пришла къ единогласію въ рѣшеніи вопроса, причемъ русскій делегатъ даже вошелъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, признавъ преніи о турецкой военной дорогѣ черезъ княжество совершенно неумѣстнымъ, въ виду разногласія самихъ великихъ державъ насчетъ возможности занятія балканскихъ проходовъ и нѣкоторыхъ пунктовъ Восточной Румеліи. Къ этой оппозиціи Россіи слѣдовало относиться тѣмъ серьезнѣе, что къ ней примкнулъ и французскій коммиссаръ, вслѣдствіе чего остальные коммиссары запросили инструкціи своихъ правительствъ, которыя и были даны въ смыслѣ поддержанія турецкихъ требованій. Намѣчена была дорога на Базарджикъ, Эгри-Паланка, Самоковъ, Дубница, Кюстендиль. Болгарское правительство очутилось въ положеніи необходимости подчиниться рѣшенію. Но какъ ни непріятна такая случайность, правительство взглянуло бы на нее спокойно, если бы изъ болгарскихъ народныхъ кружковъ не посыпались яростные протесты противъ означеннаго рѣшенія и не возникло основательнаго опасенія, что агитаторы воспользуются настоящимъ случаемъ для того, чтобы ниспровергнуть министерство. Можно, впрочемъ, утверждать не безъ основанія, что радикалы воспользовались бы проходомъ турецкихъ войскъ для низверженія всего порядка, созданнаго Берлинскимъ конгрессомъ [1]). Нельзя отрицать того факта, что волны необузданныхъ яростей партій подкатываются къ ступенямъ трона. Здѣсь не могли не обратить на это самаго серьезнаго вниманія и въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, происходившихъ передъ отъѣздомъ князя [2]), рѣшено ходатайствовать передъ великими державами объ устраненіи грозящихъ княжеству опасностей. Чтобы посовѣтоваться объ этомъ съ русскимъ дворомъ, военный министръ генералъ Паренсовъ лично отправленъ въ Ливадію“.

Изъ ранѣе написаннаго видно, что справедливо въ этой корреспонденціи было то, что касалось переорганизаціи арміи и тульскихъ ружей, но въ ней не было упомянуто, да и не могло быть сообщено главнаго, что мнѣ предстояло: выяснить государю императору и русскому императорскому правительству дѣйствительное положеніе вещей въ Болгаріи, разувѣрить въ томъ, что настоящее, „консервативное“ министерство составляетъ какой-то оплотъ порядка, процвѣтанія

[1]) Это пылкая фантазія корреспондента.

[2]) Въ Бухарестъ, съ визитомъ къ королю Карлу. П. П.

страны и прочности княжескаго правленія; разувѣрить въ воображаемой опасности, могущей произойти отъ паденія теперешняго министерства и появленія у власти „либераловъ“, главнымъ же образомъ доказать необходимость удержанія князя на соблюденіи только-что данныхъ основныхъ законовъ, посовѣтовавъ не становиться на путь политическихъ приключеній, устранивъ совершенно мысль о государственномъ переворотѣ и уничтоженіи, или даже временномъ пріостановленіи, конституціи.

Путь для моихъ переговоровъ былъ подготовленъ письмами А. А. Шепелева къ графу Милютину, но мнѣ предстояло бороться и съ противорѣчивыми взглядами на положеніе дѣлъ: донесеніями А. П. Давыдова, соглашавшагося съ нами во многомъ, частномъ, кромѣ главнаго: необходимости, въ случаѣ паденія кабинета, допустить къ власти людей изъ оппозиціи и съ заявленіями князя, имѣвшими характеръ совершенно противоположный взглядамъ Шепелева и моимъ.

Такъ какъ поѣздка моя въ Ливадію положила начало новому періоду моей дѣятельности въ Болгаріи, съ болѣе твердымъ проведеніемъ въ жизнь взглядовъ, сознанныхъ и усвоенныхъ мною съ самаго начала, то, чтобы освѣтить, не въ моемъ изложеніи, все предъидущее, привожу в. секретное письмо А. А. Шепелева къ графу Милютину отъ 8—20 сентября 1879 года, послужившее авангардомъ моимъ личнымъ докладамъ въ Ливадіи.

П. Паренсовъ.

Въ первой книжкѣ „Русской Старины“, въ статьѣ „Въ Болгаріи“, гл. V, вкрались слѣдующія опечатки. 1) Стр. 65, строка 14 снизу, напечатано: *соблюдая*, должно быть: *понимая*. 2) Стр. 68, стр. 15 сверху, напечатано: *предложить* должно быть: *предложилъ*. 3) Стр. 72, стр. 16 снизу, напечатано: *научной*, должно быть: *лучшей*. 4) Стр. 74, стр. 12 снизу, напечатано: *тройка*, должно быть: *трепка*.

П. Паренсовъ.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

III [1]).

Неудачный проектъ университетскаго зданія, представленный Казнаковымъ.— Мое перемѣщеніе въ Казань.

Съ 1877 по 1880 годъ я былъ, если можно такъ выразиться, не гласнымъ участникомъ въ дѣлахъ Сибирскаго университета. Несмотря на то, что не состоялъ ни въ какихъ оффиціальныхъ къ нему отношеніяхъ, я велъ личные переговоры и довольно обширную переписку по этому дѣлу съ разными лицами и учрежденіями, а министерство ко мнѣ же направляло всѣ возникавшіе частные вопросы по этому предмету. Желая охарактеризовать мои отношенія къ Сибирскому университету, графъ Дм. Андреевичъ нерѣдко давалъ мнѣ преждевременный титулъ „Ректора будущаго Сибирскаго университета“, и это придуманное званіе оставалось за мной, конечно, не въ оффиціальныхъ бумагахъ, до самаго переѣзда моего въ Томскъ (въ 1885 г.) на должность попечителя вновь открытаго учебнаго округа. И на самомъ дѣлѣ я состоялъ какъ бы партикулярнымъ ректоромъ несуществующаго университета, даже послѣ того, когда былъ назначенъ членомъ строительнаго комитета при возведеніи университетскихъ зданій (съ 1880 г.), такъ какъ мнѣ были даны при этомъ особыя полномочія для непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ.

Не буду, однако же, забѣгать впередъ, а возвращусь опять къ 1877 году. По окончаніи засѣданій коммиссіи по пересмотру общаго университетскаго устава, вторая половина зимы (съ января по апрѣль), была посвящена редактированію трудовъ коммиссіи въ составѣ тѣхъ ея членовъ, которые оставались въ Петербургѣ (А. Ив. Георгіевскій, я, Н. А. Любимовъ и А. М. Гезенъ).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1906 г.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета Профессиональных Союзов

Одновременно съ этимъ вырабатывался при моемъ участіи проектъ зданій для Сибирскаго университета. Эту послѣднюю задачу первоначально взялъ на себя, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, Н. Г. Казнаковъ, поручивъ составленіе плановъ омскому архитектору Эзету, имѣвшему весьма смутное представленіе объ университетскихъ потребностяхъ. Выработанный въ Омскѣ планъ былъ препровожденъ генералъ-губернаторомъ въ министерство народнаго просвѣщенія въ началѣ 1877 г. Ознакомившись съ нимъ, я былъ поистинѣ удивленъ смѣлостью и рѣшимостью составителей взяться не за свое дѣло. Проектированный Эзетомъ главный университетскій корпусъ представлялъ собой не то казарму, не то фабрику. Представьте себѣ неуклюжій трехъэтажный четыреугольный ящикъ, раздѣленный по всѣмъ этажамъ внутреннимъ корридоромъ съ равномѣрными клѣтками по ту и другую его сторону. Клѣтки должны были изображать собой аудиторіи и профессорскіе кабинеты, безъ малѣйшаго представленія о томъ, какой цѣли они должны соотвѣтствовать. Въ одинаковой мѣрѣ, онѣ могли служить и арестантскими камерами для губернской тюрьмы, и богадѣльней или инвалиднымъ домомъ допотопной конструкціи, но никакъ не мѣстамъ культивированія современной науки. Само собой разумѣется, что проектъ съ перваго же взгляда былъ забракованъ. Для выработки новаго графъ Д. А. Толстой назначилъ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ директора департамента М. Е. Братке. Въ составъ коммиссіи вошли слѣдующія лица: 1) я, какъ выразитель потребностей медицинскаго факультета, 2) профессоръ Д. И. Менделѣевъ для физико-математическаго факультета и 3) архитекторъ А. К. Бруни.

Мы должны были опредѣлить число, размѣры и относительное размѣщеніе кабинетовъ, музеевъ, лабораторій и аудиторій, принимая во вниманіе и общія административныя и хозяйственныя помѣщенія. Изъ набросанныхъ такимъ образомъ черновыхъ чертежей дѣлался общій, если можно такъ выразиться, факультетскій сводъ распредѣленія помѣщеній, по которому архитекторъ долженъ былъ уже выработать настоящій проектъ. По самому существу задачи, на мою долю, т. е. для медицинскаго факультета пришлось заготовить почти $^2/_3$ всѣхъ черновыхъ чертежей, но ихъ удалось осуществить, и то не вполнѣ, только въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, уже послѣ открытія университета.

Мой планъ для медицинскихъ построекъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) предполагался особый двухъэтажный анатомическій корпусъ въ 25 саж. длины и 7 саж. ширины, съ главнымъ входомъ по срединѣ и двумя боковыми крыльцами. Здѣсь размѣщались всѣ каѳедры, имѣвшія дѣло съ человѣческими трупами, т. е., описательная анатомія, патологическая

анатомія, оперативная хирургія съ хирургической анатоміей, судебная медицина и гистологія. Здѣсь же были соотвѣтствующіе обширные музеи, секціонныя залы, профессорскіе и прозекторскіе кабинеты и двѣ аудиторіи, большая (амфитеатромъ) и малая (для гистологіи и судебной медицины). Рядомъ съ анатомическимъ корпусомъ имѣлось въ виду построить небольшую каменную часовню съ подвальнымъ этажемъ для храненія труповъ и особый домикъ для грязныхъ анатомическихъ работъ и мацерацій. Проектируя анатомическій корпусъ, я старался воспользоваться всѣмъ, что мнѣ было извѣстно по этому предмету, какъ въ заграничныхъ университетахъ, такъ и въ отечественныхъ. Послѣдніе, впрочемъ, служили лишь отрицательнымъ указателемъ, чтобы избѣжать тѣхъ вопіющихъ недостатковъ, какіе составляли злобу дня того времени почти во всѣхъ нашихъ университетахъ [1]). Къ сожалѣнію, мой проектъ анатомическаго корпуса не былъ даже воспроизведенъ на архитекторскихъ чертежахъ. Послѣдовавшія въ скоромъ времени въ высшихъ правительственныхъ сферахъ колебанія мнѣній относительно числа факультетовъ Сибирскаго университета пріостановили окончательную выработку плановъ для спеціальныхъ медицинскихъ институтовъ. Въ 1880 году было уже извѣстно, что Сибирскій университетъ предполагается открыть въ составѣ только трехъ факультетовъ, безъ медицинскаго. Поэтому, задачи архитектора Бруни ограничились разработкой одного главнаго корпуса и служебныхъ флигелей.

2) Вторымъ проектомъ, выпавшимъ на мою долю, былъ клиническій корпусъ. Планъ его также былъ начерченъ мною (вчернѣ) въ 1877 году въ томъ видѣ, съ павильонами, какъ онъ существуетъ нынѣ въ дѣйствительности, но архитектурная обработка этого проекта была сдѣлана только лѣтомъ 1883 года, бывшимъ строителемъ университетскихъ зданій, архитекторомъ П. П. Нароновичемъ. Смѣло могу сказать, что по тому времени это былъ образцовый проектъ клиническихъ сооруженій, въ которомъ приняты во вниманіе всѣ современныя требованія науки, удобства и безопасности. Когда мы съ Нароновичемъ вычерчивали этотъ планъ въ 1883 году, мы не имѣли въ виду близкаго открытія медицинскаго факультета, а дѣлали это, такъ сказать, въ запасъ для будущаго. Впослѣдствіи оказалось, что такая предсумотрительность была далеко не лишнею, такъ какъ за годъ до открытія университета въ правительственныхъ сферахъ снова произошелъ поворотъ въ мнѣніяхъ о числѣ его факультетовъ: вмѣсто предполагавшихся трехъ—филологическаго, юридическаго и физико-ма-

[1]) См. мою книгу о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ. Спб. 1875 г.

тематическаго, рѣшено было открыть только одинъ медицинскій, который во время постройки зданій вовсе не имѣлся въ виду.

3) Составъ главнаго университетскаго корпуса былъ намѣченъ мною вмѣстѣ съ Д. И. Менделѣевымъ. Послѣднему принадлежало распредѣленіе помѣщеній для каѳедры химіи и физики, ботаники, минералогіи, геологіи и зоологіи. Химическія лабораторіи и всѣ прочіе музеи и кабинеты физико-математическаго факультета предполагалось размѣстить въ первомъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса, а медицинскія каѳедры физіологіи, общей патологіи, фармакологіи и гигіены—во второмъ этажѣ. Въ центрѣ зданій, по ту и другую сторону параднаго подъѣзда, по переднему фасаду помѣщались—въ первомъ этажѣ библіотека, во второмъ этажѣ церковь, актовый залъ, залъ факультетскихъ засѣданій въ особой профессорской комнатѣ и музей изящныхъ искусствъ съ археологіей. Комнаты для правленія и инспекціи отводились въ первомъ этажѣ флигелей, гдѣ въ остальныхъ этажахъ проектировались квартиры для служащихъ въ университетѣ.

Въ такомъ видѣ былъ выработанъ мной и Менделѣевымъ черновой планъ главнаго университетскаго корпуса. При этомъ было опредѣлено кубическое содержаніе помѣщеній для каждой каѳедры и намѣченъ порядокъ или взаимныя отношенія лабораторій, музеевъ и кабинетовъ къ соотвѣтствующимъ аудиторіямъ. Были даже начерчены на большихъ листахъ примѣрные планы внутренняго расположенія зданій. Количество студентовъ при этомъ принималось на всѣхъ факультетахъ не болѣе 700 человѣкъ. Подготовленный такимъ образомъ въ коммиссіи матеріалъ былъ переданъ архитектору Бруни для составленія окончательнаго проекта и смѣты по правиламъ строительнаго искусства; помнится, это было въ началѣ мая 1877 г.

Выработка плановъ для построекъ высшаго учебнаго заведенія, или какого бы то ни было спеціальнаго учрежденія необходимо должна слагаться изъ участія двухъ силъ: 1) людей, близко знакомыхъ съ задачами и потребностями проектируемаго учрежденія и 2) изъ спеціалистовъ-техниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ выраженіе предъявленныхъ потребностей въ извѣстныхъ архитектурныхъ формахъ. Въ постройкахъ спеціальнаго назначенія задачи перваго рода имѣютъ первостепенную важность, потому что ими собственно и опредѣляется цѣлесообразность постройки, архитектурная же форма имѣетъ лишь эстетическое и экономическое значеніе. Поэтому при постройкѣ сложныхъ общественныхъ зданій заслуга и отвѣтственность архитектора относится только къ красотѣ внѣшнихъ формъ, къ безопасности и прочности. Что же касается до цѣлесообразности зданія, на сколько въ немъ были приняты во вниманіе всѣ его будущія функ-

ціи, это лежитъ на отвѣтственности тѣхъ людей, которые руководили архитекторомъ, предъявляя ему соотвѣтствующія задачи. Тѣмъ же людямъ должна принадлежать и заслуга по цѣлесообразности проекта. Такъ я смотрѣлъ на порученное мнѣ дѣло по приготовленію зданій для Томскаго университета. Объ исторіи этого дѣла я упоминаю здѣсь потому, что о проектахъ Бруни впослѣдствіи высказывались не вполнѣ одобрительные отзывы какъ въ техническо-строительномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и въ нашемъ министерствѣ. Здѣсь я долженъ объяснить, почему это произошло.

Выше было упомянуто, что матеріалы для проектовъ были переданы Бруни въ началѣ мая. По личному нашему соглашенію детальная разработка и вычерчиваніе плановъ должны были вестись подъ моимъ контролемъ, но лѣтомъ я долженъ былъ оставить Петербургъ и провести это время въ Либавѣ на морскихъ купаньяхъ, для поправленія здоровья моего и моей семьи. Такимъ образомъ, университетскіе планы разработывались въ мое отсутствіе и при томъ очень поспѣшно: къ началу ноября они были уже вполнѣ готовы.

Затрудняюсь сказать, недостатокъ ли вниманія къ даннымъ, выработаннымъ коммиссіей, спѣшность ли работы, или желаніе проявить оригинальное творчество были причиною того, что академикъ Бруни при выполненіи чертежей допустилъ довольно много отступленій отъ первоначальнаго плана. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ: 1) отъ всѣхъ аудиторій безъ всякой надобности было отдѣлено деревянною переборкою по небольшой комнатѣ въ одно окно, представлявшей родъ передней для входа профессора. Это уменьшило размѣръ аудиторій, вмѣсто 3—4 оконъ, въ 2—3 окна, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ оказались недостаточно просторны; 2) въ актовомъ залѣ было показано 8 громадныхъ оконъ (по фасадной и боковой сторонѣ) и 5 дверей, вслѣдствіе чего залъ получилъ видъ стеклянной оранжереи съ весьма узкими простѣнками въ видѣ пилястръ; 3) по другую сторону церкви, для симметріи, начерченъ такой же двухсвѣтный залъ съ 8 громадными окнами, названный „сборная для студентовъ“ (нынѣ здѣсь помѣщается иностранный отдѣлъ библіотеки). По нашему плану здѣсь предполагалось помѣстить залъ факультетскихъ засѣданій, профессорскую комнату и музей изящныхъ искусствъ и археологіи, устроивъ эти помѣщенія не въ два, а въ одинъ свѣтъ (раздѣливъ потолкомъ на два этажа); 4) церковь по плану Бруни занимала только средину нынѣшняго ея помѣщенія, покрытую сводомъ, подхорныя же пространства, а также и нынѣшній алтарь, отдѣленный глухою стѣною, предназначались для музея изящныхъ искусствъ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно: церковь оказывалась слишкомъ мала и слабо освѣщена, а музей изящныхъ

искусствъ имѣлъ видъ длинныхъ и узкихъ коридоровъ, конструкція которыхъ совсѣмъ не соотвѣтствовала ихъ назначенію; 5) по ту и другую сторону парадnаго входа во второмъ этажѣ, почти противъ самыхъ церковныхъ дверей, архитекторъ Бруни помѣстилъ два ватерклозета, что̀ было совсѣмъ неумѣстно. Кромѣ перечисленныхъ, въ планахъ Бруни оказались и другіе второстепенные недосмотры.

16 декабря 1877 года я получилъ отъ директора департамента М. Е. Братке слѣдующее за № 1353 письмо: „М. Г. Вас. Марк. Г. министръ народнаго просвѣщенія призналъ нужнымъ поручить разсмотрѣніе составленныхъ проектовъ плановъ и чертежей для предполагаемыхъ зданій будущаго Сибирскаго университета особому совѣщанію подъ моимъ предсѣдательствомъ, при чемъ изволилъ изъявить желаніе, чтобы ваше превосходительство приняли участіе въ этомъ совѣщаніи. Сообщая объ этомъ, нужнымъ считаю присовокупить, что о времени и мѣстѣ совѣщаній вы получите въ свое время особое извѣщеніе“.

Первое засѣданіе совѣщанія было назначено въ четвергъ, 19 января. Составъ этой коммиссіи для разсмотрѣнія плановъ былъ тотъ же самый, какъ и семь мѣсяцевъ тому назадъ, т. е. я и профессоръ Менделѣевъ, но, кромѣ насъ, былъ еще приглашенъ профессоръ Овсянниковъ.

Съ недосмотромъ и ошибками чертежей Бруни я былъ уже ознакомленъ раньше, но считалъ ихъ легко устранимыми при исполненіи строительныхъ работъ, что̀ я и высказалъ въ коммиссіи. Было бы, конечно, правильнѣе предложить архитектору Бруни исправить самые чертежи, но это требовало продолжительнаго времени, такъ какъ пришлось бы перечерчивать почти всѣ листы плановъ и фасадовъ. Вслѣдствіе этого коммиссія, обративъ вниманіе на недостатки проекта Бруни, признала все-таки возможнымъ препроводить его съ извѣстными оговорками въ техническо-строительный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія чертежей съ технической стороны. Послѣ того, черезъ двѣ недѣли я переселился въ Казань (3 февраля 1878 г.) и дальнѣйшія перипетіи съ планами Сибирскаго университета происходили уже въ мое отсутствіе. Къ этому вопросу я еще возвращусь ниже. О планахъ академика Бруни я долженъ здѣсь сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ. Проектируя главный университетскій корпусъ въ томъ объемѣ и въ той формѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, мы не могли задаваться слишкомъ широкими задачами. Намъ указаны были опредѣленныя финансовыя рамки, за которыя мы не имѣли права выходить, именно въ размѣрѣ не свыше 600 тыс. рублей на всѣ сооруженія, за исключеніемъ клиникъ, которыхъ въ то время не имѣлось еще въ виду. При такой скромной цифрѣ нельзя было думать ни объ особыхъ корпусахъ для химиче-

скаго и физіологическаго институтовъ, ни объ обширныхъ музейныхъ помѣщеніяхъ, ни объ архитектурной роскоши фасадовъ. Нашъ девизъ былъ „простота и удобство“. Скромные размѣры помѣщеній нами были намѣчены и въ тѣхъ соображеніяхъ, что въ Сибирскомъ университетѣ мы не ожидали большаго наплыва учащихся, такъ какъ число гимназій и дух. семинарій въ Сибири было весьма ограниченное, а воспитанники семинарій Европейской Россіи имѣли въ то время свободный доступъ во всѣ русскіе университеты. Само собой разумѣется, что, задумывая Сибирскій университетъ, невозможно было предвидѣть, до какихъ размѣровъ и какъ быстро разростутся его ученыя коллекціи и библіотеки. Мы стали убѣждаться въ этомъ только начиная съ 1880 года, и по мѣрѣ надобности, во время сооруженія зданія, стали принимать мѣры для приспособленія помѣщеній къ принятію стекающихся научныхъ богатствъ. Такъ или иначе, но размѣры зданій по проекту Бруни я признавалъ на первое время достаточными, а нѣкоторыя неправильности въ расположеніи внутреннихъ помѣщеній легко устранимыми. Это вполнѣ подтвердилось на дѣлѣ при сооруженіи построекъ и при жизни открытаго университета въ первое его десятилѣтіе.

Послѣдняя четверть 1877 года была мною посвящена занятіямъ въ коммиссіи по избранію города для Сибирскаго университета. Какъ образовалась эта коммиссія и изъ какихъ членовъ она состояла, объ этомъ я уже говорилъ выше; теперь скажу о ея дѣятельности. Представители интересовъ города Омска, Дзюба и Курбановскій, командированные генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ, прибыли въ Петербургъ въ первыхъ чйслахъ ноября. Первое засѣданіе коммиссіи состоялось 22-го ноября. За четыре дня до этого засѣданія князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ писалъ мнѣ: „Препровождаю вашему превосходительству всѣ бумаги, доставленныя господиномъ депутатомъ изъ Сибири, равно и матеріалы, переданные мнѣ вами. Послѣднихъ—каюсь—не успѣлъ еще прочитать, но, думаю, что и въ тѣхъ и другихъ одинаковыя свѣдѣнія. Разсмотрѣвъ всѣ бумаги въ пачкѣ „изъ Сибири“ я нахожу, что данныя о городахъ Томскѣ и Омскѣ удивительно схожи. Разница главная въ городскихъ доходахъ. Я полагаю, что первое засѣданіе можно назначить, если для васъ это будетъ удобно, во вторникъ, 22 числа, въ 11 часовъ утра. Если вы ничего не имѣете противъ, то я прошу сообщить мнѣ объ этомъ, и я поручу разослать повѣстки. Надобно обдумать какого плана держаться въ порядкѣ засѣданій, чтобы не путаться и не затягивать разсмотрѣнія дѣла, что непремѣнно будетъ, если будемъ дѣйствовать безъ заранѣе намѣченной системы.

„Вашъ покорный слуга князь А. Шихматовъ. 18-го ноября 1877 г.“

Въ тотъ же день я лично доложилъ князю Ал. Прох. свой планъ предстоящихъ докладовъ и порядка обсужденія вопроса, познакомивъ его вкратцѣ на словахъ съ заготовленнымъ мною матеріаломъ.

Первое засѣданіе коммиссіи было посвящено почти исключительно моему докладу, въ которомъ были изложены: 1) общія начала относительно цѣли учрежденія Сибирскаго университета, 2) общія условія, которыя необходимо имѣть въ виду при выборѣ того или другаго города для проектируемаго высшаго учебнаго заведенія и 3) предшествовавшее развитіе даннаго вопроса. Въ этомъ докладѣ я старался установить точку зрѣнія на данный вопросъ, познакомить постороннихъ нашему министерству членовъ съ исторіей его развитія и намѣтить частные вопросы, которые предстоятъ нашему обсужденію. Во второмъ засѣданіи, 24-го ноября, было доложено письмо генералъ-губернатора Восточной Сибири, въ которомъ онъ, между прочимъ, выражается такъ: „предполагаемый Сибирскій университетъ учреждается съ цѣлью дать возможность получить высшее образованіе всему учащемуся юношеству Сибири, и, слѣдовательно, долженъ быть открытъ въ мѣстности центральной для обѣихъ частей этого края. Я нахожу, что таковымъ центральнымъ пунктомъ долженъ въ настоящее время считаться г. Томскъ, а посему и университетъ для пользы той и другой части Сибири необходимо учредить въ этомъ городѣ. „Далѣе генералъ-губернаторъ развиваетъ мысль, что существованіе университета въ Омскѣ лишало бы возможности большую часть юношества Восточной Сибири получать образованіе въ Сибирскомъ университетѣ, а равно и воспитанниковъ изъ Тобольской губерніи, Акмолинской и Семипалатинской областей. Омскій университетъ не принесъ бы существеннаго облегченія, такъ какъ юношество этихъ мѣстностей можетъ оканчивать образованіе въ недальнемъ по разстоянію Казанскомъ университетѣ. Въ заключеніе генералъ-губернаторъ прибавляетъ, что такое же мнѣніе выражаетъ все иркутское городское общество и общества всѣхъ городовъ Восточной Сибири, поэтому „считаетъ своимъ долгомъ покорнѣйше просить предсѣдателя коммиссіи не отказать въ благосклонномъ содѣйствіи къ учрежденію Сибирскаго университета, по первоначальному предположенію, въ г. Томскѣ".

Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ мой докладъ, въ которомъ были изложены: 1) статистическія данныя относительно распредѣленія христіанскаго населенія по губерніямъ и областямъ Сибири, 2) данныя о количествѣ городскаго населенія сибирскихъ городовъ, 3) о сравнительныхъ разстояніяхъ этихъ городовъ

отъ Томска и Омска [1]). Собирая и группируя по этимъ пунктамъ современныя данныя, я имѣлъ въ виду не столько членовъ коммиссіи, болѣе или менѣе знакомыхъ съ этими вопросами, сколько читателей нашихъ трудовъ, которымъ предстояло рѣшить вопросъ о мѣстопребываніи Сибирскаго университета. Думаю, что нѣкоторыя части этого доклада могутъ быть не безъинтересны и для читающей публики вообще, какъ очеркъ состоянія Сибири въ 70-хъ годахъ. Поэтому позволяю себѣ привести здѣсь небольшія извлеченія изъ печатнаго 2-го протокола трудовъ коммиссіи.

„При взглядѣ на этнографическую карту Сибири легко замѣтить, что русское населеніе этой обширной страны, въ силу климатическихъ и почвенныхъ условій, группируется преимущественно по средней полосѣ сибирской территоріи, занимая широкую ленту черноземной почвы, которая простирается отъ Средняго урала до Амура и далѣе, вплоть до Восточнаго океана.

Къ сѣверу отъ этой полосы начинаются пограничные лѣса и тундры, пригодныя для обитанія только кочевыхъ или полукочевыхъ инородцевъ, къ югу — киргизскія степи, пригодныя по преимуществу для кочевниковъ.

Исключенія здѣсь составляютъ лишь отдѣльные оазисы плодородной почвы, могущіе привлечь извѣстную часть осѣдлаго русскаго населенія, но сплошная или даже вообще значительная колонизація южно-Акмолинской степи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ едва-ли будетъ возможна. Въ Томской и Енисейской губерніяхъ лента черноземной полосы значительно расширяется къ югу, къ предгоріямъ Алтая, вслѣдствіе чего и русское населеніе разлилось здѣсь значительно шире. Эта часть Сибири проявляла до настоящаго времени болѣе жизненныхъ силъ, чѣмъ остальныя ея части. Ей предстоитъ и болѣе блестящее будущее, такъ какъ въ ней сгруппированы массы самыхъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ, и она пользуется сравнительно лучшими климатическими условіями. Напротивъ того, между Обью и Иртышемъ сѣверная тундра простирается гораздо далѣе на югъ и почти непосредственно переходитъ въ южныя степи, образуя, такъ называемую, Барабинскую и Кулундинскую степь, отдѣляющую Томскую губернію отъ Тобольской губерніи и Акмолинской области. Эта, частію болотистая, частію степная полоса, съ горько-соленымъ озеромъ и солончаками тоже мало пригодна для густаго осѣдлаго населенія. Наконецъ, отъ черноземной срединной полосы, сплошь заселенной русскимъ племенемъ, тянутся въ разныя стороны, по направленію рѣкъ, узкія и

[1]) См. Трудъ коммиссіи, стр. 12—36.

сравнительно жидкія полосы русскаго населенія, почти исключительно по берегамъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ, служащихъ въ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ главными, почти единственными, путями сообщенія. Таковы степныя поселенія вдоль по Иртышу, выше Омска, по среднему теченію Оби, по нижнему теченію Енисея, по Ленѣ и нѣкоторымъ ея притокамъ.

Такое распредѣленіе русскаго осѣдлаго населенія, сообразующееся съ характеромъ сибирской почвы, съ климатическими и экономическими условіями, нельзя не принять во вниманіе при опредѣленіи центральности избираемаго для университета города. Изъ вышеприведеннаго очерка ясно, что географическій центръ по отношенію ко всему пространству Сибири далеко не совпадаетъ съ центромъ этнографическаго распредѣленія населенія. Для опредѣленія послѣдняго необходимо взять во вниманіе не все пространство Сибири, а только ту культурную и населенную ея полосу, которая, соотвѣтствуя черноземной полосѣ, тянется въ видѣ широкой ленты съ запада на востокъ черезъ всю Сибирь. Начиная отъ границъ Пермской губерніи, затѣмъ, частію прерываясь за Иртышемъ, на протяженіи около 600 верстъ, Барабинскою степью, эта, сплошь населенная полоса тянется до Байкала и далѣе, до верховьевъ Амура. По отношенію къ ней Омскъ лежитъ почти на самой юго-западной окраинѣ, Томскъ же, считая отъ Байкала, занимаетъ совершенно центральное мѣсто.

По отношенію къ Томску и Омску христіанское народонаселеніе Сибири распредѣляется такъ: на западъ отъ Томскаго меридіана (считая всю Тобольскую губернію, половину Томской, всю Акмолинскую область и $^3/_4$ Семипалатинской) живетъ 1.555.785 душъ. На востокъ отъ того же меридіана (считая восточную половину Томской губерніи и всю восточную Сибирь) христіанскаго населенія живетъ 1.627.203.

По отношенію къ Омску, на западъ отъ Омскаго меридіана (Тобольская губернія и Акмолинская область) христіанское населеніе составляетъ 1.025.352 души обоего пола; на востокъ же отъ сего меридіана 2.057.638.

Изъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ усматривается, что наиболѣе центральнымъ пунктомъ для христіанскаго населенія всей Сибири слѣдуетъ считать г. Томскъ.

Въ перечисленныхъ 25 городахъ, лежащихъ ближе къ Томску, со включеніемъ и сего послѣдняго, существуетъ 7 среднихъ учебныхъ заведеній, дающихъ право на поступленіе въ университетъ, именно: въ Томскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Иркутскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Красноярскѣ — гимназія, въ

Якутскѣ—духовная семинарія, въ Благовѣщенскѣ — духовная семинарія, сверхъ того, двѣ прогимназіи: въ Николаевскѣ и Якутскѣ, и предполагается къ открытію гимназія въ Читѣ.

Въ городахъ, лежащихъ ближе къ Омску, со включеніемъ, его самого, имѣется только три соотвѣтствующихъ учебныхъ заведенія, именно въ Тобольскѣ гимназія и духовная семинарія и въ Омскѣ только что открытая гимназія. Сверхъ того, по устному заявленію главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, генералъ-губернатору заявлено ходатайство городскихъ обществъ относительно учрежденія прогимназій въ Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ и Каинскѣ, но въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ этомъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, коммиссія пришла къ заключенію, что Томскъ, по центральности его положенія, относительно общаго и городскаго населенія Сибири, слѣдуетъ признать наиболѣе удобнымъ пунктомъ для учрежденія Сибирскаго университета. Такой выборъ вполнѣ удовлетворялъ бы и цѣлямъ учрежденія университета и потребностямъ всей Сибири. Если въ настоящее время жители Сибири затрудняются доставлять своимъ дѣтямъ высшее образованіе и сознаютъ настоятельную потребность въ мѣстномъ университетѣ, то именно потому, что ближайшій отъ нихъ университетъ — Казанскій удаленъ отъ центра Сибири почти на три тысячи верстъ. Предполагаемый нынѣ къ открытію Сибирскій университетъ долженъ устранить это неудобство, т. е. приблизить по возможности всѣ сибирскіе города къ мѣсту высшаго образованія. Это условіе тѣмъ болѣе важно, что Сибирь сама по себѣ представляетъ слишкомъ большія разстоянія. Проѣхать всю Сибирь, считая даже отъ Иркутска, не включая Забайкальскую, Якутскую, Амурскую и Приморскую области, гдѣ также, вѣроятно, въ скоромъ времени возникнутъ гимназіи, — есть подвигъ для молодыхъ людей, сопряженный съ большими трудностями, потерей времени и значительными издержками. Кто проѣхалъ всю Сибирь до Тюмени, того не устрашитъ уже, сравнительно менѣе значительный, а главное болѣе удобный и дешевый путь до Казани и даже до Москвы. Поэтому университетъ, учрежденный въ Омскѣ, на самой западной окраинѣ обширнѣйшей сибирской территоріи, будучи удаленъ отъ большей части сибирскихъ гимназій и духовныхъ семинарій на многія сотни и даже тысячи верстъ, принесъ бы учащемуся сибирскому юношеству наименьшую выгоду.

Далѣе коммиссія полагаетъ, что при сравненіи городовъ необходимо принимать во вниманіе не одно только разстояніе, но и средства сообщенія. И въ этомъ отношеніи Томскъ представляетъ существенныя

преимущества передъ Омскомъ, находясь въ центрѣ всѣхъ главнѣйшихъ путей сообщенія Сибири. Черезъ него проходитъ, такъ называемый, сибирскій почтовый трактъ, отъ него начинается правильное срочное пароходство до Тобольска и Тюмени, помощью котораго производится главнѣйшее передвиженіе по Сибири грузовъ и пассажировъ. Вслѣдствіе этого, Томскъ гораздо болѣе связанъ даже съ Тобольскомъ и Тюменью, несмотря на то, что эти города по разстоянію ближе къ Омску.

По богатству и внѣшнему благоустройству, городъ Томскъ, по отношенію къ Сибирскому университету, могъ бы считаться наиболѣе удовлетворительнымъ: а) для пріисканія соотвѣтствующаго числа квартиръ, какъ для профессоровъ и служащихъ при университетѣ, такъ и для студентовъ. По заявленію томскаго городскаго головы квартиры въ настоящее время могутъ быть нанимаемы для штабъ-офицерскихъ чиновъ отъ 300 до 500 руб. въ годъ, а для оберъ-офицерскихъ отъ 120 до 300 руб. въ годъ, смотря по мѣстности и удобствамъ. Принимая во вниманіе цѣнность недвижимыхъ имуществъ города, число каменныхъ и деревянныхъ жилыхъ домовъ въ немъ, дешевизну строительныхъ матеріаловъ и достаточное число капиталистовъ, могущихъ предпринять постройку новыхъ зданій, коммиссія полагаетъ, что при открытіи университета квартирный вопросъ здѣсь не представитъ никакого затрудненія; б) Томскъ былъ бы полезнѣе Омска для приумноженія матеріальныхъ средствъ на устройство и обогащеніе университета учебными пособіями, путемъ частныхъ пожертвованій и содѣйствіемъ города къ расширенію и улучшенію его лѣчебныхъ заведеній, предоставленныхъ въ пользованіе университета,—обезпеченія матеріальнаго быта студентовъ, для поощренія ученыхъ предпріятій профессоровъ и пр. Интересы университета обыкновенно ближе всего сознаются жителями университетскаго города, поэтому, чѣмъ послѣдніе богаче и просвѣщеннѣе, тѣмъ они болѣе способны къ поддержанію и обогащенію своего разсадника просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ Томскъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ, безспорно, оказалъ бы университету наибольшую пользу, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Сибири, неоднократно уже заявившій себя разными пожертвованіями въ пользу благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій.

в) По отношенію къ физико-математическому факультету, имѣющему цѣлью, кромѣ своихъ учебныхъ задачъ, изученіе естественныхъ богатствъ страны и чрезъ это споспѣшествованіе ея промышленности, пребываніе въ Томскѣ, какъ городѣ наиболѣе богатомъ, могло бы значительно содѣйствовать ученой дѣятельности профессоровъ. Задачи ихъ по вопросамъ изслѣдованія края могутъ быть выполняемы болѣе успѣшно только при содѣйствіи мѣстныхъ капиталистовъ, прямо за-

интересованныхъ въ этомъ дѣлѣ и, слѣдовательно, могущихъ содѣйствовать своими средствами ученымъ экспедиціямъ профессоровъ въ свободное отъ ихъ учебныхъ занятій время. Какое вліяніе имѣютъ ученыя силы и лабораторіи высшихъ учебныхъ заведеній на производительность края и на изслѣдованіе его, втунѣ лежащихъ, сокровищъ, видно изъ того, что почти всѣ, нынѣ существующіе, русскіе университеты безпрерывно получаютъ разнообразнѣйшія предложенія со стороны частныхъ лицъ по изслѣдованію разныхъ рудъ, красокъ, солей, почвенныхъ земель, минеральныхъ водъ и пр., съ цѣлью уяснить возможность или невозможность того или другаго промышленнаго предпріятія. Въ этомъ отношеніи университетъ, расположенный въ центрѣ промышленнаго района и въ богатомъ промышленномъ городѣ, каковъ Томскъ, безъ сомнѣнія, окажетъ гораздо болѣе благотворнаго вліянія на производительность страны, чѣмъ существующій въ сторонѣ отъ промышленной жизни, въ городѣ чисто административномъ. Этому можетъ также содѣйствовать и то обстоятельство, что Томскъ лежитъ вблизи самаго богатаго и интереснаго въ этомъ отношеніи Алтайскаго округа, въ которомъ, при содѣйствіи ученыхъ силъ университета, по всей вѣроятности, будутъ найдены громадныя минеральныя богатства, до сихъ поръ слабо изслѣдованныя. Сверхъ того, ученые представители Сибирскаго университета изъ Томска имѣли бы большую возможность, въ каникулярное время, распространять свои ученыя изысканія и на болѣе отдаленныя области восточной Сибири и Сѣвернаго океана, такъ какъ изъ Томска существуетъ къ этому гораздо болѣе способовъ и относительно матеріальныхъ средствъ на подобныя экспедиціи, и относительно средствъ сообщенія, при частыхъ пароходныхъ и сухопутныхъ сношеніяхъ томскихъ купцовъ и промышленниковъ съ этими отдаленными мѣстностями. Такія экспедиціи, кромѣ пользы для края, приносили бы университету богатые ученые вклады для его кабинетовъ и музеевъ, что имѣло бы особенно важное значеніе въ университетѣ новомъ, нуждающемся въ коллекціяхъ по всѣмъ царствамъ природы и преимущественно въ коллекціяхъ своего края.

Далѣе въ моемъ докладѣ разсматриваются Томскъ и Омскъ въ климатическомъ и санитарномъ отношеніяхъ и по условіямъ жизни въ этихъ городахъ. Данныя, на основаніи которыхъ сдѣланы эти характеристики, почерпнуты мною частью изъ литературныхъ источниковъ, но главнымъ образомъ изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ по Томску А. Ип. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, а по Омску М. Г. Соколовымъ, медицинскимъ инспекторомъ западной Сибири. Они имѣли документальный характеръ, потому трудно было сдѣлать противъ нихъ вѣскія возраженія.

Третье засѣданіе коммиссіи было 28 ноября. Въ немъ обсуждался

вопросъ, тоже на основаніи составленнаго мною доклада, о значеніи лѣчебныхъ заведеній Томска и Омска, какъ необходимыхъ пособій для медицинскаго образованія въ будущемъ Сибирскомъ университетѣ. Опредѣливъ по отчетамъ число и размѣры больницъ и лазаретовъ въ томъ и другомъ городѣ, я объяснилъ коммиссіи значеніе этого матеріала: а) для устройства госпитальныхъ клиникъ и б) для снабженія медицинскаго факультета трупами, для чего могутъ быть весьма полезны и больницы тюремныхъ замковъ. Далѣе мною выяснено относительное значеніе городскихъ больницъ и военныхъ лазаретовъ въ смыслѣ пригодности ихъ для клиническихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи Омскій военный госпиталь, несмотря на его значительные размѣры на 150—200 кроватей, можетъ принести меньше пользы клиническому преподаванію, нежели Томская больница приказа на 75 кроватей.

Въ четвертомъ засѣданіи коммиссіи (1 декабря) разсматривался вопросъ объ естественныхъ условіяхъ, способствовавшихъ возникновенію и существованію городовъ Томска и Омска, и о прочности этихъ условій по отношенію къ будущности названныхъ городовъ (стр. 67—89, докладъ А. И. Деспота-Зеновича).

Въ пятомъ засѣданіи (8 декабря) коммиссія разсматривала вопросъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ городовъ Томска и Омска, могущихъ доставить университету контингентъ учащихся; о средствахъ, отпускаемыхъ означенными городами на поддержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, и о вѣроятной будущности Томска и Омска по отношенію къ дальнѣйшему развитію въ нихъ среднихъ учебныхъ заведеній; о пособіяхъ со стороны сибирскихъ городовъ и частныхъ лицъ учреждаемому Сибирскому университету; значеніе такихъ пособій по отношенію къ существующимъ русскимъ университетамъ и къ университету Сибирскому въ связи съ учрежденіемъ его въ Томскѣ или въ Омскѣ (стр. 89—101, мой докладъ).

Во всѣхъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ омскіе члены Дзюба и Курбановскій не дѣлали почти никакихъ возраженій, можетъ быть, потому, что трудно было сказать что-либо противъ фактовъ и цифръ, но отчасти и потому, что они раньше не были ознакомлены съ моими докладами. По этому поводу нашъ предсѣдатель князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ 7 декабря прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„М. Г. Вас. Марк., сегодня былъ у меня А. П. Дзюба. Онъ очень проситъ доставить ему до засѣданія тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ просилъ васъ письменно. Положеніе его, понятно, весьма непріятное, и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать свое слово въ защиту Омска, интересы котораго онъ обязанъ оберегать по порученію генералъ-губернатора. Онъ совершенно согласенъ, что всѣ данныя на сторонѣ Томска, но не сказать ни слова за Омскъ онъ, а

вѣроятно и его товарищъ признаютъ для себя невозможнымъ. Если вамъ угодно назначить ему часъ, когда онъ можетъ застать васъ дома, то онъ придетъ самъ къ вамъ. Весьма непріятная коммиссія защищать дѣло, которому не сочувствуешь. До свиданія. Завтра въ 12 часовъ.—Покорный слуга кн. А. Шихматовъ".

Само собой разумѣется, что мной въ тотъ же день были переданы А. П. Дзюбѣ всѣ мои доклады по предшествовавшимъ засѣданіямъ и по предстоящему на слѣдующій день (8 декабря) разсмотрѣнію вопроса о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для заблаговременнаго съ нимъ ознакомленія. Но, несмотря на это, Дзюба ни на другой день, ни позднѣе не высказалъ никакихъ замѣчаній съ своей стороны. Сказать было дѣйствительно нечего. Въ Омскѣ и во всей Акмолинской и Семипалатинской областяхъ изъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовала всего одна гимназія, открытая лишь годъ тому назадъ (15 августа 1876 г.). Изъ городовъ Тобольской губерніи гимназія и дух. семинарія существовали только въ одномъ Тобольскѣ, откуда воспитанникамъ гораздо удобнѣе было отправляться въ Томскъ, при правильномъ пароходномъ сообщеніи по Иртышу и Оби, нежели въ Омскъ по почтовому тракту (600 верстъ); правильныхъ пароходныхъ рейсовъ по Иртышу между Тобольскомъ и Омскомъ въ то время совсѣмъ не существовало и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. О новыхъ гимназіяхъ въ Тюмени, Ишимѣ, Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ, по незначительности этихъ городовъ, нельзя было поднимать серьезнаго вопроса. Это была бы пустая иллюзія.

Послѣднія засѣданія коммиссіи были 15 и 19 декабря. Въ первомъ изъ нихъ была прочитана пространная записка А. И. Деспота-Зеновича: „историческій очеркъ ссылки въ Сибирь, начиная съ временъ царя Алексѣя Михайловича до нашихъ дней [1]). Здѣсь же разбирались категоріи ссыльныхъ — государственныхъ преступниковъ, политическихъ преступниковъ и осужденныхъ за общія гражданскія преступленія, съ объясненіемъ отношенія каждой изъ этихъ категорій къ городамъ Томску и Омску. Въ томъ же засѣданіи прочитана другая записка члена М. Н. Курбановскаго по тому же вопросу. По

[1]) А. Ив. Деспотъ-Зеновичъ, кромѣ участія въ коммиссіи по избранію города для Сибирскаго университета, въ которой онъ прочиталъ два вышеуказанныхъ доклада, никакого дальнѣйшаго участія въ вопросахъ о Сибирскомъ университетѣ не принималъ. Объ этомъ я считаю не излишнимъ упомянуть потому, что въ некрологѣ его, напечатанномъ въ № 6909 „Новаго Времени" (26 мая 1895 г.), несправедливо сказано, будто бы „окончательное рѣшеніе о выборѣ мѣста для Сибирскаго университета состоялось на основаніи усиленныхъ стараній и представленій Александра Ивановича". Ничего подобнаго не было и быть не могло.

выслушаніи этихъ докладовъ и дебатовъ по нимъ, коммиссія пришла къ заключенію, что вопросъ о ссыльныхъ при выборѣ города для Сибирскаго университета не можетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ: 1) этотъ элементъ, находящійся и въ Томскѣ и въ Омскѣ, составляемъ самую незначительную часть населенія, 2) онъ не заключаетъ въ себѣ дѣйствительно опасныхъ государственныхъ преступниковъ, наконецъ, 3) этотъ элементъ на будущее время легко можетъ быть совершенно устраненъ административными или законодательными мѣрами.

Въ послѣднемъ засѣданіи, 19 декабря, мною былъ прочитанъ сводъ заявленій отъ разныхъ сибирскихъ городскихъ обществъ, обсуждавшихъ вопросы о наиболѣе соотвѣтствующемъ ихъ выгодамъ и удобствамъ мѣстѣ для учрежденія Сибирскаго университета. Изъ 11 городовъ 8 высказывались въ пользу Томска, 2 въ пользу Омска (Омскъ и Тюмень) и 1 Тобольскъ заявилъ свои собственныя права на Сибирскій университетъ.

За два дня до послѣдняго засѣданія я получилъ отъ князя А. Пр. Ширинскаго-Шихматова слѣдующее письмо: „М. Г. Вас. Марк. Вчера вечеромъ, я видѣлъ графа Дмитрія Андреевича (Толстого). Передавъ ему свѣдѣнія о ходѣ дѣла въ коммиссіи, графъ высказалъ свое желаніе, дабы все дѣло было представлено ему въ напечатанномъ экземплярѣ и просилъ теперь же начать печатать его въ числѣ 100 экземпляровъ. Графъ весьма желаетъ и признаетъ необходимымъ, чтобы коммиссія высказала въ своихъ протоколахъ о необходимости назначенія попечителя со времени приступа къ постройкѣ университетскихъ зданій. Думаю, что объ этомъ надобно заявить въ понедѣльникъ въ засѣданіи. Другое непремѣнное желаніе графа, дабы коммиссія высказала необходимость прекращенія ссылки въ Томскъ, въ случаѣ назначенія его университетскимъ городомъ (съ чѣмъ по запискѣ А. И. Деспота-Зеновича коммиссія вполнѣ согласна), это условіе должно быть высказано, какъ и первое (о попечителѣ), какъ непремѣнныя условія, въ протоколахъ коммиссіи.

„Дай Богъ намъ благополучно и мирно окончить начатое дѣло, столь убѣдительно высказанное въ пользу Томска, трудами вашего превосходительства и А. Ив. Д.-З., доказательства котораго для меня также весьма убѣдительны.

„Прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, покорнѣйшій слуга

17 дек. 1877 г.“ кн. А. Шихматовъ.

P. S. Въ понедѣльникъ только я могу разсчитывать видаться съ М. Е. Брадке и передать ему волю графа. Если вы увидитесь съ

пимъ ранѣе, потрудитесь передать ему. Впрочемъ, едва-ли вы успѣете приготовить къ печатанію часть трудовъ и протоколовъ вашихъ до понедѣльника. Графъ желаетъ, чтобы, по принятому въ министерствѣ обыкновенію, протоколы и приложенія были напечатаны въ восьмушку, для удобства читающихъ".

Протоколы у меня были готовы, и я на другой же день свезъ ихъ въ типографію, сообщивъ М. Е. Брадке о распоряженіяхъ графа. Въ тотъ же день я заготовилъ для предстоящаго послѣдняго засѣданія дополнительный текстъ о ссыльныхъ и попечителѣ, согласно желанію министра, и проектъ заключенія коммиссіи. Вотъ ихъ содержаніе:

„Вслѣдствіе выработаннаго коммиссіею убѣжденія, что Сибирскій университетъ было бы цѣлесообразнѣе учредить въ городѣ Томскѣ, сочтено необходимымъ, по предложенію предсѣдателя коммиссіи, коснуться вопроса о подчиненіи университета, въ семъ послѣднемъ случаѣ, подлежащей мѣстной власти.

По существующему порядку, всѣ русскіе университеты подчинены непосредственно начальству попечителей учебныхъ округовъ, имѣющихъ постоянное мѣстопребываніе въ соотвѣтствующемъ университетскомъ городѣ. Послѣднее обстоятельство признается необходимымъ потому, что университетъ, болѣе чѣмъ всѣ остальныя, среднія и низшія учебныя заведенія, требуетъ постояннаго бдительнаго попеченія о развитіи и преуспѣяніи его многоразличныхъ учебныхъ учрежденій и о правильномъ строѣ учебной жизни. Направленіе высшаго образованія и обезпеченіе его соотвѣтствующими средствами составляютъ такую сложную и спеціальную задачу, которая не можетъ быть съ успѣхомъ выполнена лицомъ, обремененнымъ множествомъ разнообразныхъ занятій по другимъ частямъ управленія. По сему, вслѣдствіе дознаннаго опытомъ неудобства совмѣщенія, по отношенію къ университету, обязанностей попечителя въ лицѣ генералъ-губернатора, признано необходимымъ поручать вѣдѣніе университетами спеціально для сего предназначенному лицу—попечителю учебнаго округа, служащему непосредственнымъ органомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ такомъ духѣ было преобразовано высшее управленіе университетами: Харьковскимъ, св. Владиміра, Варшавскимъ, которые въ прежнее время были подчинены вѣдѣнію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ; въ такомъ же видѣ было устроено управленіе недавно открытаго Новороссійскаго университета.

По отношенію ко вновь учреждаемому университету Сибирскому, такое подчиненіе его спеціальному лицу отъ министерства народнаго просвѣщенія представляется условіемъ еще болѣе необходимымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Такое лицо необходимо при первоначальномъ устройствѣ Сибирскаго университета, для наблюденія за постройками зданій и приспособленіями ихъ къ спеціальнымъ учебнымъ цѣлямъ. Частности этихъ приспособленій не могутъ быть выполнены однимъ архитекторомъ или строительною коммиссіею, по заранѣе опредѣленному плану, безъ совѣта и руководства спеціально знакомаго съ этимъ дѣломъ лица отъ учебнаго вѣдомства. Таковы постройки аудиторій, лабораторій, учебныхъ кабинетовъ, музеевъ, библіотеки, спеціальныхъ клиникъ, анатомическаго и физіологическаго институтовъ и т. п. Какъ бы тщательно ни были выработаны проекты построекъ, но, при детальной отдѣлкѣ ихъ по устройству учебныхъ приспособленій, всегда потребуется ежедневное наблюденіе, на мѣстѣ постройки, со стороны лица, знакомаго съ учебнымъ дѣломъ. Безъ этого, лучшимъ архитекторомъ могутъ быть допущены крупныя ошибки и излишнія затраты, не соотвѣтствующія цѣлямъ учрежденія. Такія ошибки встрѣчались неоднократно, при чемъ учебныя зданія, при открытіи въ нихъ занятій, оказывались неудобными, именно потому, что частности ихъ приспособленій производились исключительно лицами, незнакомыми съ потребностями учебныхъ каѳедръ.

Наблюденіе спеціальнаго лица отъ учебнаго вѣдомства необходимо, не только во время постройки университетскихъ зданій, но даже при первой планировкѣ ихъ и закладкѣ; ибо размѣщеніе спеціальныхъ построекъ, каковы, напримѣръ, клиники, анатомическій институтъ, астрономическая обсерваторія и проч. требуютъ и съ гигіенической и съ научной стороны соблюденія особыхъ условій, пренебреженіе которыми можетъ лишить спеціальныя постройки значительной доли ихъ цѣнности въ учебномъ и научномъ смыслѣ. Такіе примѣры случались неоднократно. Казанскій университетъ, напримѣръ, признаетъ свою астрономическую обсерваторію неудобною именно потому, что она выстроена вблизи улицы, слѣдовательно, при постройкѣ ея не было принято во вниманіе сотрясеніе почвы при городской ѣздѣ, препятствующее точности астрономическихъ наблюденій. Подобныя жалобы высказываютъ профессора и другихъ опытныхъ наукъ, напримѣръ: физики, физіологіи и проч., указывающіе, какъ на крупный недостатокъ своихъ лабораторій—на сотрясеніе приборовъ, установленныхъ на недостаточно солидномъ фундаментѣ. Неправильное помѣщеніе и устройство анатомическихъ зданій можетъ вызвать сѣтованія не только учащихъ и учащихся, но и городскихъ жителей, если при этомъ не будутъ приняты во вниманіе условія гигіены, какъ самаго зданія, такъ и отводящихъ его нечистоты каналовъ. Эти и многіе имъ подобные факты показываютъ, на сколько важно заблаговременно опредѣлить пригодность или непригодность предпола-

гаемаго размѣщенія на отведенной землѣ университетскихъ построекъ, сообразно ихъ спеціальнымъ цѣлямъ, что̀ можетъ быть опредѣлено только лицомъ, близко знакомымъ съ научными требованіями по такимъ вопросамъ.

2) Лицо отъ учебнаго вѣдомства, которому было ввѣрено попеченіе объ университетѣ, необходимо и для того, чтобы заблаговременно озаботиться пріисканіемъ и пріобрѣтеніемъ, къ началу открытія учебныхъ курсовъ, необходимѣйшихъ инструментовъ, аппаратовъ и учебныхъ приборовъ для кабинетовъ профессоровъ, книгъ для библіотеки, приборовъ для лабораторій, нѣкоторыхъ коллекцій для музеевъ, безъ которыхъ невозможно начать чтеніе лекцій. Равнымъ образомъ, такое лицо необходимо для пріисканія кандидатовъ на преподавательскія вакансіи и вообще для отношеній и многочисленныхъ заботъ по устройству учебной части. Центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія не можетъ принять такія заботы исключительно на себя, ибо онѣ требуютъ въ извѣстное время присутствія на мѣстѣ устраиваемаго университата, а равно и многочисленныхъ разъѣздовъ для пріисканія необходимыхъ для университета предметовъ. Равнымъ образомъ, по тѣмъ же причинамъ, едва-ли удобно поручить такія заботы генералъ-губернатору, какъ лицу, замѣняющему собою попечителя учебнаго округа; ибо при многочисленности и сложности его прямыхъ обязанностей, для университетскаго дѣла едва-ли оказалось бы у него достаточно свободнаго времени. Наконецъ, нельзя полагать, чтобы такія заботы по устройству университета можно было бы начать предъ самымъ открытіемъ въ немъ учебныхъ курсовъ, такъ какъ, по своей многочисленности и сложности, онѣ требуютъ значительнаго времени. Приготовить помѣщеніе, дать первыя средства для учебныхъ занятій, организовать преподаваніе въ такомъ сложномъ учрежденіи, какъ университетъ, невозможно въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ, особенно принявъ во вниманіе отдаленность разстоянія г. Томска отъ русскимъ и заграничныхъ центровъ, гдѣ можно пріискать все необходимое для организаціи университетскаго учебнаго дѣла.

3) Спеціальное попеченіе объ университетѣ, въ лицѣ особаго попечителя отъ министерства народнаго просвѣщенія, необходимо и при дальнѣйшемъ существованіи этого учебнаго учрежденія,—для единства управленія учебною частію, для болѣе правильнаго надзора за развитіемъ самаго университета и болѣе близкаго попеченія о его многочисленныхъ нуждахъ и потребностяхъ, и для болѣе прямаго и близкаго сношенія, какъ съ управленіемъ университета, такъ и съ центральнымъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія.

Всѣ эти условія были бы совершенно невыполнимы въ томъ слу-

чаѣ, если бы Сибирскій университетъ, при учрежденіи его въ городѣ Томскѣ, былъ подчиненъ непосредственному вѣдѣнію генералъ-губернатора западной Сибири, имѣющаго пребываніе въ г. Омскѣ.

Въ продолженіе недѣли печатаніе трудовъ коммиссіи было окончено и 100 экземпляровъ брошюръ доставлены князю Александру Прохоровичу. Одновременно съ этимъ мнѣ же было поручено составленіе и печатаніе записки для внесенія въ Государственный Совѣтъ разсмотрѣннаго въ коммиссіи вопроса объ избраніи города для Сибирскаго университета. Эта послѣдняя работа не требовала много времени. Она заключалась въ томъ, чтобы въ сжатомъ видѣ, рельефно изложить самую сущность нашихъ разсужденій, такъ сказать, подвести, итоги заключеніямъ коммиссіи. Исполнивъ эту работу и прочитавъ ее въ рукописи князю Ширинскому и графу Дм. А. Толстому, я передалъ ее дѣлопроизводителю Бѣлявскому для отправленія въ типографію, помимо директора департамента. Это обстоятельство вызвало неудовольствіе со стороны М. Е. Брадке, о чемъ замѣтилъ мнѣ и князь Ал. Прох., хотя и въ очень деликатной формѣ. Вотъ его письмо: „Я думаю, многоуважаемый Василій Марковичъ, что вы не посѣтуете на меня за выраженіе моего мнѣнія,—что проектъ записки, готовящійся въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ представленіе, долженъ бы быть на разсмотрѣніи директора департамента и одобренъ имъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, не по существу дѣла, а по формѣ. Когда этотъ вопросъ будетъ считаться оконченнымъ, я прочту это представленіе и засимъ, по одобреніи графа, онъ долженъ быть напечатанъ въ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Даже о мѣстѣ печати надобно будетъ переговорить съ Мануиломъ Егоровичемъ. Я держусь такого правила въ сношеніяхъ моихъ съ департаментомъ, что не минуя никоимъ образомъ подлежащую власть, отвѣтственную за все, что въ департаментѣ дѣлается. Я позволилъ себѣ сообщить для свѣдѣнія вамъ способъ моихъ сношеній съ департаментомъ, дабы не вызвать какихъ-либо недоразумѣній, становясь въ прямыя сношенія съ дѣлопроизводителями. Извините за эту замѣтку. Вашъ покорный слуга кн. А. Ширинскій, 25 янв. 1878 г.“.

Ошибка моя въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что, получивъ одобреніе записки отъ г. министра, для ускоренія дѣла, я думалъ миновать цѣлую лѣстницу формальныхъ представленій, сначала директору департамента, потомъ предсѣдателю коммиссіи, который съ запискою хорошо знакомъ, а этотъ послѣдній, по формѣ дѣлопроизводства, долженъ былъ представить ее министру. Само собой разумѣется, что я поступилъ согласно указанію князя. На эту процедуру потребовалась цѣлая недѣля. Директоръ сдѣлалъ на запискѣ кое-какія стилистическія поправки, и она печаталась уже послѣ моего отъ-

ѣзда въ Казань (3 февр.). Въ Государственный Совѣтъ это представленіе было внесено 11 февраля 1878 года, за № 1917.

Въ то время, когда происходили засѣданія комиссіи объ избраніи города для Сибирскаго университета, я уже состоялъ на службѣ въ Казанскомъ университетѣ (утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней 17 октября 1877 г.). Разоривъ свою петербургскую квартиру и распродавъ наибольшую часть громоздкой движимости, я съ ноября мѣсяца переселился съ семьей въ гостиницу и ожидалъ только окончанія коммиссіонныхъ дѣлъ, чтобы двинуться въ путь. О причинахъ моего перемѣщенія въ Казань я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Первый годъ послѣ оставленія службы въ медицинской академіи я не замѣчалъ пустоты въ моей новой служебной обстановкѣ. Поѣздка по всѣмъ русскимъ университетамъ, затѣмъ обработка собранныхъ при этомъ матеріаловъ, дальнѣйшія занятія въ коммиссіи по пересмотру общаго университетскаго устава и по разработкѣ вопроса о Сибирскомъ университетѣ наполняли мой досугъ болѣе чѣмъ достаточно. Я видѣлъ передъ собой живое и, казалось, плодотворное дѣло и невольно увлекался имъ. Но это были временныя занятія, по миованіи которыхъ въ будущемъ не представлялось ничего, кромѣ монотонныхъ засѣданій, по разу въ недѣлю, въ ученомъ комитетѣ и въ медицинскомъ совѣтѣ, гдѣ я состоялъ членомъ. Это нельзя было назвать настоящею службой для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ и духовныхъ силъ (мнѣ тогда было всего 42 года). Такія должности обыкновенно занимаютъ либо въ видѣ придатка къ другимъ занятіямъ, либо люди, уже закончившіе свою активную карьеру. Послѣднее для меня было еще слишкомъ рано. Сверхъ того, по старой привычкѣ, я начиналъ скучать объ аудиторіи, о профессорской обстановкѣ и о научныхъ интересахъ, связанныхъ съ этою обстановкою. Наконецъ, имѣя уже за спиной 19 лѣтъ учебной службы, для меня былъ не безразличенъ и пенсіонный вопросъ, который въ званіи профессора разрѣшается вполнѣ опредѣленно и въ болѣе короткій срокъ, тогда какъ, состоя членомъ ученаго комитета и медицинскаго совѣта, я предоставлялъ бы свою семью въ этомъ отношеніи только благоусмотрѣнію высшаго начальства. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я рѣшился просить графа Дмитрія Андреевича отпустить меня въ Казань, гдѣ въ это время освободилась вакансія по той каѳедрѣ, которую я занималъ прежде въ медицинской академіи (вслѣдствіе перехода профессора Славянскаго на мое мѣсто въ Петербургъ).

Графу мое желаніе съ перваго раза показалось страннымъ. Зная, что въ Петербургѣ я имѣлъ большую врачебную практику, онъ находилъ мое перемѣщеніе въ провинціальный городъ какъ бы шагомъ назадъ

по житейской лѣстницѣ. Онъ убѣждалъ меня не оставлять дѣла по Сибирскому университету, надѣялся на скорое его открытіе и обѣщалъ назначить меня ректоромъ этого университета, при чемъ права моей учебной службы и пенсіи нисколько не пострадаютъ. Слышать такое участіе мнѣ было очень пріятно, но, тѣмъ не менѣе, я не могъ не высказать сомнѣнія въ близкомъ осуществленіи Сибирскаго университета и въ томъ, какіе факультеты въ немъ будутъ открыты. 1877 годъ былъ годомъ политическихъ тревогъ, по случаю разгоравшейся восточной войны. Можно ли было предвидѣть, чѣмъ все это кончится и какъ отразится на нашихъ финансахъ и на срокѣ осуществленія Сибирскаго университета.

17 сентября 1877 г. я послалъ графу (находившемуся тогда въ своемъ имѣніи) письмо такого содержанія:

„Ваше сіятельство были такъ милостивы ко мнѣ, что по выходѣ моемъ изъ медико-хирургической академіи по возможности устроили мою судьбу, прикомандировавъ меня къ министерству народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ членомъ медицинскаго совѣта. Въ этомъ положеніи, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, я имѣлъ достаточно занятій, вполнѣ меня удовлетворяющихъ, главнымъ образомъ по обязанности члена высочайше учрежденной коммиссіи по пересмотру университетскаго устава и по вопросамъ о проектируемомъ Сибирскомъ университетѣ. Въ настоящее время всѣ эти случайныя и временныя занятія приходятъ къ концу и въ будущемъ мнѣ предстоитъ ограничиться исполненіемъ весьма немногочисленныхъ обязанностей по званію члена ученаго комитета и медицинскаго совѣта.

Вашему сіятельству угодно было выразить мнѣ весьма лестное предложеніе о назначеніи меня впослѣдствіи ректоромъ будущаго Сибирскаго университета. Эта дѣятельность вполнѣ соотвѣтствовала бы моимъ желаніямъ, такъ какъ вашему сіятельству извѣстно, что въ это дѣло до сихъ поръ я вкладывалъ всю мою душу и всегда бы былъ готовъ служить ему съ полнымъ увлеченіемъ. Но я опасаюсь, что осуществленіе Сибирскаго университета при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ можетъ быть, если не отклонено, то отложено на продолжительное время.

Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ пришлось бы долго оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что самая постройка университетскихъ зданій потребуетъ не менѣе 3—4 лѣтъ времени. Принимая это во вниманіе и предполагая, что вашему сіятельству было бы затруднительно ходатайствовать о назначеніи меня ректоромъ Сибирскаго университета со времени начала его построекъ, я осмѣливаюсь просить вашего разрѣшенія снова поступить на учебную профессорскую службу. Поводомъ въ этой просьбѣ послужило открытіе

свободной каѳедры въ Казани, вслѣдствіе перемѣщенія проф. Славянскаго въ медико-хирургическую академію на оставшуюся послѣ моего выхода изъ академіи вакансію. Вслѣдствіе этого я могъ бы нынѣ же предъявить себя однимъ изъ кандидатовъ для замѣщенія каѳедры акушерства и женскихъ болѣзней въ Казанскій университетъ, если бы ваше сіятельство изъявили согласіе отпустить меня изъ Петербурга. Профессорскую службу я предпочиталъ бы нынѣшнему своему неопредѣленному положенію не только вслѣдствіе образовавшейся уже привычки къ преподавательской дѣятельности, но и потому, что тамъ я могъ бы разсчитывать черезъ 6 лѣтъ на полную профессорскую пенсію.

Если бы вашему сіятельству благоугодно было имѣть меня впослѣдствіи въ виду для продолженія дѣлъ по Сибирскому университету, то я во всякое время принялъ бы это порученіе съ охотой и благодарностью, даже состоя на профессорской службѣ, тѣмъ болѣе, что до открытія курсовъ въ Сибирскомъ университетѣ едва-ли будетъ предстоять надобность окончательно переселиться въ Томскъ".

На это я получилъ отъ графа слѣдующее отвѣтное письмо отъ 21 сент.: „Какъ мнѣ ни прискорбно разстаться на нѣсколько лѣтъ съ вами, многоуважаемый Василій Марковичъ, но я не почитаю себя вправѣ мѣшать продолженію вашей ученой карьеры, на которой вы составили себѣ извѣстность. Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь пріѣхать на короткое время изъ Казани въ Петербургъ для участія въ коммиссіи о мѣстѣ для учрежденія Сибирскаго университета. Къ сожалѣнію, открытіе этой коммиссіи замедлилось, какъ знаете, за неприбытіемъ г. Дзюбы и за недоставленіемъ генералъ-губернаторомъ затребованныхъ отъ него свѣдѣній. Искренно преданный вамъ гр. Д. Толстой. Лѣсище, 21 сентября 1877 года".

Такимъ образомъ, графъ благословилъ меня подать ректору Казанскаго университета заявленіе о моей кандидатурѣ и взялъ съ меня обѣщаніе, будучи въ Казани, относиться къ Сибирскому университету такъ же, какъ я относился къ нему до сихъ поръ. Это было въ сентябрѣ 1877 года.

По университетскому уставу 1863 года избраніе профессоровъ было всецѣло предоставлено компетенціи факультета и совѣта. Попечитель округа въ этомъ случаѣ игралъ лишь передаточную роль, а министръ только утверждалъ представленіе, почти никогда не выражая въ этихъ дѣлахъ собственной иниціативы. Въ автономіи совѣта лежала основа университетскихъ привилегій. Съ преподавательскимъ составомъ Казанскаго университета я въ первый разъ познакомился во время поѣздки коммиссіи въ 1875 году, но независимо отъ того я имѣлъ здѣсь въ числѣ профессоровъ нѣсколько прежнихъ

товарищей по заграничной командировкѣ 1861—63 года, напр., Н. О. Ковалевскаго, Н. А. Виноградова, Н. М. Мельникова, Ив. М. Гвоздева. Здѣсь же были мои старые знакомые проф. В. В. Ворошиловъ и В. В. Пашутинъ. Они весьма сочувственно отнеслись къ моему заявленію, равно какъ и прочіе профессоры. Въ первыхъ же засѣданіяхъ факультета и совѣта, 17 октября, я былъ выбранъ почти единогласно, за исключеніемъ двухъ черныхъ шаровъ, въ ординарные профессоры по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней. Деканъ медицинскаго факультета Н. А. Виноградовъ и профессоръ Пашутинъ тотчасъ же извѣстили меня объ этомъ телеграммой, и я былъ утвержденъ въ должности съ 17 октября 1877 года.

Изъ записокъ П. И. Степанова [1]).

До Эрзерума 35 верстъ; до половины дорога плоской долиной; вокругъ горы грунтъ въ зимнее время долженъ быть топокъ. Турки ведутъ нѣчто въ родѣ дороги, т. е. прямолинейную полосу земли окапываютъ канавками, а матеріалъ для шоссе у нихъ подъ руками; работаютъ солдаты, рота или двѣ, очень лѣниво. Вотъ и знаменитая гора, задавшая страха Суслову, точно ее взять нельзя, чуть не верста отвѣснаго подъема, верхомъ ѣхать нельзя, мы вели лошадей въ поводу, а на верху три батареи.

Ничѣмъ такъ не прохладишься и не утолишь жажды — какъ простоквашею, разбавленною водою. Турки какъ-то особенно ее приготовляютъ.

По лѣстницѣ изъ природныхъ плитъ мы взобрались на гору; необходимъ привалъ, но наверху у караванъ-сарая насъ ожидалъ почетный караулъ, взводъ драгунъ. Въ караванъ-сараѣ были приготовлены ковры, вѣчный кофе, трубки. Какая предупредительность, мы только переглянулись. Сулейманъ-ефенди премилый собесѣдникъ, дорогой кое-что ужъ мнѣ разсказалъ; я подарилъ ему хорошіе часы, разумѣется, не свои.

Эрзерумъ виденъ съ горы, онъ въ лощинѣ, какъ Александрополь, лощина вулканической почвы; издали городъ живописенъ, высокія строенія, крѣпостная стѣна, башни, минареты, все это перемѣшано зеленью, зато долина голая.

Дорога стала оживляться, видно, что близко городъ; караваны, арбы съ запасами, лѣсомъ.

Къ намъ подскакало нѣсколько всадниковъ; впереди, на гнѣдомъ арабскомъ жеребцѣ, лихо мчался мальчикъ лѣтъ десяти, наѣздникъ

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1906 г.

на другой лошади держалъ другаго мальчика; оба въ богатой одеждѣ. Это дѣти Медатъ-Бека выѣхали навстрѣчу отцу. Какая радость и гордость выразились на лицѣ отца, съ какой любовью онъ ихъ расцѣловалъ и представилъ намъ.

Немного отдохнули у фонтана, высѣченнаго въ горѣ, такихъ фонтановъ много, этотъ всѣхъ изящнѣе; около него платформа, на которой нѣсколько турокъ совершали свой кейфъ.

Тутъ начались для насъ сюрпризы. Австрійскій консулъ Маркевичъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу верстъ за семь со всей своей свитой и значками; во время войны ему были поручены русскіе; чтобъ отвести глаза туркамъ и другимъ консуламъ, онъ розыгралъ роль, что думалъ встрѣтить нашего консула Жабу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ городу, тѣмъ болѣе онъ терялъ свою красоту, уродливыя постройки, башни безтолково высовывались между мрачныхъ и безтолковыхъ домовъ, нѣтъ даже первообраза архитектуры; стройные минареты приняли видъ какой-то каланчи, пышная зелень — вблизи походила на вѣники.

Къ намъ навстрѣчу выѣхалъ и персидскій консулъ со свитой, въ пышныхъ азіятскихъ нарядахъ, со значкомъ впереди; яркіе цвѣта ихъ одежды смѣшались съ черными сюртуками австрійцевъ. У воротъ насъ ожидала встрѣча съ военною почестью.

Передъ въѣздомъ въ городъ потянулись кладбища, столчія доски изъ камня, черные столбы съ золотой луной и золотыми надписями изъ Корана; очень тѣсны и мрачны эти кладбища. Изъ города по сторонамъ дороги выливаютъ всѣ нечистоты, вонь ужасная.

Поѣздъ нашъ растянулся по узкой улицѣ; на крышахъ, террасахъ былъ народъ, изъ оконъ робко выглядывали и прятались женскія личики.

Объ архитектурѣ и понятія нѣтъ. Жилища,—домами ихъ назвать нельзя,—строятся, какъ попало, съ пристройками, выпусками, надстройками въ нѣсколько этажей изъ темнаго камня, обтесаннаго съ одной стороны.

Намъ назначили квартиру Аидъ-Хамба-паши; его не было, по лабиринту улицъ мы вдругъ уперлись въ двери. Аидъ одинъ изъ образованныхъ пашей, въ его кабинетѣ европейская мебель, на столѣ и на каминѣ французскія и англійскія книги серьезнаго содержанія, съ его замѣтками. Въ залѣ хотя кругомъ и диваны, но посрединѣ круглый столъ и стулья, лѣстница простая, некрашенная, но приличная, въ сторонѣ буфетъ, людская, далѣе мы не проникали. Жилье во второмъ этажѣ, внизу непремѣнно конюшни. Гдѣ же азіятская роскошь?

Къ намъ сейчасъ явился адъютантъ мушира, каймакамъ (пол-

ковникъ) въ голубой венгеркѣ, съ бѣлыми аксель-бантами, Османъ-Бекъ, онъ воспитанъ въ Парижѣ; отъ имени мушира спросилъ насъ: „благополучно ли мы доѣхали и зачѣмъ пріѣхали?“ Получивъ отвѣтъ, просилъ насъ закусить и поѣхалъ съ докладомъ муширу.

Въ прислугѣ много иностранцевъ, одѣты въ военные сюртуки, но въ фескахъ, метръ-д'отель мушира итальянецъ; для бритья явился вертлявый грекъ, сущій Фигаро. Мои часы совершенно незамѣтно перескочили въ его карманъ.

На столѣ былъ поданъ завтракъ, посерединѣ водка, вина и кругомъ маленькія блюдечки со всѣми возможными закусками, отъ маслинъ до сардинокъ и конфектъ; завтракать подали и молочный супъ и желе, и зелень, фрукты и баранину. Сулейманъ хозяйничалъ, но не надоѣдалъ угощеніемъ; можно не ѣсть блюда, но вовсе не взять считается обидою; едва кто отпивалъ вино, стаканъ снова наполнялся, принужденія никакого.

Вскорѣ Османъ-Бекъ воротился съ приглашеніемъ на аудіенцію, а за нимъ явились восемь сѣрыхъ рослыхъ жеребцовъ въ щегольской сбруѣ, красныхъ бархатныхъ чепракахъ, шитыхъ золотомъ, съ нукерами, трубачами, почетнымъ конвоемъ. Вѣдь и у насъ бы въ такомъ случаѣ прислали бы придворные экипажи. У меня душа ушла въ пятки, когда увидалъ, что нукера ведутъ лошадей за поводья и вскочилъ смѣло, но выпустилъ мундштучные поводья, нукера замѣтили, пересмѣхнулись. Мы двинулись гуськомъ по старшинству, поѣздъ растянулся на полверсты, крыши переполнены были народомъ въ ярко пестрыхъ костюмахъ; въ Эрзерумѣ 150 т. жителей, на половину армянъ. У дворца мушира мы слѣзли съ лошадей, по переулку шпалерой стояли солдаты и отдавали честь, насъ радовалъ и обнадеживалъ такой пріемъ, а впереди ожидали еще большія почести; мы только переглядывались. Вѣроятно, у мушира дворецъ—образецъ роскоши, онъ довольно великъ. Вотъ описаніе. Изъ переулка мы вышли на внутренній дворикъ; полъ устланъ плитами, въ сторонѣ вѣрно на показъ или для церемоніи—гордый превосходный конь, сѣрый въ яблокахъ, въ драгоцѣнной сбруѣ, у нихъ не употребляютъ недоуздковъ, а пускаютъ лошадь въ денникѣ на свободѣ, или на ногу надѣваютъ цѣпь, укрѣпленную другимъ концомъ къ полу. Въ стѣнахъ неправильно расположенныя окна, стѣны выбѣлены; противъ входа стѣна вся стеклянная въ мелкихъ клѣткахъ, весьма невзрачная. На порогѣ кіоска насъ ожидалъ самъ муширъ въ мундирѣ, великій почетъ! Это мужчина еще не старый, съ открытымъ добрымъ лицемъ, русою окладистою бородою, эполеты въ родѣ нашихъ, сюртукъ однобортный; говорятъ, онъ русскій, ребенкомъ увезенъ съ Кавказа и проданъ въ Константинополѣ; этому по очерку

лица можно повѣрить; Сулейманъ сказывалъ, что онъ говоритъ по-русски, но при насъ не станетъ, чтобы не заподозрили въ Стамбулѣ; муширъ вовсе необразованъ, но въ немъ виденъ природный умъ и много здраваго смысла. Первая комната кіоска—квадратный залъ вымощенный плитой, съ обширнымъ водоемомъ и тремя фонтанами, съ боку двери во внутреннія комнаты, прямо полукруглое углубленіе, по срединѣ углубленія орѣховый столикъ изящной работы, съ большимъ канделябромъ, французской бронзы, а вокругъ диваны, обитые русскимъ пестрымъ ситцемъ, окна завѣшаны дешевой кисеей, съ простыми штамбованными багетами; зато подъ окнами съ пышной растительностью садъ; надъ фонтанами жестяные фонари, слѣпленные изъ нѣсколькихъ лампочекъ, стѣны выбѣлены; вотъ тебѣ и роскошь.

Муширъ, выслушавъ Лорисъ-Меликова (онъ говорилъ по-турецки), принялъ конвертъ и просилъ садиться; по числу гостей явились чубучкиры съ трубками. Муширу подали кальянъ; за ними внесли большой подносъ, покрытый богатой парчевой салфеткой. Метръ-д'отель ловко ее снялъ и положилъ на плечо и сталъ разливать кофе. Аудіенція длилась недолго, муширъ посмотрѣлъ письмо Хрулева. Хрулевъ, чтобы задобрить мушира, испрашивалъ его распоряженій, какимъ порядкомъ и кому сдать Карсъ, приглашая его самого, чтобы осмотрѣть взрывъ, и объявилъ, что дастъ отвѣтъ послѣ, прося насъ ознакомиться пока съ городомъ; мы откланялись, онъ проводилъ насъ до дверей, и прежнимъ порядкомъ возвратились. Муширъ былъ взбѣшенъ письмомъ Ольшевскаго, счелъ дерзкимъ оскорбленнымъ и послалъ курьера съ жалобой въ Константинополь, но предъувѣдомленный, что ѣдетъ посольство, воротилъ его изъ Трапезонта.

Вечеромъ мы отдыхали; Сулейманъ-эфенди не оставлялъ насъ, онъ предупредилъ, что мы окружены шпіонами турецкими, англійскими и всякими другими и чтобъ мы ни при комъ не говорили лишняго по-русски, между прислугой есть поляки. Приходилъ секретарь персидскаго консула, очень дружитъ намъ, молодой ученый персіанинъ; персіане сохранили свой національный костюмъ, парадный шелковый балахонъ и высокую баранью шапку, немножко приплюснутую сверху; онъ по-армянски передалъ Лорису, что англичане сильно подбиваютъ султана прижать насъ и не давать квитанціи въ принятіи Карса, а требовать два милліона; обѣщаютъ почести, награды, покровительство; французы держатъ ихъ сторону, но что муширъ помалчиваетъ. Былъ также и Мирковичъ.

На другой день мы просили позволенія сдѣлать визиты властямъ, муширъ опять прислалъ своихъ лошадей; нукерамъ и прислугѣ это было съ руки, мы имъ дали по золотому на каждаго. Визиты мы дѣлали по старшинству. Сперва къ губернатору Эрзерумскаго паша-

лыка Махмедъ-Вадлей-пашѣ; простой старикъ не изъ передовыхъ; потомъ къ предсѣдателю военнаго совѣта Дервишъ-пашѣ, умному, дѣльному генералу; онъ принялъ насъ въ залѣ совѣта; обширное пустое зало, по бокамъ диваны, занятые членами, по серединѣ круглый столъ заваленный бумагами; онъ познакомилъ насъ съ членами, мы не догадались для чего, но Сулейманъ объяснилъ, что Дервишъ не хотѣлъ съ нами говорить наединѣ; другъ друга боятся; мы не забыли нашихъ старыхъ знакомыхъ Сулеймана и Али Карскихъ пашей; они у насъ были въ плѣну съ Вилліамсомъ; очевидно, живутъ въ бѣдности, заброшенные, униженные, на одномъ мы замѣтили штаны русской формы. У всѣхъ пашей пріемъ былъ однообразный; тѣ же грязныя, голыя стѣны, ситцевые диваны, кофе и трубки, даже въ залѣ военнаго совѣта; та же разбитная прислуга, въ европейской формѣ. У насъ существуетъ понятіе, что въ сношеніяхъ съ турками—необходимы китайскія стѣснительныя церемоніи, мы не нашли этого, какъ не нашли роскоши; ничего особеннаго нѣтъ, прилично вѣжливы, общепринятый этикетъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мѣстныхъ обычаевъ; но не все ли равно расшаркаться и дѣлать поклоны какъ мы, взять на вытяжку подъ козырекъ, или по-турецки, протянуть руку къ землѣ, приложить потомъ къ губамъ, ко лбу и прижать къ груди; въ переводѣ это значитъ: „цѣлую прахъ ногъ вашихъ и посыпаю имъ чело съ сердечною преданностью“. Обращеніе съ нами самого мушира и пашей, обращеніе ихъ между собою и съ младшими офицерами—показали, что между ними обыкновенное чинопочитаніе. У нихъ нѣтъ сословій, всякій солдатъ можетъ выслужиться, и поэтому ихъ офицеры до капитанскаго чина (эфенди) не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

Только у Хаджи-Теймура, Кайма-паши, башибузуковъ, мы нашли прежнюю турецкую обстановку, хотя въ такихъ же сараяхъ, какъ и у другихъ пашей. Онъ вполнѣ сохранилъ восточные обычаи и одежду, очевидно онъ богаче другихъ; низенькіе диваны и подушки обиты штофомъ, персидскіе ковры всплошную покрываютъ полы и часть стѣнъ; стѣны увѣшаны большимъ количествомъ новаго и древняго оружія; Хаджи-Теймуръ хвастается этимъ собраніемъ; прислуга подобострастна въ театральныхъ турецкихъ костюмахъ съ пистолетами, кинжалами, ятаганами; для кофею серебряный подносъ и подчашники отличной филограмовой работы. Самъ Хаджи въ красной шелковой рубашкѣ, шаровары и куртка шитыя золотомъ, чалма, туфли! Вы видите, что вы въ Азіи. Самъ онъ пылкій и живой мужчина лѣтъ сорока, важно растянулся на подушкахъ.

Вѣжливость требовала, да и дѣло тоже, отдать визитъ Мирко-

вичу, а поэтому нельзя было не заѣхать къ французскому и англійскому консуламъ, не считая персидскаго.

Мирковичъ женатъ, говорятъ, отъ живой жены на придурной армянкѣ, угостилъ насъ чаемъ; въ передней рядъ заряженныхъ штуцеровъ, видно, предосторожность въ Эрзерумѣ нужна, и у другихъ консуловъ тоже. Только у англичанъ вмѣсто штуцеровъ—вездѣ раскиданы револьверы; коммиссара Бранта, преемника Вилліамса, не было, гдѣ-то на дачѣ, но нашли у Бранта—его помощниковъ Стаффорта, Пиля, Стюарта—какія все знаменитыя фамиліи! Они собирались уѣхать въ Константинополь, но нашъ пріѣздъ ихъ задержалъ. Французскій консулъ принялъ насъ какъ французъ; разсыпался благодарностью за пріемъ, сдѣланный въ Тифлисѣ и Александрополѣ ихъ офицерамъ Маршеръ и Сажо. Я забылъ отмѣтить, что Брантъ присылалъ Стюарта осмотрѣть, что взорвано въ Карсѣ, но Лорисъ-Меликовъ очень ловко его не допустилъ, а Сажо и Маршера привезъ въ Александрополь, такъ что они Карса не видали. Я съ Сажо и Маршеромъ познакомился еще въ Крыму, во время перемирія, мы условились видѣться въ Парижѣ или Петербургѣ, а встрѣтились въ Азіи.

Всѣхъ торжественнѣе и откровенно дружелюбнѣе принялъ насъ персидскій консулъ. Я думалъ, что мы вошли въ индійскій храмъ: въ концѣ на возвышенности сидѣлъ онъ самъ, по бокамъ длинной и узкой комнаты, на диванахъ сидѣли, поджавши ноги, какъ куклы, безмолвно, болѣе дюжины персіанъ, въ коричневыхъ парадныхъ халатахъ и острыхъ бараньихъ шапкахъ. Всѣ встали и ровно поклонились намъ; послѣ церемоній консулъ развернулся, ругалъ и англичанъ, и турокъ, далъ намъ очень дѣльныя предостереженія и совѣты и обѣщалъ сообщать все, что будетъ дѣлаться и говориться, хвастался оружіемъ, очень дюжиннымъ, стрѣлялъ изъ окна на улицу по воробьямъ, болталъ кое-какъ по-французски и вообще разыгрывалъ смѣлаго удальца.

Послѣ столькихъ визитовъ верхомъ, мы въ 8 часовъ вернулись къ себѣ, и намъ еще предстоялъ обѣдъ у мушира.

Онъ принялъ насъ въ кіоскѣ, плохо освѣщалъ и канделябръ; передъ ужиномъ обнесли на подносѣ водку; турки очень хорошо пьютъ и вино и водку, только запиваютъ водку водой, для этого на подносѣ первый рядъ рюмокъ ужъ налитыхъ, потомъ рядъ блюдечекъ съ закусками, за ними салфеточки и ломтики хлѣба и сзади стаканы съ водой.

Муширъ пригласилъ къ ужину; передъ нами по темнымъ лѣстницамъ и переходамъ понесли канделябръ и факелы.

Обѣденный залъ накрытъ по-европейски, желѣзные съ плетеж-

ками стулья — по серединѣ прекрасной работы судокъ на серебряномъ слонѣ, фарфоръ, а ножи и ложки нейзильберъ!!! Стѣны грязныя когда-то были росписаны; въ задней части лаковая, китайская стѣна, надъ нею хоры съ тяжелыми драпировками; вѣроятно, за ними любопытныя одалиски, но что ужасно—это полковая музыка; что-то слышится знакомое, а не разберешь. Кушанья безъ всякаго порядка и ихъ, и наши; вина — сколько угодно, въ заключеніе шампанское. За обѣдомъ, или по нашему за ужиномъ, никого не было кромѣ насъ и приближенныхъ султана, и поэтому бесѣда шла откровенно. Вообще о борьбѣ Англіи противъ Россіи за преобладаніе на Востокѣ муширъ имѣлъ очень вѣрное понятіе и дивился слѣпотѣ дивана; онъ даже высказалъ прямо, что тамъ продаютъ Турцію; по его мнѣнію, Россія и Турція должны быть въ крѣпкомъ союзѣ, къ выгодѣ обѣихъ. Его слова насъ ободряли—дѣло шло хорошо; кому слѣдовало, были сдѣланы подарки и даны обѣщанія, въ перевѣсъ англійскимъ. О взрывѣ цитадели Карса (взорванъ только одинъ этажъ) муширъ относился съ насмѣшкой, по его мнѣнію, убытку тысячъ на 15, да и то не убытокъ, потому что эту цитадель слѣдуетъ срыть и построить вновь.

Усталые возвратились мы домой, а утромъ предстояло принимать гостей съ визитами. Первый пріѣхалъ муширъ съ большимъ парадомъ, мы встрѣтили его на порогѣ, приняли съ лошади и повели подъ-ручки; его визитъ окончательно взбѣсилъ англичанъ; они ему обѣщали чуть ли не Орденъ Подвязки, если онъ не поѣдетъ въ Карсъ и не дастъ квитанціи, мы обѣщали любой орденъ; подъ рукой намъ передано, что онъ желаетъ Бѣлаго Орла! Ладно. Во всѣхъ его словахъ видно было удовольствіе и дружественное расположеніе, онъ прямо объявилъ, что желаетъ устранить всякое недоразумѣніе и неудовольствіе между Россіей и Турціей и не поддастся никакому постороннему вліянію. Отправился съ тѣмъ же торжественнымъ парадомъ; народъ вовсе не прятался и не падалъ ницъ.

За нимъ стали являться всѣ паши, у которыхъ мы были, и даже такіе, у которыхъ мы не были; бѣдный Сулейманъ-паша явился въ чужомъ сюртукѣ, сверхъ русскихъ панталонъ и сюртукъ на спинѣ лопнулъ. Перебывали всѣ консулы, много выпито кофею и выкурено трубокъ; какой-то туристъ, застрявшій въ Эрзерумѣ, навязалъ Лорисъ-Меликову пару револьверовъ за большую цѣну.

Персіанинъ-купецъ принесъ брилліанты, бирюзу, янтари, но заломилъ необъятную цѣну и не продалъ, разумѣется, ничего; онъ считалъ насъ бабами и глупцами.

Какъ только узнали купцы, что мы за все платимъ золотомъ, сейчасъ понизили курсъ съ 6 руб. на 5½; въ Эрзерумѣ очень много

нашей монеты; во время войны армяне получали ее у насъ по нормальному курсу, а спускали съ лажемъ; вотъ вамъ и биржевой ажіотажъ, безъ биржи и маклеровъ.

Обѣдали дома, вечеромъ получили конвертъ съ письмомъ мушира къ Хрулеву, но насъ просили погостить. Муширъ затруднялся ѣхать въ Карсъ, такъ какъ Карсъ былъ во владѣніи русскихъ, а онъ не имѣлъ права выѣхать за границу; мы уладили тѣмъ, чтобъ онъ послалъ впередъ войско вступить въ Карсъ и выкинуть турецкій флагъ; онъ сейчасъ приказалъ двинуть туда дивизіи и назначилъ своего начальника штаба молодаго Али-пашу, воспитанника французской политехнической школы.

Весь вечеръ мы провели въ переговорахъ и совѣщаніяхъ; написали отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, просили устроить въ Карсѣ самый торжественный пріемъ, курьеромъ съ двумя линейцами отправили Владыкина; муширъ очень жалѣлъ, Владыкинъ такой хорошенькій гусарикъ. Онъ въ сутки проскакалъ 250 верстъ, не засталъ въ Карсѣ Хрулева, сѣлъ на тройку, въ Александрополѣ подалъ конвертъ и тутъ же заснулъ на диванѣ.

Слѣдующій день мы посвятили осмотру города. Постройки безобразны, а улицы, гдѣ можно, расширены, довольно чисты и вымощены; во время бывшей тамъ въ 1848 г. холеры муширъ принялъ энергическія мѣры, чтобъ очистить городъ и поддерживать порядокъ; главные элементы населенія—турки и армяне; торговля вся въ рукахъ армянъ, ремесла пали на долю турокъ, которые работаютъ въ лавкахъ. Улицы оживлены сильнымъ движеніемъ, бѣдности и угнетенія въ армянахъ не видно; мы вообще не замѣтили и не слыхали никакихъ фактовъ притѣсненій и жестокостей мусульманъ противъ раевъ; говорятъ даже, этого не бывало и во время войны, а злоупотребленія гдѣ не встрѣчаются!!! Религіозное презрѣніе, фанатизмъ, очень естественны въ читателяхъ Корана, они крѣпки своей вѣрѣ и обычаямъ; высшій слой въ переходномъ положеніи и потому безнравственъ; переходъ отъ грубаго невѣжества прямо къ нравственному просвѣщенію — едва-ли возможенъ; они думаютъ, что стали европейцами, потому что вмѣсто халата и чалмы надѣли сюртукъ и феску, также одѣли прислугу, напиваются виномъ и водкой и рѣже дѣлаютъ омовенія; есть исключенія, напримѣръ, Гуссейнъ Али-паша, начальникъ штаба, можетъ вполнѣ назваться образованнымъ человѣкомъ. Экипажей въ городѣ нѣтъ, у мушира только есть старомодная коляска, въ которой онъ собирается ѣхать въ Карсъ.

Посреди города старинная крѣпость—это то же, что нашъ Кремль, только не бѣлокаменный; военнаго значенія не имѣетъ.

На площадяхъ, кое-гдѣ на улицахъ попадаются казенные желтые

и бѣлые дома на европейскій ладъ, зато почти все остальное, изъ дикаго мрачнаго камня, нависшими балконами, лавками, навѣсами и безъ крышъ смотрятъ пожарищемъ—рамы въ окнахъ рѣдкость, трубы огромныя. Какъ и въ Александрополѣ—употребляется цвѣтной камень, но безъ всякой обдѣлки, кромѣ лицевой стороны, и бѣлая смазка—расходится самыми прихотливыми узорами. Между построекъ вылѣзаютъ мечети, съ куполами, балконами, минаретами, есть древнія, но незамѣчательныя. Пріятно на насъ подѣйствовалъ видъ армянской церкви, почти въ центрѣ города. Обнесена стѣной, обширный дворъ; по стѣнѣ жилища духовенства, посрединѣ большое, новое почти четырехъугольное зданіе, саженъ 12, безъ крыши, но съ портикомъ на колоннахъ и небольшимъ колоколомъ. Внутри храмъ раздѣленъ цѣльными колоннами подъ сводами на три придѣла; два алтаря католическихъ и одинъ греческій, съ отличной рѣзьбой, но не совсѣмъ отдѣланные; для женщинъ позади хоры съ рѣшетками. Онъ построенъ иждивеніемъ жителей, лѣтъ восемь передъ этимъ, конечно, не тайно отъ турокъ, но докончить отдѣлку не хватаетъ средствъ; духовенство насъ встрѣтило, и мы прослушали молебенъ, турки очень чинно стояли за воротами, ни одинъ не переступилъ.

Но что болѣе насъ удивило—это военные госпитали. Они устроены въ караванъ-сараяхъ и въ большомъ порядкѣ, аптеки богаты, снабжены отличными инструментами и химическими аппаратами, аптекаря и лѣкаря—иностранцы, на большомъ содержаніи, но уже есть и туземцы; насъ удивило одно, что у нихъ корпія и бинты бумажной пряжи. Больныхъ мало; я не могъ понять, какъ эти сараи отапливаются въ холодъ, а они объяснили; можетъ быть, у нихъ холодовъ пѣтъ, а сырость?

Не всякому слуху вѣрь; насъ завѣрили, что можно дешево купить полотна, кружевъ; ничего не нашли; всѣ товары англійскіе и русскіе—низкаго сорта, а цѣны высокія; накупили ради памяти мѣстнаго вздору: чубуковъ, стамбулокъ, табаку; трубочки по 6 коп. мѣдью; высшій сортъ табаку 60 коп., но зато нашли погребокъ съ отличными винами: я купилъ портвейнъ по 4 руб. 50 коп. ас., портеръ и шампанское по рублю серебромъ. Торговые ряды по улицамъ, лавки открытыя съ навѣсами, изъ мѣстныхъ произведеній замѣчательна по изяществу сбруя. Все кишитъ народомъ, на насъ глазѣютъ какъ на диковинку, вездѣ сидятъ нищіе съ чашечками; у гауптвахтъ часовые, но полиціи не видать, можетъ быть, потому, что она не имѣетъ особыхъ знаковъ. Сулейманъ-эфенди — въ видѣ комплимента передавалъ намъ, что турки вообще уважаютъ русскихъ, почему вы думаете? потому что англичане и французы не могли защитить

Карса; о Севастополѣ они и не слыхивали. У такого народа военная слава выше всего, паденіе Карса—разнеслось по всей Азіи.

О красотѣ турецкихъ женщинъ ничего не могу сказать, я ихъ не видалъ; онѣ всѣ подъ чадрами и только видны улыбающіеся черные глаза; старухи безъ чадръ отвратительны.

Армянки и молодыя не красивы, да и молодость ихъ коротка, въ 12 лѣтъ онѣ выходятъ замужъ, а въ 20 онѣ ужъ отцвѣли, расползлись, большіе глаза ввалились, носъ вытянулся и хочетъ сойтись съ подбородкомъ; да и костюмъ уродуетъ—узкія проймы подхватываютъ груди снизу и сжимаютъ ихъ вмѣстѣ, и онѣ висятъ полуоткрытыя черезъ проймы.

Передъ ужиномъ у мушира случилось маленькое происшествіе; оно напомнило, что мы въ Турціи: мы сидѣли кругомъ и длинные чубуки сходились къ центру; чубукчиръ Вадлея-паши, прыгая черезъ нихъ, зацѣпился и уронилъ его кальянъ; Вадлей такъ взглянулъ, что чубукчиръ весь затрясся, душа ушла въ пятки.

Мы опять ѣздили по городу и съ неоффиціальными визитами; въ этотъ день муширъ назначилъ за городомъ смотръ регулярныхъ войскъ. Эволюціи всѣ наши, да вѣдь мы и посылали учителей; ружья кремневыя; пріемы съ громомъ и трескомъ, обмундировка русская армейская; отличался стрѣлковый баталіонъ, волтижоры хорошо дерутся на саблях, артиллерія стрѣляетъ медленно, но зато можетъ круто поворачивать орудія. Муширъ былъ въ мундирѣ гусарскаго своего имени полка; когда гусары на рысяхъ пошли мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, муширъ выскакалъ, провелъ мимо насъ и отдалъ намъ честь; Стюартъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Въ 6 часовъ вечера въ тѣни по реомюру 28 градусовъ жары.

Въ этотъ день мы были приглашены на два обѣда, послѣ заката солнца къ англичанамъ (наружно мы были друзья) и къ персидскому консулу.

Отличныя вина, портеръ, ростбифъ, пудинги, спичи, фрукты, тосты по порядку. Не знаю, съ умысломъ или нѣтъ, послѣ царскихъ тостовъ, англичане предложили тостъ Муравьева, да и забыли выпить за здоровье Мушира-Измаилъ-паши, а за столомъ былъ его представитель Османъ-Бекъ. Лорисъ-Меликовъ ловкимъ спичемъ по-французски загладилъ эту невѣжливость, что, конечно, было передано муширу. Я разыгрывалъ роль боеваго задорнаго офицера, для котораго вся жизнь, всѣ страсти—война и ничего больше на умѣ нѣтъ; лучше не проговоришься.

И послѣ этого изящнаго, сытнаго обѣда еще обѣдъ у персіанина, а нельзя, дали слово, онъ такъ много намъ помогалъ.

Въ тѣсной душной комнатѣ былъ накрытъ столъ, поставлены

стулья! Столъ уставленъ самыми тяжелыми, жиромъ пропитанными яствами, а отказываться нельзя—обидишь радушнаго хозяина, а тутъ еще въ углу раскачивается знаменитый персидскій импровизаторъ, съ губной гармоникой и зурной; поетъ что-нибудь чувствительное, персіане въ умиленіи и восторгѣ, а мнѣ смерть-тошно.

За ужиномъ не было ни англичанъ, ни турокъ, только Османъ-Бека пригласили по необходимости, но зато явились русскіе бѣглецы, ренегаты. Одинъ маіоръ изъ черкесъ; онъ здѣсь паша, сирѣчь генералъ; говорятъ, что онъ бѣжалъ вслѣдствіе какихъ-то темныхъ дѣлъ, а онъ оправдывается бѣдностью. Онъ расчувствовался, въ разсказѣ сквозила непритворная грусть, раскаяніе; турки презираютъ измѣнниковъ, и онъ сознавался, что хоть и платятъ хорошо, но нравственное униженіе ужасно. Съ горя онъ напился пьянъ къ концу; винъ персіане не пили, а портеръ уничтожали дружно.

А импровизаторъ то декламировалъ, то выводилъ въ носъ заунывные мотивы, съ горловыми трелями, закатывалъ глаза и приходилъ въ азартъ, должно быть, очень хорошо, но только того и гляжу, что стошнитъ.

Намъ надо было прежде мушира поспѣть въ Карсъ, онъ объявилъ, что на-дняхъ выѣзжаетъ. Мы торжественно откланялись на прощальной аудіенціи; размѣнялись подарками. Гусейну-пашѣ мы подарили приборъ на узду, бляхи изящной отдѣлки изъ разноцвѣтнаго золота, зятю мушира кальянъ съ брилліантами, щедро одарили прислугу, сверхъ того, обѣщали выхлопотать ордена; мнѣ муширъ подарилъ лошадь и англійскіе часы.

Мы выѣхали въ тотъ же день очень весело, очевидно, дѣло было выиграно, на зло англичанамъ.

Персидскій, австрійскій консулы, нѣсколько турокъ и европейцевъ провожали насъ за городъ.

Общественной жизни въ Эрзерумѣ нѣтъ никакой, жизнь народа—базаръ, жизнь пашей—затворничество въ гаремахъ; европейцы консулы замкнуты въ своихъ кружкахъ семейно; вѣчныя интриги и распри ихъ разъединяютъ, взаимное шпіонство развито до-нельзя; и мы были окружены шпіонами, но эфенди насъ предостерегъ, что есть поляки, знающіе по-русски — не удалось.

Роскоши никакой, скорѣе нищета! объ искусствахъ ни малѣйшаго понятія, ни литературы, ни живописи, ни архитектуры, ни музыки, во всемъ, даже и въ садахъ всякое отсутствіе вкуса; даже нѣтъ никакой своеобразности, все безцвѣтно! и мечтаютъ о развитіи турецкаго племени.

Обѣдали въ Гассанъ-Кале, заѣзжали въ лагерь Али-паши; хотѣлъ похвастаться ружейными пріемами, да и осрамился. Лорисъ-Мели-

ковъ такъ вскидывалъ ружьемъ, что удивилъ ихъ до разинутія ртовъ; у этой бригады ружья пистонныя.

Заѣзжали въ деревню, гдѣ преемникъ Вилліамса, молодой человѣкъ лѣчился минеральными водами, принялъ очень радушно, много говорили о Севастополѣ, о курдахъ, ему очень хотѣлось вывѣдать политическіе планы русскихъ на Турцію, а я все толковалъ о войнѣ, и Лорисъ-Меликовъ меня не понялъ. Испугался, чтобъ это не испортило дѣла.

Впослѣдствіи сынъ нашего консула Жабы, пріѣзжавшій изъ Эрзерума, говорилъ мнѣ, что дѣйствительно я отвелъ глаза всѣмъ и за мной не такъ слѣдили, но турки поняли и видѣли мое назначеніе въ этомъ посольствѣ.

На дорогѣ мы были встрѣчены старшиной курдовъ, богатымъ кочевымъ владѣльцемъ, онъ нарочно выѣхалъ, чтобъ упросить насъ ночевать у него въ лѣтнемъ кочевьѣ. Курды, заходя часто по горамъ въ предѣлы Россіи, очень дружатъ намъ; во время войны они уклонялись съ нами драться, то есть, измѣняли туркамъ, этотъ нейтралитетъ стоилъ Бебутову, говорятъ, до 800 тысячъ. Зато война выиграна. Курды—славные джигиты; хорошо вооружены, смѣлы; хоть ихъ и смѣшиваютъ съ баши-бузуками, но баши-бузуки—нищая сволочь. Есть картинка „Переправа курдовъ“, посмотрите и получите полное понятіе о ихъ наружности; у нихъ пика на длинныхъ тростникахъ съ шаромъ изъ конскаго волоса или страусовыхъ перьевъ у конца древка; когда онъ скачетъ, мелькаетъ только этотъ черный шаръ, нельзя отклонить удара. Вотъ это чистая Азія.

Мы своротили съ дороги и поѣхали цѣликомъ, горы уже выше лѣсной полосы, но покрыты злачною, густою травою, по плоскостямъ ручьи и болота. Попадались большія стада коней, барановъ, рогатаго скота, но кочевья не видали; къ вечеру въ лощинѣ мы увидали первый кочевой лагерь нашего старшины.

Палатки большія изъ чернаго сукна—полукругомъ и группами около потнаго мѣста; одна большая, лицомъ на востокъ, по-отдаль. Палатка старшины очень обширна, раздѣлена на нѣсколько большихъ отдѣленій перегородками изъ тростника, тростникъ красиво переплетенъ узоромъ изъ разноцвѣтной шерсти, въ пріемной комнатѣ аршинъ 12-ть, низенькіе шелковые диваны, персидскіе ковры; передняя часть полога на востокъ поднята; для удаленія мушкары впереди вѣчно курится каминъ. На низменности пасутся кони, окутанные въ попоны съ головы до ногъ; кони—богатство и гордость хозяина; во всѣхъ палаткахъ движеніе и жизнь, у старшины крѣпостныхъ до 400 семей; управленіе патріархальное. Эта особенность выказалась ясно послѣ нашего ужина; возлѣ палатки собралась ужинать личная

прислуга старшины, пастухи, конюхи; подали бараній пловъ и молочное, самъ старикъ ухаживалъ, они шумно болтали и когда отъужинали, подходили къ нему цѣловать руку.

Вечеръ былъ восхитителенъ; влажная теплота, не жарко, но какъ-то легко; съ закатомъ солнца съ разныхъ сторонъ по скатамъ горъ спускались стада, вездѣ пестрѣла яркая одежда курдовъ; тамъ пастухи сгоняли скотъ, здѣсь ловкій наѣздникъ догонялъ сорвавшагося съ коновязи лихаго жеребца, тамъ женщины доили коровъ и овецъ.

Женщины очень стройны и красивы, даже въ лохмотьяхъ, онѣ не носятъ покрываловъ, нарядъ ихъ легокъ; все въ нихъ напоминаетъ древній іудейскій типъ красавицы.

Я былъ пораженъ, встрѣтивъ дочь старшины: такой красоты я не видывалъ и, вѣроятно, не увижу въ пресловутой Европѣ.

Высокая стройная дѣвушка лѣтъ двадцати; типъ еврейскій; жизнь бьетъ ключемъ! черные, полные огня и ума глаза; необыкновенная граціозность движенія и позъ; нарядъ изъ шелковой красной туники, голубой юбки и красныхъ шароваръ, грудь посерединѣ косымъ греческимъ лифомъ полуобнажена, руки голыя до плечъ, на шеѣ ожерелья изъ коралловъ, янтарей, монетъ; на рукахъ браслеты; черные волосы распущены назадъ множествомъ косъ съ красными лентами; туфли и весь нарядъ отдѣланы золотымъ шитьемъ и бахрамой; гибкій станъ перехваченъ богатымъ золотымъ кованымъ поясомъ съ камнями. Я обомлѣлъ, она смотрѣла съ улыбкой; какъ гадокъ долженъ былъ казаться ей нашъ европейскій нарядъ: фуражка, сѣрое пальто, небритая борода. Она ужинала съ нами, черезъ переводчика разспрашивала о жизни, нарядахъ, красотѣ нашихъ женщинъ и ушла очень величаво, за ней двѣ прислужницы тоже очень красивыя.

Конечно, ночевать у курда было пріятнѣе, нежели въ турецкой землянкѣ съ умирающимъ осломъ и травлею волка.

Утромъ хозяинъ проводилъ насъ до большой дороги; обѣдали въ зарѣ у Морбека, на послѣдней станціи насъ ждали тройки: какъ спокойно въ телѣгѣ послѣ турецкаго сѣдла, Мадитъ-Бекъ воротился съ нами въ Карсъ, тамъ ужъ былъ Хрулевъ со всѣмъ штабомъ и для торжества стянулъ къ Карсу—цѣлую дивизію; то-то обрадовались газеты, чтобъ закричать, что русскіе послѣ мира обложили Карсъ.

И такъ мы были въ сердцѣ Азіи. Гдѣ же эта сказочная роскошь? гдѣ же эти великолѣпные гаремы и сады; не видали мы тирановъ-пашей, ни закованныхъ рабовъ, даже не видали кольевъ съ насаженными головами, не все же для насъ нарочно убрали. Вотъ и вѣрь въ арабскія сказки Тысячи одной ночи.—Нѣтъ, видно, поэзія оставила землю, вездѣ разочарованіе. Вѣрь послѣ этого за-

пискамъ путешественниковъ, не на мѣстѣ они записываютъ свои впечатлѣнія.

Пришла турецкая дивизія подъ начальствомъ Гусейнъ-паши, мы выстроили бригаду за укрѣпленіями на большомъ полѣ, встрѣтили турокъ съ военной почестью. Стоя другъ противъ друга, войска преклонили знамена; предводители Гусейнъ-паша и Лорисъ-Меликовъ съѣхались на срединѣ. Наши войска съ музыкой прошли черезъ крѣпость и расположились въ лагерѣ; турецкія войска вступили въ крѣпость, смѣнили наши караулы, выставили турецкое знамя и сто одинъ выстрѣлъ возвѣстилъ, что крѣпость сдана; муширъ могъ пріѣхать.

Стюартъ съ товарищами пріѣхалъ слѣдомъ; нельзя ли помѣшать да разстроить; остановились у насъ въ лагерѣ; молодымъ адъютантамъ поручено было угощать посмѣнно незванныхъ гостей, да такъ угощать, по-русски, чтобъ они себя не помнили; грогъ, шампанское, портеръ, водка, портвейнъ въ перемежку, сколько вольется. Порученіе было въ точности исполнено.

Дано знать, что ѣдетъ муширъ. Лорисъ поѣхалъ встрѣтить его на послѣдній ночлегъ съ двумя сотнями линейныхъ казаковъ, я ожидалъ на половинѣ послѣдняго переѣзда съ драгунами, у крѣпости наша пѣхота съ артиллеріей; мы платили за почетъ почетомъ. Наша свита и многочисленная свита мушира смѣшались; казаки джигитовали съ баши-бузуками, музыка играла все время. Измаилъ-паша ѣхалъ верхомъ на своемъ красавцѣ-жеребцѣ.

На другой день Измаилъ и Хрулевъ съѣхались на половинѣ дороги между крѣпостью и лагеремъ, начались окончательные переговоры.

У насъ большой военный праздникъ. Парадъ, обѣдъ, фейерверкъ, солдатскій театръ, джигитовка, лезгинскій танецъ, четыре хора музыки, пѣсельники. Муширъ въ восторгѣ, англичане ничего не видятъ. Солдатъ представлялъ въ комедіи дѣвку, муширъ не хотѣлъ вѣрить, пока не убѣдился ощупью, далъ актеру 4 золотыхъ.

Поздно вечеромъ, съ факелами при смоляныхъ бочкахъ, мы проводили мушира до крѣпости; обнимались съ турками по-братски.

Въ Александрополѣ намъ угрожалъ голодъ, все было забрано въ лагерь, даже фейерверкъ готовый привезенъ оттуда; когда только успѣли сдѣлать!

На другой день мы обѣдали у мушира, вечеромъ получили квитанцію въ пріемѣ Карса съ областями безъ всякихъ претензій. Всѣ интриги рушились, мы торжествовали, съ этой стороны честь Россіи осталась неприкосновенною, а все это стоило, можетъ быть, тысячъ двадцать, считая подарки. Такъ удачно кончилось это щекотливое дѣло.

Съ разсвѣтомъ мы снялись съ лагеря и отступили въ свои границы; имя Бакланова навѣки осталось въ Карсѣ; гора, которую онъ занималъ во время осады, такъ и сохранила имя Баклановской.

Мы ѣхали съ генераломъ сдѣлать прощальный визитъ, оттуда отправиться въ Гумри; въ лагерѣ оставалась одна палатка, въ ней опочивалъ Стюартъ съ товарищами. Когда онъ увидѣлъ хвосты колоннъ, обозы, запустѣніе,—онъ понялъ, что дѣло его проиграно, не удалось насъ поссорить съ турками, отнять у насъ 30 деревень и 2 милліона; говорятъ, онъ схватился за револьверъ.

Муширъ распростился дружески, просилъ позволенія послать своего зятя въ Тифлисъ съ благодарственнымъ письмомъ къ Муравьеву, за отличное состояніе возвращенныхъ областей, проводилъ насъ съ военной церемоніей и хотѣлъ послать до границы почетный конвой; генералъ отказался, и конвой вѣрно былъ доволенъ,—вмѣсто того, чтобъ проскакать сто верстъ, онъ получилъ по золотому.

Зять мушира, кавалерійскій каймакамъ Асейфъ-Бекъ, молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, здоровый, рыжій, обстриженъ подъ гребенку; генералъ назначилъ меня сопровождать его и представить Муравьеву; болѣе для того, чтобъ разсказать Н. Н. то, чего нельзя было написать, а это дѣло его сильно интересовало; взрывъ Карса послѣ мира—всей тяжестью ложился на него, хотя и былъ слѣдствіемъ недоразумѣнія; телеграфовъ не было.

Съ трудомъ досталъ я у генерала Неелова старенькій тарантасъ, не на перекладныхъ же было везти по горамъ непривычнаго турка.

Несмотря на запрещеніе переступить границу, къ намъ пріѣзжали покутить Османъ-паша и другіе турки. Всѣ перепились, и когда гостей повезли домой, пришелъ Ольшевскій, качаясь на ногахъ, упрекать генерала, зачѣмъ онъ такъ хорошо обошелся съ подлецами турками. Генералъ посмотрѣлъ на него.

— А вы зачѣмъ съ подлецами нализались, ваше превосходительство?

Ольшевскій ушелъ безъ отвѣта.

На половинѣ дороги у насъ почти разсыпалось колесо, кое-какъ скрутили веревками и надо ѣхать шагомъ, ночь, до станціи еще верстъ шесть; вижу, скучаетъ нашъ турокъ; я предложилъ ему водки; на послѣдней станціи я только-что наполнилъ флягу—фруктовымъ спиртомъ. Выпилъ самъ, по обычаю, потомъ поднесъ ему, разложилъ закуски и съ переводчикомъ пошелъ пѣшкомъ.

На станціи раньше утра не брались починить колеса; каймакамъ спалъ, я распорядился постелями, ужиномъ и послалъ переводчика его разбудить; оказалось, что онъ мертвецки пьянъ, а фляжка (полштофа) пуста, пришлось отпаивать кофеемъ, вотъ те и законы Корана.

Въ Тифлисѣ я занялъ лучшія комнаты гостиницы и спросилъ Бека, какой онъ хочетъ обѣдъ: турецкій, французскій или русскій; онъ выбралъ послѣдній, я его угостилъ борщемъ, кулебякой и поросенкомъ съ кашей. Остался восхищенъ; въ самомъ дѣлѣ поваръ русскій отличный.

На другой день я повезъ его на дачу Гадуюръ—представить Муравьеву—за 12 верстъ все въ гору.

Муравьевъ его, конечно, обласкалъ, говорилъ по-турецки и пригласилъ насъ въ 5 часовъ къ обѣду. Беку отвели павильонъ, меня ординарецъ воротилъ къ Н. Н.

Онъ сидѣлъ одинъ въ кабиетѣ.

— Скиньте шарфъ, садитесь, разскажите мнѣ, что какъ тамъ вы устроили.

Я разсказалъ со всѣми подробностями то, что не было писано.

Разговоръ перешелъ на Карсъ, сравнивали укрѣпленія и осаду съ Севастополемъ. „Да сказалъ Муравьевъ, я знаю, что меня обвиняютъ за штурмъ! А развѣ можно было ждать? Омеръ-паша высадился на Черномъ морѣ съ 30 тысячами, черезъ двѣ недѣли онъ подошелъ бы къ Карсу и заставилъ бы насъ отступить; развѣ я могъ знать, что онъ завязнетъ въ болотахъ, тогда обвинили бы, зачѣмъ я не взялъ приступомъ Карса! Вашего Севастополя въ Азіи не знаютъ, а паденіе Карса разнеслось даже по Китаю и всей Индіи; большое нравственное значеніе для азіатцевъ, они знали, что турокъ защищали, да не спасли, англичане и французы. Вотъ почему я поторопился приступомъ. Меня исторія оправдаетъ, да и не исторія, а ближнія послѣдствія“.

— Если позволите возразить, ваше высокопревосходительство, то, говорятъ, турки не имѣли запасовъ, ѣли мертвечину, голодъ ихъ вынудилъ бы сдаться безъ бою.

— Никогда, они ужъ двѣ недѣли терпѣли голодъ, да и обложить города вполнѣ не могъ, мало бы войскъ, припасы подвозили.

— Я слышалъ отъ турецкаго генерала, что еслибъ Сусловъ взялъ Эрзерумъ, то Карсъ бы дня не держался.

— Не могъ, требовалъ подкрѣпленія.

— Извините, ваше высокопревосходительство, я видѣлъ позицію, ретраншементы, на мѣстѣ мнѣ указывали обходы! — и я разсказалъ все, что узналъ на мѣстѣ объ ошибкѣ Суслова.

Муравьевъ нахмурилъ лобъ; видно было, что я сообщилъ ему нѣчто новое для него. Онъ только спросилъ: вы все это видѣли? и потомъ спросилъ, почему я въ такомъ маленькомъ чинѣ; я откровенно разсказалъ свою грустную исторію; Н. Н. подробно разспросилъ о дѣлѣ, о семействѣ, ругнулъ Закревскаго. Я никогда не любилъ этого

человѣка, онъ глупъ и золъ. Потомъ спросилъ, не нуждаюсь ли я въ деньгахъ? „Я велю вамъ выдать годовой окладъ, вы уладили скверное дѣло, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?“ Записалъ. „Да, меня упрекаютъ, что я мало даю офицерамъ денегъ, вы теперь видѣли здѣсь жизнь? на что имъ? въ карты проиграть, пропить, проб...! лучше дамъ, когда пойдутъ отсюда; я вотъ скопилъ на дорогу, у насъ дороги нѣтъ черезъ Кавказъ; посмотримъ, съумѣетъ ли воспользоваться моей экономіей преемникъ!“

Уже было извѣстно назначеніе Барятинскаго.

Мы такъ заговорились, что время не замѣтили; лакей вошелъ доложить, что кушанье поставили и Бекъ давно дожидается.

Обѣдъ былъ двойной—постный и скоромный.

Замѣтя, что я не постничаю, онъ спросилъ, постится ли Хрулевъ, лгать не хотѣлось, я оправдалъ Хрулева болѣзнью, лихорадкой. Муравьевъ улыбнулся; много и дружески разговаривалъ съ Бекомъ потурецки; Бекъ держитъ себя съ отличнымъ тактомъ.

Это свиданіе съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Муравьевъ останется навсегда въ моей памяти! Русская душа, суровъ можетъ быть, но прямъ и честенъ, за это можетъ быть и не долюбливали.

Попировавъ въ Тифлисѣ, я отвезъ Бека, вполнѣ довольнаго поѣздкой,—въ Александрополь. Хрулевъ сбирался перенести штабъ отряда въ Ганзигеманъ; отрядъ расположился на зимнія квартиры, ожидали распущенія корпуса.

Опять принялись мы со Степаномъ Александровичемъ писать, переписывать, чертить, какъ будто ужъ намъ дали отрядъ идти въ Хиву, Бухару, Туркестанъ; ему хотѣлось окончить проекты рѣшительнаго покоренія Кавказа и мирнаго покоренія среднеазіатскихъ ханствъ. Первое составлялъ онъ, второе—я.

Съ частью штаба мы перебрались въ Ганзигеманъ и разбили больничныя палатки; мѣстность превосходная; между двухъ горъ, внизу вышло около рѣчки шоссе, въ рѣчкѣ форель. Правая гора уступами, на первомъ уступѣ инженерный домикъ, занятъ семействомъ Девеля, внизу будка надъ ванной желѣзистаго ключа, онъ такъ силенъ, что мнѣ докторъ запретилъ и пить и купаться; говоритъ, кондрашка хватитъ; на второй плоскости нашъ лагерь, далѣе и все выше, и выше, лѣсъ; въ нихъ фруктовыя деревья. Другой берегъ—отвѣсная гора, съ нея видна вся Куринская долина.

Изъ этой горы съ верху течетъ сильный сѣрный ключъ; подъ водопадомъ наслоилась желтая сѣра, есть недалеко и щелочный ключъ; и все это безъ всякаго вниманія.

Чтобъ полюбоваться Куринской долиной, мы сдѣлали всѣмъ обществомъ восхожденіе на гору, съ самоваромъ и прочими удоволь-

ствіями, да остались въ дуракахъ; передъ нами открылось широкое море, въ долинѣ лежалъ густой синій туманъ и волновался точно вода, крупными валами; высокіе холмы выходили какъ острова.

2 сентября.—Все это время ничего замѣчательнаго; войска тронулись въ Россію. Нѣсколько дней завернули холода, такъ что по утрамъ трава была бѣлая, дожди, вѣтры, да такіе, что срывало наши палатки; Девель уѣхалъ, мы перебрались въ ихъ домикъ; гулять нельзя и некогда, Хрулевъ нетерпѣливо понукаетъ.

Записываю нѣкоторые случаи, они обрисовываютъ характеръ Хрулева.

Открылось, что въ одномъ госпиталѣ не отмѣчаютъ умершихъ и получаютъ на нихъ содержаніе; по слѣдствію и начету оказалось злоупотребленіе тысячи на три. Но главный докторъ былъ—старикъ съ большимъ семействомъ. Генералъ исходатайствовалъ у Муравьева не предавать суду, но заставилъ полковаго командира Неелова и другихъ виновныхъ заплатить вдвойнѣ деньги; смѣстилъ доктора, а смотрителя уволилъ отъ службы. Сперва надо искоренить зло, принять мѣры... а теперь за что же губить тѣхъ, кто былъ глупѣе другихъ и попался. Урокъ хорошъ и этотъ.

Я изобличилъ по слѣдствію ротнаго командира крѣпостной роты—въ жестокости, въ незанесеніи въ журналъ наказаній. Генералъ этого не терпѣлъ, но это было въ правахъ ротнаго командира. За неисправности онъ его арестовалъ, а людей, которые жаловались, чтобъ избавить мщенія, перевелъ въ другія команды; когда корпусъ распустили, власть надъ крѣпостью Хрулева кончилась, мы встрѣтили одного изъ нихъ, его возвращали. Хрулевъ взбѣсился и настоялъ, чтобъ ротнаго командира за это выгнали.

Кавалерская дума сдѣлала запросъ, — былъ ли данъ Хрулевымъ знакъ военнаго ордена юнкеру Хо—ну въ Севастополѣ; по спискамъ моимъ значился другой; сдѣлали справки, оказалось, что въ Севастополѣ послѣ какой-то вылазки Хо—нъ явился къ полковому командиру своему барону Дельвигу и объявилъ, что Хрулевъ надѣлъ ему крестъ. Ему повѣрили и занесли въ формуляръ. На дѣлѣ было иначе. Хо—нъ отличился подъ Альмой; улепетывая отъ непріятеля, онъ сбросилъ съ себя все, кромѣ рубашки, въ Севастополѣ больше пребывалъ въ госпиталяхъ и тамъ у умершаго юнкера укралъ крестъ. Это было неоффиціально, но стоило Хрулеву сказать, что онъ креста не давалъ, и Хо—нъ солдатъ, но онъ этого не сказалъ, потому что узнали, что Хо—нъ одинъ сынъ въ большомъ семействѣ и хорошій сынъ.

Иначе поступилъ генералъ съ юнкеромъ Ма—ымъ; М—нъ также сослался на Хрулева, что ему была поручена въ Севастополѣ вы-

лазка, гдѣ онъ былъ раненъ и награжденъ офицерскимъ чиномъ, все это было ложь и свидѣтельство отъ имени Хрулева—фальшивое, М—нъ былъ преданъ суду.

Въ Севастополѣ въ траншеяхъ было запрещено не только шумѣть, но и говорить; на голоса непріятель почью направлялъ выстрѣлы и кидалъ ручныя гранаты. Хрулевъ съ начальникомъ штаба княземъ Васильчиковымъ, обходя траншею 30 мая 1855 г., услышали въ ложементѣ сильный шумъ; Ивановъ былъ пьянъ и буянилъ, на ихъ замѣчаніе онъ наговорилъ дерзостей Васильчикову. Преступленіе важное для военнаго времени, его арестовали и предали полковому военному суду, онъ подлежалъ разстрѣлянію въ 24 часа; черезъ годъ вдругъ Хрулевъ получаетъ рапортъ военно-ссудной коммиссіи изъ Херсона; оказывается, что дѣло Иванова тамъ еще и не рѣшено, требуются дополнительныя свѣдѣнія.

Генералъ далъ свѣдѣнія, но дополнилъ, что строгій судъ нуженъ былъ въ свое время для примѣра другимъ офицерамъ, теперь же по его мнѣнію Ивановъ достаточно уже наказанъ.

Мы скоро оставляемъ Арменію! Богатая природой страна, но страна отжившая; нѣтъ ей воскресенія, если не прибудутъ чужія свѣжія силы; армяне утратили всякій нравственный государственный строй, въ нихъ нѣтъ понятій о нравственности, это кулаки, торгаши низкаго разбора (конечно, есть исключенія, я говорю о массѣ). Нельзя не сознаться, что и администрація крайне дурна, злоупотребленіямъ нѣтъ числа, въ ней много армянъ; правосудія нѣтъ, все па взяткахъ и притѣсненіяхъ, становые—это паши; стыдно сознаться, но армянамъ подъ властью турокъ лучше, нежели у насъ; фактъ: мы ждали, что за войскомъ изъ турецкихъ владѣній къ намъ переселится тысячъ семьдесятъ семей, не тутъ-то было, почти никто. Совсѣмъ другой народъ, маленькій народъ грузины, но это мѣстная аристократія. И эта была когда-то просвѣщенная страна; въ ней селились рыцари крестоносцы, изгнанные изъ Іерусалима; ихъ оружія съ латинскими надписями и священными изображеніями хранятся какъ святыня въ аулахъ Хевсуріи, Тушетіи, Дагестана, но потомки забыли свое европейское происхожденіе, одичали.

Фельдъегерь 16 сентября привезъ Хрулеву орденъ Бѣлаго Орла за сдачу Карса; князь Барятинскій перешагнулъ черезъ 100 человѣкъ, да 12 лицъ очень значительныхъ; полнымъ генераломъ и намѣстникомъ ѣдетъ на Кавказъ; Бебутовъ сильно обидѣлся, но ему въ утѣшеніе подарили домъ тысячъ въ 50 въ Тифлисѣ.

Холода и вѣтры выгнали насъ изъ Ганзичемани, мы переселились верстъ за 20 ближе къ Тифлису въ Рѣдькинъ лагерь, въ ущелье Делижанъ (!?). Мѣстность много ниже Гинзичемани; все въ

цвѣту, жарко до того, что вода въ рѣчкѣ, какъ отварная; тамъ мы нагнали Девеля, онъ ушибся и лѣчится, тутъ нѣсколько домиковъ, живутъ инженеры. Разсвѣтаетъ въ 6 часовъ и въ 6 часовъ вечера темно, ночь падаетъ вдругъ, почти безъ сумерекъ.

Внизу у насъ чудное лѣто, сильная зелень; на половинѣ горы желтый листъ—осень, а на вершинахъ снѣгъ и льды, все это видно изъ моихъ оконъ. Богатая долина, въ рѣкѣ ловятъ рыбу и раковъ руками, въ лѣсу бездна всякой дичи и фруктовъ, вкуснѣе нашихъ оранжерейныхъ. Оказалась русская баня,—какъ я обрадовался!

Князю Барятинскому подчинено Каспійское море съ его военною флотиліею, онъ поѣхалъ на Астрахань, оттуда моремъ въ Баку и оттуда по Лезгинской линіи въ Тифлисъ. Моя коммерческая статья о средствахъ развитія среднеазіатской торговли кончена; пишу параллельную дипломатическую; въ ней особенно важна статья о Евфратской желѣзной дорогѣ; мы получаемъ газеты изъ Константинополя безъ цензуры; изъ нихъ я вычиталъ, что англичанинъ Джонъ-Макъ-Нейль, преслѣдуя общую въ Англіи идею исканія болѣе близкихъ путей въ Индію, придумалъ построить желѣзную дорогу отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу по берегу Евфрата. Сейчасъ собралась компанія, и Нейль хлопочетъ о концессіи, Турція поддается. Разсчетъ Нейля вѣрный, это древній торговый трактъ Европы и всей Азіи до Китая и Индіи. Дорога должна начаться у пристани Селеція или Александретты на устьяхъ Оронта, пройти черезъ Алепъ къ замку Жаберъ на Евфратѣ, оттуда Евфратскою долиною на Багдадъ. На этомъ остановился Хрулевъ: Багдадъ—это центръ среднеазіатской торговли—транзитный пунктъ для Персіи, Закавказья, Чернаго моря.

— Это надо предупредить, Россія много потеряетъ, — сказалъ Хрулевъ.—Англичане заведутъ въ Багдадѣ свои конторы и овладѣютъ вполнѣ всей торговлей Турціи, Персіи и нашего Закавказья, Тифлисъ пропалъ, всѣ капиталы перейдутъ въ руки англичанъ, наши провинціи между Чернымъ и Каспійскимъ морями заглохнутъ. Англичане выпросятъ или купятъ у персовъ и построятъ на Каспіи пароходы, тогда прощай и наше Каспійское море, и Средняя Азія. А въ военномъ отношеніи? Еще хуже, къ Багдаду передвиженіе войскъ можетъ совершаться быстро, мы не поспѣемъ; недолго разработать дороги изъ Багдада въ Трапезондъ, Эрзерумъ, Баязетъ, т. е. на наши границы; въ случаѣ разрыва съ турками или съ персами,—прощай все Закавказье. Напишите скорѣй статью противъ замысловъ Нейля и лорда Баркенланда, надо помѣшать имъ, предупредить; я сейчасъ пошлю князю Горчакову.

Статья была написана и послана; Евфратская дорога не состоялась, а было все готово для концессіи съ гарантіей 6% и трети акцій.

По милости Хрулева я изучилъ Азію чуть ли не больше Европы.

Въ Александрополѣ было небольшое землетрясеніе, вся долина вулканической почвы, отъ этого и крѣпость неприступна, наносъ земли очень малъ и съ одной стороны нельзя вести траншей, а съ другой неприступныя природныя стѣны, чтобы обезпечить осаду; часть Александрополя, приближавшаяся къ крѣпости, была срыта.

Корпусъ окончательно распущенъ, мы впредь до распоряженія переѣзжаемъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисѣ 27-го сентября зима, т. е. дожди и вѣтры, а все въ зелени, цвѣтутъ розы.

Вмѣсто Индреніуса назначенъ начальникъ штаба къ намѣстнику Милютинъ, Д. А., мой школьный товарищъ, человѣкъ весьма ученый и передовой.

Жизнь недорога, квартиру, пополамъ съ Лупиковымъ за рѣкой, я нанялъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, четыре комнаты и кухня: хозяйкѣ, женѣ коммиссіонера, 22-й годъ, а у нея дочь 9-ти лѣтъ.

Жизнь идетъ вяло, будущее въ неизвѣстности, опять жары, знакомства не завожу. Былъ въ театрѣ, примадонна русской труппы дочь московскаго актера Лененко; съ ней вышелъ скандалъ, режиссеръ на сценѣ публично надавалъ ей пощечинъ; приходится уѣхать.

Генерала требуютъ въ Петербургъ, зачѣмъ, неизвѣстно, но онъ хочетъ дождаться Барятинскаго. Если онъ уѣдетъ и я за нимъ! куда, зачѣмъ, все равно, я буду въ Москвѣ, дома, въ семьѣ; отъ радости и сонъ и аппетитъ пропали, работать не могу.

Статьи переписываются во многихъ экземплярахъ.

Громы и торжества коронаціи не разбудили грузинскую спячку: такъ же скучно и мертво! Славны бубны за горами: не такъ привлекателенъ Кавказъ, не всѣ герои, не столько и опасностей и трудовъ, какъ кажется издали, послѣ Севастополя — фата-моргана Кавказа поблекла; поэтическій черкесъ, красивый, но грязный, оборванный— нищій, разбойникъ. Грузинки вовсе не такъ хороши, ранняя старость и дубины-носы ихъ портятъ; аристократія носитъ европейскіе костюмы, но сохраняетъ свой головной уборъ. Эта парчевая, или бархатная, вышитая золотомъ, жемчугомъ повязка закрываетъ лобъ до половины, виски подстрижены, а сзади волосы распущены во всю длину; сверхъ повязки легкій вуаль. На улицѣ отъ жары и пыли онѣ закутываются въ бѣлую чадру, и тогда видны только одни прекрасные глаза. Грузины еще азіатцы, и потому Тифлисъ, несмотря на 70 т. жителей— безжизненъ, какъ всѣ азіатскіе города. Русскіе офицеры и чиновники большей частью бѣдняки, чистая провинція. Надѣются, что Барятинскій оживитъ городъ. Вдругъ всѣ съѣстные припасы вздорожали— почему спросите: ланкарства. Канаусы, мовь, ковры—всѣ эти персид-

скія издѣлія, конечно, дешевле, чѣмъ въ Россіи, но зато остальное все русское.

Городская архитектура очень красива и самобытна; это соединеніе европейскихъ удобствъ въ примѣненіи къ климату и обычаямъ; плоскія крыши или террасы, балконы, переходы, въ нѣсколько этажей, съ рѣшетками, навѣсами, все ярко и пестро раскрашено, но со вкусомъ, все оживлено зеленью и цвѣтами. Проспектъ по главной улицѣ вымощенъ гранитомъ, но узокъ. Внутри обоевъ мало, болѣе краски, нѣкоторые потолки великолѣпно отдѣланы причудливой арабской лѣпной работой, съ зеркальцами и цвѣтными стеклами, все это персіане дѣлаютъ отъ руки изъ алебастру, но такъ вѣрно, какъ будто весь рисунокъ отлитъ въ формы.

Я уже говорилъ, что публичный садъ уступами съ прудомъ, но крайне запущенъ. Публики мало, хоть и играетъ полковая музыка Рязанскаго полка.

Танцовали у Девеля, чудный человѣкъ.

Намѣстника задержало астраханское наводненіе, и онъ только-что пріѣхалъ въ Шуру. За эрзерумскія любезности, по ходатайству генерала, вышли туркамъ ордена, муширу—Бѣлаго Орла, начальнику штаба—Станислава 1 ст., Юсефъ-Беку—Владиміра, всего 9, а мы отъ нихъ Меджидіе еще не получали.

Для пріѣзда Барятинскаго готовится торжественная встрѣча, Индреніусъ и нѣкоторыя другія лица поѣхали къ нему навстрѣчу въ Баку, генералъ послалъ ему наши записки при письмѣ, проситъ отъ нечего дѣлать просмотрѣть ихъ въ каретѣ, при проѣздѣ по Лезгинской линіи. Намѣстникъ велѣлъ взять театръ въ казенное управленіе, онъ выписалъ балетъ и труппу.

Барятинскій пріѣхалъ! Его встрѣтили съ военной почестью, ланкарства съ значками, дворянство верхами съ зурнами и шарманками. Торжественный въѣздъ царскаго намѣстника, съ широкими правами; онъ сошелъ у собора, гдѣ ждало духовенство; общее представленіе. Муравьевъ много допустилъ злоупотребленій, придется потрудиться Барятинскому; онъ, по случаю дороговизны на все, началъ войну съ ланкарствами, но не штыками, а подрѣзалъ хлѣбное ланкарство очень просто, велѣлъ продавать хлѣбъ изъ военныхъ запасовъ.

Мы обѣдали у князя; генералъ представилъ меня, какъ автора статей. Барятинскій, очевидно, перемѣнилъ мнѣніе о Хрулевѣ. О способѣ окончанія войны съ горцами князь выразился, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія Хрулева, и предложилъ ему мѣсто Козловскаго, онъ уклонялся сперва тѣмъ, что не хочетъ лишить старика, а когда Барятинскій объяснилъ, что поэтому нельзя его и оставить, Хрулевъ далъ понять, что это дивизія, а онъ командовалъ корпусомъ.

Напрасно я его уговаривалъ дома, что правое крыло—не дивизія, а большой корпусъ, 45 тысячъ войска и три губерніи (Ставропольская, Владикавказскій округъ и земля Черноморскихъ казаковъ) въ управленіи, что на правомъ крылѣ будутъ самыя важныя дѣйствія. Наконецъ, что Барятинскій обѣщалъ преобразовать кавказскій корпусъ въ армію, а дивизіи въ корпуса,—ничего не убѣдило. Потомъ Барятинскій уговаривалъ Хрулева остаться при немъ, съ тѣмъ, чтобъ его назначить инспекторомъ всѣхъ войскъ на Кавказѣ, т. е. его помощникомъ по военной части—и на это не согласился. Его отуманилъ пріемъ въ Петербургѣ, когда онъ возвратился увѣнчанный славой изъ Севастополя.

Хрулевъ удержалъ за собой невыгодную репутацію пьяницы, игрока, развратника! Положимъ, что его семейныя отношенія дурны, но пьянымъ и за картами я его никогда не видалъ. Конечно, онъ не придворный, прямой, прямодушный воинъ, но не справедливо его считаютъ только храбрымъ, онъ человѣкъ ученый и жаждущій познаній теперь спеціальныхъ; онъ не чуждъ политики—это доказалъ Карсъ,—да, поди, разувѣрь всѣхъ, хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ.

Съ особеннымъ сочувствіемъ князь прочелъ мою статью объ азіатской торговлѣ; мысль быть исполнителемъ замысловъ Петра Великаго и путемъ торговли покорить среднеазіатскія ханства—очевидно, льстила ему. Зная связи Хрулева съ В. А. Кокоревымъ, онъ далъ мысль посвятить статью Кокореву и при свиданіи подбить его составить коммерческую компанію. Кокоревъ своими пожертвованіями, предпріятіями, пріемомъ севастопольцевъ пріобрѣлъ извѣстность и популярность.

Сказано—сдѣлано, посвященіе написано тому „кто палъ ницъ передъ севастопольцами“, и полетѣло въ Москву съ первымъ курьеромъ.

Барятинскій подвергъ остракизму шампанское и потребовалъ, чтобы здоровье пили своимъ виномъ—кахетинскимъ.

Всѣ готовились къ балу, особенно нѣкоторыя дамы, пользовавшіяся расположеніемъ князя, когда онъ былъ начальникомъ штаба, надеждамъ ихъ не суждено было осуществиться, онъ обошелся со всѣми равно холодно и гордо; даже для открытія танцевъ, обратился къ предводителю: „пожалуйста, подводите меня по старшинству, я позабылъ нѣкоторыя отношенія, да есть и новыя лица“.

А грузинки и чиновницы изъ послѣдняго тянулись, чтобъ нарядиться на этотъ балъ; заложили ложки, мужья забрали впередъ жалованье.

Балъ былъ данъ въ залахъ гимназіи, посѣтителей до 600 чело-

вѣкъ; залы были убраны вензелями и гирляндами; крайняя зала отдѣлана въ древне-грузинскомъ вкусѣ, на полкахъ много дорогихъ древностей, въ углу наигрываетъ грузинская музыка; особенно бросилась въ глаза входная лѣстница, съ арматурными листами, колоннами, перилами и длинный коридоръ съ красными драпировками и китайскими фонарями; все обошлось благополучно; по обычаю танцы наши и національные, фейерверкъ изъ 8 картинъ съ тысячами ракетъ въ букетѣ; только намѣстникъ опоздалъ, не знали даже гдѣ онъ; оказалось, что онъ въ церкви вѣнчаетъ одного коммиссіонера, который пять лѣтъ жилъ съ одной хорошей дѣвушкой и хотѣлъ бросить. Князь предложилъ или жениться, или выйти въ отставку. Значитъ, взялся за нравственность.

12-го ноября мы распростились съ Тифлисомъ; князь былъ явно недоволенъ отказомъ Хрулева. При проѣздѣ черезъ горы—мы встрѣтились съ Милютинымъ, онъ ѣхалъ со всѣмъ семействомъ. Хотя оба шли пѣшкомъ, но ни онъ, ни Хрулевъ не подошли другъ къ другу, только холодный поклонъ.

Ѣдемъ медленно, дорога черезъ горы ужасна, во вторникъ сдѣлали одну станцію, въ четвергъ тоже одну, въ Пайшаурѣ везли въ гору 12 паръ воловъ, мы ѣхали верхомъ по глубокому снѣгу; только въ пятницу перевалили черезъ хребетъ и только сегодня, 13 ноября, добрались мы до Владикавказа; генералъ торопился уѣхать, но является депутація просить на прощальный обѣдъ Вревскому; онъ 11 лѣтъ управлялъ округомъ и очень любимъ. Вревскій уговорилъ насъ остаться еще на день, городъ даетъ балъ.

Такъ мы миновали цѣлы и здоровы самую дурную дорогу и въ это время самую опасную, но подвинулись только на 160 верстъ.

То торопимся, загоняемъ лошадей, то пируемъ; Хрулевъ положительно популяренъ, вездѣ встрѣчи, обѣды; продержали въ Новочеркаскѣ казаки, задержали въ Воронежѣ.

Наконецъ, мы въ Тулѣ, сейчасъ ѣду въ Москву.

24-го ноября ровно два года, число въ число, какъ я оставилъ Москву и семейство въ самомъ отчаянномъ, въ самомъ грустномъ положеніи. Я обѣщался вернуться черезъ годъ, вернулся черезъ два; не сдержалъ; но зато сдержалъ другое слово—я уѣхалъ опозоренный, униженный, оскорбленный—вернулся возстановивши честь!

24-го ноября 1856 года.

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

Сынъ нашего извѣстнаго канцлера, К. В. Нессельроде, Александръ Карловичъ Нессельроде сталъ печатать, хранящіяся у него письма и бумаги его отца, на французскомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850 extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode“ [1]).

По настоящее время издано три тома означенныхъ писемъ и бумагъ, обнимающіе періодъ времени съ 1760 г. по 1804 г., но издатель надѣется прожить еще не мало и дать полную біографію своего отца, а также изложить всю его политическую карьеру, начиная со взятія Парижа въ 1814 г. до Парижскаго конгресса 1856 года, послѣ чего можно будетъ сдѣлать правильную оцѣнку дѣятельности и характера самого канцлера. Пожелавъ графу А. К. Нессельроде полнаго успѣха въ осуществленіи его благаго намѣренія, позволимъ себѣ, въ ожиданіи появленія дальнѣйшихъ томовъ предпринятаго имъ изданія, познакомить читателей съ содержаніемъ вышедшихъ уже трехъ томовъ онаго.

I.

Карлъ Васильевичъ Нессельроде; его происхожденіе и служебная дѣятельность.—Пребываніе въ Берлинѣ у Фридриха II.—Пріѣздъ въ Россію; назначеніе посланникомъ въ Лиссабонъ.—Бракъ его съ Луизою Гонтаръ.—Перемѣщеніе въ Берлинъ.—Переписка съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и его супругою.—Зачисленіе сына Карла на службу въ русскій флотъ.—Отправка его въ Петербургъ.—Служба его при Павлѣ I.—Посылка въ Штуттгартъ.—Назначеніе въ Берлинъ.—Перемѣщеніе въ Гаагу.—Перемѣны въ Голландіи.—Перемѣщеніе Нессельроде въ Берлинъ.—Назначеніе его дипломатическимъ агентомъ при фельдмаршалѣ А. Ѳ. Каменскомъ; командировка въ Вѣну.—Назначеніе совѣтникомъ посольства въ Парижѣ.

Потомокъ древней фамиліи въ Германіи изъ герцогства Бергъ [2]), Вильгельмъ Нессельроде родился въ 1720 году; по обычаю того вре-

[1]) Это издано въ Парижѣ Лагюромъ. (Paris. Lahure, imprimeur-éditeur).

[2]) Герцогство Бергъ, вошедшее съ 1815 г. въ составъ Пруссіи, въ средніе вѣка было однимъ изъ главнѣйшихъ германскихъ княжествъ втораго разряда

мени въ Германіи долженъ былъ искать себѣ счастья въ различныхъ чужихъ странахъ. Онъ состоялъ на службѣ какъ при крупныхъ, такъ и при мелкихъ европейскихъ дворахъ того времени, занимая должности то въ военной, то въ гражданской службѣ. Графъ Вильгельмъ Нессельроде съ 1747 г. служилъ въ рядахъ войскъ австрійской имперіи, сражался при Лауфельдѣ [1]), былъ раненъ саблею въ голову, и слѣды этого удара сохранились всю жизнь его. Позднѣе онъ перешелъ на службу къ Палатинскому курфюрсту, или точнѣе, къ его супругѣ, осыпавшей его милостями. Это навлекло на него зависть другихъ царедворцевъ и возбудило вражду противъ него также самого курфюрста. Графъ Витгенштейнъ, камергеръ принцессы Палатинской, сообщалъ Нессельроде, что его поведеніе внушаетъ подозрѣніе и большое сомнѣніе о его характерѣ, что его обвиняютъ въ недостаткѣ уваженія къ особѣ, которой онъ обязанъ многимъ, и въ томъ, что онъ насмѣхается надъ высшею властью. Нессельроде 1 іюля 1760 г. оправдывался въ отвѣтномъ письмѣ къ графу, сообщая, что все это лишено основанія. „Близость его съ представителемъ Франціи, выставленная противъ него главнымъ обвиненіемъ съ тѣмъ, чтобы его погубить, основана на желаніи его быть ближе посвященнымъ въ дѣла государственныя, на желаніи—похвальномъ въ человѣкѣ, который всю жизнь старается быть полезнымъ. Что же можетъ имѣть подозрительнаго связь и сношенія съ посланникомъ союзной державы? Я не способенъ измѣнить особамъ, которымъ преданъ; пусть судитъ сама курфюрстина; я пробылъ тутъ 5 лѣтъ и ни разу не сдѣлалъ чего-либо для нея несоотвѣтствующаго. Мое рвеніе и преданность къ ней все тѣ же и умрутъ вмѣстѣ со мною. Въ чемъ же заключается неопредѣленность моего характера? Кому же я сдѣлалъ зло? Ни одной изъ сторонъ, окружавшихъ насъ. Я многимъ оказалъ услуги, но коль скоро не желаешь, чтобы тебя попирала ногами самая ничтожная сволочь, то и пріобрѣтаешь репутацію опаснаго человѣка, между тѣмъ какъ всѣ опасности порождаются этою сволочью. Сенъ-Жер-

---

и находилось на правомъ берегу Рейна въ округѣ Вестфальскомъ. Позднѣе оно соединилось съ княжествомъ Юліи; въ 1511 г. они оба перешли во власть Клеве, а въ 1742 г. всѣ три владѣнія Бергъ, Клеве и Юліи перешли къ палатинскому электору, а затѣмъ къ герцогу Цвейбрюкенскому. По Люневильскому миру 1802 г. эти владѣнія были уступлены Франціи, и Наполеонъ I въ 1806 г. изъ нихъ составилъ *герцогство Бергъ* и пожаловалъ таковое супругу своей сестры Іоахиму Мюрату (позднѣе король неаполитанскій). Главнымъ городомъ герцогства былъ Дюссельдорфъ.

[1]) Лауфельдъ во Фландріи—въ австро-прусскую войну 1740—48 французы одержали дорогою цѣною побѣду 2 іюля 1747 г. надъ пруссаками и ихъ союзниками.

менъ [1]), французскій министръ при Людовикѣ XV, былъ правъ, замѣтивъ, что надо имѣть болѣе ума въ обращеніи со скотами, нежели съ разумными людьми, потому что первые всегда хотятъ сѣсть верхомъ, тогда какъ рождены для того, чтобы быть осѣдланы сами. Я очень желаю, чтобы сама курфюрстина разсмотрѣла все это; полагаюсь на ея проницательность, умъ и просвѣщенные взгляды. Я знаю, что нѣкоторые пользуются ея слабостью. Я знаю доброту ея и восхищаюсь ею и буду постоянно ей преданъ, несмотря на интриги и клевету".

Изъ писемъ Нессельроде къ этой принцессѣ можно заключить, что онъ былъ очарованъ ею и влюбленъ, но что она удерживала при себѣ какого-то Rodenhausen,—tandis que vous me promettiez encore dans notre conversation d'hier de ne rien faire de contraire à notre amour. Elles sont donc là ces promesses sacrées, que vous sacrifierez l'amitié à l'amour. Voilà donc l'honneur, l'amour et l'humanité trahis tout à la fois" (т. е. удерживала Роденгаузена, между тѣмъ, какъ еще въ разговорѣ вчера обѣщала мнѣ не дѣлать ничего противнаго нашей любви. Гдѣ же послѣ этого священные обѣты пожертвовать дружбою для любви... Вотъ заразъ измѣна чести, любви и человѣчности). Роденгаузенъ состоялъ на службѣ при дворѣ герцога Палатинскаго въ 1760 годахъ и пользовался большою благосклонностью его супруги.

Это заставило Нессельроде снова перемѣнить родъ службы. Онъ отправился во Францію, гдѣ, благодаря покровительству герцога Шуазеля [2]), тогда всемогущаго министра, былъ назначенъ полковникомъ въ полкъ Royal Allemand. Онъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Версалѣ, нашелъ весьма симпатичное общество умныхъ и остроумныхъ людей, посѣщалъ извѣстные того времени салоны, театры (ruelles), имѣлъ знакомство съ очень многими литераторами, учеными,

---

[1]) Сенъ-Жерменъ-Клавдій-Людовикъ графъ родился въ 1707 г. въ Лопсѣ во Франціи и служилъ въ рядахъ арміи курфюрста Палатинскаго, отличался въ войнахъ съ турками въ Венгріи въ 1738 г., а потомъ, перейдя на службу къ электору Баварскому, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Позднѣе онъ возвратился во Францію, произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1748 г., а затѣмъ поступилъ на службу Даніи и командовалъ ея арміею съ титуломъ фельдмаршала. Въ 1768 г. онъ снова явился на службу Франціи, завѣдывалъ военнымъ министерствомъ въ 1775 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1778 г.

[2]) Шуазель, Этьенъ герцогъ д'Амбуазъ и графъ Стэнвилль, родился въ 1719 г., служилъ въ рядахъ войскъ, а потомъ, оставивъ армію, былъ резидентомъ въ Римѣ и Вѣнѣ. Затѣмъ, при содѣйствіи маркизы Помпадуръ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи въ 1758 г. и занялъ первое мѣсто при дворѣ. Противъ него интриговала позднѣе дю-Барри, и Людовикъ XV въ 1770 г. приказалъ Шуазелю удалиться въ свое помѣстье Шантелу. Хотя Людовикъ XVI и вернулъ его въ 1774 г., но Шуазель болѣе не имѣлъ значенія и умеръ въ 1785 г., оставивъ свои мемуары.

актрисами Парижа того времени и былъ вездѣ всѣми очень радушно принятъ.

Съ паденіемъ Шуазеля онъ лишился также мѣста и расположенія двора, покинулъ Францію и отправился сперва по домашнимъ своимъ дѣламъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ Фридриху II, королю прусскому. Потомъ онъ поѣхалъ ко двору въ Гессенъ-Дармштадтъ, а затѣмъ въ Веймаръ, гдѣ и пріобрѣлъ знакомства и друзей на всю свою жизнь. Мелкіе дворы германскаго союза не представляли обширнаго поприща ни для его честолюбивой дѣятельности, ни для примѣненія его способностей и осуществленія стремленій его честолюбія, возбужденныхъ въ немъ пребываніемъ въ столицѣ Европы. Онъ рѣшился ѣхать къ Фридриху Великому въ Берлинъ и скоро обворожилъ друга Вольтера—своимъ чисто французскимъ умомъ, своимъ очаровательнымъ разговоромъ, массою забавныхъ анекдотовъ, любопытныхъ воспоминаній, замѣчаній, наблюденій, собранныхъ имъ на разныхъ ступеняхъ жизни. Фридрихъ II сдѣлалъ его камергеромъ и членомъ небольшаго кружка своихъ приближенныхъ, возлагалъ на него различныя политическія порученія, которыя Нессельроде исполнялъ всегда къ удовольствію короля. Но эти новыя должности доставляли ему мало средствъ къ жизни, онѣ давали болѣе почестей, нежели денегъ. Онъ пробылъ въ Берлинѣ, не занимая должности какой-либо, шесть лѣтъ. Фридрихъ предлагалъ ему мѣсто посланника въ Вѣнѣ, но назначалъ такъ мало жалованья, что Нессельроде могъ быть представителемъ только нищенствующихъ орденовъ, а не Прусскаго королевства, ибо, не имѣя самъ состоянія, получалъ ничтожное содержаніе. Онъ написалъ королю просьбу объ его увольненіи. Король разсердился на его просьбу, несмотря на то, что Нессельроде величалъ его величайшимъ изъ королей, и написалъ ему довольно рѣзко, что если онъ считаетъ нужнымъ просить увольненія, чтобы удобнѣе заняться домашними дѣлами своими, то король не желаетъ ему отказать въ просьбѣ и даетъ просимое увольненіе. Нессельроде покинулъ Берлинъ. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ, Нессельроде свелъ знакомство съ кн. Гр. Гр. Орловымъ, который предложилъ ему пріѣхать въ Россію. Это же поддерживала Екатерина II и ландграфиня Дармштадтская, мать Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла.

Императрица Екатерина II отнеслась очень благосклонно къ этому и назначила Нессельроде камергеромъ, и скоро затѣмъ министромъ-резидентомъ въ Португалію. 13 (25) сентября 1778 г. послѣдовалъ высочайшій указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, „что дворянинъ нѣмецкій, графъ Вильгельмъ Нессельроде, принимается на русскую службу и назначается къ португальскому двору въ качествѣ чрезвы-

чайнаго посланника и уполномоченнаго министра съ званіемъ дѣйствительнаго камергера, при чемъ отъ португальскаго двора будетъ посланъ такой же посланникъ, съ назначеніемъ содержанія 8.000 руб. въ годъ, на канцелярскіе и почтовые расходы—400 р. и на проѣздъ и обстановку 6.000 р.". Еще передъ отъѣздомъ въ Лиссабонъ Нессельроде вступилъ въ бракъ въ Франкфуртѣ, въ январѣ 1780 года, съ дѣвицею Луизою Гонтаръ, которая n'est ni belle, ni jeune, ni noble, mais elle est digne de toute mon estime; pour faire une petite revolution dans mon état domestique, une femme pourait être un meuble très utile pour le bonheur de la vie et en consequence je vais m'en donner une" (т. е. она не красавица, не молода, не благороднаго происхожденія, но вполнѣ достойна моего уваженія. Чтобы совершить небольшой переворотъ въ моемъ домашнемъ быту, супруга можетъ явиться очень полезнымъ орудіемъ для счастья въ жизни, слѣдовательно, я обзавожусь таковою...), писалъ онъ брату своему графу Фридриху Нессельроде.

Избранная имъ супругою принадлежала къ англиканству, хотя самъ Нессельроде былъ католикомъ, но, какъ поклонникъ философовъ XVIII вѣка и энциклопедистовъ, онъ легко согласился на желаніе своей супруги, чтобы сынъ ихъ (будущій нашъ канцлеръ), былъ крещенъ въ ея вѣрѣ. Въ то время въ Лиссабонѣ была только одна англиканская церковь при англійскомъ посольствѣ, въ которой и былъ крещенъ родившійся 2 (14) декабря 1780 г. въ Лиссабонѣ сынъ его Карлъ-Робертъ и сдѣлался членомъ англиканской церкви на всю жизнь. Онъ имѣлъ едва 6 лѣтъ, когда лишился матери своей. Въ 1787 г. отецъ его имѣлъ уже 60 лѣтъ и страдалъ подагрою. Убитый горемъ отъ потери супруги и усталый, онъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и просилъ увольненія отъ службы въ Лиссабонѣ, чтобы заняться воспитаніемъ сына, но не могъ устоять передъ лестными отзывами о его дипломатическихъ способностяхъ и согласился принять постъ полномочнаго министра Россіи при берлинскомъ дворѣ.

Въ Берлинѣ, ранѣе этого, былъ посланникомъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ [1]). Изъ-за вопроса этикета онъ поссорился съ дворомъ, хотя самъ былъ не вполнѣ правъ. Это принудило Екатерину II, отозвавъ его, предложить мѣсто Нессельроде. При политическихъ обстоятельствахъ того времени, это мѣсто было столь же

[1]) Румянцовъ, Сергѣй Петровичъ, родился въ 1755 г., былъ назначенъ въ 1771 г. камеръ-юнкеромъ, а затѣмъ посланникомъ, сперва къ курфюрсту Баварскому въ 1785 г., а послѣ въ Берлинъ, откуда былъ скоро отозванъ въ 1788 г. Послѣ этого С. П. Румянцовъ не занималъ государственныхъ должностей и умеръ въ 1838 году. По его запискѣ состоялся указъ 25 февраля 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

важно, какъ и трудно. Россія воевала съ Пруссіею и Швеціею. Успѣхи нашего оружія тревожили Англію, которая опасалась осуществленія на дѣлѣ проектовъ на счетъ Турціи, высказанныхъ неосторожно, и Питтъ возымѣлъ мысль составить союзъ съ Пруссіею, чтобы противодѣйствовать союзу Россіи съ Австріею и военными демонстраціями на морѣ и на сушѣ противиться стремленіямъ этихъ двухъ державъ. Нессельроде долженъ былъ раскрыть все это и противодѣйствовать усиліямъ англійскаго посла: вовлечь Пруссію въ союзъ противъ Россіи. Нессельроде, пробывъ ранѣе довольно долго въ Берлинѣ, сохранилъ близкія связи съ вліятельными лицами при дворѣ и располагалъ всѣми необходимыми средствами для выполненія возложеннаго на него порученія съ успѣхомъ.

Сообщимъ при этомъ, что наслѣдникъ Россійскаго престола, Павелъ Петровичъ, очень уважалъ Нессельроде и былъ съ нимъ въ то время въ перепискѣ, съ которой позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей.

Такъ великій князь изъ Выборга въ 1788 году ему писалъ по-французски: „хочу еще разъ проститься съ вами, повторить тѣ чувства, какія вы мнѣ внушили къ себѣ, и просить никогда не сомнѣваться въ моемъ расположеніи къ вамъ. Минуты, проведенныя съ вами, навсегда останутся въ моемъ сердцѣ и будутъ отраднымъ для меня воспоминаніемъ...

„Вспоминайте по временамъ о всемъ, что я вамъ говорилъ, сожалѣйте меня, но что же дѣлать? Терпѣніе и спокойствіе. Patience et tranquilité. Навсегда вашъ вѣрный другъ“.

Въ другомъ письмѣ 3 октября 1788 г.: „возвратясь къ своимъ пенатамъ, высказываю вамъ признательность за дружбу вашу, выраженную моей женѣ во время моего отсутствія. Примите также и ту, которую я вамъ долженъ за ваше ко мнѣ расположеніе. Сохраните мнѣ вашу дружбу и полагайтесь на вашего вѣрнаго друга“.

1 (12) ноября 1788 г.: „Очень обрадовался, получивъ ваше письмо“...

28 декабря 1788 г.: „Наши дѣла личныя такого рода, что не предвидится вовсе чего-либо утѣшительнаго, если они останутся на всегда безъ перемѣны. Едва мы дышемъ и мы даже желаемъ возвращенія князя Потемкина... Вашъ вѣрный другъ“.

5 (16) іюля 1789 г. посылаетъ проигранное пари (держалъ, что не возьмутъ Очаковъ).

28 февраля 1789 г. пишетъ о политикѣ, о Потемкинѣ, что онъ желаетъ мира, ибо у насъ нѣтъ ни средствъ, ни денегъ вести войну.

7 (18) августа 1789 г. много пишетъ о Гольцѣ, графѣ, полковникѣ. предлагаетъ ему 2.000 руб. ежегодно, пока будетъ здѣсь у насъ. „Онъ найдетъ много матеріаловъ, приготовленныхъ по моему плану

по которому долженъ передѣлать всю систему, отстранить злоупотребленія и побудить принять послѣдовательную систему, доселѣ не существовавшую, потому что позабыли всѣ прежніе регламенты и держались только произвола, смотря по времени и лицамъ. Я радуюсь заранѣе, имѣя матеріалъ, соотвѣтствующій талантамъ и личнымъ качествамъ графа Гольца".

11 (22) іюля 1789 г.: „Мы здѣсь ослѣплены относительно нашего положенія и нашихъ интересовъ. Положеніе не отрадное, ни извнѣ, ни внутри, и нашъ тонъ, раздуваемый подкупленными людьми, не сдѣлаетъ оное лучше. Очи и уши закрыты; мы не хотимъ познать себя, а многія лица заинтересованы въ томъ, чтобы не открывать намъ глазъ и ушей съ тѣмъ, чтобы удобнѣе ловить въ мутной водѣ. Вы, мой другъ, можете установить порядокъ сношенія съ нами; предоставляю это вашему усмотрѣнію. Не теряйте изъ вида нашего положенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго.

„Бодрствуйте, ради Бога, и восполняйте то, что мнѣ здѣсь невозможно произвести моимъ личнымъ положеніемъ. Гольцъ имѣлъ аудіенціи, но я ничего не могу сказать о нихъ; все обошлось по прежнему порядку".

7 (18) августа 1789 г. „Я желалъ бы, чтобы Гольцъ не поступалъ на службу, чтобы удобнѣе пользоваться имъ. Но, какъ необходимо имѣть высокій чинъ, чтобы лучше и больше вліять и работать, то онъ можетъ поступить на службу Даніи. Это облегчитъ ему переходъ на нашу службу, какъ приходящему изъ дружественной намъ державы, изъ которой къ намъ постоянно переходятъ даже генералы. Планы— вещь щекотливая, особенно для меня; гдѣ взять время, чтобы ихъ списать и какъ списать то, что я неимовѣрными трудами добылъ для себя. Многое написано моею рукою или рукою того, кто со мною работалъ. Кромѣ того, онъ проситъ ему доставить прежнія распоряженія, которыя надо перевести; они всѣ на русскомъ языкѣ; потомъ надо объяснить ему, въ чемъ ихъ измѣнили и въ чемъ отступили отъ нихъ, и указать всѣ злоупотребленія, имѣющія основаніемъ недостатки, пороки, которые можно понять, только изучивъ самый народъ. Потомъ пойдутъ объясненія и подробности моей системы, которую надо ему перевести. При томъ самая система эта во многомъ еще только проектъ, за недостаткомъ достаточныхъ матеріаловъ. Вы знаете, что многое мѣняется у насъ всякій годъ. Вотъ мои затрудненія, но я вполнѣ доволенъ его точкою зрѣнія".

15 (26) іюня 1790 г.: „Замедлилъ отвѣтами на ваши письма. Пожелаю вамъ мира. Но что скажете вы про Францію, и какой выводъ изъ того урока, который она даетъ всѣмъ странамъ. Ужасный

урокъ! Не пишу о Гольцѣ, ибо полагаю, что все уже устроено. Желаю вамъ здоровья. Сохраните вашу дружбу ко мнѣ".

Нессельроде писалъ Павлу изъ Берлина 20 (31) марта 1790 г.: „Гольцъ неизбѣжно будетъ у васъ, когда только прикажете. Онъ рѣшился ѣхать въ Данію; пока онъ назначенъ тамъ генералъ-инспекторомъ пѣхоты; онъ отклонилъ командованіе полкомъ въ Гольштейнѣ. Онъ мнѣ писалъ, что не замедлитъ, по обѣщанію своему, явиться къ вамъ по требованію, но не можетъ изъ деликатности принять предлагаемое вами жалованье 2.000 рублей теперь же, пока состоитъ на чужой службѣ, но когда явится къ вамъ, то приметъ оное съ признательностью. Я совершенно боленъ, измученъ ревматизмомъ и не могу двигаться. Приближается конецъ мой. Я не имѣю никакого честолюбія; единственное мое желаніе—да сохранитъ Богъ ваши драгоцѣнные дни".

Также Марія Ѳедоровна, супруга Павла I, писала Нессельроде того же 3 октября, какъ она счастлива быть снова со своимъ супругомъ и сожалѣетъ, что съ ними нѣтъ Нессельроде. Они много говорятъ о немъ, пользуются плодами его трудовъ, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его пріѣзда, она проситъ сохранить дружбу и расположеніе къ нимъ.

Ноября 1 (12) 1788 г.: политическія обстоятельства настоящаго времени прямо удручающія. Наше личное положеніе таково, что намъ остается только желать, чтобы оно таковымъ оставалось постоянно. Оно тихо, спокойно, безмятежно, повидимому; это взаимное стѣсненіе какъ бы изгнано. Какъ жаль, дорогой графъ, что вы не можете быть свидѣтелемъ нашего счастья. Чтобы сдѣлать пріятное государынѣ и снискать ея добрыя расположенія минуты, я начала учиться гравировать и подарила ей мою первую работу этого рода. Она очень ей понравилась, и съ тѣхъ поръ государыня добрѣе къ намъ обоимъ".

2 (13) декабря 1788 г.: называетъ его mon ami, проситъ о какомъ-то дѣлѣ, не можетъ выразить, съ какимъ удовольствіемъ она и ея супругъ читаютъ его письма; пишетъ о дѣлахъ съ турками, негодуетъ, что Потемкинѣ поздно увѣдомилъ о взятіи Очакова; желаетъ счастливаго новаго года. Votre sincère amie. Говоритъ о Бенкендорфѣ, Ангальтѣ, что 9 марта Румянцевъ уволенъ и на его мѣсто Потемкинъ, желаетъ мира болѣе, чѣмъ когда-либо и т. д.

17 (28) іюня 1789 г.: Гольцъ ей понравился, выражается съ благородствомъ; говоритъ, императрица очень хорошо приняла его и осталась довольна имъ. „Миръ, въ которомъ нуждаемся, очень далекъ отъ насъ; всеобщее къ намъ нерасположеніе (malveillance) слишкомъ велико; наши успѣхи только увеличиваютъ оное, ибо полагаютъ, что мы легко ими возгордимся. Англія противъ насъ озлоблена"...

3 (14) декабря 1790 г.: „Пишу вамъ съ случаемъ, чтобы напомнить о моей дружбѣ и моей памяти о васъ. Желаю вамъ всего лучшаго; да поможетъ вамъ Богъ; сохраните вашу ко мнѣ дружбу и знайте твердо, что ни время, ни отсутствіе не имѣютъ никакого вліянія на мои чувства, что я къ вамъ привязана и буду всегда предана".

5 (16) декабря 1790 г.: радуется, что заключенъ миръ съ Турціею и Швеціею.

Занимая постъ посланника въ Берлинѣ, В. Нессельроде сдѣлался большимъ другомъ и пріятелемъ извѣстнаго барона Дальбергъ [1]), епископа Регенсбургскаго и президента Рейнскаго союза и, по его совѣту, поручилъ воспитаніе своего сына Карла извѣстному педагогу Гедике [2]) въ Берлинѣ, а между тѣмъ, по достиженіи сыномъ восьми лѣтъ, записалъ его въ списки русскаго флота гардемариномъ (midshipmann). Не много позднѣе, молодой Карлъ Нессельроде посѣщалъ и берлинскую гимназію, директоромъ которой былъ упомянутый Гедике.

Эта гимназія не подготовляла къ морскому дѣлу и къ той дѣятельности, которой онъ предался позднѣе. По достиженіи 16 лѣтъ, т. е. въ 1798 году, молодой Нессельроде былъ отправленъ на службу въ Петербургъ, куда пріѣхалъ за полгода до кончины Екатерины II, былъ ей представленъ, и она поручила его адмиралу Карцову, подъ руководствомъ котораго онъ долженъ былъ знакомиться со службою. Карцовъ былъ въ то время начальникъ 2-го отдѣла морскаго кадетскаго корпуса въ Кронштадтѣ.

Въ сентябрѣ 1796 г. Нессельроде поѣхалъ въ Кронштадтъ, а въ началѣ декабря скончалась императрица Екатерина II.

Павелъ I, еще великимъ княземъ благоволившій къ старику, вспомнилъ и о его сынѣ и при вступленіи на престолъ назначилъ его флигель-адъютантомъ по флоту.

[1]) Дальбергъ примасъ католической церкви въ Германіи, очень древней фамиліи, родился въ 1745 г. въ Гернсгеймѣ близъ Вормса, поступилъ въ духовенство и былъ епископомъ въ Констанцѣ, электоромъ Майнцкимъ въ 1802 г. и епископомъ Ротисбанскимъ и архи-канцлеромъ Германской имперіи. Онъ предсѣдательствовалъ на послѣднемъ сеймѣ Германіи и старался противодѣйствовать стремленіямъ Наполеона I, а затѣмъ, сдѣлавшись президентомъ Рейнскаго союза и великимъ герцогомъ Франкфуртскимъ, явился приверженцемъ Наполеона, за что и былъ при паденіи послѣдняго лишенъ большей части своихъ владѣній. Онъ умеръ въ 1817 г.

[2]) Гедике Фридрихъ родился въ Бранденбургѣ въ 1754 г., занимался педагогіею, былъ директоромъ различныхъ гимназій въ Пруссіи, членомъ Академіи Наукъ въ Берлинѣ и инспекторомъ школъ въ Пруссіи. Онъ умеръ въ 1805 г., оставивъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій и изслѣдованіе о философіи Цицерона.

Это заставило молодаго Нессельроде покинуть Кронштадтъ, прибыть въ Петербургъ и представиться государю, принявшему его очень благосклонно; императоръ назначилъ его дежурнымъ при себѣ. Однажды его величество спросилъ молодаго Нессельроде—имѣетъ-ли онъ расположеніе къ морской службѣ. Тотъ отвѣтилъ, что до сего времени еще не имѣлъ случая пріобрѣсти оное. Государь ему сказалъ, что такъ и думалъ, самъ зная, что я получилъ воспитаніе въ Берлинѣ, и спросилъ, не хочу ли я перейти въ сухопутныя войска. Я согласился охотно, и государь назначилъ меня въ л.-гв. конную гвардію поручикомъ, оставивъ меня въ званіи флигель-адъютанта. Въ этомъ званіи Нессельроде сопровождалъ государя на коронацію его въ Москву. По возвращеніи изъ Москвы прибылъ въ Петербургъ его отецъ, чтобы благодарить государя за расположеніе и милость, оказанную сыну, а также, чтобы руководить имъ въ началѣ службы и устроить его положеніе. Онъ продолжалъ быть флигель-адъютантомъ.

Во время пребыванія при дворѣ Павла I молодой Нессельроде нерѣдко сообщалъ отцу о различныхъ новостяхъ и событіяхъ придворной жизни. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ:

1798 г. 31-го іюля. Обѣ придворныя партіи, мужчинъ и женщинъ, сразились между собою, успѣхъ на сторонѣ мужчинъ и слѣдствіемъ ея—немилость нашей покровительницы Нелидовой[1]). Всѣ покровительствуемые ею падаютъ и исчезаютъ. Первою жертвою былъ Нелединскій-Мелецкій (госуд. секретарь по гражд. дѣламъ). На его мѣсто назначенъ Неплюевъ, нашъ другъ; вторая жертва—вице-адмиралъ Плещеевъ; онъ уволенъ безъ мундира. Графъ Буксгевденъ потерялъ мѣсто военнаго губернатора; на его мѣсто—храбрый генералъ Паленъ. Куракины оба у края пропасти, но еще не погибли; Кочубей будетъ вице-канцлеромъ. Кто будетъ генералъ-прокуроромъ—еще неизвѣстно. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ удаленъ въ 1798 г. въ Саратовъ; прочатъ трехъ лицъ: Трощинскаго, Лопухина, Гагарина. Кутайсовъ послѣ этой битвы получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени.

1798 г. 14—20, вѣроятно, août (а не avril) Паленъ часто говоритъ о васъ; онъ занимаетъ три должности: губернатора столицы, инспек-

[1]) Нелидова Екатерина Ивановна, дочь армейскаго поручика, родилась 12 декабря 1756 г., была опредѣлена во вновь учрежденное воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь) при первомъ пріемѣ въ 1762 г. и, окончивъ обученіе въ 1776 г. съ золотою медалью, скоро была назначена фрейлиною великой княгини Маріи Ѳеодоровны, супруги наслѣдника престола. Нелидова успѣла сдѣлаться подругою Маріи Ѳеодоровны и Павла I, пользовалась большимъ расположеніемъ послѣдняго, но въ 1798 г. покинула дворъ и Гатчино, удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ и скончалась 2 января 1839 г. Она похоронена на Охтенскомъ кладбищѣ.

тора дивизіи и командира нашего полка, гдѣ три генерала. Было небольшое производство. Лопухинъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, а Аракчеевъ—принятъ вновь на службу генералъ-лейтенантомъ, въ свиту государя; старшій Ливенъ сдѣланъ командиромъ гренадерскаго полка. Вьельгорскій уволенъ; на его мѣсто Нарышкинъ. Умерла великая звѣзда и очень умная особа—графиня Потоцкая; она умерла въ субботу; очень ее сожалѣютъ.

1798 г. 8—19 сентября. Н. П. Румянцевъ уволенъ; оберъ-гофмейстеромъ назначенъ графъ Тизенгаузенъ. Гагаринъ сдѣланъ директоромъ банка; Нащокинъ—гофмаршаломъ, на мѣсто Тизенгаузена и т. д.

1798 г. декабря 22. Нелидова удалилась въ Лифляндію къ графинѣ Буксгевденъ. Ее замѣстила дочь генералъ-прокурора Лопухина. Николай Румянцевъ и Александръ Куракинъ—вице-канцлеры, уволены оба; на мѣсто Куракина прочатъ графа Семена Воронцова, ибо Кочубей хочетъ получить мѣсто посла въ Лондонѣ.

Растопчинъ на высотѣ величія и милости. Вообще, нашъ бѣдный императоръ окруженъ людьми, которые желаютъ всевозможнаго зла своимъ соотечественникамъ и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать государя гораздо худшимъ, нежели онъ на самомъ дѣлѣ, и заглушить въ его сердцѣ даже малѣйшую искру доброты. Они стараются снискать его милость, открывая заговорщиковъ. Бѣдная конная гвардія въ немилости болѣе, чѣмъ когда-либо; ее прогнали изъ Гатчино и хотя есть вакансіи, но производства не дѣлаютъ. Я болѣе двухъ мѣсяцевъ стою первымъ, чтобы быть капитаномъ. Корфа арестовали. Сенаторъ Гейкингъ также удаленъ въ свои земли.

1798 г. декабвя 15. Царитъ вполнѣ Иванъ Кутайсовъ: онъ творитъ все и вся послѣ паденія Нелидовой; всѣ мѣста заняты его креатурами и приверженцами; имъ однимъ только держатся и дѣлаютъ карьеру. Онъ вполнѣ одинъ. Примадонна Лопухина,—дочь генералъ-прокурора, выбрана имъ же. Императрица въ несчастномъ положеніи, потому что государь видитъ ее очень мало. Окончивъ парадъ, совершаемый очень быстро, государь немедленно и тайно уѣзжаетъ къ Лопухиной въ каретѣ Кутайсова, камеръ-лакея. Послѣ обѣда она пріѣзжаетъ къ Кутайсову и остается весь вечеръ. Дѣла государства занимаютъ краткое время и только утромъ и ограничиваются глупостями Мальтійскаго ордена. Вообразите себѣ, до чего доводятъ глупости: назначили князя Волконскаго комендантомъ острова Мальты и зачислили уже нѣсколько полковъ въ составъ гарнизона острова, не овладѣвъ еще послѣднимъ!... Паленъ не разъ въ день повторяетъ: какъ вы умно сдѣлали, покинувъ эту страну. Меня лично пока оставляютъ въ покоѣ; я только одинъ разъ былъ подъ арестомъ

на сутки, за то, что замедлилъ явиться по требованію императора; я мылся послѣ караула и не могъ сейчасъ идти.

1798 г. 20-го декабря. Во главѣ всѣхъ интригановъ стоитъ Кутайсовъ оберъ-шталмейстеръ; онъ все вершитъ. Властитель болѣе, чѣмъ когда-либо друженъ съ нимъ и проводитъ у него остальной день послѣ полудня. Онъ занятъ только своею красавицею и Мальтійскимъ орденомъ, а австрійцы занимаются имъ нѣсколько иначе; ихъ посланникъ пишетъ о немъ неимовѣрныя вещи. Всѣ негодуютъ на него. Растопчинъ стоитъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ; умный человѣкъ, но характеръ его не заслуживаетъ похвалы. Также нельзя хвалить и Голицына, завѣдывающаго военными дѣлами; онъ держится только потому, что имѣетъ честь быть любовникомъ княжны Гагариной. Уваровъ, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ,—любовникъ Лопухиной, мачихи извѣстной красавицы. Одинъ достойный человѣкъ—это Паленъ; его обожаютъ всѣ жители столицы. Конная гвардія по-прежнему очень не въ милости. Остерегайтесь быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицею. Лучше обращайтесь прямо къ Растопчину; это право хорошій совѣтъ.

11-го марта 1799 г. Я вернулся въ полкъ, меня произвели въ капитаны [1]). Служба не трудная; веду жизнь спокойную и имѣю случай ознакомиться со службою, которую бы никогда не позналъ въ прежнемъ моемъ званіи. Баварскій посланникъ принужденъ былъ покинуть Россію.

Въ 1798 г. составилась новая коалиція противъ французской республики, въ которой участвовала и Россія. Войска ея, подъ начальствомъ Розенберга и Суворова, двинулись въ Италію, а другая армія, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, была направлена въ Швейцарію.

Императоръ предложилъ своимъ флигель-адъютантамъ ѣхать въ дѣйствующую армію, и молодой Нессельроде былъ назначенъ въ итальянскую армію, собравшуюся на границахъ Подоліи. Я отправился, говоритъ Нессельроде, но, доѣхавъ до Кіева, получилъ приказаніе немедленно возвратиться. Мечты о военной славѣ разсѣялись; я долженъ былъ отказаться отъ участія въ знаменитой итальянской кампаніи безсмертнаго Суворова, величайшаго изъ современныхъ полководцевъ. Я вернулся въ Петербургъ, былъ грозно принятъ государемъ,

---

[1]) Изъ указаннаго выше формуляра усматривается, что К. В. Нессельроде былъ причисленъ въ л.-гв. Конный полкъ: поручикомъ — 19 декабря 1796 г., произведенъ въ штабъ-ротмистры — 17 сентября 1797 г. и въ ротмистры — 6 января 1799 г. Уволенъ отъ исправленія обязанностей флигель-адъютанта и опредѣленъ въ полкъ въ эскадронъ князя Голицына—въ 1799 г., а потомъ въ эскадронъ полковника Берникова.

*

сказавшимъ мнѣ: „вы не пожелали служить при мнѣ, а потому служите въ вашемъ полку". Я былъ исключенъ изъ флигель-адъютантовъ и поступилъ въ л.-гв. Конный полкъ подъ начальство князя Бориса Голицына.

Старикъ Нессельроде былъ не доволенъ, что сынъ его перешелъ въ полкъ, оставивъ придворную службу. Онъ писалъ сыну 6-го ноября 1799 г.: „никогда не теряй изъ виду свою будущность, которая должна заключаться въ томъ, чтобы неизбѣжно получить въ полную собственность мызу Нейгутъ, ибо для пріобрѣтенія славы нужно имѣть еще что ѣсть и гораздо легче добиться этой милости, находясь на службѣ при дворѣ, нежели тогда, когда долженъ будешь покинуть военную службу. Съ чиномъ полковника, имѣя 20 лѣтъ, невозможно не перейти куда-либо и несравненно почтеннѣе быть камергеромъ, нежели служить въ низшемъ званіи".

Въ полку въ то время было избранное общество дворянъ, изъ самыхъ знатныхъ семействъ; все львы петербургскаго общества. Но полкъ не пользовался расположеніемъ императора. На каждомъ парадѣ, каждомъ ученьѣ въ высочайшемъ присутствіи, дѣлались выговоры и замѣчанія, сыпались немилости, разжалованія (destitution) и смѣны. Это было причиною, что производство въ полку шло быстро очень и, 9-го іюля 1799 г. я былъ уже полковникомъ, но очень не долго.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ мой эскадронъ былъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ; одинъ изъ офицеровъ, не разслышавъ команды полковника, сдѣлалъ ошибку. Государь разсердился, пришелъ въ гнѣвъ, разжаловалъ офицера, смѣнилъ командира князя Голицына, назначивъ на его мѣсто вел. кн. Константина Павловича, и отослалъ полкъ изъ Петербурга въ Царское Село. Я раздѣлилъ эту немилость, но при этомъ государь сдѣлалъ меня камергеромъ въ 1800 году. Я съ сожалѣніемъ покинулъ военную службу, имѣя 20 лѣтъ, и былъ обреченъ на бездѣйствіе, которое не соотвѣтствовало ни моимъ наклонностямъ къ занятіямъ, ни стремленію обезпечить свою будущность. Пользуясь досугомъ, я занялся чтеніемъ разныхъ сочиненій, чтобы наверстать, хотя, сколько-нибудь, большіе пробѣлы моего образованія. Такъ прошелъ годъ; лѣтомъ государь въ припадкѣ гнѣва уволилъ всѣхъ почти камергеровъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, перемѣщенныхъ по гражданской службѣ. Я былъ уволенъ безъ всякаго назначенія, но уже подъ конецъ 1800 г. Павелъ I объявилъ, что дозволяетъ всѣмъ уволеннымъ, какъ гражданскимъ чинамъ, такъ и военнымъ, ходатайствовать о принятіи ихъ вновь на службу. Я воспользовался этимъ и, подавъ надлежащее прошеніе, былъ снова назначенъ камергеромъ. Я находился при открытіи Михайловскаго дворца, вновь выстроеннаго,

и на послѣднемъ куртагѣ. По вступленіи на престолъ Александра I я былъ посланъ съ извѣстіемъ объ этомъ герцогу Виртембергскому, брату вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Герцогъ въ это время покинулъ уже свои владѣнія, по случаю войны съ Франціею, и жилъ въ Эрлангенѣ, гдѣ я и представился ему. Скоро былъ, 9-го февраля 1801 г., заключенъ Люневильскій миръ, по которому французскія войска очистили Виртембергъ; король намѣревался возвратиться въ свою столицу Штуттгартъ и предложилъ Нессельроде ѣхать съ нимъ. Онъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и проѣздомъ былъ въ Франкфуртѣ, навѣстилъ отца, который, по увольненіи отъ службы въ 1795 г., поселился въ этомъ городѣ, получая пенсію въ 2.000 рублей. Пробывъ съ отцомъ десять дней, молодой Нессельроде поѣхалъ къ герцогу Виртембергскому, жившему въ замкѣ его, Луизбургѣ; онъ очень тогда безпокоился о здоровьѣ своего любимца графа Цепелина (оберъ-камергера и государственнаго министра), страдавшаго неисцѣлимымъ недугомъ. „Этотъ герцоргъ Виртембергскій, замѣчаетъ Нессельроде, при высокомъ умѣ, обладалъ страшнымъ характеромъ; онъ былъ тираннъ своего семейства и своей страны. Онъ былъ изумительный фантазеръ".

Возвратясь въ Франкфуртъ къ отцу, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, Нессельроде поѣхалъ въ Россію, рѣшившись поступить на дипломатическое поприще. „Мой отецъ, пишетъ будущій канцлеръ, былъ очень противъ этого; онъ видѣлъ и зналъ по опыту, что на этомъ пути болѣе шиповъ, нежели розъ, и не желалъ, чтобы я подвергался такому тернистому странствованію; къ тому же онъ, быть можетъ, сомнѣвался въ достаточности моихъ способностей для этого поприща, по опыту зная, что оно требуетъ качествъ, которыми я не обладалъ.

„Какъ бы тамъ ни было, я, однако, настаивалъ на своемъ намѣреніи и проѣздомъ въ Берлинъ спрашивалъ барона Криднера, согласенъ ли онъ будетъ на то, чтобы меня причислили къ посольству въ Берлинѣ. Онъ изъявилъ свое на это согласіе, а потому, прибывъ въ Петербургъ, я подалъ объ этомъ просьбу Панину (Никитѣ Петровичу, умеръ въ Москвѣ 1837 г.), министру иностранныхъ дѣлъ въ то время, (т. е. при Павлѣ I и первые мѣсяцы царствованія Александра I), и онъ меня причислилъ къ Берлинскому посольству, а черезъ 18 лѣтъ я самъ уже причислилъ сына его, Виктора Никитича, въ то же министерство иностранныхъ дѣлъ. По прибытіи моемъ въ Берлинъ, Криднеръ принялъ меня очень радушно, пріютилъ у себя, руководилъ моими первыми шагами на дипломатическомъ поприщѣ и совмѣстно съ своимъ сыномъ заставилъ прослушать курсъ публичнаго права у знаменитаго Ансилльона (автора „Traité des révolutions du système

politique de l'Europe"), профессора исторіи, позднѣе, черезъ 30 лѣтъ, министра иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, и составившаго вмѣстѣ съ Нессельроде (тогда же вице-канцлеромъ), ноту объ отношеніи 3-хъ сѣверныхъ державъ: Австріи, Пруссіи и Россіи—къ правительству Людовика Филиппа во Франціи".

Зимній сезонъ въ Берлинѣ въ этомъ году былъ очень блестящъ. Королева Луиза была во всемъ блескѣ ея красоты; прусскій дворъ давалъ великолѣпныя торжества; различные костюмированные балы, парадные спектакли, обѣды и т. д. шли все время безпрерывно. Дипломатическій корпусъ не отставалъ въ этомъ отъ двора. Это доставляло Нессельроде возможность сблизиться коротко со многими выдающимися людьми, позднѣе игравшими большую политическую роль, какъ-то: графъ Стадіонъ и его секретарь баронъ Вессембергъ, генералы: Бернонвилль и Биньонъ—извѣстный, какъ писатель, любовью своею къ Россіи и ненавистью къ русскимъ; генералъ O'Farill—испанецъ и, наконецъ, извѣстный Генцъ [1]), служившій тогда въ Пруссіи, авторъ сочиненій, поставившихъ его наравнѣ съ такими писателями, какъ Боркъ, Мале-дю-Панъ и т. д., именно: одно объ управленіи въ Англіи и системѣ Питта и второе: l'Etat de l'Europe avant et après la revolution française, изданное въ опроверженіе сочиненія Hauterivé à l'Etat de la France à la fin de l'an VII, написаннаго по заказу Наполеона, при достиженіи имъ консульства. Сочиненіе Генца, имѣло громадный успѣхъ; онъ съ этихъ поръ явился самымъ храбрымъ и самымъ просвѣщеннымъ защитникомъ хорошихъ началъ. Къ несчастью, его нравственный характеръ не былъ на одинаковой высотѣ съ его умственными дарованіями. Его обвиняли въ продажности, не безъ основанія, но онъ до самой смерти ни на минуту не измѣнилъ своимъ принципамъ, какъ это, напримѣръ, случилось съ Іоанномъ Миллеромъ, историкомъ Швейцаріи, и многими другими. Генцъ вслѣдствіе своего сочиненія, получилъ отъ Австріи предложеніе перейти на службу Имперіи; онъ принялъ это съ большимъ удовольствіемъ, предпочитая служить болѣе сильному консервативному государству, нежели прусскому кабинету съ Гаугвицомъ во главѣ, слабому, непостоянному во взглядахъ и дѣйствіяхъ. Нессельроде также очень сблизился съ

---

[1]) Генцъ Фридрихъ, извѣстный нѣмецкій публицистъ, родился въ Бреславлѣ въ 1764 г. и постоянно писалъ памфлеты противъ Франціи и ея порядковъ. Съ 1805 г. онъ состоялъ въ тайной канцеляріи Австрійскаго бюро, писалъ манифесты противъ Наполеона I, издаваемые коалиціею 1813 г. Онъ былъ первымъ секретаремъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1814 г. и одинъ изъ главныхъ редакторовъ Парижскаго трактата 1815 г. Позднѣе онъ участвовалъ на конгрессахъ: въ Аахенѣ 1818 г., Лайбахѣ (1820 г.) и Веронѣ (1821 г.). Генцъ умеръ въ 1852 г.

принцемъ Людовикомъ Фердинандомъ, племянникомъ Фридриха Великаго, позже погибшаго въ сраженіи при Заальфельдѣ въ 1806 году. Въ обществѣ этихъ выдающихся людей Нессельроде проводилъ всю зиму.

Весною занемогъ его отецъ, но, къ счастью, поправился, затѣмъ умеръ его начальникъ Криднеръ внезапно, на прогулкѣ Подъ Липами въ Берлинѣ. На Криднера мѣсто былъ назначенъ Алопеусъ, пользовавшійся покровительствомъ Остермана, личный врагъ отца Нессельроде и всячески интриговавшій противъ него. Сынъ Нессельроде счелъ неудобнымъ оставаться при посольствѣ въ Берлинѣ, и, по своей о томъ просьбѣ, былъ переведенъ въ Гаагу, совершивъ тѣмъ временемъ поѣздку по Богеміи, очень пріятную, при чемъ встрѣтился съ Меттернихомъ, въ то время посланникомъ Австріи при Саксонскомъ дворѣ, познакомился въ г. Тёплицѣ съ семействомъ Клари и принцемъ де-Линь, старикомъ, бывшимъ при Екатеринѣ II въ Россіи (онъ умеръ въ Вѣнѣ въ 1814 г.); тутъ собиралось избранное общество изъ представителей всѣхъ европейскихъ державъ, въ особенности выдавался князь Лобковицъ [1]), страшный меломанъ; онъ въ своемъ замкѣ Эйзенбергѣ и Раудницѣ имѣлъ свою оперу и ставилъ сочиненія Паэра, итальянскаго композитора. Это его разорило страшно. Лобковицъ принялъ очень радушно Нессельроде, имѣвшаго къ нему письмо отъ графа Стадіона. Нессельроде прожилъ у него 8 дней и едва могъ разстаться съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ и съ трудомъ поѣхалъ въ Гаагу, навѣстивъ дорогою отца и своего двоюроднаго брата, Карла Нессельроде, главу семейства, владѣтеля маіората и женатаго на графинѣ Іозефинѣ Гацфельдтъ. Онъ былъ очень образованный человѣкъ и большой музыкантъ (а жена его—великая музыкантша). Сестра его была графиня Лерхенфельдтъ.

Нессельроде очень сблизился съ ними и наслаждался его умнымъ и интереснымъ разговоромъ. Въ Гаагѣ русскимъ посломъ былъ Штакельбергъ, сынъ бывшаго когда-то посланника въ Варшавѣ; онъ принялъ Нессельроде вѣжливо-холодно, заставилъ работать и скоро сошелся съ нимъ. Находясь въ равномъ почти разстояніи отъ Франціи, Германіи и Англіи, К. Нессельроде очутился ближе къ великимъ, совершавшимся въ то время, событіямъ, и имѣлъ случай лучше ознакомиться съ представительми могущественной въ то время Франціи, державшей въ рукахъ

---

[1]) Лобковицъ, Антоній-Исидоръ, князь, родился въ 1755 г., богатый владѣтель въ Богеміи и покровитель наукъ и искусствъ. Въ войну съ Франціею 1809 г. онъ собралъ въ своихъ владѣніяхъ баталіонъ ландвера, сталъ въ его главѣ и сражался съ французами непрерывно до заключенія Парижскаго мира въ 1815 г., послѣ чего возвратился къ мирнымъ занятіямъ и умеръ всѣми уважаемый въ 1819 г.

своихъ судьбы Европы. Въ Голландіи, не за долго передъ его проѣздомъ, была образована республика Батавская, при чемъ господствовала партія патріотовъ, оранжисты же были совсѣмъ устранены отъ дѣлъ и вліянія; многія семейства ихъ, въ томъ числѣ Гекерены, отецъ извѣстнаго Дантеса, жили въ Гаагѣ, составляли избранное общество, посѣщаемое всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, въ составѣ котораго былъ Листонъ—представитель Англіи, Семонвилль—посолъ Франціи, баронъ Фельцъ—посолъ Австріи. Но скоро очень, въ 1803 г., Аміенскій миръ былъ расторгнутъ; надъ Голландіею разразилась гроза и французскія войска заняли ее. Торговля Голландіи прекратилась; страна была доведена до крайности. Скоро правительство Батавское было замѣнено великимъ пенсіонаріемъ, каковымъ былъ Шиммельпеннинкъ [1]), бывшій адвокатъ въ Амстердамѣ, умный человѣкъ, имѣвшій значеніе въ партіи патріотовъ. Это совершилось въ 1804 г., а весною 1805 г. Штакельбергъ уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы вступить въ бракъ съ графинею Лудольфъ, и К. В. Нессельроде пришлось исполнять его обязанности, потому что первый секретарь посольства, Мальтицъ, былъ назначенъ въ Лиссабонъ. Въ первый разъ Нессельроде сталъ дѣйствовать самостоятельно и старался выказаться передъ своимъ министерствомъ. „Мои донесенія, пишетъ онъ, принимались въ министерствѣ благосклонно; находили, что я могу быть назначенъ на должности (employable); это было все, что я пока желалъ. Гаага была довольно интереснымъ мѣстомъ. Въ это время готовилась громкая экспедиція въ Англію; войска французскія стояли лагеремъ при Цейстѣ, подъ начальствомъ Мармана. Въ то же время образовалась коалиція: Россіи, Австріи, Англіи противъ Франціи, и затѣмъ вспыхнула война. Марманъ двинулся на югъ Германіи, и скоро дошли до Гааги извѣстія о пораженіяхъ австрійцевъ подъ Ульмомъ и русскихъ подъ Аустерлицемъ. Добрые голландцы искренно сожалѣли о нашихъ пораженіяхъ; они томились подъ игомъ французовъ и очень желали его свергнуть, но вдругъ были обращены въ Голландское королевство, которое Россія отказалась признать. Нессельроде остался въ Гаагѣ только какъ частный человѣкъ, уклоняясь по возможности отъ

[1]) Шиммельпеннинкъ, Рутгеръ-Іоаннъ родился, въ 1761 г. въ Голландіи, былъ предсѣдателемъ муниципалитета въ Амстердамѣ въ 1795 г., посланникомъ въ Парижѣ въ 1798 г., а послѣ и въ Лондонѣ въ 1802 г. Наполеонъ, ввѣривъ управленіе Голландіею одному лицу, носившему титулъ великой пансіонаріи, назначилъ таковымъ въ 1805 г. Шиммельпеннинка, отправлявшаго эту обязанность всего 15 мѣсяцевъ, послѣ которыхъ изъ Голландіи было образовано особое королевство для Людовика, брата Наполеона, а затѣмъ Голландія была присоединена къ Франціи въ 1810 г. Шиммельпеннинкъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и графомъ. При возстановленіи Голландскаго королевства въ 1815 г. онъ былъ членомъ генеральнаго собранія и умеръ въ 1825 г.

подозрительныхъ наблюденій за нимъ со стороны Бонапарта и принимая мѣры предосторожности въ отношеніи своей переписки, свидѣтельствующей только объ изумительномъ могуществѣ Наполеона. Скоро онъ получилъ приказаніе ѣхать въ Берлинъ и ожидать дальнѣйшаго назначенія. „Я выѣхалъ въ самый день въѣзда новаго короля Людовика Бонапарте. Дорогой я посѣтилъ отца въ Франкфуртѣ, пробылъ у него дней 15 и уѣхалъ въ то время, какъ нашъ русскій посланникъ Убри былъ посланъ въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ вмѣстѣ съ англичаниномъ Лаудердалемъ. Онъ уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ, что покой Европы будетъ обезпеченъ, если не продолжительнымъ миромъ, то, по крайней мѣрѣ, продолжительнымъ перемиріемъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я нашелъ, что Россія имѣла тамъ страннаго представителя. Замѣнившій Гарденберга [1]) снова Гаугвицъ былъ преданъ Франціи. Алопеусъ заявилъ, что не желаетъ вести съ нимъ переговоровъ, но это заявленіе не побудило однако прусскаго короля перемѣнить Гаугвица и взять снова Гарденберга. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ прерывать свои сношенія съ берлинскимъ кабинетомъ и поручилъ вести переговоры съ Гаугвицемъ Штакельбергу. Я былъ назначенъ къ сему послѣднему. Намъ надлежало преимущественно добиваться соглашенія (mediation) между Пруссіею и Швеціею, занимавшею въ то время еще нѣсколько земель на материкѣ сѣверной Германіи. Надо было принудить Швецію оставить эти земли; послѣ долгихъ переговоровъ мы этого и добились. Вдругъ пріѣхалъ Убри съ трактатомъ, заключеннымъ имъ съ Франціею. Трактатъ этотъ не былъ ратификованъ, и мнѣ было поручено объѣхать по югу Германіи и собрать точныя свѣдѣнія о числѣ французскихъ войскъ, которыя Наполеонъ держалъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи, вопреки Пресбургскому миру. Я поѣхалъ и отовсюду посылалъ донесенія. Вернувшись въ Берлинъ, я нашелъ, что Гаугвицъ обратился уже въ рьянаго приверженца войны съ Франціей и вотъ по какому поводу. При переговорахъ послѣ Аустерлицкаго сраженія, Гаугвицъ добился отъ Наполеона уступки Ганновера въ пользу Пруссіи. Между тѣмъ въ

[1]) Гарденбергъ, Карлъ-Августъ, князь, родился въ Пруссіи въ 1750 г., служилъ по дипломатической части, велъ переговоры при заключеніи Базельскаго трактата 1795 г., онъ замѣнилъ въ качествѣ перваго министра Гаугвица въ 1804 г., но уже въ 1805 г., по требованію Наполеона, онъ былъ уволенъ отъ должности, но сохранилъ тайное вліяніе на политику прусскаго кабинета и послѣ Іенскаго разгрома 1806 г. сталъ во главѣ кабинета, но при заключеніи Тильзитскаго мира въ 1807 г. снова былъ удаленъ отъ дѣлъ и вновь появился въ 1810 г. и непрерывно стремился отмстить Наполеону. Въ 1814 г. Гарденбергъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство и на Вѣнскомъ конгрессѣ домогался настойчиво раздѣла Франціи между побѣдителями. Онъ умеръ въ 1822 г.

своихъ переговорахъ съ Англіею Наполеонъ обѣщалъ уступить Ганноверъ Англіи.

Это двуличіе причинило разрывъ трактата, принятый въ Берлинѣ съ восторгомъ, особенно арміею, которая все вспоминала о побѣдахъ Фридриха II.

Наступила война. Король Пруссіи послалъ генерала Круземарка въ Петербургъ просить содѣйствія Россіи, но, благодаря пререканіямъ съ Гаугвицемъ, это было сдѣлано слишкомъ поздно. Александръ I сейчасъ же послалъ 2 корпуса войскъ въ Пруссію; полагали, что они уже вблизи отъ театра военныхъ дѣйствій, и меня послали ихъ увѣдомить о послѣдовавшемъ уже пораженіи подъ Іеною, а наши уполномоченные въ это время уѣхали изъ Берлина въ Гольштейнъ.

„Я встрѣтилъ русскія войска не на берегахъ Вислы, какъ полагали, но еще въ Гродно, и сообщилъ Беннигсену о пораженіи подъ Іеною, поѣхалъ дальше въ Петербургъ, черезъ Ригу, гдѣ нашелъ генерала Буксгевдена, назначеннаго командиромъ войскъ 2-го корпуса, посланныхъ на помощь Пруссіи. Печальный исходъ кампаніи 1806 года вызвалъ перемѣну въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Князь Чарторижскій, хлопотавшій о коалиціи противъ Наполеона, долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ; на его мѣсто былъ назначенъ Будбергъ, бывшій ранѣе посломъ въ Швеціи; я его мало зналъ. Онъ былъ любезный въ обхожденіи генералъ, galant homme, но болѣзненный, посредственнаго ума и вовсе не соотвѣтствовалъ тому высокому положенію, которое долженъ былъ занимать. Онъ обошелся со мною очень любезно-радушно и скоро назначилъ меня сопровождать графа Петра Алексѣевича Толстого, котораго намѣревались послать въ главную квартиру прусскихъ войскъ. Но Іенское пораженіе побудило отмѣнить это распоряженіе, и меня назначили къ фельдмаршалу М. Ѳ. Каменскому, получившему командованіе надъ обоими русскими корпусами, для объединенія ихъ дѣйствій противъ французовъ. При главнокомандующемъ всегда имѣется агентъ министерства иностранныхъ дѣлъ для переписки съ гражданскими и военными властями союзныхъ державъ. Я и былъ назначенъ такимъ агентомъ въ ноябрѣ 1806 года. Представившись Каменскому, я отправился съ нимъ по страшно дурнымъ дорогамъ въ Вильно и затѣмъ все время кампаніи 1806—1807 годовъ состоялъ при арміи“.

Болѣе точныя свѣдѣнія о родѣ предстоящихъ ему обязанностей Нессельроде долженъ былъ получить отъ коллежскаго совѣтника Цимлера, состоявшаго въ то время при генералѣ Беннигсенѣ, и руководствоваться ими (см. письмо Будберга къ Нессельроде 14 ноября 1806 г.); помощникомъ ему назначался баронъ Ашъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Нессельроде обязанъ былъ отправлять переписку дипломати-

ческую и при ген. Эссенѣ или какомъ-либо другомъ изъ начальниковъ дивизіи (см. письмо Будберга 10 января 1807 г.). Нессельроде немедленно отправился по назначенію и писалъ своему отцу изъ Ариса 4—16 января 1807 года, что Каменскій заболѣлъ, передалъ команду надъ войсками графу Буксгевдену, самому старшему изъ генераловъ его арміи, при которомъ онъ и состоитъ теперь. Выборъ Буксгевдена не былъ одобренъ государемъ, и скоро прибылъ курьеръ съ приказаніемъ, что на мѣсто Буксгевдена назначенъ Беннигсенъ. Такъ какъ при послѣднемъ состояло уже лицо для дипломатической переписки, пользовавшееся большимъ его довѣріемъ, то К. Нессельроде надѣялся получить какое-либо другое назначеніе, а пока пребывалъ при арміи и очень сблизился съ генераломъ-квартирмейстромъ Кнорингомъ.

По заключеніи мира всѣ разъѣхались, и Нессельроде прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ въ великолѣпномъ празднествѣ, происходившемъ въ столицѣ, въ день именинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 іюля.

Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Нессельроде былъ посланъ въ апрѣлѣ 1807 г. въ Вѣну, по приказанію, изъ Петербурга, чтобы преимущественно сообщить австрійскому кабинету значительность потерь французской арміи. Находившійся во главѣ австрійскаго кабинета, Стадіонъ принялъ его, какъ стараго знакомаго. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, хотя и былъ замѣненъ Куракинымъ, но послѣдній еще не пріѣхалъ, и Разумовскій продолжалъ отправлять свою обязанность. Я сообщилъ ему и Стадіону о положеніи дѣлъ и о томъ, что видѣлъ. Вся Вѣна пришла въ восторгъ отъ пораженія Наполеона. Я прожилъ въ Вѣнѣ три мѣсяца въ блестящемъ обществѣ, весьма весело, среди очаровательныхъ и соблазнительныхъ женщинъ, австріекъ и полекъ, среди коихъ въ первомъ ряду блистала графиня Замойская (рожденная Грохольская), супруга Станислава Замойскаго.

Въ Вѣнѣ въ то время собиралось очень занимательное общество, было не мало русскихъ интересныхъ особъ, какъ-то: княгиня Долгорукова, графиня Шувалова, въ особенности любезная княгиня Багратіонъ. Вся русская колонія совсѣмъ овладѣла Нессельроде, или точнѣе онъ всецѣло ей предался. Кромѣ того, собиралось блестящее общество у графа Стадіона, князя Лобковица, графа де-Линь, графа Кобенцеля, а также у Перейра, Арнштейнера и его дяди Гонтара, у котораго, кромѣ того, бывали хорошіе обѣды. Цѣль посылки Нессельроде въ Вѣну была побудить Австрію оставить свое гибельное бездѣйствіе и принять рѣшительное участіе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ противъ Наполеона и тѣмъ отрѣ-

зать ему отступленіе изъ Пруссіи. Беннигсенъ писалъ ему изъ Бартенштейна, 24 апрѣля 1807 г., чтобы онъ убѣждалъ австрійцевъ прислать ему отрядъ въ 20 тысячъ человѣкъ.

Австрійское правительство намѣревалось послать генерала Винцента къ Беннигсену, чтобы сговориться о разныхъ политическихъ и военныхъ комбинаціяхъ. Въ это время самъ Александръ I прибылъ въ армію Беннигсена въ Бартенштейнъ вмѣстѣ съ Будбергомъ, который приказалъ мнѣ какъ можно скорѣе прибыть въ армію. Онъ намѣревался послать меня къ жившему тогда въ Миланѣ, Людовику XVIII, который, собираясь сообщить нашему правительству свои планы и многочисленные проекты о реакціи во Франціи, просилъ прислать къ нему посредника.

Послѣдовавшее вскорѣ сраженіе при Фридландѣ, для насъ неблагопріятное, измѣнило все это. Нессельроде получилъ приказаніе императора возвратиться въ армію.

Оставивъ Вѣну, Нессельроде прибылъ въ дѣйствующую армію, стоявшую уже въ Тильзитѣ, и принялъ участіе въ происходившихъ переговорахъ, которые привели къ извѣстному Тильзитскому миру. Нессельроде во время переговоровъ прожилъ въ Тильзитѣ, но въ полномъ уединеніи и видѣлъ только монарховъ и сильныхъ міра, проѣзжавшихъ по улицѣ. Участіе Нессельроде въ заключеніи Тильзитскаго мира состояло въ томъ, что онъ переписывалъ трактатъ послѣ того, какъ всѣ условія онаго были установлены личными переговорами двухъ монарховъ, продолжавшимися ежедневно, далеко за полночь. Изложеніе ихъ бесѣдъ дѣлалось во французской канцеляріи, а мнѣ оставалось только переписать ихъ. По заключеніи Тильзитскаго мира, я поѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ послѣ императора. Будбергъ вышелъ затѣмъ въ отставку; на его мѣсто былъ назначенъ графъ Н. П. Румянцевъ, который скоро отправилъ въ Парижъ посломъ графа Петра Алексѣевича Толстого. „Я же былъ назначенъ совѣтникомъ посольства [1]), пишетъ Нессельроде. Я никогда не имѣлъ симпатіи ни къ самой Франціи, ни къ лицу, управляющему ею, и готовъ былъ отказаться отъ этого назначенія, но благосклонныя слова императора Александра I положили конецъ моимъ колебаніямъ. Я принялъ новую должность, которая явилась первою ступенью въ блестящемъ и великомъ поприщѣ, которое Богъ судилъ меня совершить. Графъ Толстой, ѣхалъ также не охотно, даже съ отвращеніемъ. Но онъ имѣлъ успѣхъ у Наполеона, и я часто излагалъ на бумагѣ всѣ ихъ разговоры. Наши донесенія не всегда были въ пользу союза съ

[1]) Это назначеніе состоялось 31 августа 1807 г. (см. формуляръ о службѣ Нессельроде въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

Франціею; они поэтому и не нравились Румянцеву, l'ame damnée de Napoleon".

Пребывая въ Парижѣ совѣтникомъ русскаго посольства, Нессельроде имѣлъ особое порученіе отъ государя, очень хорошо рисующее характеръ послѣдняго. Александръ I, независимо отъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ему посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, настоятельно желалъ имѣть еще и помимо графа Куракина непосредственныя извѣстія, доставляемыя ему исключительно оффиціознымъ путемъ. Графъ Сперанскій, стоявшій на высотѣ своего величія въ то время, былъ избранъ императоромъ Александромъ прямымъ посредникомъ между нимъ и молодымъ дипломатомъ, обязаннымъ сообщать извѣстія для государя. Письма Нессельроде къ Сперанскому весьма замѣчательны; они показываютъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали нерѣдко для полученія свѣдѣній о дѣлахъ совершенно тайныхъ, и до него доходила продажность лицъ въ то время. Кромѣ того, эти письма свидѣтельствуютъ о томъ, до какой двойственности доходили многія изъ первостепенныхъ государственныхъ людей во Франціи за это время.

Эта переписка является введеніемъ къ событіямъ знаменитой эпохи 1812 года, а потому, предполагая познакомить съ нею нашихъ читателей болѣе подробно въ слѣдующей статьѣ, закончимъ настоящую, сказавъ нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни старика Вильгельма Нессельроде. Императоръ Павелъ I благоволилъ къ нему за оказанныя имъ ранѣе услуги и наградилъ В. Нессельроде орденомъ св. Александра Невскаго и пожаловалъ ему на 12 лѣтъ имѣніе Нейгутъ въ Курляндіи. Павелъ I предлагалъ графу поселиться совсѣмъ въ Россіи, но графъ, по причинѣ слабаго здоровья, не нашелъ возможнымъ принять это предложеніе. Проживъ годъ въ Петербургѣ, графъ Вильгельмъ Нессельроде закончилъ свое трудное дипломатическое поприще, вышелъ въ отставку лѣтомъ 1798 года и, оставивъ Россію, поселился въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Этотъ, въ то время, вольный городъ Священной имперіи имѣлъ господствующее вліяніе въ литературной Германіи и европейской политикѣ, и являлся центромъ дѣлъ и интригъ всякаго рода, былъ мѣстомъ остановки для всѣхъ важныхъ путешественниковъ, направлявшихся по Европѣ съ запада на востокъ.

Въ этомъ городѣ сосредоточивались въ то время всевозможныя политическія извѣстія изъ Германіи, Франціи, Голландіи, и при посредствѣ послѣдней, даже изъ Англіи; „Франкфуртская газета" считалась въ то время, по справедливости, наиболѣе полною и лучше другихъ освѣдомленною. Этотъ городъ вполнѣ подходилъ для мѣстопребыванія В. Нессельроде, которому открывался здѣсь полный про-

сторъ его дѣятельности и полная возможность наблюдать со стороны за совершавшимися событіями, сообщать наиболѣе сенсаціонныя новости и встрѣчать наиболѣе выдающихся пріѣзжихъ. Нессельроде, живя во Франкфуртѣ, велъ обширную переписку со своимъ сыномъ Карломъ, только-что, выступавшимъ тогда на дипломатическомъ поприщѣ, и руководилъ имъ въ выработкѣ взглядовъ, болѣе или менѣе правильныхъ, на людей и на вещи. Множество его писемъ къ сыну проникнуты ненавистью и вмѣстѣ съ тѣмъ страхомъ, внушаемымъ какъ отцу, такъ и сыну, Корсиканскимъ тиранномъ, бичемъ человѣчества, великимъ императоромъ. Они оба наперерывъ измышляютъ повсюду надежды и средства къ тому, чтобы остановить какимъ-либо образомъ тріумфальное шествіе Наполеона по Европѣ; они оба упрекаютъ въ слабости и нерѣшительности политику кабинетовъ Вѣнскаго, Прусскаго и Петербургскаго, а сынъ доходитъ даже до того, что упрекаетъ отца своего за присутствіе на обѣдѣ, данномъ въ честь французскихъ генераловъ, находя, что подобнымъ присутствіемъ онъ унизилъ собственное достоинство. Пребывая въ Франкфуртѣ, старикъ Вильгельмъ Нессельроде скончался въ 1810 году.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О выборномъ началѣ въ церкви.

I.

Вопросъ о выборномъ началѣ примѣнительно къ духовенству возникъ въ эпоху всяческихъ общественныхъ вопросовъ,—въ началѣ 60-хъ годовъ. Поднялся онъ не потому, что общество вдругъ почувствовало симпатію къ духовному сословію и захотѣло по собственной свободной иниціативѣ помочь устроенію его быта. Нѣтъ, вопросъ возникъ вслѣдствіе неотложной необходимости.

Незабвенное въ нашей исторіи 19-ое февраля 1861 года, которое милліонамъ крестьянъ доставило свободу и радость,—это 19-ое февраля духовенство поставило въ невозможное положеніе. Подъ гнетомъ помѣщиковъ, часто самодуровъ, духовенству жилось не сладко, но все же были готовый пріютъ и содержаніе. Великая реформа въ очень многихъ мѣстахъ лишила духовенство того и другаго. Въ тогдашнихъ журналахъ появились сообщенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ Пермской губерніи владѣльцы помѣщичьихъ селеній и частныхъ заводовъ прекращаютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже и прекратили, опредѣленное церковнымъ причтамъ содержаніе и назначаютъ въ продажу съ аукціона дома, выстроенные для квартиръ священно-церковно-служителей, относя все содержаніе причтовъ на приходскія и крестьянскія общества. Между тѣмъ въ большей части помѣщичьихъ приходовъ пахотной и сѣнокосной земли въ церквамъ не отведено, а если гдѣ таковая и значится, то не передана во владѣніе причтовъ и никакихъ актовъ на нее къ церквахъ нѣтъ; поэтому причты съ своими семействами остаются въ бѣдственномъ положеніи“ [1]).

Новыя тяжелыя обстоятельства жизни и обтерпѣвшееся, привыкшее къ нуждѣ, духовенство заставили проснуться и заявить о своемъ

[1]) „Прав. Обозр.“ 1863 г. январь, 34 стр. Замѣтки.

невозможномъ существованіи. Да такъ заявить, что къ его голосу не могла остаться уже безучастной и свѣтская печать. Это былъ настоящій непритворный, горькій плачъ цѣлаго, оказавшагося въ безвыходномъ положеніи, сословія. Онъ просилъ освободить это сословіе отъ нищенскаго попрошайничества, просилъ правъ, въ которыхъ не отказывало правительство другимъ. Заявленія о безвыходной нуждѣ духовенства и о ненормальности его матеріальной зависимости отъ голодающей паствы тянутся черезъ весь разсматриваемый нами періодъ въ печати, то замирая на время, когда уже не оставалось никакой надежды быть услышанными, то поднимаясь съ новою силой. Но особенно многочисленны были они въ эти начальные шестидесятые годы. Ихъ искренность не заглушали появлявшіеся фальшивые голоса сытаго столичнаго духовенства о своемъ яко бы тоже тяжеломъ положеніи; ихъ не могли успокоить нѣкоторые журналы [1]), совѣтовавшіе примириться съ поборами съ прихожанъ въ виду того, что поборы служатъ къ нравственному сближенію пастыря съ пасомыми. Духовенство не внимало этимъ убѣжденіямъ, которыя походили на предложеніе камней вмѣсто хлѣба и скорпіона вмѣсто рыбы; оно не переставало просить о жалованьи. На трагическое положеніе духовенства должно было обратить вниманіе правительство. Въ 1863 г. 17-го января, по повелѣнію государя Александра II, въ Петербургѣ открыло свои засѣданія „особое присутствіе для изысканія способовъ къ обезпеченію быта духовенства“. Въ первое же засѣданіе присутствіе выработало программу и разослало по епархіальнымъ архіереямъ для отвѣтовъ на поставленные въ программѣ вопросы относительно способовъ улучшенія быта духовенства, предоставивъ имъ приглашать къ обсужденію вопросовъ и лицъ изъ подвѣдомственнаго духовенства. А затѣмъ присутствіе нашло нужнымъ привлечь къ дѣлу и представителей свѣтскаго общества. По губерніямъ были составлены епархіальные комитеты изъ духовенства и губернскія присутствія, составившіяся изъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, съ приглашеніемъ, на правахъ членовъ, губернскихъ предводителей дворянства и губернскихъ головъ [2]). Никакихъ реформъ и значительныхъ облегченій особое присутствіе не сдѣлало для духовенства [3]), заявленія послѣдняго казались присутствію черезчуръ притязательными; губерн-

---

[1]) „Прав. Обозрѣніе“, „День“, „Московскія Вѣдомости“.

[2]) Высоч. утвержд. отъ 14 апр. 1863 г. журналъ присутствія — „Прав. Обозрѣніе“ 1863 г. май, замѣтки, стр. 11.

[3]) Въ 1863 г. кромѣ учрежденія губ. присутствій и еп. комитетовъ мы находимъ одно постановленіе о постройкѣ домовъ для причтовъ при учрежденіи новыхъ приходовъ. „Прав. Обозр.“ 1863 г. сент., замѣт., 12 стр.

скія присутствія и комитеты существенныхъ средствъ, кромѣ правительственнаго жалованья, указать не могли; но все это принесло ту важную пользу, что побудило духовенство высказать свои нужды, какъ чрезъ посредство епархіальныхъ комитетовъ, такъ еще болѣе на страницахъ различныхъ, больше духовныхъ, предоставившихъ свои услуги духовенству,—журналовъ. Кромѣ того, здѣсь былъ сдѣланъ первый опытъ совокупнаго рѣшенія клиромъ и представителями изъ мірянъ вопросовъ, касающихся церкви и духовенства; здѣсь же въ первый разъ возбуждена мысль попеченія о нуждахъ церкви и клира возложить на учрежденіе, состоящее изъ обоихъ элементовъ церкви—какъ причта, такъ и мірянъ. Разумѣемъ мысль о повсемѣстномъ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ, высказанную въ „запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ по предмету изысканія способовъ для улучшенія матеріальнаго быта духовенства“ [1]). Мысль эта была сочувственно подхвачена журналами, особенно духовными, потому что защитники интересовъ духовенства надѣялись здѣсь встрѣтить матеріальную поддержку духовенству, не нашедшему ея у правительства. Ожидали и другихъ, не матеріальныхъ, но еще болѣе важныхъ результатовъ дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ, и не для одного духовенства. Для иллюстраціи послѣднихъ словъ адресуемся къ статьѣ одного священника [2]). Это учрежденіе, по его мнѣнію, далеко не ограничивается интересами одного духовенства. Напротивъ, очень многіе и весьма важные общественные интересы находятъ въ немъ ближайшее содѣйствіе и выраженіе. Устройство и поддержаніе православныхъ храмовъ, развитіе общественной нравственности, распространеніе народнаго образованія, благотворительная помощь бѣднымъ,—все это въ связи съ улучшеніемъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго быта духовенства—такіе предметы, которые должны составлять прямую обязанность совѣтовъ и которыхъ важность несомнѣнна не для духовенства только, но никакъ не менѣе, если не болѣе—для самого общества. Авторъ совѣтуетъ, чтобы правительство открыло эти учрежденія законодательнымъ порядкомъ, такъ какъ ихъ потребность сознана уже обществомъ и литературою. Кромѣ отдѣль-

---

[1]) „Надлежитъ сохранять въ виду, говорится въ запискѣ, что дѣло обезпеченія церквей и духовенства есть дѣло общественное, въ которомъ прихожане призваны къ столь же непосредственному участію, какъ и само правительство... Надлежало бы только возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ, и здѣсь учрежденіе приходскихъ совѣтовъ могло бы принести особую пользу“. „Прав. Обозр.“ 1863 г. сент., зам., 4 стр.

[2]) І. Чижевскаго. Нѣсколько словъ объ учрежденіи ц.-прих. совѣт. „Прав. Обозр.“ 1863 г. окт.

ныхъ мѣстныхъ приходскихъ совѣтовъ весьма полезно было бы, по мнѣнію автора, учредить изъ нѣсколькихъ священниковъ, церковныхъ старостъ и членовъ совѣтовъ, избранныхъ отъ приходовъ, общіе окружные и церковно-городскіе совѣты: въ нихъ могутъ принять участіе архіереи и свѣтскія вліятельныя лица; занятія совѣтовъ должны быть чуждыми формализма и вестись словесно. Чрезъ окружные приходскіе совѣты не только духовенство сблизится между собою,—такъ что добрые примѣры и мысли частныхъ лицъ сдѣлаются общимъ достояніемъ,—но и самые міряне станутъ ближе къ духовенству.

Кое-гдѣ такіе совѣты были открыты, но они оказались учрежденіемъ мертворожденнымъ и въ практическомъ отношеніи ничего не сдѣлали.

Въ 1864 году высочайше утвержденнымъ положеніемъ совѣты были обращены въ церковно-приходскія попечительства. По I ст. этого положенія попечительства „учреждаются для попеченія о благоустройствѣ церкви и причта въ хозяйственномъ отношеніи, а также объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительныхъ дѣйствій въ предѣлахъ прихода“.

Но попечительства постигла та же печальная участь, какая постигла совѣты и какая вообще постигаетъ всѣ учрежденія, навязываемыя свыше, необходимость которыхъ не сознается тѣми, для кого они предназначены. Попечительства значились открытыми, а результатовъ или не было никакихъ, такъ какъ они существовали только на бумагѣ, или ихъ дѣятельность была слишкомъ ничтожна. Принесли ли они пользу духовенству,—объ этомъ пусть говоритъ за насъ одинъ сельскій священникъ, пишущій въ 1876 г.: „Попечительства—это жалкія и заносчивыя учрежденія, они по отношенію къ причту то же, что синедріонъ ко Христу. Ихъ задача (по крайней мѣрѣ, они такъ понимаютъ ее) украшать храмы, пріобрѣтать стопудовые колокола, заводить пѣвческіе хоры и не помогать духовенству, а, по возможности, парализовать его. Постоянно вращаясь въ приходской общинѣ, они стараются настраивать народъ противъ духовенства; облеченные мнимою властью, члены этого приходскаго синедріона слѣдятъ за каждымъ шагомъ священника, контролируютъ его дѣйствія и указываютъ даже, какое облаченіе долженъ надѣть онъ [1]).

Такимъ образомъ, не лучше было и тамъ, гдѣ эти учрежденія дѣйствовали; зависѣло это, по мнѣнію духовенства, отъ того, что

---

[1]) „Церк.-Общ. Вѣстникъ“ 1876 г. № 87. „Кое-что къ забытому вопросу объ улучшеніи быта пр. дух.“.

„положеніе“ рекомендовало предсѣдателей для попечительствъ выбирать изъ свѣтскихъ лицъ, такъ что попечительство удобно могло стать въ оппозицію причту, выражавшуюся въ селахъ, конечно, въ своеобразной формѣ. Къ концу 70-хъ годовъ дѣятельность попечительствъ уже получила за рѣдкими исключеніями, формальный, внѣшній характеръ [1]).

Такимъ же неудачнымъ въ приложеніи пріемомъ для поднятія благосостоянія церкви и духовенства оказался и начавшій приводиться съ 1869 года въ исполненіе проектъ сокращенія приходовъ и причтовъ. Закрыто было въ 41 епархіи больше 3 тысячъ церквей, уменьшенъ наличный составъ духовенства на 28 тысячъ человѣкъ [2]), но закрытіе церквей и прекращеніе въ нихъ богослуженія тяжело отозвалось на религіозной жизни народа и, не улучшивши положенія духовенства, во многихъ мѣстностяхъ вызвало сильное неудовольствіе противъ него, не пощадившаго, съ точки зрѣнія прихожанъ, и храмовъ Божіихъ ради своего кармана. Но, несмотря на то, что попечительства не выполнили своего назначенія въ дѣлѣ улучшенія быта духовенства, наша печать и особенно свѣтская, очень сочувствовала этимъ учрежденіямъ и возлагала на нихъ большія надежды. Это былъ важный опытъ широкаго и живаго участія прихожанъ въ жизни своей церкви съ приложеніемъ въ этой области выборнаго начала. Когда позднѣе былъ поднятъ вопросъ о выборѣ церковной приходской общиной себѣ священниковъ, очень многіе видѣли въ церковныхъ попечительствахъ уже готовую и удобную почву для участія прихожанъ въ жизни приходской общины и въ выборѣ пастырей. Такимъ образомъ, въ шестидесятые года уже ясно намѣчены были главные пункты вопроса о выборномъ началѣ въ церковной жизни.

Духовенство не могло оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ совершавшагося въ общественно-государственной жизни сильнаго поворота къ самоуправленію во всѣхъ ея областяхъ. Высказывая свои нужды и желанія, оно прежде всего потребовало себѣ нѣкоторой доли самоуправленія и приложенія въ своей сферѣ выборнаго начала, прямо ссылаясь на вводимый порядокъ въ другихъ областяхъ жизни. Реформы 60-хъ годовъ, съ одной стороны, непосредственно содѣйствовали введенію выборнаго начала среди духовенства: таковъ новый уставъ духовно-учебныхъ заведеній 1869 года; съ другой,—реформы нѣкоторыхъ сторонъ гражданской жизни заставляли духовенство и всѣхъ тѣхъ, кому дороги были его интересы и интересы

---

[1]) Блестящее исключеніе составляли, напр., попечительства Петербургск. уѣзда съ широкою благотворительною дѣятельностью.

[2]) „Моск. Церк. Вѣд.“ 1880 г. № 24.

церкви, стремиться къ примѣненію благодѣтельныхъ результатовъ новыхъ преобразованій къ соотвѣтствующимъ сторонамъ церковной жизни: такой смыслъ имѣло возникновеніе вопроса о духовно-судебной реформѣ въ 1870 году.

Выборы должностныхъ лицъ самимъ духовенствомъ—вотъ первый пунктъ вопроса о выборномъ началѣ. Въ такомъ видѣ выборное начало отстаивалось и находило себѣ защиту больше всего въ духовныхъ журналахъ. Правда, и свѣтское общество сочувствовало освобожденію духовенства изъ-подъ тяжелаго гнета всецѣлой зависимости отъ епархіальныхъ властей посредствомъ этого начала. Въ 1858 году въ Лейпцигѣ вышла книга: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи“, гдѣ въ мрачныхъ краскахъ изображено положеніе забитаго и угнетаемаго іерархическимъ монашествомъ сельскаго духовенства; книга произвела на русское общество большое впечатлѣніе. „Печать ухватилась за питье помой изъ этой книги съ жадностью дикаря“—говоритъ негодующій авторъ книги „Бѣлое духовенство и его интересы“ [1]). Но свѣтское общество и свѣтская печать желали выборнаго начала не въ этой формѣ. Они видѣли въ такого рода самоуправленіи духовенства главную причину развитія въ немъ кастовой замкнутости, опасались клерикализма. Они всегда тяготѣли къ веденію выборнаго начала въ иномъ видѣ,—какъ права избранія самого духовенства и участія въ дѣлахъ прихода мірскаго элемента церкви. И въ началѣ 80-хъ годовъ свѣтская печать этотъ вопросъ особенно энергично выдвинула и единодушно поддержала. Наша задача—прослѣдить вопросъ о выборномъ началѣ въ обѣихъ его формахъ.

II.

Какъ только поднялся вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, въ нашихъ духовныхъ журналахъ появились статьи въ пользу введенія выборнаго начала въ духовенствѣ, какъ средства улучшить этотъ бытъ и возвысить вліяніе пастырей на пасомыхъ. Прежде всего заговорили о выборныхъ благочинныхъ, потому что для нихъ существовали очень близкіе историческіе примѣры: въ русской церкви въ первой половинѣ XIX столѣтія нѣсколько разъ вводились выборные благочинные. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалась и нужда въ съѣздахъ.

Въ 1862 году начинаютъ высказываться настойчивыя пожеланія, чтобы выборное начало, дозволенное тогда Сѵнодомъ монастырямъ

---

[1]) Изд. Елагина 1881 г., стр. 10.

для избранія настоятелей,—было распространено и на бѣлое духовенство. Указывалось на то, что выборъ благочинныхъ уже нѣкогда практиковался въ Кіевѣ и Полтавской епархіи; обращалось вниманіе на добрые результаты, долженствующіе послѣдовать отъ введенія такого порядка по всей Россіи. Говорилось, что при выборныхъ благочинныхъ полезно учредить словесное судопроизводство по маловажнымъ проступкамъ. Раздались голоса, что начальство, назначая благочиннаго, руководится формулярными достоинствами лица, а между тѣмъ достоинства эти не всегда совпадаютъ съ тѣми качествами, которыя долженъ имѣть представитель мѣстнаго духовенства, каковымъ является благочинный. Первымъ качествомъ его должна быть добросовѣстность, близость къ своимъ собратьямъ, разумное пониманіе ихъ интересовъ и доступность. При выборномъ началѣ, гдѣ отличія въ разсчетъ не берутся, скорѣе будетъ оказано предпочтеніе дѣйствительно достойному и способному. И если до сего времени выборное начало не вездѣ введено, то по той причинѣ, что заявленіе своихъ нуждъ для духовенства слишкомъ затруднительно, тогда какъ другія сословія имѣютъ свои собранія, право разсуждать міромъ о своихъ потребностяхъ [1]). Пора духовенству принять участіе и въ общественныхъ дѣлахъ: въ судѣ присяжныхъ, въ земскихъ выборахъ, а для этого прежде всего ему нужно предоставить возможность участвовать въ дѣлахъ, касающихся его самого, въ своемъ вѣдомствѣ. Пора положить конецъ порядку вещей, когда духовенство руководится однимъ внѣшнимъ началомъ: „дѣлай, какъ приказано“, и дѣйствуетъ только съ цѣлью угодить высшимъ, а не въ интересахъ вѣры и церкви; оно не проникнуто сознаніемъ общественной пользы и собственнаго достоинства. Такое положеніе образовалось отъ неправильныхъ отношеній, въ какія поставлены духовныя лица между собою и къ своей власти,—отъ существующей системы епархіальнаго управленія.

Чтобы пробудить духовенство отъ усыпленія, возвысить его нравственно и заставить думать и дѣйствовать самостоятельно,—для этого нужно, чтобы лица, чрезъ которыхъ производится управленіе и надзоръ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, избираемы были не консисторіею, а самимъ духовенствомъ, какъ священно, такъ и церковно-служителями, которымъ извѣстны нравственныя и умственныя качества избираемыхъ и которые будутъ выбирать изъ среды своей дѣятелей, болѣе способныхъ нести извѣстную должность и болѣе радѣющихъ объ общемъ благѣ. А чтобы труднѣе были злоупотребленія, выбирать на

[1]) „Прав. Обозр.“ 1862 г. іюнь, замѣтки. Письмо протоіер. Карелина „Духовный Вѣстн.“ 1862 г. іюнь. Лѣтописный листокъ Н. Родницкаго. Первая замѣтка о выборныхъ благочинныхъ появилась въ ноябрской книжкѣ „Духа христіанина“.

должность благочинныхъ нужно года на три, на пять и при томъ на одну только должность.

Необходимо дѣлать общія благочинническія собранія: въ уѣздномъ городѣ—для взаимныхъ обсужденій нуждъ и желаній ввѣренныхъ попеченію благочинныхъ причтовъ—и года черезъ три въ епархіальномъ городѣ, гдѣ благочинные, собравшись вмѣстѣ съ другими должностными лицами у архіерея, давали бы отчеты въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, заявляли желанія и нужды духовенства, предлагали на общее обсужденіе тѣ или другія недоумѣнія, указывали мѣры, принимаемыя духовенствомъ относительно раскола, распространенія просвѣщенія, улучшенія нравственнаго состоянія пасомыхъ, собственнаго быта духовенства и т. п. [1]).

Писали, что выборъ благочинныхъ согласенъ не только съ современными требованіями общественно-государственной жизни, но и съ духомъ православной церкви. На Руси въ прежнее время выбирались народомъ и самые священники; еще Григорій, митроп. с.-петербургскій и новгородскій, поощрялъ это. До Петра I старосты поповскіе, замѣнявшіе нашихъ благочинныхъ, избирались самимъ духовенствомъ. Въ южныхъ и юго-западныхъ епархіяхъ выборные благочинные, наряду съ братствами, и теперь еще на свѣжей памяти. Выборный порядокъ замѣненъ былъ назначеніемъ только по соображенію съ общимъ государственнымъ строемъ, который сталъ носить характеръ централизаціи. Но теперь этотъ строй измѣняется. Выборное начало всѣми путями входитъ въ жизнь народа и дѣлается основнымъ началомъ народнаго устройства и управленія. Церковь не можетъ не привѣтствовать тѣхъ формъ въ государствѣ, которыя ей особенно близки, сродны и могутъ открывать болѣе широкій просторъ ея внутреннимъ силамъ и дѣятельности.

Всякое общество неминуемо впадаетъ въ апатію и нравственный сонъ, въ разобщенность, когда членамъ его становятся чуждыми функціи этого общества, когда члены являются только безучастными зрителями. Въ подобномъ положеніи находится духовенство при назначеніи благочинныхъ. Назначенные благочинные стараются объ одномъ—угодить поставившему ихъ начальству, до нуждъ же подчиненнаго духовенства имъ нѣтъ никакого дѣла. Зато и духовенство привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на чиновниковъ. Не имѣя никакого участія въ управленіи, оно считаетъ лишнимъ слѣдить за ходомъ дѣла какъ церковнаго, такъ и сословнаго. Духовенство живетъ и дѣйствуетъ разобщенно. Установленіе благочинническихъ выборовъ

---

[1]) „Прав. Обозр.“ 1863 г. ноябрь. Объ улучшеніи быта прав. духов. С. Д-нъ, стр. 223—225.

разбудило бы его отъ этого сна, введя его въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, давши ему видъ братства, которое жило бы въ нѣкоторомъ смыслѣ общею жизнью. При этомъ каждый ближе присмотрѣлся бы другъ къ другу, явился бы живой обмѣнъ мыслями и желаніе подражать тѣмъ, кто умнѣе ведетъ дѣло. Небольшія права, сообщенныя духовенству, довѣріе къ нему начальства, должны поднять его духъ, пробудить желаніе дѣятельности для общаго блага [1]).

Вотъ мотивы, зазвучавшіе въ нашей духовной печати съ 1862 г. Но далеко нельзя сказать, чтобы только такія, благопріятныя для выборнаго начала, сужденія и слышались въ ней. Хотя и высказывалось мнѣніе, что „невозможно даже допустить, чтобы нашлись люди, убѣжденные въ преимуществѣ существующаго порядка (назначенія) предъ благочинными выборными“ [2]), но въ дѣйствительности такіе люди были; ихъ прежде всего смущало то, что вопросъ о выборныхъ благочинныхъ возникъ подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній; они боялись, чтобы отъ выборныхъ благочинныхъ не пошли дальше, опасались потрясенія каноническихъ основъ церковнаго устройства.

Во главѣ несочувствующихъ выбору благочинныхъ стоялъ Филаретъ, митрополитъ московскій. Въ своей „запискѣ о выборныхъ благочинныхъ“ [3]), отъ 10-го января 1866 года, этотъ архипастырь о распространеніи обычая избирать благочинныхъ отзывается именно какъ только о простомъ обнаруженіи „русской способности и склонности перенимать чужое“. „Съ нѣкотораго времени,—говоритъ онъ,—громко проповѣдуются и на дѣлѣ распространяются гласность и выборное начало. Духовенство видитъ и говоритъ: и намъ надобны гласность и выборное начало“. Отмѣтивъ, какъ быстро прививается выборъ благочинныхъ въ Русской церкви, Филаретъ сравниваетъ прежній и новый порядки выбора. „Ранѣе архіерей старался лично узнавать преимущественно способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, видя ихъ у себя по дѣламъ службы и во время обозрѣнія епархіи; при случахъ пріобрѣталъ о таковыхъ свѣдѣнія отъ благочинныхъ и почетныхъ прихожанъ, и, такимъ образомъ, имѣлъ, хотя не всегда, готовыхъ кандидатовъ въ благочинныхъ; сверхъ сего, принималъ въ разсужденіе мнѣніе консисторіи. Такимъ образомъ, избираемы были благочинные на много лѣтъ; при возрастающей опытности, они имѣли сильное вліяніе на усовершеніе подвѣдомыхъ въ ди-

---

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1863 г. № 3. „О благочинническихъ выборахъ и неудобствахъ, будто бы съ ними сопряж.“ св. А. Колосова, стр. 60—75.

[2]) „Дух. Вѣстн.“ 1862 г. іюнь. Лѣтописный листокъ.

[3]) „Чтенія въ Моск. Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія“, 1868 г. кн. 5. „Матеріалы для біографіи Филарета“, стр. 168.

сциплинѣ, нравственности и усердіи къ дѣламъ службы. Можно ли этого ждать отъ благочинныхъ, которые созданы своими подчиненными на три или на пять лѣтъ?“ Митрополитъ Филаретъ ссылается на отзывы различныхъ лицъ. — Одинъ „откровенный священникъ“ выразился о выборныхъ благочинныхъ одному архіерею такъ: „они для насъ лучше, а для васъ хуже“, потому что духовенство выбираетъ не ревностныхъ и строгихъ въ правдѣ, а снисходительныхъ и слабыхъ, покрывающихъ его недостатки и не доносящихъ о безпорядкахъ. Довѣренный другаго архіерея накрылъ въ двухъ округахъ подготовку недостойными лицами большинства голосовъ въ свою пользу на предстоящіе выборы. Одинъ „свѣдущій сановникъ, съ характеромъ свободомыслія“, говорилъ архіерею о желательности примѣненія выборнаго начала къ должностямъ епарх. управленія, но когда архіерей указалъ ему на выборъ благочинныхъ, то собесѣдникъ отвѣтилъ, что онъ разумѣетъ другія должности. Благочинный есть довѣренное лицо архіерея. Странно было бы начальнику имѣть своимъ довѣреннымъ не того, кому онъ довѣряетъ, а того, кому довѣряютъ другіе. Благочинный есть око архіерея въ надзорѣ. Естественно ли, чтобы пришли посторонніе и вставили начальнику глазъ? Пр. Филаретъ приглашаетъ показать свѣтлую сторону выборнаго начала тѣхъ, „которые постарались открыть ее прозорливымъ разсужденіемъ и опытомъ, а не увлеклись мелькающимъ блескомъ современныхъ мнѣній“.

„Записка“ писана въ началѣ 1866 года; здѣсь высказаны всѣ существенныя возраженія противъ выборныхъ благочинныхъ. Но начались возраженія не съ этой записки, а гораздо ранѣе. Еще въ 1862 году, когда только-что пошли слухи о выборахъ благочинныхъ самимъ духовенствомъ, нѣкоторые изъ представителей послѣдняго сочли своимъ долгомъ предостеречь своихъ собратій отъ выборнаго начала,—этого опаснаго „безпаспортнаго, заморскаго выходца“. Передъ нами двѣ статьи такого рода, появившіяся въ 1862 году въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ херсонскихъ [1]) и подольскихъ [2]). Чего опасаются ихъ авторы отъ выборовъ благочинныхъ? Духовенство не сможетъ,—убѣждаютъ они,—единодушно выбрать себѣ благочиннаго, а только перессорится; если же и выберетъ, то скорѣе худшаго благочиннаго, потому что члены духовенства могутъ и будутъ руководствоваться только семинарскимъ знакомствомъ, гдѣ понятія о достоинствахъ и недостаткахъ совершенно превратны, а взаимнаго знакомства по службѣ среди духовенства почти не бываетъ. Выборные благочинные еще больше будутъ брать съ подвѣдомственнаго духо-

---

[1]) „Херс. Еп. Вѣд.“ 1862 г. № 21.

[2]) „Подол. Еп. Вѣд.“ 1862 г. №№ 20 и 21.

венства. Должность благочиннаго не можетъ подлежать выбору и по существу, какъ исполнительная: вѣдь городничіе и засѣдатели выбору не подлежатъ. То ли дѣло, когда благочинные назначаются, по представленіямъ консисторіи, усмотрѣніемъ епархіальныхъ архіереевъ, которые хорошо знаютъ свое духовенство изъ формуляровъ, семинарскихъ экзаменовъ, изъ ревизіи. Но главное зло выборныхъ благочинныхъ въ ихъ зависимости отъ выбравшаго духовенства,—какъ бы такое положеніе дѣла не ослабило вліянія архіереевъ на духовенство. Кромѣ того, хотя прямо и не высказывается, но такъ и сквозитъ между строками этихъ статей главнѣйшее опасеніе, какъ бы члены консисторіи не потеряли своихъ правъ, своего могучаго вліянія на простое духовенство. Да и всѣ возраженія противъ выбора благочинныхъ, равно какъ и противъ другихъ проявленій выборнаго начала въ духовенствѣ, полны такового опасенія. Они часто звучатъ раздраженіемъ уколотаго самолюбія и исходятъ изъ одного источника, отъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, отъ городскаго вліятельнаго духовенства, отъ членовъ консисторіи [1]). Оттого-то статьи такого рода всегда дышатъ предвзятостью, лишены характера свободнаго обсужденія вопроса. Оттого-то сужденія противниковъ выборнаго начала въ духовенствѣ легко разбивались и сводились къ нулю защитниками этого начала.

Совершенно справедливо отвѣчаетъ св. Колосовъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ [2]) защитникамъ назначенія благочинныхъ, что всѣ ихъ опасенія совершенно не основательны, что нынѣ и крестьяне признаны способными къ самоуправленію; что хотя на выборахъ дѣло не обходится безъ преній, но ихъ бояться не нужно; мертвая тишина и глубокая таинственность дѣлопроизводства не мѣшаетъ, а благопріятствуетъ злоупотребленіямъ, — что̀ сознало и наше правительство, вводя, напримѣръ, судебную реформу; а для приведенія преній къ концу есть правило — большинства голосовъ; мнѣніе о духовенствѣ, будто оно выберетъ худшаго,—несправедливо и на опытахъ не основано; для самаго духовенства невыгодно выбирать человѣка негоднаго, слабаго, недѣятельнаго, „не могущаго ни разсуждать, ни пристращать, ни остановить“, — потому что это отзовется на ихъ же интересахъ; по мѣрѣ опытности, ошибки въ выборахъ все будутъ невозможнѣе.

Въ семинаріяхъ образуются даже преданія о лучшихъ ученикахъ,— сужденія о превратности семинарскихъ понятій относительно до-

---

[1]) Статья „Под. Еп. Вѣд.“ написана соборнымъ ключаремъ.

[2]) №№ 3 и 4. О благочинныхъ выборахъ и неудобствахъ, будто бы съ ними сопряженныхъ.

стоинствъ и недостатковъ — явно преувеличены. Духовенство мало знаетъ другъ друга—это правда, но благочинническіе выборы и послужатъ уничтоженію разрозненности. „Первые же выборы заставятъ всѣхъ въ округѣ подумать другъ о другѣ и по возможности другъ друга оцѣнить“. Взятки берутъ назначаемые благочинные, а при выборахъ имъ не будетъ мѣста, потому что взяточникъ долженъ будетъ знать, что въ другой разъ ему уже не позволятъ занять должности. Если сравнивать благочинническую должность, то не съ городничьей или засѣдательской, а лучше съ должностью посредника, судящаго и исполняющаго, или еще лучше и естественнѣе съ должностью настоятеля монастыря, который и управляетъ, и судитъ, и исполняетъ, какъ братъ и въ то же время начальникъ. А настоятелей повелѣно братіи избирать.

Что касается до представленій консисторій, то откуда,—задается справедливымъ вопросомъ авторъ статьи въ „Рук. для Сел. Пастырей“,—городскіе протоіереи возьмутъ вѣрныя свѣдѣнія о священникахъ епархіи? Одинъ изъ авторовъ (подольскій ключарь) предлагаетъ услуги чиновниковъ консисторіи.—Критикъ скромно замѣчаетъ на это, что сей источникъ „не всегда благонадеженъ“ (позднѣе на этотъ пунктъ, не безъ основаній, выражались яснѣе и энергичнѣе). Или познакомятся съ духовенствомъ по дѣламъ? Но въ дѣлахъ бываетъ замѣшана худшая часть духовенства. По дѣламъ, пожалуй, можно еще заключить объ исполнительности благочинныхъ, т. е. о навыкѣ составлять отчеты и аккуратно доставлять ихъ къ сроку.

Представленія консисторіи поступаютъ на усмотрѣніе архіерея,—восклицаютъ защитники назначенія благочинныхъ,—развѣ можно не довѣрять высшему начальству?

Но если ректоръ семинаріи не знаетъ всѣхъ семинаристовъ, то архіерей, побывши на экзаменахъ, или потомъ, ревизуя епархію, гдѣ болѣе тысячи священниковъ, — развѣ можетъ всѣхъ ихъ узнать? Страхи предъ зловредностью вліянія духовенства на выборныхъ благочинныхъ совершенно ложны: „благочинные избираются всѣми и никѣмъ въ отдѣльности“. Духовенство только больше будетъ имѣть довѣрія и уваженія къ человѣку, признанному имъ самимъ наилучшимъ и достойнѣйшимъ изъ среды себя. Благочиннымъ чувство зависти тоже принесетъ пользу: они будутъ знать, что за невнимательность къ нуждамъ духовенства и за неправды — ихъ отставятъ отъ должности.

Не осталась безъ отвѣта и записка митрополита Филарета. Отвѣтъ послѣдовалъ со стороны „одного архипастыря“ въ томъ же 1866 году, но въ печати могъ появиться по весьма понятнымъ причинамъ только двумя годами позже, т. е. въ 1868 году, когда м. Филарета не было

въ живыхъ [1]), безъ упоминанія имени Филарета и съ возраженіями цензора [2]). Здѣсь, собственно, тѣ же мысли, что и въ разсмотрѣнной нами статьѣ „Руков. для с. пастырей“, съ тѣмъ различіемъ, что преосвященный авторъ обращается къ примѣрамъ исторіи — этого нелицепріятнаго судьи во всякомъ спорномъ дѣлѣ. Онъ пользуется статьей „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостей“ [3]) для доказательства, что выборное начало не новизна для православной церкви и не простое подражаніе чужимъ порядкамъ, а исконное достояніе церкви, какъ Апостольской и древней вселенской, такъ и нашей русской до Петра I, о чемъ свидѣтельствуютъ: постановленія Стоглаваго собора о поповскихъ старостахъ и десятскихъ; соборный приговоръ отъ 1595 года; нѣсколько данныхъ отъ 17-го вѣка [4]). На западѣ Россіи выборное начало было развито особенно широко и примѣнялось, какъ къ лицамъ іерархическимъ, такъ и духовно-учебнымъ должностямъ, при томъ съ участіемъ мірянъ; окружные протопопы (наши благочинные) тамъ выбирались до конца 18-го вѣка; порядокъ избранія протопоповъ изложенъ въ актахъ пинской конгрегаціи 1792 г. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1825 году, составлены были правила, узаконявшія выборъ благочинныхъ (митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, который и предположилъ ввести выборъ у себя), но почему-то правила остались неосуществленными [5]).

Говорится въ упомянутыхъ выше древнихъ документахъ также о собраніяхъ духовенства подъ предсѣдательствомъ поповскаго старосты [6]), а въ Западной Россіи подъ предсѣдательствомъ протопопа; говорится и объ общихъ собраніяхъ старостъ и десятскихъ [7]).

То, что лежитъ въ духѣ и основѣ церкви, должно быть возстановлено; теперь для этого наступило благопріятное время и все духовенство желаетъ возстановленія выбора благочинныхъ. Оппонентъ

---

[1]) Въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Дух. Просвѣщ.“ 1868 г. кн. 5,—вмѣстѣ съ Запиской Филарета.

[2]) Профессора Моск. дух. акад. П. С. Казанскаго.

[3]) „Кіевск. Еп. Вѣд.“ 1862 г. № 23.

[4]) Въ документахъ отъ 1646 г. „память отъ поповскаго старосты Шенкурскаго острогу“; 1674: „патріаршій наказъ объ избраніи поповскаго старосты“ и извѣстіе о выборѣ Тихвинскаго поповскаго старосты (въ актахъ археогр. ком., т. V, № 244).

[5]) Цензоръ замѣчаетъ, что выборные благочинные дѣйствительно и были въ Кіевѣ съ 1824 по 1835 годъ, когда отмѣнены по указу Сѵнода.

[6]) Соб. приговоръ объ учрежденіи моск. старостъ поповскихъ: „и колико будетъ старостъ, только и соборовъ . . . . . и тѣ священницы и діаконы, которые въ ихъ соборѣ, всегда сходясь, совѣщаются предъ ними и исправляются въ церковныхъ чинѣхъ и всякихъ духовныхъ дѣлахъ“.

[7]) Приговоръ 1595 года назначаетъ особую избу у Покрова на Рву для общихъ совѣщаній поповскихъ старостъ и десятскихъ московскихъ.

митр. Филарета протестуетъ противъ мнѣнія, что духовенство будетъ выбирать въ благочинные слабыхъ и безхарактерныхъ людей и что интриганы всегда будутъ склонять выборы въ свою пользу,—возможны только частные случаи подобнаго рода, говоритъ онъ,—торжество такихъ благочинныхъ будетъ недолгое: они либо станутъ потворствовать избирателямъ и не угодятъ начальству, и потому будутъ низвергнуты, либо станутъ угождать начальству, сдѣлаются тягостны для подчиненныхъ и не будутъ выбраны въ другой разъ. Есть и орудіе противъ интриги — гласность. Несправедливо и то предположеніе, что выборные благочинные не будутъ имѣть должнаго вліянія и авторитета: и то и другое зависитъ отъ личности; благочинные, облеченные двойнымъ довѣріемъ духовенства и начальства, могутъ дѣйствовать еще съ большимъ авторитетомъ. Правда, что благочинные — есть довѣренное лицо архіерея, но не было ли бы самымъ прекраснымъ явленіемъ такое довѣріе между епархіальнымъ начальствомъ и духовенствомъ, при которомъ лица, избираемыя самимъ духовенствомъ въ качествѣ представителей его нуждъ и интересовъ предъ начальствомъ, могли бы быть вмѣстѣ органами надзора и управленія, достойными и довѣрія начальства. Таковъ общій ходъ мыслей преосвященнаго—защитника выборныхъ благочинныхъ.

Просматривая тогдашніе духовные журналы, не трудно убѣдиться, что большинство—за выборное начало, а не противъ него. Впрочемъ, архіереи вводили его въ своихъ епархіяхъ очень осторожно, до 1863 года (включительно) мы встрѣтили извѣстія о существованіи выбора благочинныхъ только въ епархіяхъ Кіевской, Полтавской и Вятской, въ 1866 году выборные благочинные были въ 7 или 8 епархіяхъ [1]). Но съ теченіемъ времени выборъ благочинныхъ сталъ распространяться быстро по епархіямъ. Голоса, враждебные выбору, умолкаютъ; извѣстія о безпорядкахъ, происходящихъ на выборахъ, нерѣдко появлявшіяся на первыхъ порахъ, все менѣе и менѣе имѣютъ мѣста.

Что касается самаго способа выбора благочинныхъ, то сначала мы встрѣчаемъ проекты открытой подачи голосовъ, съ правами участія въ ней всѣхъ членовъ причта даннаго благочинія, хотя и съ неравными голосами [2]). Но на практикѣ скоро убѣдились, что открытая подача голосовъ неудобна, поэтому въ извѣстіяхъ о выборахъ благочинныхъ мы постоянно читаемъ о закрытой баллотировкѣ. А относительно участія членовъ причта въ выборахъ опредѣленнаго порядка не было; въ большинствѣ случаевъ, кажется, участвовали

---

[1]) „Чтенія въ Моск. Общ. Д. Пр.“ 5 кн. „О выб. началѣ въ прилож. къ благоч., 1 стр.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1862 г. сент. „О выб. благоч. причтами“, прот. І. Поспѣлова.

одни священники. Время служенія выборныхъ благочинныхъ три—четыре года.

Стали появляться въ нашей печати извѣстія объ учрежденіяхъ, возникающихъ около выборныхъ благочинныхъ: 1) о благочинническихъ совѣтахъ, состоящихъ, кромѣ благочиннаго, изъ его помощника и одного или нѣсколькихъ священниковъ, также избираемыхъ изъ среды окружнаго духовенства; 2) о благочинническихъ съѣздахъ,—собраніяхъ священниковъ извѣстнаго благочинническаго округа, подъ предсѣдательствомъ благочиннаго, для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ общій пастырскій интересъ. Низшіе члены причта печатно предъявляли свои права и на участіе въ совѣтахъ [1]), но подобной практики мы не встрѣчаемъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ дьяконы и псаломщики участвовали въ благочинническихъ съѣздахъ. Но и здѣсь они терпѣлись неохотно, такъ какъ часто, вслѣдствіе низкаго уровня развитія, не могли принимать дѣятельнаго участія въ обсужденіи дѣлъ и присутствовали только „для мебели“ [2]).

Нѣкоторые преосвященные сами поощряли введеніе такихъ учрежденій. Такъ, въ 1866 году кіевскій митрополитъ Арсеній сдѣлалъ запросъ своей епархіи: „Не признаетъ ли духовенство нужнымъ, для рѣшенія мелкихъ дѣлъ, учрежденіе совѣтовъ изъ трехъ лицъ: благочиннаго, его помощника и выборнаго священника, съ условіемъ принятія безаппелляціонно ихъ рѣшенія?“ Духовенство приняло это учрежденіе съ полною готовностью. Въ томъ же году Нектарій, еп. нижегородскій, по ходатайству одного благочиннаго, разрѣшилъ въ своей епархіи благочинническіе съѣзды съ тѣмъ только, чтобы при такихъ собраніяхъ не происходило никакихъ затрудненій въ приходахъ по отправленію богослуженія и требъ и чтобы съѣзды имѣли характеръ не судебнаго или административнаго учрежденія, а братскаго совѣщанія и вспомоществованія другъ другу совѣтомъ, утѣшеніемъ и увѣщаніемъ, и чтобы о каждомъ съѣздѣ было доносимо начальству [3]). Въ Минской епархіи возобновленъ издавна существовавшій обычай сопоставлять „соборики“, на которыхъ благочинный объявлялъ распоряженія еп. начальства, разсматривалъ документы подвѣдомственныхъ церквей, требовалъ у священниковъ отчета о занятіяхъ по приходу; за упущенія дѣлалъ гласный выговоръ. О занятіяхъ доносилось архіерею. Высшая духовная власть не издавала какого-либо прямаго закона относительно выборныхъ благочинныхъ, совѣтовъ и съѣздовъ, но въ отчетахъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода мы находимъ

[1]) „Прав. Обозр.“ 1863 г. янв. „О словесномъ судопроизводствѣ на благ. собр.“.

[2]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1877 г. № 84. Съѣзды дух-ва Донской епарх.

[3]) „Прав. Обозр.“ 1866 г. октябрь, замѣтки, стр. 101—102.

очень сочувственные отзывы по поводу такого рода проявленія выборнаго начала. Такъ, относительно выборныхъ благочинныхъ об.-прокуроръ не разъ свидѣтельствовалъ, что преосвященные, которымъ принадлежитъ утвержденіе выборныхъ благочинныхъ, ничего не теряли изъ своей власти, а своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга избраніемъ на благочинническое служеніе лицъ, вполнѣ достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣренныхъ имъ интересахъ церквей и причтовъ [1]); что духовенство, „видя въ этомъ правѣ доказательство довѣрія къ нему со стороны еп. власти, всемѣрно старается оправдать оное и показать себя его достойнымъ и потому выбираетъ дѣйствительно лицъ достойныхъ. Выборные благочинные, стоя ближе къ избравшему ихъ духовенству и относясь къ нему съ большею искренностью, оказываются и лучшими дѣятелями на пользу церковно-приходскаго благоустройства, чѣмъ назначаемые [2]). Такого же сочувственнаго характерера и отзывы об.-прокурора о благочинническихъ совѣтахъ, которые къ 70-мъ годамъ уже вошли въ практику въ очень многихъ епархіяхъ, хотя, какъ учрежденія съ дѣятельностью, опредѣленною закономъ, и не имѣли вездѣ одинаковаго устройства и точно очерченнаго круга дѣлъ. Совѣты, по донесеніямъ преосвященныхъ, представляются очень важною подмогой консисторіи, избавляя ее отъ массы мелкихъ дѣлъ. Примѣненіе къ нимъ выборнаго начала дѣлаетъ ихъ учрежденіями, съ одной стороны, пользующимися довѣріемъ духовенства, съ другой,— имѣющими въ самихъ себѣ всѣ условія къ безпристрастному, добросовѣстному дѣйствованію въ предначертанномъ кругѣ. Они содѣйствуютъ благочиннымъ въ исполненіи ихъ обязанностей, занимаются разбирательствомъ столкновеній, возникающихъ, какъ между членами причта, такъ и между послѣдними и прихожанами, и рѣшаютъ ихъ словесно. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ подвергаютъ виновныхъ выговорамъ и денежнымъ взысканіямъ, а достойныхъ священниковъ рекомендуютъ епархіальному начальству [3]). Вообще, рекомендація для выборныхъ благочинныхъ и благочинническихъ совѣтовъ была самая лестная: такого же характера и отзывы о благочинническихъ съѣздахъ.

Наша духовная печать, по преимуществу вѣдавшая интересы духовенства, не ограничивала приложеніе выборнаго начала только избраніемъ благочинныхъ и возникавшими при нихъ совѣтами. И, конечно, печать въ данномъ случаѣ служила отраженіемъ мнѣній самого духовенства. Еще въ 1862 году „Духовный Вѣстникъ“ заго-

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Сунода за 1866 годъ.
[2]) Отчеты оберъ-прокурора за 1870 и 1872 годы.
[3]) Всеподд. отчетъ за 1868, 1870 и 1872 годы.

ворилъ о необходимости избранія членовъ консисторіи и, какъ pia desideria, высказывалъ мысль объ избраніи ректоровъ семинаріи [1]). Въ запискѣ митр. Филарета выборное начало въ приложеніи къ членамъ консисторіи, духовнаго правленія, къ депутатамъ въ административныя и судебныя мѣста представляется болѣе нормальнымъ, чѣмъ къ благочинному. Но духовныя правленія въ то время уже доживали послѣдніе дни. Противъ выборныхъ членовъ консисторіи явились тѣ доводы, что въ такомъ случаѣ число членовъ увеличилось бы до значительной цифры, по количеству уѣздовъ епархіи; члены, выбранные изъ уѣздовъ, оторваны были бы отъ своихъ приходовъ на продолжительный срокъ прохожденія своей должности; а кромѣ того, частая перемѣна членовъ, мѣшающая возможности ознакомиться хорошо съ дѣломъ, вліяла бы на дѣлопроизводство консисторіи очень вредно. Къ семидесятымъ годамъ выборный порядокъ примѣнялся къ должностямъ депутатовъ, представителей духовенства въ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, духовныхъ слѣдователей и духовниковъ.

Но всего лучше привилось и принесло наибольшую пользу духовенству и его интересамъ выборное начало, выразившееся въ епархіальныхъ съѣздахъ. Развитію этихъ съѣздовъ благопріятствовало больше всего то обстоятельство, что сама высшая духовная власть поручила имъ попеченіе надъ духовно-учебными заведеніями. Такого рода кровные для духовенства интересы обезпечили настолько широкое развитіе съѣздовъ и вызвали духовенство на такую энергичную дѣятельность, что нѣкоторые органы свѣтской печати серьезно стали опасаться развитія клерикализма въ Россіи... Но изложимъ дѣло по порядку.

III.

Когда въ 1863 году было составлено „особое присутствіе для изысканія способовъ къ обезпеченію быта духовенства“, печатью, какъ свѣтскою, такъ и духовною, было высказано единодушное желаніе, чтобы при обсужденіи вопроса были выслушаны голоса заинтересованнаго въ немъ духовенства. Такъ, въ газ. „День“ нѣкто И. Б—въ успѣхъ разрѣшенія поднятаго вопроса ставитъ прямо въ зависимость отъ способовъ, какими будетъ вестись дѣло: можно почерпнуть свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ вѣдомостей Сѵнодской канцеляріи, можно

---

[1]) „Дух. В.“ 1862 г. Лѣт. листокъ, іюнь, 269 стр.

потребовать особыхъ свѣдѣній отъ епарх. начальствъ чрезъ консисторію;—свѣдѣнія будутъ получены очень скоро. Но есть третій способъ веденія дѣла, не ручающійся за быстроту, затруднительный, довольно сложный, но за то едва-ли не единственный, могущій ручаться за вѣрность и достаточность собранныхъ свѣдѣній,—это вызовъ въ Петербургъ выборныхъ отъ приходскаго духовенства, по два священника или дьякона изъ каждой епархіи, одного изъ городскихъ, а другаго изъ сельскихъ, съ тѣмъ, чтобы выборные эти были назначены не епарх. начальствомъ, а избраны самимъ приходскихъ духовенствомъ. „Православное Обозр.“, приводя цѣликомъ эту статью, вполнѣ соглашается съ ней [1]). Добавляя, что для того, чтобы духовенство могло подать свой голосъ, для него необходимы предварительныя и довольно долгія совѣщанія, необходимо учрежденіе епарх. комитетовъ. Эти комитеты, какъ мы знаемъ, и были дѣйствительно составлены.

Кромѣ собственнаго обезпеченія у доховенства была еще большая нужда, для устраненія которой тоже необходимы были общія совѣщанія. Еще съ 50-хъ годовъ у духовенства появилась важная забота: возникъ вопросъ о переустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній. Неудовлетворительность духовной школы къ 60-мъ годамъ вошла въ пословицу; общество познакомилось съ „бурсой“ во всей ея наготѣ по очеркамъ Помяловскаго. Раздались голоса, негодовавшіе въ обществѣ и въ свѣтской печати противъ существующаго въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ порядка дѣлъ. Въ духовныхъ журналахъ мы находимъ массу статей, трактующихъ о томъ, какъ помочь горю, сообщающихъ о средствахъ, къ какимъ прибѣгаютъ въ различныхъ епархіяхъ для увеличенія средствъ на лучшее устройство семинарій и училищъ. Правительство прислушивалось къ этимъ голосамъ печати и само поощряло свободное обсужденіе вопроса.

Въ 1860 году былъ составленъ при св. Сѵнодѣ, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для обсужденія отзывовъ,—доставленныхъ по приглашенію оберъ-прокурора св. Сѵнода начальствующими духовно-учебныхъ заведеній еще въ 50-хъ годахъ, о важнѣйшихъ недостаткахъ этихъ заведеній,—и для „изысканія мѣръ къ улучшенію быта духовно-учебныхъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ“. Продолживши свои занятія до 1862 года, комитетъ составилъ проектъ устава епархіальныхъ семинарій, по которому семинаріи и училища должны были соединиться, и изложилъ свои соображенія относительно общаго управленія дух.-учебными заведеніями. Постановленія комитета разосланы были по преосвященнымъ съ предложеніемъ для обсужденія

[1]) „Прав. Обозрѣніе“, 1863 г. янв. Замѣтки.

ихъ учредить епархіальные комитеты изъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и образованнѣйшаго духовенства [1]). Въ 1866 году отзывы комитетовъ, архіереевъ и мнѣнія печати были сведены вмѣстѣ и изъ нихъ составленъ и напечатанъ краткій общій сводъ. Проектъ оказался неудовлетворительнымъ, поэтому въ апрѣлѣ 1866 года открылся новый комитетъ [2]) и его постановленія были утверждены, какъ новый уставъ дух. семинарій и училищъ 14 мая 1867 года. Въ это продолжительное время, когда обсуждался вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, духовенство не бездѣйствовало. Если оно и могло надѣяться, что его высшее начальство позаботится о постановкѣ собственно учебнаго дѣла, то средства для матеріальнаго обезпеченія учебныхъ заведеній оно должно было изыскивать само. И вотъ во многихъ епархіяхъ собираются съѣзды благочинныхъ, на которыхъ идутъ жаркія разсужденія относительно изысканія средствъ для семинарій и училищъ. Первыми учредителями подобныхъ съѣздовъ были епископы: Михаилъ минскій, Антонинъ смоленскій и Нектарій харьковскій.

Иногда здѣсь разрѣшаются и другіе вопросы, важность которыхъ сознается всѣмъ духовенствомъ: такъ, въ 1866 году въ Тамбовѣ на собраніи благочинныхъ, приглашенныхъ архіереемъ для обсужденія вопроса о денежныхъ средствахъ для учебныхъ заведеній, заявлена мысль положить основаніе капиталу въ пользу престарѣлыхъ, больныхъ и заштатныхъ лицъ дух. званія; въ Каменецъ-Подольскѣ разсуждали объ отношеніяхъ къ прихожанамъ, о церковныхъ библіотекахъ, приходскихъ школахъ, объ образованіи бѣдныхъ духовныхъ дѣвицъ и т. п. [3]).

Не пришлось духовенству быть только простымъ безучастнымъ наблюдателемъ въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей и послѣ.

Правда, съ 1866 года высочайше повелѣно было выдавать изъ государственнаго казначейства по полтора милліона въ годъ на усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній, но нужды духовенства въ этомъ отношенія были велики. Приходилось открывать въ духовныхъ школахъ параллельные классы; затѣмъ, соотвѣтственно духу времени, стало необходимостью и для сельскихъ священниковъ давать образованіе дѣвочкамъ. На все это нужно было приготовить средства; обо всемъ нужно было подумать и разсудить сообща.

---

[1]) Въ то же время работы комитета сообщены были попечителямъ учебныхъ округовъ Министерства Народн. Просв., извѣстнымъ ученымъ и литераторамъ.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1867 г. О дѣйствіи Комитета, Высоч. утвержд. для преобразов. дух.-уч. зав., февраль, стр. 365.

[3]) Отчетъ Об.-Прокурора за 1866 г.

Самый новый духовно-учебный уставъ предоставилъ духовенству принимать дѣятельнѣйшее участіе въ учебномъ дѣлѣ. Уставъ временные съѣзды духовенства для разсужденій объ улучшеніи содержанія училищъ и семинарій обратилъ въ постоянные и указалъ новую область приложенія выборнаго начала среди духовенства. Согласно этому уставу, духовенство училищнаго округа однажды или дважды въ годъ устраиваетъ съѣзды изъ священно-служителей, избираемыхъ для сего по одному отъ десяти причтовъ. Избранные депутаты являлись полномочными представителями духовенства и имъ даны были нѣкоторыя права не только по экономической части, но и по учебно-воспитательной: посредствомъ закрытой баллотировки они избирали кандидатовъ на должность училищнаго смотрителя и членовъ училищнаго правленія изъ мѣстнаго духовенства на 4 года.

Члены могли во всякое время слѣдить за преподаваніемъ въ училищахъ; присутствовали на экзаменахъ, разсматривали дѣла о пріемѣ, успѣхахъ и переводѣ учениковъ. Кромѣ того, выборные депутаты со всей епархіи должны собираться на подобные же съѣзды въ епархіальный городъ. Они избирали трехъ членовъ въ правленіе семинаріи (члены участвовали въ выборахъ ректора и инспектора и во всѣхъ засѣданіяхъ семинарскаго правленія) [1]) и вѣдали экономическую сторону семинарій.

Духовенство горячо принялось за осуществленіе дарованныхъ ему правъ, въ особенности на епархіальныхъ съѣздахъ, гдѣ оно являлось въ лицѣ своихъ депутатовъ in corpore. Въ 1868 году появились уже подробные отчеты о такого рода съѣздахъ. Примѣръ подали съѣзды Петербургскаго духовенства; первый съѣздъ здѣсь былъ въ мѣсяцахъ маѣ—іюнѣ; депутаты были выбраны по одному отъ благочинія; въ сентябрѣ состоялся уже другой съѣздъ съ депутатами, избранными по одному отъ десяти причтовъ, согласно уставу. Свѣтская и духовная печать съ удовольствіемъ отмѣчала, что на этомъ второмъ съѣздѣ въ преніяхъ депутатовъ были свобода и непринужденность. Каждый депутатъ старался выслушать мнѣніе другого; столичные депутаты мѣнялись мыслями съ сельскими, а сельскіе съ столичными; участіе въ обсужденіи вопросовъ было общее [2]). Стали попадаться въ органахъ печати извѣстія о съѣздахъ въ другихъ епархіяхъ и объ ихъ энергичной дѣятельности какъ на пользу духовно-учебныхъ заведеній, такъ и для удовлетворенія другихъ вопіющихъ нуждъ.

---

[1]) Впослѣдствіи въ печати выражалось желаніе, чтобы духовенство имѣло одинаковое съ наставниками вліяніе на избраніе ректоровъ семинаріи,—чтобы число избирателей было равное, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. „Ц.-О. Вѣст.“ 1876 г. „Замѣтки о необх. измѣн. въ уст. дух. сем. и уч.“.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1868 г. октябрь, Совр. Обозр., 39 стр.

Тамъ рѣшатъ купить новое зданіе для училища, для общежитія; тутъ откроютъ на свои средства епархіальное училище для дѣвочекъ; заводятъ свои епархіальные свѣчные заводы, дающіе большіе доходы для епархіальныхъ нуждъ; здѣсь полагаютъ начало эмеритальной кассѣ, пенсіонному капиталу, взаимному страховому обществу и т. д. Какъ осязательны были результаты епархіальныхъ съѣздовъ, особенно въ богатыхъ епархіяхъ, это видно, напр., изъ дѣятельности ихъ въ Саратовѣ. За время съѣздовъ до 1881 года духовенство Саратовской епархіи собрало капиталъ въ 250 тысячъ для вспоможенія заштатнымъ и сиротствующимъ. „И это въ 12 лѣтъ, безъ всякихъ предписаній и прещеній, а такъ, вольной волей, по братскому единодушію, тогда какъ въ предыдущія сорокъ лѣтъ помощью приглашеній, приказаній, штрафовъ, архипастырскихъ посланій и пр. едва успѣли собрать въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія 35 тысячъ рублей“,—справедливо восторгается корреспондентъ, сообщая объ этомъ въ „Церковно-Общ. Вѣстникъ“. Для духовныхъ училищъ построены прекрасныя общежитія; епархіальное женское училище, содержимое изъ прибылей свѣчнаго завода. Затѣмъ открыто общество взаимнаго страхованія и положено начало студенческому капиталу для пособія нуждающимся дѣтямъ духовенства, учащимся во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Обсуждались на съѣздахъ и другіе вопросы, чуждые экономическаго характера: о церковномъ проповѣдничествѣ, о лучшей постановкѣ законоучительства въ сельскихъ школахъ, о продажѣ при церквахъ книжекъ и иконъ [2]), объ установленіи выбора благочинныхъ [3]) и другихъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ церковно-приходской практикѣ.

Конечно, не всегда на съѣздахъ дѣла шли гладко; иногда предсѣдатель, польщенный новой ролью, держалъ себя слишкомъ властно [4]), иногда начальство учебныхъ заведеній прямо третировало депутатовъ съѣздовъ, дозволяя по отношенію къ нимъ неумѣстныя начальническія выходки; депутатамъ предлагались, напр., готовые протоколы для подписи [5]). Высшая духовная власть, давшая сначала широкія права епархіальнымъ и особенно окружнымъ съѣздамъ, потомъ начала ихъ урѣзывать: такъ, указомъ Св. Сѵнода отъ 1871 г. предоставлено съѣздамъ вѣдать исключительно только экономическую сто-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 52, О съѣздахъ духовенства. Изъ Саратовской епархіи.

[2]) Напр. въ Харьковѣ,—„Ц.-О. В.“ 1880 г. № 42. Епарх. отголоски.

[3]) Такъ было на Тверскомъ епарх. съѣздѣ въ 1877 г. „Ц.-О. В.“ 1877 г. № 17—Корреспонденція изъ Твери.

[4]) „Ц.-О. В.“ 1876 г. № 101. Наши епарх. дѣла.

[5]) „Ц.-О. В.“ 1876 г. № 14. Корреспонд. изъ Симбирска.

*

рону училищъ, а педагогической и учебной дѣятельности не касаться. Смотрителей Сѵнодъ сталъ посылать тоже своихъ. Ограниченіе дѣятельности съѣздовъ вызвано было частыми столкновеніями съѣздовъ съ училищнымъ начальствомъ и епархіальными властями. Послѣдняго рода столкновенія происходили особенно часто. Страницы тогдашнихъ газетъ, интересовавшихся выборнымъ началомъ среди духовенства, были переполнены извѣстіями о такихъ фактахъ. Иногда съѣзды дѣлали постановленія въ ущербъ и противъ желанія архіереевъ и консисторіи; а еще чаще сама епархіальная власть, не привыкшая ни къ какимъ ограниченіямъ, весьма несочувственно относилась къ дѣятельности съѣздовъ, къ ихъ постановленіямъ и безцеремонно удаляла не нравящихся ей депутатовъ [1]), а послѣдніе не молчали и обращались къ печати. Столкновеніе интересовъ между выборными представителями духовенства на съѣздахъ и епархіальными властями тѣмъ болѣе болѣзненнымъ образомъ дѣйствовало на тѣхъ и другихъ, что съѣзды облечены были закономъ извѣстною долей самостоятельности. Другое дѣло—выборные благочинные, съ ними можно было не церемониться. Выборъ ихъ, введенный однимъ архіереемъ, могъ быть свободно отмѣненъ другимъ. Такъ и бывало [2]). Другіе изъ архіереевъ, если не совершенно отмѣняли выборныхъ благочинныхъ, то вводили такой порядокъ, что самодѣятельность духовенства въ этомъ отношеніи равнялась нулю [3]). Естественно, что это возбуждало неудовольствіе въ духовенствѣ, уже привыкавшемъ къ выборному началу, и заставляло браться за перо защитниковъ интересовъ духовенства и выборнаго начала. Однимъ изъ видныхъ защитниковъ послѣдняго является въ 70-хъ годахъ св. М. Морошкинъ. Его замѣтки относительно выборнаго начала мы встрѣчаемъ, впрочемъ, уже и въ въ 60-хъ годахъ [4]). Въ 1870 году онъ издалъ брошюру: „Выборное начало въ духовенствѣ“, гдѣ доказывалъ его легальность и отстаивалъ его необходимость. Брошюра произвела большое впечатлѣніе въ печати [5]).

Въ 70-хъ годахъ поднялся вопросъ объ отношеніяхъ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, — подъ послѣднимъ обыкновенно

---

[1]) См. напр. „Ц.-О. Вѣст.“ 1876 г. Наши епарх. дѣла, „Ц.-О. В.“ 1881 г. № 88, Епарх. самоуправленіе. Особенно много яркихъ фактовъ незаконнаго вмѣшательства епарх. власти въ дѣла съѣздовъ приводится у Беллюстина въ „Бесѣдѣ“ 1871 г. мартъ.

[2]) Факты въ той же статьѣ Беллюстина въ „Бесѣдѣ“ 1871 г.

[3]) Такъ, въ 1877 году саратовскій архіерей позволилъ избирать 5 кандидатовъ, изъ которыхъ одного и выбиралъ самъ, по представленію консисторіи. „Ц.-О. Вѣст.“ 1877 г. № 17.

[4]) Напр. „Прав. Обозр.“ 1863 г., декабрь, замѣтка: „Документъ, относящійся къ выборн. началу среди духовенства“.

[5]) Содержанія ея коснемся ниже.

разумѣлись архіереи. Попытки ввести духовно-судебную реформу и ихъ исходъ обострили этотъ вопросъ до высшей степени.

Первый комитетъ для разсмотрѣнія реформы, учрежденный 12 января и открытый 30 апрѣля 1870 года, былъ встрѣченъ радостнымъ, единодушнымъ хоромъ большинства духовной и всей свѣтской печати. Ждали, что при примѣненіи къ духовному суду основныхъ началъ гражданской судебной реформы 20 ноября 1864 года, духовенство получитъ судъ правый и нелицепріятный, не зависящій отъ произвола епархіальной власти и гласный. „Необходимо, чтобы положеніе духовенства было упрочено, чтобы оно всегда опиралось на законъ и ни въ какомъ случаѣ не зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія кого бы то ни было“ [1]),—вотъ общее желаніе тогдашней печати. Выборное начало по проектамъ комитетскимъ должно было имѣть широкое приложеніе при введеніи духовно-судебной реформы: всѣ священно- и церковно-служители духовно-суднаго участка должны избирать себѣ духовныхъ судей и кандидатовъ къ нимъ (судьи по проекту,—первая инстанція духовнаго суда); члены епархіальныхъ судовъ (второй инстанціи) вмѣстѣ съ кандидатами къ нимъ должны быть избираемы депутатами отъ епархіальнаго духовенства [2]). Архіерею должно принадлежать только право утвержденія. Но, какъ извѣстно [3]), этой реформѣ не суждено было осуществиться. Главнымъ камнемъ преткновенія оказалось составляющее ея сущность—отдѣленіе въ церкви судебной власти отъ административной; реформа имѣла цѣлью—изъятіе права суда изъ рукъ епископа. Но какъ легко было раздѣлить эти двѣ функціи власти въ гражданскомъ судѣ, настолько же оказалось труднымъ сдѣлать это въ области духовно-судебной. На этомъ основномъ пунктѣ церковно-судебная реформа встрѣтилась съ церковными законами, по которымъ искони въ епархіальномъ управленіи епископу принадлежали обѣ власти—онъ былъ и судьей, и администраторомъ подвѣдомственнаго духовенства. Главнымъ защитникомъ существующаго въ нашей церкви порядка вещей въ отношеніи судопроизводства и противникомъ предполагавшейся реформы былъ профессоръ Московской духовной академіи, канонистъ А. Ф. Лавровъ (впослѣдствіи Алексѣй, архіепископъ литовск. и виленск.); сильнымъ по эрудиціи противникомъ Лаврова выступилъ проф. Моск. университета Н. К. Соколовъ, видѣвшій главное основаніе для возможности введенія духовно-судебной реформы въ практику въ томъ,

---

[1]) „Христіанское Чтеніе“, 1871 г., ч. II, стр. 103. Соврем. обозрѣніе.

[2]) Члены послѣдней инстанціи—Суднаго отдѣленія Св. Сунода, по проекту, назначаются Высоч. властью.

[3]) Подробнѣе касаться этого интереснаго вопроса не позволяютъ рамки статьи.

что правила, касающіяся внѣшняго устройства и управленія церкви, могутъ быть и были измѣняемы по требованію историческихъ обстоятельствъ жизни церкви [1]). Изданное Елагинымъ сочиненіе А. Ф. Лаврова, „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ (въ двухъ книгахъ 1872—73 гг.), посвященное всесторонней критикѣ какъ комитетскихъ проектовъ, такъ и мнѣній Соколова, Барсова и журнальныхъ статей, защищающихъ реформу, и представляющее обширное толкованіе мѣстъ Св. Писанія, изложеніе ученія св. отцовъ, каноновъ и практики церкви относительно церковнаго суда,—это сочиненіе имѣло рѣшающее значеніе. Реформа была оставлена. Справедливость требуетъ сказать, что большинство печати было на сторонѣ реформы. Рѣшительными и главными противниками предполагавшейся реформы явились епархіальные архіереи. „Голосъ“ въ 1876 году жалуется, что на разосланный еще въ 1873 году проектъ духовно-судебной реформы въ теченіе всего 1875 года не поступило въ Св. Сунодъ ни одного отзыва ни отъ епархіальныхъ архіереевъ, ни отъ духовныхъ консисторій. Чѣмъ другимъ, замѣчаетъ „Голосъ“, какъ не особымъ обаяніемъ внѣшней власти удобнѣе объяснить поднятую противъ реформы оппозицію, въ которой, видимо, идеальныя духовно-нравственныя преимущества епископскаго сана приносятся въ жертву матеріальному положенію и правамъ епархіальнаго начальства [2]). „Правосл. Обозрѣніе“, „Христіанское Чтеніе“, „Биржевыя и С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ съ одинаковымъ сочувствіемъ относились къ духовно-судебной реформѣ. „Реформа эта, писалось въ „Ц.-О. Вѣстникѣ“, нужна нашему духовенству, какъ насущный хлѣбъ; дряхлые порядки церковнаго суда только вслѣдствіе искусственныхъ мѣръ стоятъ и дѣйствуютъ посреди духовнаго сословія; разваливаясь сами, они могутъ со временемъ увлечь въ своемъ паденіи и тѣ начала, на которыхъ зиждется пастырская дѣятельность духовенства [3]). Неуспѣхъ реформы журналъ приписываетъ главнымъ образомъ книгѣ: „Предполагаемая реформа церковнаго суда“; „книга эта произвела рѣшительное дѣйствіе на благое намѣреніе церковнаго правительства выполнить высочайшую волю... Духовно-судебная реформа затормозилась и духовенство по-прежнему осталось въ безконтрольномъ распоряженіи еп. властей и консисторскихъ секретарей, столоначальниковъ, писцовъ и сторожей“ [4]).

Очень понятно, какъ сильно должна была повліять на духовен-

---

[1]) Статьи Лаврова помѣщались въ Прибавл. къ Тв. Св. Отцевъ, Соколова—въ „Прав. Обозр.“

[2]) Цитируемъ по „Ц.-О. Вѣстнику“ 1876 г. № 37. Обозрѣніе печати.

[3]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1876 г. № 35 (передовая).

[4]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1881 г., № 11, стр. 2-я.

ство неудача этой реформы, бывшей, повидимому, такъ близко къ осуществленію. Открытый и молчаливый протестъ архіереевъ естественно возстановлялъ противъ нихъ духовенство и ревнителей его интересовъ. Яркое выраженіе неудовольствія противъ епархіальныхъ властей, накопившагося къ семидесятымъ годамъ и возросшаго въ началѣ ихъ до максимума своего напряженія, мы находимъ въ статьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ остраго и ѣдкаго пера либеральнаго публициста-священника Беллюстина и въ замѣткахъ Ростиславова.

Въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ свѣтскомъ журналѣ „Бесѣда“ [1]) за 1871—72 года: „Что сдѣлано“ и „Что дѣлается по вопросу о духовенствѣ“, Беллюстинъ рисуетъ яркими красками бѣдственное, безправное положеніе бѣлаго духовенства. Всѣ мѣры для улучшенія его быта только скользятъ по поверхности дѣла, не задѣвая его сути. Духовенство все еще остается жалкою кастой требоисправителей, давимыхъ своимъ начальствомъ и раболѣпствующихъ предъ нимъ. Приводя многочисленные и дѣйствительно поразительные примѣры, Беллюстинъ приходитъ къ мысли, что право выборнаго начала среди духовенства—только громкое слово, не имѣющее оправданія въ дѣйствительности.

„Право подъ давленіемъ безграничнаго деспотизма: какая злая насмѣшка надъ безправіемъ этой среды. И какъ дорого поплатились тѣ, которые приняли это кажущееся право за нѣчто существенное и на самомъ дѣлѣ имъ дарованное“. Консисторія самымъ циничнымъ образомъ властвуетъ надъ духовенствомъ. Пастырство „доселѣ не можетъ избавиться (повсемѣстно) отъ этой злѣйшей своей язвы, что зовется благочинными, назначаемыми отъ консисторіи съ утвержденіемъ епархіальной властью; доселѣ не можетъ добиться законнаго права—избирать себѣ свободно хоть этихъ меньшихъ чиновъ своей администраціи“. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вводятся выборные благочинные, „но развѣ тутъ право, на законъ опирающееся и имъ охраняемое?“ Нисколько; все тотъ же произволъ, который вводитъ то или другое, а завтра однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ введенное [2]). Число архіереевъ увеличивается викарными, но жизнь паствы не улучшается. Архіереи непосредственно своихъ паствъ не знаютъ, и приходится судить о духовенствѣ чрезъ шпіонство и по лакейскому пресмыкательству; они заботятся только о византійской помпѣ, о пышности служенія. Не излюбленные и не избранные паствами, они чужды ихъ внутренней жизни и чаще всего преслѣдуютъ личныя цѣли“ [3]). Не ждетъ ничего добраго Беллюстинъ ни отъ сокращенія

[1]) Толстый журналъ, издававшійся Юрьевымъ.

[2]) „Бесѣда“ 1871 г. мартъ. „Что сдѣлано по вопросу о духовенствѣ“.

[3]) „Бесѣда“ 1871 г., кн. 11.

причтовъ, ни отъ судебной реформы, ни отъ другихъ мѣръ [1]). Деспотическій произволъ начальства и внутреннее безотрадное состояніе духовенства, — вотъ преграда всякимъ улучшеніямъ. Семинаристы бѣгутъ изъ духовнаго званія, простой народъ идетъ въ расколъ; высшее общество заражается невѣріемъ и сектантствомъ—таковы безотрадныя, но необходимыя слѣдствія описаннаго порядка вещей. Вообще грустныя картины рисуетъ Беллюстинъ.

Д. И. Ростиславовъ, бывшій профессоръ Петербургской духовной академіи, прекрасно изучившій состояніе нашихъ монастырей и хорошо знавшій консисторскіе, духовно-училищные и иные порядки разныхъ сторонъ жизни духовенства, также непрестанно указывалъ обществу на всю ненормальность этихъ порядковъ, горячо заступался за бѣлое духовенство и отстаивалъ его права въ своихъ многочисленыхъ статьяхъ [2]). Вотъ, напримѣръ, мысли его статьи: „О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ“ [3]). Всѣми и давно сознается, что взаимныя отношенія между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ ненормальны: они чужды единенія, тяжелы, унизительны для подчиненныхъ и не дѣлаютъ чести начальствующимъ; здѣсь есть что-то похожее на крѣпостное право. Говорить объ этомъ у насъ стали только съ 60-хъ годовъ. Перемѣны и теперь произошли только въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, взаимныя же отношенія между епархіальными властями и подчиненными имъ лицами и теперь не измѣнились въ законодательномъ порядкѣ. Выборное начало среди духовенства непрочно, ненадежно, случайно, касается второстепенныхъ пунктовъ. Постановленія съѣздовъ подлежатъ безконтрольному произволу властей. Оказывается, что выборнымъ началомъ пользуются всѣ классы и сословія общества: и дворяне, и купечество, и мѣщанство, и крестьяне, только не обезпечено оно за духовенствомъ. Также несчастливо духовенство и въ судебномъ отношеніи. Оно и здѣсь не пользуется правами и преимуществами гласнаго и обезпеченнаго отъ пристрастія суда, которымъ пользуются всѣ русскіе подданные.

Такимъ образомъ, ропотъ противъ деспотизма епархіальныхъ властей и требованія самоуправленія для духовенства — все болѣе и болѣе росли къ восьмидесятымъ годамъ. Такое положеніе дѣла не могло не пугать радѣтелей интересовъ епархіальной власти; естественно

---

[1]) Тоже 1872 г., кн. 2. „Что дѣлается по вопросу о духовенствѣ“.

[2]) „О бѣломъ и черномъ духовенствѣ“, „Судебная реформа и церковные каноны“. („Ц.-О. Вѣст.“ 1874 г.), „Духовныя семинаріи и училища“, „Епископы и пресвитеры“ (1875 г.), „О необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ уставѣ дух. сем. и училищъ“, „О попечительствѣ надъ дух. уч. заведеніями“ (1876 г.).

[3]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1877 годъ.

было ждать съ этой стороны оппозиціи подобнымъ стремленіямъ духовенства. Такого рода оппозицію мы и встрѣчаемъ въ вышедшей въ 1881 году книжкѣ, изданной Елагинымъ: „Бѣлое духовенство и его интересы". Авторъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ ополчается какъ на бѣлое духовенство, рисуя его въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ, такъ и на защитниковъ его правъ: Беллюстина, Ростиславова, Морошкина, „Ц. О. Вѣстникъ", не скупясь на краски для ихъ нравственныхъ характеристикъ. „Въ основѣ всѣхъ жалобъ и требованій духовенства, по взгляду автора книги, лежитъ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, недовольство властью и желаніе освободиться отъ нея, хотя бы это было соединено съ потрясеніемъ церковныхъ и государственныхъ началъ" [1]). Требуя себѣ правъ, духовенство попало на удочку шестидесятниковъ-крѣпостниковъ и нарождающихся нигилистовъ, которые, испугавшись вліянія духовенства на народъ, стремились посредствомъ печати поселить въ немъ внутреннюю междоусобицу, оторвать отъ вліянія архіереевъ и вооружить противъ правительства. Авторъ негодуетъ на недовѣріе къ консисторіямъ и къ архіереямъ, выразившееся въ томъ, что, при обсужденіи вопроса объ улучшеніи быта духовенства, требовали отзывовъ и свѣдѣній помимо консисторіи и просили архіереевъ доставлять мнѣнія самого духовенства [2]). Онъ предлагаетъ свой проектъ переустройства церковной жизни,—основной характеръ котораго всецѣло вліяніе церкви на всѣ стороны государственной жизни.

Эта книга вызвала большую тревогу какъ среди духовной, такъ и свѣтской печати. Духовная была недовольна пристрастной характеристикой духовенства и взглядами на его права; свѣтская испугалась проводимой здѣсь мысли о насильственномъ вліяніи церкви на совѣсть людей, путемъ подчиненія вліянію церкви факторовъ цивилизаціи: науки, печати, воспитанія, администраціи. Тревога тѣмъ болѣе имѣла основаній, что анонимный авторъ книги намекалъ на свою близость къ высшимъ сферамъ. „Иные могутъ подумать, что она заключаетъ въ себѣ программу дѣйствій новаго оберъ-прокурора г. Побѣдоносцева"—замѣчалъ рецензентъ „Прав. Обозрѣнія" [3]). Изданіе Елагина подверглось серьезной критикѣ со стороны печати [4]), которая горячо протестовала противъ общаго тона книги. „Новая книжка стремится къ безповоротному закрѣпленію духовенства въ томъ заколдованномъ

---

1) Стран. 140.

2) Стран. 8.

3) „Прав. Обозр." 1881 г., январь, стр. 183—184.

4) Въ янв. книжкѣ „Прав. Обозр." (1881 г.) появилась статья Смирнова-Платонова объ этой книгѣ, въ „Ц.-О. Вѣст." рядъ статей И. Старова, вышедшихъ въ томъ же году отдѣльной книжкой: „Въ защиту бѣлаго духовенства" и др.

кругу, изъ котораго оно тщетно желаетъ выбиться, чтобы вздохнуть, наконецъ, свободнѣе и сдѣлаться полноправнымъ членомъ окружающаго общества“ [1]), вотъ мнѣніе о ней „Ц.-О. Вѣстника“,—одного изъ главныхъ поборниковъ выборнаго начала среди духовенства.

Опасенія за выборное начало оказались не безосновательными. Вскорѣ въ газетахъ появились упорные слухи, что предпринимается рядъ мѣръ къ возвышенію нравственнаго вліянія духовенства на пасомыхъ и что въ числѣ этихъ мѣръ постановлена и отмѣна выборнаго начала среди духовенства. Слухи оправдались. Указомъ Св. Сѵнода отъ 5-го апрѣля 1881 г. повелѣно благочинныхъ и духовныхъ слѣдователей назначать самимъ пресвященнымъ.

Такъ былъ положенъ конецъ порядку, уже, казалось, прочно устанавливавшемуся. Несчастное 1-ое марта 1881 года ускорило упраздненіе выборнаго начала среди духовенства. Упраздненіе это согласовалось съ общимъ характеромъ новаго царствованія, обратившагося къ усиленной централизаціи и бюрократизму. Но было ли это упраздненіе общимъ желаніемъ русскаго духовенства и общества, вытекало ли оно изъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей церковной жизни,—это вопросъ иной. Обращаемся къ печати, вѣрной выразительницѣ желаній и стремленій общества.

Появленіе слуховъ о прекращеніи выборнаго начала въ средѣ духовенства заставило вполнѣ высказаться какъ противниковъ, такъ и защитниковъ выбора благочинныхъ, благочинническихъ совѣтовъ и съѣздовъ, а также и епархіальныхъ съѣздовъ (Слухи касались прекращенія и этихъ послѣднихъ). О полезности епарх. съѣздовъ печать, защищавшая выборное начало, особенно заговорила послѣ обнародованія указа о прекращеніи выбора благочинныхъ и духовныхъ слѣдователей, съ цѣлью отстоять хотя ихъ для духовенства. Цѣлый 1881 годъ журналы были наполнены обсужденіемъ значенія выборнаго начала. Защитниковъ его среди духовенства было очень много. Говорилось, что выборное начало совсѣмъ не могло быть причиною нравственнаго упадка духовенства. Напротивъ, выборъ благочинныхъ, напримѣръ, введенъ былъ самими архіереями именно для нравственнаго подъема духовенства, съ мыслію вызвать болѣе живое содѣйствіе самого духовенства епархіальной власти въ дѣлахъ епархіальнаго управленія и суда, заручиться свидѣтельствомъ о лицахъ, наиболѣе способныхъ и достойныхъ быть споспѣшниками ея въ этихъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить въ духовенствѣ духъ самоустроенія, самопопеченія, нравственной солидарности и единенія, могущаго заявлять себя въ выборѣ желанныхъ лицъ.

---

1) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 11 (передов.).

Выражалось желаніе, чтобы оставлены были хоть благочинническіе совѣты съ выборнымъ началомъ [1]). Указывалось въ печати и на то, что въ прежнихъ отчетахъ оберъ-прокурора, составленныхъ по донесеніямъ архіереевъ, результаты выборнаго начала рисовались въ самомъ выгодномъ свѣтѣ [2]); что консисторія, которая должна будетъ представлять кандидатовъ въ благочинные, не въ состояніи будетъ исполнить этой обязанности, руководясь только формулярами, консисторскими дѣлами и отчетами. А архіерей провѣрить консисторію не будетъ въ состояніи: самому ему духовенство мало извѣстно; съ одной стороны возрастъ, стремленіе къ созерцательной жизни, съ другой стороны—разбросанность епархій, — все это можетъ служить причиною интригъ, подкупа, кумовства. Выборное начало имѣетъ въ виду только ограничить самовластіе и произволъ начальствующихъ лицъ, всегда вредные для подчиненныхъ и для дѣла; самостоятельность же архіерея сохраняется полностью и не терпитъ ни малѣйшаго ущерба [3]).

Если иногда и бываютъ пререканія съ епарх. властью на съѣздахъ, то въ дѣлахъ незначительныхъ; при томъ открытыя заявленія чрезъ депутатовъ гораздо лучше глухаго недовольства [4]).

Благодѣтельные результаты выборнаго начала уже достаточно обнаружились и должны быть очевидными для всякаго: среди освобожденнаго духовенства исчезъ грозный типъ благочиннаго, котораго трепеталъ весь причтъ едва-ли не болѣе, чѣмъ самого архіерея. Епархіальные съѣзды сослужили также большую службу интересамъ духовенства въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которые имъ предоставлены-изысканы новыя средства для духовно-учебныхъ заведеній, учрежденъ контроль надъ церковными старостами, открыты свѣчные епархіальные заводы, и теперь зданія училищъ и семинарій стали похожи на настоящіе храмы науки, питомцы ихъ одѣты и согрѣты [5]). И для самихъ архіереевъ съѣзды полезны. — Всякое хорошее управленіе обусловливается тѣмъ, что управляющій долженъ основательно знать управляемыхъ. Всякому администратору необходимы хорошіе помощники, а избрать ихъ онъ можетъ тогда, когда знаетъ подчиненныхъ. Съѣздъ, состоящій изъ десятой части пастырей епархіи, представляетъ для этого прекрасное средство. Составъ депутатовъ мѣняется каждое

---

[1]) „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1881 г. май: „Къ вопросу о выбор. благочинныхъ“.

[2]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 38—39: „Съѣзды и выбор. начало среди духовенства“.

[3]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 55—56: „Отмѣна выборнаго начала“.

[4]) „Моск. Церк. Вѣд.“ 1881 г. № 23, передовая ст.

[5]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 52—53: „Полезны или вредны съѣзды духовен.“, №№ 22—23 „О съѣздахъ духовенства“; „Моск. Ц. Вѣд.“ 1881 г. № 31.

трехлѣтіе,—въ 6—9 лѣтъ архіерей можетъ узнать все духовенство; здѣсь же и прекрасный случай для архіерея говорить съ сотней пастырей [1]). И духовенство на съѣздахъ можетъ сообщать о своихъ нуждахъ непосредственно архіерею, помимо консисторіи; цѣлое собраніе служитъ гарантіей „смѣть свое сужденіе имѣть“ [2]). Общее мнѣніе защитниковъ было то, что выборное начало не уничтожать нужно, а расширить и оградить отъ случайностей и злоупотребленій со стороны епарх. властей; сферу вѣдѣнія епархіальныхъ съѣздовъ увеличить; ихъ сухо-матеріальную экономическую программу оживить широкимъ введеніемъ въ кругъ ихъ дѣятельности обсужденія предметовъ церковно-приходской практики и церковно-общественной жизни [3]).

Обращаемся къ печати свѣтской. Говоря вообще, она тоже не за новый порядокъ. „Страна“ находила противорѣчіе новаго указа Св. Сунода съ общими воззрѣніями новаго правительства, которое призываетъ общество къ извѣстной долѣ самодѣятельности [4]), и выражала желаніе, чтобы исполненіе этой мѣры (отмѣна выб. благочинныхъ) было пріостановлено и самая мѣра пересмотрѣна вновь и не въ Сунодской только канцеляріи, а при помощи сношеній съ епарх. архіереями. „Голосъ“ также замѣчалъ, по поводу Сунодскаго указа, что высочайшая воля прежде всего желаетъ возвышенія нравственной жизни духовенства, но по отчетамъ выборное начало нравственности духовенства не вредило. Самое обоснованіе указа очень слабое. Отчего бы справкѣ не обратиться къ обстоятельству 1825 года, когда, по порученію Александра I, данному графу Аракчееву, митр. Евгеній для возвышенія нравственности рекомендовалъ, именно, выборное начало. Чѣмъ бы ни мотивировалась эта отмѣна, говоритъ „Голосъ“, она служитъ выраженіемъ яснаго недовѣрія церковной власти къ свѣжести нравственнаго чувства въ духовенствѣ и обличаетъ въ немъ недостаточность любви къ правдѣ и своему дѣлу. И это въ тотъ неудобный моментъ, когда правительство обращается съ довѣріемъ ко всему русскому обществу [5]). „Новости“ отмѣну съѣздовъ признавали немыслимою, такъ какъ она повлекла бы за собой закрытіе 187 духовныхъ и 30 епархіальныхъ женскихъ училищъ, существующихъ почти исключительно на средства, изыскиваемыя съѣздами [6]). „Порядокъ“,

[1]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г.: „Значеніе съѣзд. въ обл. еп. упр.“ № 42.

[2]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 135—36: „Къ вопросу о съѣздахъ духовенства“.

[3]) Напр., „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 22—23; 42; „Кіевск. Еп. Вѣд.“ 1881 г. № 17 („О выборномъ началѣ въ духовенствѣ“) и мн. др.

[4]) Разумѣется циркуляръ гр. Игнатьева по восшествіи на престолъ Александра III.

[5]) Мнѣнія и отзывы печати „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 78.

[6]) „Церковный Вѣстникъ“ № 1, 1881 г. Мнѣнія печати по церковнымъ вопросамъ.

либеральный органъ Стасюлевича, говорилъ, что хотя отрывочное и не всегда соблюдавшееся право выбора благочинныхъ и не представляло надежнаго средства для уврачеванія всѣхъ золъ нынѣшняго ненормальнаго положенія церкви, но и возвратъ къ положенію и взглядамъ 20-хъ годовъ едва-ли обезпечитъ хорошее будущее... Несомнѣнно одно: постановленія 1823 и 1828 годовъ (на которыя указывается въ справкѣ къ указу объ отмѣнѣ благочинныхъ) были отмѣнены именно вслѣдствіе того, что, по опыту многихъ лѣтъ, они оказались безполезными; что сдѣлаетъ ихъ теперь болѣе полезными,—не видно.

Можетъ быть лучше было бы, по мнѣнію „Порядка“, сначала исправить недостатки выборнаго начала и уже только послѣ того осудить его окончательно [1]). Что касается съѣздовъ, то „Порядокъ“ энергично высказывался за нихъ. „Хотя, говоритъ онъ, и не исполнились всѣ надежды, возлагавшіяся на съѣзды духовенствомъ и обществомъ, которыя думали, что на нихъ вполнѣ выразятся всѣ нужды пастырей и пасомыхъ и найдутся средства для ихъ удовлетворенія, но это не по винѣ самихъ съѣздовъ. Послѣдніе все-таки значительно сблизили духовенство и подняли его умственный и нравственный кругозоръ [2]). Достаточно этихъ немногихъ сужденій, чтобы видѣть, что и наши либеральные органы въ принципѣ стояли за выборное начало среди духовенства. Если они иногда и возставали противъ выборовъ благочинныхъ, противъ съѣздовъ, то имѣли въ виду не самое выборное начало, а ту узкую форму, какую получало оно здѣсь: эта печать требовала выборнаго начала не въ одномъ духовенствѣ, гдѣ оно развивало, по ея мнѣнію, кастовую обособленность, а въ церкви, состоящей изъ клира и мірянъ, которые также должны принимать участіе въ дѣлахъ церковныхъ, а слѣдовательно и въ выборахъ. Тотъ же самый „Порядокъ“ считаетъ справедливѣйшимъ и имѣющимъ полную гарантію добросовѣстности только такой выборъ благочинныхъ, когда въ немъ будутъ принимать участіе и духовенство, и прихожане [3]). Этого требовали не однѣ либеральныя газеты; это было общимъ желаніемъ печати, искренно ратовавшей за лучшій порядокъ въ церкви, за обновленіе церковной жизни. Но, будучи недовольна существующимъ строемъ церковной жизни, печать ничуть не видѣла въ отмѣнѣ выборнаго начала поворота къ лучшему“. „Если бы, писалось въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, отмѣна выбора послѣдовала съ цѣлью возстановить въ нашей церкви виды и способы, болѣе соотвѣтствующіе правиламъ апостольскимъ, само собою можно было бы

---

1) „Ц.-О. В.“ 1881 г. № 56. Отзывы печати по ц. вопр.
2) „Церковный Вѣстникъ“. Мнѣнія печати по ц. вопр. № 2.
3) „Порядокъ“, 1881 г. № 127 (передовая).

только радоваться... Но теперешніе выборы замѣняются представленіемъ консисторіи! Достаточно назвать это слово, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ болѣе надежно ручательство и за самого благочиннаго, и за подвѣдомое ему духовенство при будущемъ способѣ назначенія. Почему совѣтъ одной консисторіи будетъ надежнѣе для архіерея, нежели тотъ же совѣтъ, да сверхъ того еще рекомендація отъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ цѣлаго благочинія? Архіерей, не стѣсненный своимъ выборомъ, только болѣе былъ бы обезпеченъ отъ ошибокъ и пристрастія“ [1]). „Совр. Извѣстія“ возстаютъ противъ съѣздовъ, но только въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, когда они, по выраженію этой газеты, „учреждены съ цѣлью хищенія чужой собственности въ свою пользу“ и поэтому, если не создали, то подогрѣли раздоръ между пастырями и пасомыми; сожалѣютъ, что въ съѣздахъ не принимаютъ участія хотя церковные старосты, но совсѣмъ не отрицаютъ права духовенства принимать участіе въ обсужденіи нуждъ духовно-учебныхъ заведеній, напротивъ, стоятъ за то, чтобы съѣздамъ предоставлены были болѣе широкія полномочія разсуждать о дѣлахъ проповѣди, о недоумѣніяхъ въ пастырской практикѣ, объ опасностяхъ для христіанской нравственности пасомыхъ и о другихъ предметахъ, даже не касающихся пастырства, напримѣръ, относительно землевладѣнія [2]). Такіе же взгляды на съѣзды духовенства высказывалъ и славянофильскій органъ И. С. Аксакова „Русь“. Помѣщая статью нѣкоего NN. противъ училищныхъ съѣздовъ, редакція высказываетъ такой общій взглядъ на съѣзды духовенства. „Въ томъ видѣ, въ какомъ они у насъ введены, они, по нашему мнѣнію, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Вредны прежде всего потому, что носятъ какой-то сословный характеръ, обращаютъ духовенство въ какую-то корпорацію. Съѣзды должны быть чѣмъ-то въ родѣ мѣстныхъ малыхъ соборовъ, въ которыхъ участвовать должны всѣ члены мѣстной церковной единицы; вовсе не одно духовенство, но и міряне, на однихъ съ нимъ правахъ [3]). Въ самой статьѣ г. NN. члены окружныхъ съѣздовъ признаются не компетентными въ сужденіи объ учебно-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 78. Мнѣнія и отзывы печати.

[2]) „Церковный Вѣстникъ“ 1881 г. № 3. Мнѣнія печати по ц. вопр.

[3]) Нужно замѣтить, что раздавались голоса и изъ среды духовенства за допущеніе на съѣзды мірскаго элемента, хотя въ лицѣ ктиторовъ. „Не отъ того ли у насъ теперь по милости съѣздовъ и разныя непріятности съ ктиторами, что послѣдніе оттерты отъ участія въ дѣлахъ, а съѣздамъ изъ духовенства предоставлены такія дѣла, участвовать въ которыхъ и ктиторы считаютъ себя въ правѣ?“—пишетъ „одинъ изъ депутатовъ“ въ „Ц.-О. Вѣст.“ № 42, 1881 г. См. также прекрасную ст. въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ за 1881 г. № 17; кромѣ старостъ здѣсь признается важнымъ пригласить на съѣзды членовъ братствъ, попечительствъ и учебныхъ корпорацій.

воспитательной части училищъ; средства для содержанія училищъ тоже уже сдѣлались опредѣленными,—такъ что постоянное и каждогодное созываніе съѣздовъ признается излишнимъ [1]). Эта статья показываетъ, что все-таки встрѣчались и прямые противники выборнаго начала и зиждущихся на немъ съѣздовъ. Даже и въ духовныхъ журналахъ мы встрѣчаемъ возраженія такого рода. Таково, напримѣръ, заявленіе противъ съѣздовъ протоіерея Халколиванова [2]). Безъ нужды съѣзжаются,—говоритъ онъ,—до 70 человѣкъ и бродятъ по городу, между тѣмъ для дѣла нужно пять—шесть хорошихъ головъ. Нужно, напримѣръ, выбрать членовъ въ правленіе семинаріи, въ совѣтъ училища? Но вѣдь хорошіе дѣльцы не изъ земли родятся, а выбираются изъ наличнаго духовенства городскаго или окрестнаго; они почти всегда одни и тѣ же. Смѣты на расходы составляются по дѣйствительнымъ нуждамъ учебныхъ заведеній и урѣзывать ихъ нерезонно. Вообще съѣзды, по мнѣнію протоіерея, мало помогаютъ дѣлу, а истощаютъ лишь и безъ того тощій карманъ духовенства.

Нашлись возражатели и противъ выборныхъ благочинныхъ. Въ „Ц.-О. Вѣстникѣ“ [3]) одинъ священникъ прямо признаетъ отмѣну выборныхъ благочинныхъ въ порядкѣ вещей. Впрочемъ, онъ вообще противъ благочинныхъ по той причинѣ, что начальствовать равный надъ равнымъ не можетъ и руководитель онъ для нихъ плохой. Авторъ совѣтуетъ благочинныхъ замѣнить хорепископами въ каждомъ уѣздѣ; тогда не нужно бы ни консисторій, ни слѣдователей, и вообще насталъ бы рай земной. Жаль, что авторъ не указываетъ ясно, гдѣ взять людей и средствъ для столькихъ начальниковъ съ канцеляріями, хотя бы и „крохотными“. Но самымъ рѣшительнымъ и неумолимымъ противникомъ выборнаго начала явилась газета „Востокъ“. Причиной введенія выбора благочинныхъ „Востокъ“ считаетъ „сокрытіе преступленій“ [4]). Съ азартомъ газета вооружается и противъ съѣздовъ духовенства.

Священники тратятъ на свои поѣздки церковныя деньги; общеепархіальные съѣзды стали задаваться разными матеріями, имъ не подвѣдомыми; окружные—соваться въ жизнь и дѣятельность духовно-учебныхъ заведеній. Съѣзды развиваютъ не пастырскій духъ смиренія, а заносчивость, доходящую иногда до буйныхъ выходокъ; они тяжело отзываются на духовной жизни тѣхъ приходовъ, священники коихъ уѣзжаютъ на съѣзды. Дѣятельность священника должна быть

---

[1]) „Русь“, 1881 г. № 36: „О съѣздахъ духовенства по учил. дѣламъ“.

[2]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 22—23.

[3]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 104: „Чѣмъ замѣнить нынѣшнихъ благочинныхъ“.

[4]) Цитируемъ по „Ц.-О. Вѣст.“ № 64 1881 г. Обстоятельный отвѣтъ на статью „Востока“ дали „Кіевск. Еп. Вѣд.“ 1881 г. май.

сосредоточена на духовно-нравственныхъ интересахъ своихъ прихожанъ, а не на этой дутой, фальшивой, публицистической дѣятельности внѣ приходовъ, на съѣздахъ. Здѣсь развивается корпоративный духъ. Что-то не русское, неправославное чудится въ этихъ шатаніяхъ сельскихъ пастырей по стогнамъ, когда словесныя овцы ихъ оставлены по селамъ на произволъ судьбы [1]). Въ одномъ изъ №№, объявляя свою программу, та же газета отмѣчаетъ, между прочимъ, такіе пункты: „мы считаемъ незаконнымъ отстраненіе выборныхъ отъ прихода, отъ участія въ еп. съѣздахъ, которые, безъ его согласія, посягаютъ на деньги, пожертвованныя имъ на нужды церкви. Точно также осуждаемъ всѣ мѣры, которыя ведутъ къ обособленію духовенства отъ народа; осуждаемъ устройство свѣчныхъ еп. заводовъ, свѣчную монополію, преслѣдованіе свѣчеторговцевъ“ [2]) и т. д. Постройка своихъ свѣчныхъ заводовъ и контроль надъ старостами—вотъ главная причина нападенія „Востока“,—этого органа московскихъ старостъ и свѣчеторговцевъ противъ съѣздовъ. Такая неблаговидная и тенденціозная причина нападеній тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ неосновательными.

Вотъ и все, что говорилось противъ выборнаго начала и съѣздовъ. Суть подавляющаго большинства отзывовъ печати самыхъ различныхъ направленій одна: выборное начало должно существовать въ духовенствѣ; его постановка только должна быть улучшена. Но высшая власть судила иначе. Съѣзды остались, а благочинныхъ приказано выбирать; вмѣстѣ съ этимъ рушилось выб. начало и примѣнительно къ учрежденіямъ, возникшимъ при выб. благочинныхъ. Въ этомъ уничтоженіи выб. начала, имѣвшаго въ свою пользу историческіе примѣры и уже вросшаго въ епарх. жизнь, еще разъ краснорѣчиво сказалось вліяніе государственнаго строя на жизнь церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Ц. Вѣст.“ № 3. Мнѣнія печати 1881 г.

[2]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 84. Отзывы печати.

Церковно-историческая жизнь Грузіи подъ русскимъ владычествомъ.

I.

Грузинская церковь подъ управленіемъ Св. Сѵнода.—Миссіонерская дѣятельность русскихъ на Кавказѣ.—Католикосъ Антоній II и его управленіе.—Число епархій, церквей, монастырей и духовныхъ лицъ. — Состояніе грузинскаго духовенства въ первые годы русскаго владычества на Кавказѣ.—Тифлисскій митрополитъ Арсеній. — Общій взглядъ на церковно-историческую жизнь въ Грузіи.

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, взошедшая 12 сентября 1801 года на небосклонѣ истерзанной страдалицы—Грузіи заря новой и болѣе лучшей жизни разсѣяла своимъ умиротворяющимъ блескомъ висѣвшій надъ благодатною страною Дамокловымъ мечомъ непроглядный туманъ грядущихъ на нее со всѣхъ сторонъ опасностей, и мрачный горизонтъ ея сталъ постепенно проясняться.

Православный грузинскій народъ, согрѣваемый лучами сѣвернаго солнца—могущественной Россіи, мирно начинаетъ пользоваться всѣми благами прогресса и цивилизаціи. Грузинскій витія, епископъ некресскій Амвросій, въ своей рѣчи, произнесенной въ этотъ знаменательный день, сравниваетъ милость, оказанную императоромъ Александромъ I Грузіи принятіемъ ея въ подданство Россіи, съ живительною теплотою солнца, возвращающею замерзшему человѣку жизнь, съ благодатіею Божіею, посылающею умирающему исцѣленіе, и съ тою своевременною и умѣлою помощью, которую оказываетъ умирающему искусный врачъ, возвратившій его посредствомъ соотвѣтственныхъ лѣкарствъ къ жизни. Грузинская церковь начинаетъ жить иною жизнью съ того самаго дня, какъ она вошла въ качествѣ родной сестры въ лоно россійской церкви, подчинившись Св. Сѵноду еще въ 1783 году при католикосѣ Антоніи I, возведенномъ тогда же въ званіе сѵнодальнаго члена. Но еще ранѣе этого событія, а именно въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII в. Св. Сѵнодомъ было обращено особенное вниманіе на возстановленіе православія у кавказскихъ горцевъ, которые почти всѣ совратились или въ магометанство или

въ язычество. Къ горнымъ твердынямъ негостепріимнаго тогда Кавказа были посланы опытные миссіонеры, знавшіе осетинскій языкъ. Къ 1767 году они уже успѣли крестить до 2.000 осетинъ; но, къ сожалѣнію, скоро стали вмѣшиваться въ ихъ мірскія дѣла, ничего общаго съ религіей не имѣющія, и не поладили съ ними. Поэтому въ 1771 году Св. Сунодъ нашемъ нужнымъ отправить новую миссію изъ 4 священниковъ, 3 діаконовъ, 3 причетниковъ и переводчиковъ, во главѣ съ протоіереемъ Лебедевымъ. Въ руководство имъ дана инструкція и для содержанія назначено жалованье. Къ 1790 году имъ удалось крестить до 6.000 осетинъ. Для большихъ успѣховъ христіанской проповѣди между ними была открыта въ городѣ Моздокѣ каѳедра астраханскаго викаріатства и предписано устроить два монастыря съ просвѣтительнымъ значеніемъ для Кавказскаго края. Но скоро успѣхи и этой миссіи были остановлены. Среди нѣкоторыхъ горцевъ, уступленныхъ по Кайнарджійскому миру Турціи, появились фанатическіе проповѣдники ислама. Онъ быстро развивался по Кавказу; вмѣстѣ съ этимъ росла ненависть горцевъ къ русскому правительству. Со своихъ горъ они спускались и разоряли страны съ христіанскимъ населеніемъ, мстя за успѣхъ русскаго оружія надъ турками. Между тѣмъ Моздокская епархія съ ея миссіонерскими монастырями была закрыта за два года передъ окончательнымъ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, и тогда-то обнаружилось, какъ были непрочны успѣхи православной миссіи среди осетинъ. Многіе изъ нихъ, крещенные миссіонерами, снова совращались въ магометанство или возвращались къ языческимъ суевѣріямъ [1]). Дѣло возстановленія христіянства среди горцевъ Кавказа пріостановило такимъ образомъ свое теченіе какъ разъ къ знаменательному моменту церковно-исторической жизни православной Грузіи, т. е. къ 12 сентября 1801 года.

Остается теперь постепенно, шагъ за шагомъ, прослѣдить съ этого важнаго для церкви грузинской дня за ея послѣдовательнымъ историческимъ развитіемъ въ первыя двадцать пять лѣтъ подъ управленіемъ Св. Сунода, и сначала остановить, главнымъ образомъ, свое вниманіе на томъ, въ какомъ видѣ и положеніи вступила она въ сферу власти Св. Сунода.

Въ годъ присоединенія Грузіи къ Россіи во главѣ грузинской церкви стоялъ католикосо-патріархъ Антоній II (1798—1811 г.), сынъ царя Ираклія II. Подъ управленіемъ его находились: 7 митрополитовъ, 2 архіепископа и 5 епископовъ; 9 архимандрій; 6 архимандритовъ; монаховъ 75, церквей 799, священниковъ 746, діако-

---

[1]) А. Доброклонскій — Руководство по исторіи русской церкви. Вып. IV. Москва, 1893 г., стран. 47.

новъ 146, церковниковъ 661. Епархій всѣхъ считалось 13, монастырей 19. При католикосѣ-патріархѣ находилась дикастерія или правленіе духовное [1]), учрежденное въ Грузіи еще католикосомъ Антоніемъ I, въ 1771 году [2]).

Прежде всего, при изученіи быта грузинскаго духовенства въ описываемый періодъ времени, бросается въ глаза довольно странная аномалія, существовавшая, впрочемъ, de facto, хотя и въ другомъ видѣ, и у насъ въ Россіи до 1861 года, а именно: многіе изъ членовъ этого сословія находились въ крѣпостной зависимости отъ дворянъ и только при окончательномъ водвореніи русскаго владычества были освобождены отъ такого состоянія, несогласнаго съ историческимъ назначеніемъ духовенства. Приведемъ здѣсь, кстати, текстъ высочайшаго повелѣнія императора Александра I на имя графа Гудовича 7 іюля 1801 года, которымъ уничтожалась крѣпостная зависимость представителей низшаго духовенства въ Грузіи, „Усмотрѣвъ изъ представленія вашего къ министру внутреннихъ дѣлъ, что по слабости бывшаго въ Грузіи правительства, многіе изъ духовныхъ, въ священническомъ и діаконскомъ званіи состоящіе, присвоены тамошними князьями и дворянами въ крѣпость и несутъ оброкъ и прочія повинности, на крестьянахъ лежащія, и находя такое положеніе вещей ни съ законами россійскими несогласнымъ, ни сыну духовному, толико мною уваженному, неприличнымъ, я повелѣваю: I) принять навсегда общимъ въ Грузіи правиломъ, что состояніе духовное не только отъ крѣпости, но и отъ всѣхъ податей и повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ свободно; а II) потому и всѣхъ людей сего званія, доселѣ по явному злоупотребленію за князьями и дворянами закрѣпленныхъ и несущихъ положенный ими оброкъ и другія повинности, какъ отъ крѣпости, такъ и отъ оброка и повинностей сихъ навсегда освободить".

Что касается качественнаго состава грузинскаго духовенства того времени, то на этотъ счетъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Принятіе въ священническій и монашескій санъ происходило совершенно произвольно, что и заставило князя Циціанова, главнокомандующаго расположенными въ Грузіи войсками, обратиться къ католикосу Антонію II 23 марта 1804 года съ отношеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „знаю и то, что всякій архіепископъ и епископъ посвящаетъ, какъ въ священники, такъ и въ должности другихъ служителей, а архимандриты въ монахи постригаютъ безъ всякаго разбора, по волѣ своей, не взирая ни на лѣта, ни на званіе чело-

[1]) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели. А. Натроевъ. Тифлисъ. 1901 г стран. 456—457.

[2]) Д. П. Пурцеладзе. Грузинскіе церковные гуджары, стран. 31—32.

вѣка, такъ что и крѣпостныхъ людей вольны постригать въ монашескій чинъ. Такія правила, злоупотребленіемъ рожденныя и корыстью поддерживаемыя, заставляютъ меня опасаться, чтобы одна половина Грузіи не обратилась въ иноческій санъ, а другая въ бѣлое духовенство". Здѣсь-то, между прочимъ, по нашему мнѣнію, и скрывается причина, почему нѣкоторые изъ членовъ духовенства были въ крѣпостной зависимости отъ грузинскихъ помѣщиковъ: поставляемые въ священный санъ изъ крѣпостныхъ людей, они, естественно, оставались въ глазахъ дворянъ и князей въ своемъ первобытномъ состояніи, отъ котораго принятый ими санъ вовсе и не освобождалъ. Такъ могли думать и, вѣроятно, думали грузинскіе дворяне и князья. Далѣе князь Циціановъ указываетъ на бѣдность нѣкоторыхъ церквей и монастырей, которая увеличивается съ увеличеніемъ числа монаховъ и священниковъ и проситъ католикоса остановить такое увеличеніе. „Вашему святѣйшеству также извѣстно,— говоритъ онъ,—сколь бѣдны здѣшніе церкви и монастыри, пребывая въ постыдномъ для христіанства состояніи какъ велелѣпіемъ своимъ, такъ и священнослужителями, едва умѣющими читать... Вашему святѣйшеству извѣстно, что есть церкви, не имѣющія дохода и на нужнѣйшія свои поправки, а имѣющія 14 священниковъ" [1]). Затѣмъ, въ виду недостатка грузинскихъ богослужебныхъ книгъ, князь Циціановъ просилъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода оказать содѣйствіе къ переводу съ церковно-славянскаго на грузинскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ и къ напечатанію ихъ на казенный счетъ, хотя въ количествѣ 200 экземпляровъ. „За сіе,—пишетъ князь въ концѣ своего отношенія,— церковь грузинская обязана будетъ вашему сіятельству вѣчною благодарностью, а меня изволите избавить отъ неудовольствія ссориться съ здѣшнимъ духовенствомъ и при всякой церемоніи заботиться, чтобы возглашенія были не вздорно произносимыя" [2]). Заботясь о лучшемъ благоустройствѣ грузинской церкви, князь Циціановъ командируетъ греческаго архимандрита Аѳанасія, знающаго грузинскій языкъ, въ константинопольскіе, іерусалимскіе и другіе монастыри и проситъ правительство оказать содѣйствіе этому архимандриту, который взялся, по недостатку въ Грузіи богослужебныхъ книгъ, выпросить таковыя въ библіотекахъ этихъ монастырей.

Изъ темныхъ сторонъ грузинской церковной жизни за описываемый нами періодъ отмѣтимъ еще слѣдующія. Епископы сплошь и рядомъ, желая способствовать увеличенію церковныхъ доходовъ, назначали въ пользу церкви штрафы за преступленія, косвеннымъ обра-

---

[1]) Акты Кавк. археограф. ком., т. II, стран. 524 и 530.
[2]) Тамъ же, стран. 531.

зомъ поощряя къ нимъ, особенно людей состоятельныхъ. Такъ, напримѣръ, въ XVI в. самтавскій епископъ Григорій опредѣлялъ слѣдующія взысканія въ пользу церкви и духовенства: за убійство—5 быковъ; за колдовство и ворожбу виновныхъ подвергали отрѣзанію носа, но въ случаѣ раскаянія они отдѣлывались уплатой штрафа—2 коровы; за преступную связь другъ съ другомъ лицъ, между которыми существовало естественное или духовное родство, эти лица должны быть по закону побиты каменьями, но въ случаѣ раскаянія могли откупиться штрафомъ—4 коровы; священникъ за воровство лишался сана, въ случаѣ же раскаянія уплачивалъ штрафъ—3 коровы... Подобныя взысканія назначались и въ другихъ епархіяхъ и практиковались даже въ XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Невольно является мысль: вѣдь это не борьба съ преступленіями, а назначеніе за нихъ таксы, въ видѣ той, которую устанавливала, напр., наша „Русская Правда“ въ ту эпоху, когда преступленіе разсматривалось не какъ актъ злой воли, причиняющій ущербъ всему обществу и нарушающій божескіе и человѣческіе законы, а какъ „обида“, причиняющая вредъ отдѣльной личности, и какъ доходная статья для владѣльца той или иной мѣстности. При такомъ печальномъ состояніи духовенства не удивительно, что православная вѣра, за которую бился съ врагами искони православный грузинскій народъ, обращалась въ исполненіе внѣшнихъ обрядностей, смѣшанное со множествомъ суевѣрій. Происходило буквально то же самое, что, напр., у насъ въ Россіи рѣзко обозначилось въ XV и XVI вѣкахъ и особенно въ XVI вѣкѣ, когда Іоаннъ Грозный для улучшенія религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа, только-что освобожденнаго отъ владычества татаръ, собралъ извѣстный Стоглавый соборъ. Насколько обрядовая сторона религіи въ грузинскомъ народѣ, какъ въ свое время и въ русскомъ, даже въ высшихъ слояхъ его, преобладала надъ сущностью евангельскаго ученія, видно изъ слѣдующаго отзыва генерала Лазарева о членахъ семьи царя Георгія XII: „Они присягу, клятву ни во что ставили, а сохраненіе закона полагаютъ въ томъ, чтобы по постамъ, средамъ и пятницамъ не ѣсть мяса; но разорить, похитить имѣніе, обокрасть и отнять жизнь у человѣка для своего интереса ни за что поставляютъ; рады изъ-за рубля присягать. Вотъ каковы они отъ перваго до послѣдняго“ [1]). Суровый приговоръ... Но необходимо помнить, что этотъ приговоръ данъ честнымъ безпристрастнымъ очевидцемъ, человѣкомъ, прекрасно знавшимъ ту обстановку, среди которой онъ жилъ и среди которой погибъ при исполненіи служебнаго долга. Духовенство грузинское само не имѣло до-

[1]) Акты Кавказ. арх. ком., т. I, стран. 454.

статочнаго образованія для того, чтобы руководить просвѣщеніемъ народа [1]).

Но ни при главнокомандующемъ Кноррингѣ, которому было предписано изъ С.-Петербурга по собраннымъ предварительно свѣдѣніямъ привести въ должный порядокъ дѣла по управленію грузинскимъ духовенствомъ, ни при смѣнившемъ его князѣ Циціановѣ, несмотря на заботы и старанія русскаго правительства, православное грузинское духовенство, какъ это и было констатировано прибывшимъ въ 1809 году на Кавказъ новымъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ генераломъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормасовымъ, все еще оставалось въ совершенно забытомъ положеніи.

Если бы кто пожелалъ въ то время поинтересоваться, сколько существовало церквей въ Грузіи, и сколько именно состояло на-лицо духовенства, то его любознательность осталась бы совершенно неудовлетворенной. И это вполнѣ понятно, потому что въ самомъ управленіи духовенствомъ, а также и въ его жизни, царилъ полный безпорядокъ, уничтожить который, хотя и были попытки у предшественниковъ генерала Тормасова, все-таки не удалось. Церковная жизнь въ Грузіи была, такимъ образомъ, въ высшей степени неприглядна. Знакомящагося съ этой жизнью на первыхъ порахъ поражало прежде всего обиліе духовенства (вспомнимъ нашихъ крестцовыхъ поповъ при Екатеринѣ II), число котораго было настолько значительно, что рѣдкая церковь не имѣла при себѣ трехъ или четырехъ священниковъ, да и всѣ эти вообще церкви, какъ состоявшія подъ непосредственнымъ управленіемъ грузинскаго католикосо-патріарха Антонія II, такъ и подъ управленіемъ прочихъ епархіальныхъ архіереевъ и митрополитовъ, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и во всемъ терпѣли самый крайній недостатокъ. Однѣ изъ нихъ потеряли свои богатства во время почти безпрерывныхъ войнъ грузинскаго народа съ его врагами, доходы же другихъ были расхищаемы епархіальными архіереями и самимъ духовенствомъ. Во всеподданнѣйшемъ прошеніи митрополита Арсенія, отъ 20 августа 1809 года, говорится, между прочимъ: „предписать соизвольте, изслѣдовать дѣла ихъ отъ общества, какъ католикосъ ограбилъ церкви Мцхетскую и Алавердскую, главныя епархіи, и кто доходы ихъ похищаетъ, такъ что церковныя украшенія почти по торгу носятъ на продажу“. Этотъ же самый митрополитъ въ письмѣ своемъ къ сунодальному оберъ-прокурору князю Голицыну, отъ 1 февраля 1810 года, сообщалъ, что „епископъ Іустинъ не имѣетъ храма, гдѣ бы можно было отправлять литургію, и хотя отъ покойнаго генерала князя Циціанова прислано ему 2.000 рублей, но по нестара-

[1]) Романовскій. Очерки изъ исторіи Грузіи, стран. 441—445.

тельству его не выстроена церковь; руставельскій епископъ также расточаетъ всѣ доходы, не имѣетъ церкви и образъ Спасителя находится въ Тифлисѣ у армянъ на откупѣ". Отъ безконтрольнаго пользованія церковными доходами и имуществомъ не былъ свободенъ и самъ митрополитъ Арсеній, который своимъ обращеніемъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ вызвалъ то, что протоіерей Квашоэтской Георгіевской церкви Петръ и священникъ Павелъ подали на него генералу Тормасову 22 января 1810 года прошеніе, гдѣ, между прочимъ, говорится: „...объявляемъ вашему высокопревосходительству, что церковь сія Квашоэтская имѣетъ отъ сооружившаго её посвященныя 5 лавокъ, кои были ввѣрены намъ отъ посвятителя и отъ отошедшихъ отъ сего міра преосвященныхъ его предмѣстниковъ, и имѣли оныя по 1804-й годъ и доходы, съ оныхъ получаемые, употребляли на церковныя надобности и по рѣшенію остались оныя лавки за нами, но оныхъ церковь сія лишается понынѣ и, какъ его преосвященство принялъ оныя лавки въ свое вѣдѣніе, въ январѣ мѣсяцѣ 1804 года, сверхъ того и получаемые доходы за могилы и съ продажи свѣчей, принадлежащихъ церкви особенно, онъ же принялъ и пользуется; и, сверхъ того, кладбищное мѣсто отдалъ другимъ, на что не имѣетъ власти, а церковь сія остается лишенной отъ всякой помощи, и, какъ вы сами видѣли, что прекрасное строеніе ея подходитъ къ паденію по неимѣнію попечителя..; теперь сказанный преосвященный, не совсѣмъ покорный своему начальнику, не даетъ имѣнія и доходовъ и весьма обижаетъ, о чемъ, кому намъ пожаловаться, если не вамъ, и дороги не знаемъ; вы здѣсь, въ лицѣ государя, долгъ имѣете входить въ столь несчастное положеніе, чтобы церкви сей возвращено было принадлежащее ей имѣніе, равно и взятыя имъ деньги...". Даже, писалъ генералъ Тормасовъ, „самъ глава духовенства католикосопатріархъ, сынъ царя Ираклія, по всей справедливости особа рѣдкихъ свойствъ и правилъ, общественно-уважаемая, но обремененъ будучи слабостію и удрученъ болѣзнями, отдается въ распоряженіе пылкихъ и затѣйливыхъ духовныхъ лицъ, его окружающихъ, и сколь неправильно, что его святѣйшество приняло въ уваженіе доносы духовныхъ лицъ на митрополита Арсенія, предпринимаетъ мѣры къ сохраненію духовныхъ доходовъ, но не можно въ равной мѣрѣ умолчать и о томъ, что сіи же самыя духовныя лица, кои возбуждаютъ въ патріархѣ Антоніи неблагорасположеніе къ митрополиту Арсенію, сами не брегутъ о своихъ обязанностяхъ и не сохраняютъ доходы церквей, въ коихъ къ стыду всего духовенства видны во всемъ недостатки, а между тѣмъ многочисленное духовенство пользуется доходами церквей". Однако, удивляться этому не слѣдуетъ, потому что епархіальные архіереи и остальное грузинское духовенство, рас-

хищая по своему собственному произволу и хотѣнію доходы и имущества, принадлежащія церквамъ, подражали въ данномъ случаѣ своей верховной главѣ, его святѣйшеству католикосо-патріарху Антонію. Извѣстно [1]), что католикосъ „не при грузинскихъ царяхъ, а со времени Россійскаго правительства и при нынѣ назначенномъ ему выѣздѣ въ С.-Петербургъ, жаловалъ, раздавалъ и закладывалъ монастырскія и церковныя имѣнія разнаго званія людямъ, каковымъ онъ во время царствованія грузинскихъ царей никакъ не могъ, да и не смѣлъ,—словомъ сказать, даже и одного аршина самой пустой земли самовластно дарить и жаловать кому-либо... Нынѣ же его святѣйшество роздалъ таковыхъ имѣній до 1.000.000 рублей".

Уже одинъ этотъ фактъ самопроизвольнаго пользованія верховнымъ первосвятителемъ грузинской церкви церковными доходами и имуществомъ, а также вполнѣ безконтрольное употребленіе послѣднихъ лицами, приближенными къ католикосу, и прочими епархіальными архіереями служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что большинство церквей, подвергшихся такому побору, необходимо должны были терпѣть самый крайній недостатокъ. Теперь представьте же себѣ самихъ священниковъ, состоящихъ при этихъ церквахъ. Однако, состояніе этихъ пастырей было еще сносно по сравненію съ бытомъ тѣхъ изъ священниковъ, которые и вовсе не имѣли приходовъ, а такихъ въ то время было довольно порядочное количество. „Къ тому же"—приводимъ буквально слова генерала Тормасова—„должно сказать, что многочисленное здѣсь духовенство ни малѣйшей не приноситъ пользы, ибо посвящаются въ священническій санъ, какъ равно и въ высшія монашескія званія, люди безъ всякаго свѣдѣнія и правилъ, не по достоинству, но чрезъ происки, къ чему не мало содѣйствуетъ жадность, врожденная вообще въ здѣшнемъ народѣ къ корыстолюбію". Единственная причина, объясняющая такое обиліе духовенства въ Грузіи, заключалась, главнымъ образомъ, въ злоупотребленіи епископовъ, которые въ своихъ епархіяхъ широко пользовались правомъ возводить въ священный санъ безъ вѣдома духовнаго правленія и вопреки высочайшему повелѣнію, данному въ 7-й день іюля мѣсяца 1804 года. Отъ кандидатовъ священства они не требовали ни образованія, ни высоко-нравственныхъ качествъ, а руководствовались въ этомъ случаѣ только личными и часто матеріальными выгодами. Извѣстно, что даже самъ глава грузинскаго доховенства, его святѣйшество католикосо-патріархъ Антоній II-й не гнушался брать съ посвящаемыхъ имъ лицъ деньги, не обращая

[1]) Донесеніе генералу Тормасову прокурора Плахотина, отъ 23-го іюля 1810 г., № 108.

вниманія на то, имѣютъ ли эти лица соотвѣтствующія пастырскому служенію нравственныя качества, и, кромѣ того, рукополагалъ даже и въ томъ случаѣ, когда государь императоръ, по представленію бывшаго главноуправляющаго Грузіею князя Циціанова, высочайше повелѣть соизволилъ, „дабы его святѣйшество впредь не смѣлъ посвящать ни въ который санъ никого".

Такъ, напр., онъ „посвятилъ въ прежнемъ бунтѣ находящагося, который былъ заарестованъ генералъ-майоромъ Гуляковымъ, священника и настоятеля придворной церкви Елевѳерія въ архимандриты", взявъ съ него за это посвященіе, якобы въ подарокъ, 300 рублей сер., игумена Никифора—тоже въ архимандриты, отъ котораго и получилъ за это въ подарокъ 150 рублей и, кромѣ того, карманные часы. Въ общемъ посвященіе въ архимандриты вышеупомянутому игумену Никифору обошлось не дешево, такъ какъ, кромѣ суммы, данной имъ католикосу, пришлось еще одарить и другихъ приближенныхъ къ святителю лицъ, изъ которыхъ племянникъ католикоса Антонія кн. Циціановъ за ходатайство получилъ 200 рублей, какой-то Барамъ, состоявшій при томъ подъ слѣдствіемъ,—50 рублей, а архимандритъ Доситеосъ получилъ отъ него въ подарокъ архимандричій крестъ.

Легкость полученія священнаго сана и сопряженныя съ этимъ званіемъ выгоды манили къ себѣ большинство желающихъ освободиться за деньги отъ стѣсняющихъ ихъ въ свѣтской жизни неблагопріятныхъ условій. Дѣло въ томъ, что многіе изъ казенныхъ и даже помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя намѣреніе выйти изъ крестьянства или избавиться отъ возложенныхъ на нихъ разнаго рода повинностей, являлись къ своему епархіальному архіерею, которымъ за деньги и были постригаемы въ священный санъ и даже, что было нерѣдко, безъ настоятельной къ тому надобности. Въ жизни грузинской церкви того времени допускались и такіе факты, что постригали въ монашество людей, вовсе не имѣвшихъ къ тому ни желанія, ни склонности, но единственно по той причинѣ, что имѣнія и различнаго рода угодья этихъ лицъ могли отойти съ принятіемъ ими монашества къ доходамъ епархіальнаго архіерея, и вотъ „этихъ-то людей безъ правилъ и познаній посвящали потомъ въ высшія званія духовенства!"

Нечего и говорить, что среди священниковъ, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія, неудивительно было встрѣтить людей, не только съ трудомъ умѣвшихъ читать, но даже и совершенно безграмотныхъ, не получившихъ рѣшительно никакого образованія.

Въ данномъ случаѣ повторилось и здѣсь то же самое историческое явленіе, какое имѣло мѣсто и въ жизни русской церкви. Мы разумѣемъ упадокъ духовнаго просвѣщенія въ XV—XVI вѣкахъ. Развѣ

образовательный цензъ грузинскихъ ставленниковъ не былъ похожъ на тотъ же цензъ русскихъ искателей священнаго чина и званія въ эпоху новгородскаго владыки Геннадія.

„Приводятъ ко мнѣ,—пишетъ онъ—мужика въ попы ставить. Я велю читать ему Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ; ...пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое...“ [1]).

Зло еще болѣе усугублялось тѣмъ, что въ Грузіи не было ни духовныхъ училищъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, ни семинаріи, гдѣ молодые люди, посвятившіе себя пастырскому служенію, могли бы получать необходимыя для этого дѣла познанія и воспитать себя такъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться достойными и полезнѣйшими дѣятелями въ средѣ современнаго имъ грузинскаго общества. Само собою разумѣется, что при тогдашнихъ условіяхъ церковной жизни бѣдный простой народъ оставался безъ религіозно-нравственнаго образованія, а о благотворномъ вліяніи на него пастырей церкви не могло быть и рѣчи въ виду полной неспособности нѣкоторыхъ изъ нихъ къ прохожденію высокаго священническаго служенія. Но и среди лицъ высшаго духовенства, не говоря уже о самомъ католикосѣ Антоніи II, встрѣчались люди, которые своими поступками не отвѣчали высокому идеалу пастырей церкви Христовой. Для примѣра достаточно прочитать прошеніе протоіерея Квашоэтской города Тифлиса церкви Петра и священника Павла, поданное ими на тифлисскаго митрополита Арсенія генералу Тормасову 22-го января 1810 года. Въ этомъ прошеніи подробно изложена характеристика митрополита Арсенія. Изъ нея видно, что во время царствованія Ираклія II и его сына, послѣдняго царя Грузіи—Георгія XII, означенный святитель „находился во всей кротости и въ тихомъ обращеніи, какъ агнецъ или пастырь добрый, за что онъ и заслужилъ достоинство тифлисскаго митрополита“. Будучи назначенъ на этотъ видный постъ, митрополитъ Арсеній „началъ усердно трудиться за церковь и ближнихъ“. Впрочемъ, такая его плодотворная дѣятельность, какъ оказывается, продолжалась недолго, и онъ „мало-по-малу началъ показывать дикость только къ нѣкоторымъ подвластнымъ своимъ“. Но пойти дальше по этому пути святителю не удавалось за „надзираніемъ царя“, который сдерживалъ его буйные порывы

[1]) Руководство къ русской церковной исторіи. П. Знаменскій. Изд. 5-е. Казань. 1888 г., стран. 135.

проявлять свою власть желаннымъ для него образомъ, такъ что открыто кому-нибудь вредить не смѣлъ. По смерти же царя Георгія, „обратился сей кроткій агнецъ въ лютый волкъ совсѣмъ почти противъ многихъ, и въ особенности возсталъ противъ насъ (т. е. протоіерея Павла и священника Петра), по нынѣ немилосерднымъ нашимъ мучителемъ и обратилъ миръ церковный во вражду, благословеніе—въ ругательство и брань, утѣшеніе въ муку и даже въ лишеніе жизни, и, какъ волкъ, терзающій барана, безъ всякихъ причинъ и законовъ сдѣлался стѣснителемъ и безвинно лишителемъ жизни нашей". Особенно же тяжко пришлось отъ митрополита Арсенія престарѣлому отцу протоіерея Павла и священника Петра, которые въ своемъ прошеніи говорили, что отъ преосвященнаго Арсенія были причинены ему „многочисленныя язвы или побои", вспоминалось также и о томъ, какъ митрополитъ „арестовывалъ, подобно важнымъ преступникамъ, какъ плѣнныхъ, въ непристойныхъ мѣстахъ, и такъ же, какъ онъ приходилъ разъяренный, облаченный въ священныя ризы, въ домъ нашъ палкою бить и ругать насъ среди нашего семейства и многократно какъ разграблялъ и наказывалъ, — подобно описать невозможно, по безчисленности оныхъ претерпѣнныхъ нами бѣдъ, изъ коихъ важнѣйшія утверждены могутъ быть свидѣтельствомъ вѣрныхъ людей подъ присягою, на каковыя дѣла онъ не смѣлъ рѣшаться во время царя".

Таковы вообще отношенія митрополита Арсенія къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и подчиненнымъ.

Бросая бѣглый взглядъ на состояніе грузинской церкви, нашему взору рисуется вполнѣ опредѣленная картина, на мрачномъ фонѣ которой, съ поразительною ясностью, словно живые, выдѣляются образы, во-первыхъ, главы всего духовенства, его святѣйшества католикосо-патріарха Арсенія II, потомка славныхъ грузинскихъ царей, по всей справедливости особы рѣдкихъ свойствъ и правилъ, общественноуважаемой, ничего для себя лично не ищущей, но совершенно безвольной, властно, безъ всякаго контроля, о чемъ русская власть нисколько не позаботилась, распоряжающагося подъ вліяніемъ пылкихъ и „затѣйливыхъ" духовныхъ лицъ, его окружающихъ непроходимою стѣною, въ ущербъ всему духовному хозяйству доходами и имуществомъ церквей, монастырей, цѣлыхъ епархій и архимандритовъ, а также и прочихъ приходовъ искони православной Грузіи; подлѣ него ютятся всѣ его приспѣшники и приближенные, которые, пользуясь изливаемыми на нихъ милостями и благоволеніемъ католикоса, во главѣ съ его любимцемъ племянникомъ, ни сколько не стѣснялись посягать на не принадлежащее имъ церковное имущество и доходы; во-вторыхъ, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы,

подражая въ этомъ случаѣ своей главѣ, католикосу Антонію II, и совершенно не принимая во вниманіе ни соборныхъ опредѣленій, ни узаконеній русскаго правительства, не прибѣгая даже къ совѣтамъ своей собственной совѣсти, рѣшаются, вопреки заповѣди Спасителя: „даромъ получили, даромъ и давайте (Мѳ. X, 8)“, — на рукоположеніе въ священный санъ за деньги, при чемъ не обращаютъ вниманія на то, правоспособенъ ли стоящій передъ ними кандидатъ священства отправлять пастырскія обязанности, ни на то, отвѣчаетъ ли онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ самой идеѣ высокаго священническаго служенія. Отъ всего этого далеки были ихъ мысли и не туда обращался ихъ взоръ, который искалъ только возможности увидѣть, сколь велика была ихъ сумма, принесенная желающимъ принять отъ нихъ священный санъ. И вотъ люди прямо отъ земледѣльческихъ орудій и отъ виноградниковъ, никогда не видавшіе (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ) въ глаза книги, не умѣвшіе читать надлежащимъ образомъ, люди, бѣгущіе отъ труда, чтобы не платить возложенныхъ на нихъ податей, желающіе, очевидно, прожить какъ можно легче на бѣломъ свѣтѣ, спокойно идутъ къ своему епархіальному архіерею съ приличнымъ вознагражденіемъ въ рукахъ просить о рукоположеніи ихъ въ священный санъ, будучи хорошо убѣждены въ томъ, что отказа не послѣдуетъ, что ихъ желаніе будетъ вполнѣ удовлетворено. Приходятъ и получаютъ желаемое. Вдали же на черномъ фонѣ этой картины стоятъ церкви, изъ которыхъ однѣ представляютъ грустныя на видъ развалины, много пострадавшія отъ непріятельскаго огня и меча, другія же, разрушаемыя временемъ, безъ всякаго стѣсненія опустошаются жадными до наживы своими пастырями. Вокругъ церквей группируется многочисленное духовенство, жаждущее и алчущее средствъ къ своему пропитанію, едва могущее удовлетворить имѣющимися на лицо церковными доходами свои незатѣйливыя во всѣхъ отношеніяхъ потребности. А бѣдный, находящійся во тьмѣ, народъ ищетъ свѣта для своего религіозно-нравственнаго просвѣщенія, и ищетъ и не находитъ. Грустная, безрадостная картина! Во всемъ этомъ главная вина, конечно, ложится на условія самой жизни, такъ неблагопріятно сложившейся для грузинскаго народа, которому со всѣхъ сторонъ угрожали враги, внося въ его страну смерть и разрушеніе всему тому, что должно было служить къ его благу и благоденствію. Развѣ возможно было думать о внутреннихъ реформахъ, о всесословномъ образованіи, когда надъ головою висѣлъ своего рода Дамокловъ мечъ, готовый ежеминутно упасть въ лицѣ многочисленныхъ враговъ на головы тѣхъ, которые рѣшились бы хоть на минуту позабыть объ обезпеченіи себя отъ возможныхъ непріятельскихъ нападеній? Единственно только въ томъ и заключается опра-

вданіе всему тому, что происходило въ грузинской церковной жизни въ описываемый нами періодъ [1]).

II.

Мѣропріятія русской правительственной власти къ упорядоченію церковно-религіозной жизни Грузіи.—Вызовъ католикоса Антонія II въ С.-Петербургъ, пріѣздъ его туда, жизнь его во внутренней Россіи, смерть его и погребеніе.

Существующіе въ то время въ Грузіи порядки, обрисованные нами въ предшествующей главѣ, обратили на себя вниманіе новаго главнокомандующаго русскихъ войскъ Александра Петровича Тормасова, который, предварительно объяснившись лично съ грузинскимъ католикосомъ Антоніемъ II, обратился съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ [2]).

Предпославъ краткое замѣчаніе о томъ, что грузинское духовенство еще до сихъ поръ находится въ совершенно забытомъ положеніи, и упомянувъ о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ управленіи грузинскою церковью, генералъ Тормасовъ предложилъ высшей правительственной власти для устраненія послѣднихъ и улучшенія быта духовенства учредить въ Грузіи „Духовную Дикастерію“ на такомъ же точно основаніи, на какомъ существовали въ то время подобныя же учрежденія и въ Россіи. Съ своей стороны, и католикосъ Антоній II еще ранѣе вошелъ къ Тормасову съ формальнымъ предложеніемъ объ этомъ же самомъ предметѣ. Во главѣ означеннаго учрежденія, по мысли и предложенію Тормасова, долженъ былъ стоять въ качествѣ президента католикосъ Антоній „во уваженіе царскаго рода и всеобщаго къ нему здѣсь почтенія“. Кромѣ президента, въ составъ „Духовной Дикастеріи“ должны были войти и слѣдующіе члены: вице-президентъ, три члена, избираемые самимъ духовенствомъ, одинъ секретарь, одинъ переводчикъ и потребное количество писцовъ. Вице-президентомъ предполагалось назначить архіепископа Варлаама (изъ князей Эристовыхъ), бывшаго членомъ Св. Сунода, хорошо знающаго весь порядокъ дѣлъ по управленію духовенствомъ и вполнѣ знакомаго съ Россіей. Это назначеніе признавалось „наиполезнѣйшимъ“, такъ какъ архіепископъ Варлаамъ въ данномъ случаѣ являлся человѣкомъ вполнѣ способнымъ къ прохожденію этой долж-

[1]) Подробности см. въ нашихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“ за 1893 годъ.

[2]) Отношеніе генерала Тормасова, отъ 6-го іюня 1809 года, № 36, на имя оберъ-прокурора Св. Сунода, кн. А. Н. Голицына.

ности и могъ бы послѣ католикоса Антонія II, что́ въ свое время и оправдалось, занять мѣсто президента „Духовной Дикастеріи".

Впрочемъ, означеннаго персонала для удобнаго и продуктивнаго веденія дѣла въ этомъ учрежденіи не было достаточно, вслѣдствіе чего, въ число присутствующихъ въ немъ членовъ, генераломъ Тормасовымъ предложено Св. Суноду включить еще и директора тифлисскаго благороднаго училища [1]), о. протоіерея Петріева, какъ опытнаго и знающаго порядокъ теченія дѣлъ и какъ человѣка, при томъ, способнаго и пользующагося по своей дѣятельности среди мѣстнаго духовенства и свѣтскаго общества широкою извѣстностью. А такъ какъ протоіерей Петріевъ, кромѣ того, давно уже выразилъ желаніе принять монашество и имѣлъ на это еще съ 1803 года позволеніе отъ Св. Сунода, то, по мнѣнію католикоса Антонія, было бы весьма полезно опредѣлить его въ Сіонскую соборную церковь и поручить ему всю Тифлисскую епархію, предварительно возведя его въ санъ архимандрита. Опредѣленіе это мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что протоіерей Петріевъ, будучи членомъ „Духовной Дикастеріи" и въ то же время завѣдующимъ епархіей, могъ гораздо успѣшнѣе дѣйствовать въ смыслѣ заведенія порядка между грузинскимъ духовенствомъ, подавая послѣднему достойный подражанія примѣръ собственнымъ своимъ управленіемъ какъ церквами, такъ и духовенствомъ поручаемой ему епархіи. Такимъ образомъ, протоіерей Петріевъ, предназначаемый къ управленію Тифлисской епархіей, долженъ былъ замѣнить собою епархіальнаго архіерея, въ которомъ уже, по мнѣнію католикоса Антонія, не имѣлось особой надобности, въ виду того, во-первыхъ, что первенствующій въ грузинской церкви католикосъ имѣлъ свое непремѣнное мѣстопребываніе въ Тифлисѣ, гдѣ несравненно большая часть церквей принадлежала его епархіи и всецѣло находилась подъ его непосредственнымъ управленіемъ, и во 2-хъ, находящіяся въ Тифлисской епархіи 9 церквей, изъ коихъ 2 въ самомъ городѣ, а 7 — въ уѣздѣ, были крайне бѣдны и не могли поэтому доставлять необходимыя средства по содержанію особаго епископа для означенной епархіи, особенно, если еще припомнимъ что при этихъ церквахъ находилось отъ трехъ и до четырехъ священниковъ, которые, въ свою очередь, тоже нуждались хоть въ сколько-нибудь сносномъ прокормленіи.

„Духовная Дикастерія", такимъ образомъ, должна была состоять изъ: а) президента; б) трехъ членовъ отъ духовенства и, кромѣ того, в) сверхштатнаго члена — совѣтника и руководителя, какимъ въ дан-

[1]) Тифлисское благородное училище основано было въ 1803 году, преобразовано въ гимназію въ 1828 г. и въ настоящее время извѣстно подъ именемъ 1-й Тифлисской классической гимназіи.

номъ случаѣ являлся протоіерей Петріевъ; г) одного секретаря; д) одного переводчика, и е) потребнаго количества писцовъ. Представивъ на благоусмотрѣніе Св. Сунода свои соображенія о составѣ членовъ учреждаемой въ Грузіи „Духовной Дикастеріи", генералъ Тормасовъ не забылъ упомянуть въ своемъ отношеніи сунодальному оберъ-прокурору о проектѣ устроить въ Тифлисѣ особое для „Дикастеріи" зданіе, а также и о средствахъ на содержаніе какъ присутствующихъ въ ней членовъ, такъ равно и канцелярскихъ служителей. и на другія могущія быть надобности и непредвидѣнные расходы. Съ этою цѣлью онъ просилъ всемилостивѣйше назначить въ качествѣ единовременнаго пособія 5.000 рублей серебромъ, въ виду неприведеннаго еще въ извѣстность количества церковныхъ доходовъ. „По учрежденіи же, — пишетъ Тормасовъ, — и приведеніи въ порядокъ Дикастеріи потребная на содержаніе оной сумма можетъ быть получаема ежегодно изъ церковныхъ доходовъ".

Одновременно съ вопросомъ объ учрежденіи „Духовной Дикастеріи" поднято было дѣло и объ основаніи въ Грузіи духовной семинаріи, потребность въ которой въ то время весьма сильно ощущалась, такъ какъ необходимо же было поднять уровень образованія въ средѣ тогдашняго православнаго духовенства и приготовить изъ лицъ, посвящающихъ себя высокому пастырскому служенію, вполнѣ пригодныхъ и полезныхъ наставниковъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго на почвѣ христіанственности развитія грузинскаго народа. Но, къ сожалѣнію, писалъ Тормасовъ, „по неизвѣстности еще церковныхъ доходовъ невозможно теперь, за поддержаніемъ церквей и за содержаніемъ духовенства, отдѣлить потребную на сіе сумму, то, по мнѣнію моему, заведеніе сіе и нужно отложить до времени, пока церковные доходы и число духовенства будутъ приведены въ извѣстность". Основаніе духовной семинаріи за недостаткомъ денежныхъ средствъ отлагалось, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, такъ какъ считалось болѣе важнымъ и крайне необходимымъ открытіе въ Грузіи особаго духовнаго правленія.

Отправивъ въ Петербургъ свое отношеніе къ князю Голицыну, оберъ-прокурору Св. Сунода, объ учрежденіи въ Тифлисѣ „Духовной Дикастеріи" и семинаріи, генералъ Тормасовъ не ограничился этимъ, но предложилъ въ особомъ письмѣ католикосу Антонію II, датированномъ 15 іюня 1809 г. № 212, заняться, въ виду облегченія предстоящей работы членамъ Духовной Дикастеріи, приведеніемъ въ надлежащую ясность какъ числа духовенства, несоразмѣрность котораго съ количествомъ существующихъ на лицо церквей уже слишкомъ бросалась въ глаза, такъ равно и числа церквей, озаботиться благоустройствомъ послѣднихъ, а также,—въ чемъ была крайняя необхо-

димость,—привести въ извѣстность и церковные доходы. Для этого рекомендовалось католикосу Антонію II избрать, по его собственному желанію, опытныхъ и извѣстныхъ по своей дѣятельности духовныхъ особъ, составить коммиссію, которой и поручить „неукоснительно заняться описаніемъ по всей Грузіи числа церквей и состоящаго при оныхъ духовенства". А чтобы прекратить такъ долго существовавшее злоупотребленіе епархіальныхъ архіереевъ постригать всякаго желающаго во священника, католикосу Антонію II предлагалось „строго подтвердить во всѣ епархіи всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы въ силу высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, въ 7-й день іюля 1804 года состоявшагося, отнюдь никто не былъ посвящаемъ безъ самой крайней необходимости въ духовное званіе до полученія высочайшаго рѣшенія объ учрежденіи Дикастеріи и то съ вѣдома правительства, дабы, при излишнемъ и теперь числѣ духовенства, послѣ, когда установлено будетъ духовное правленіе, а вмѣстѣ съ онымъ и надлежащій порядокъ, чрезъ новое нынѣ умноженіе духовенства не поставить сіе правленіе въ совершенную невозможность опредѣлить къ мѣстамъ существующихъ теперь духовныхъ особъ и подвергнуть истощенію церковные доходы, если при каждой церкви будутъ излишніе духовные чиновники, коихъ содержаніе могло бы обращаться въ пользу церквей". Но если бы, сверхъ ожиданія, епархіальные архіереи игнорировали по-прежнему означенное высочайшее повелѣніе и кого-либо безъ всякой къ тому надобности и разрѣшенія рукоположили бы во священника до учрежденія въ Грузіи Духовной Дикастеріи, то этимъ священникамъ, возведеннымъ въ санъ вопреки распоряженію подлежащей власти, грозила непріятность быть непризнанными въ духовномъ званіи, и о нихъ, кромѣ того, со стороны генерала Тормасова могло воспослѣдовать особенное представленіе въ Св. Сунодъ объ обращеніи ихъ въ первобытное состояніе, какъ лицъ, безъ всякаго на то разрѣшенія и противозаконно рукоположенныхъ.

Прошло уже почти пять мѣсяцевъ со дня отсылки генераломъ Тормасовымъ въ Петербургъ своего отношенія объ учрежденіи въ Грузіи особаго духовнаго правленія и семинаріи, но что было сдѣлано за этотъ періодъ времени католикосомъ Антоніемъ II по вопросу о приведеніи въ извѣстность числа церквей, духовенства и церковныхъ доходовъ, по документальнымъ даннымъ ничего не извѣстно. Вѣроятнѣе всего, что католикосъ Антоній II оставилъ пока означенный вопросъ безъ разрѣшенія. Это—съ одной стороны. Съ другой,—судя по отзыву генерала Тормасова, онъ даже не былъ вполнѣ правоспособенъ выполнить, что̀ и оказалось впослѣдствіи, возложенную на него задачу, „какъ по причинѣ слабости своего здоровья, такъ еще болѣе по привычкѣ распоряжаться всѣмъ самопроизвольно, не давая

рѣшительно никому отчета, къ чему давало ему право, по здѣшнимъ обычаямъ, происхожденіе его изъ царской фамиліи".

Но вотъ, наконецъ, изъ Петербурга получается въ Тифлисѣ письмо князя Голицына, адресованное на имя генерала Тормасова, отъ 2 ноября 1809 года за № 957, въ которомъ, согласно высочайшей волѣ императора Александра I, предлагалось, „чтобы католикосъ Антоній, какъ первенствующій митрополитъ въ Грузіи, пріѣхалъ въ Петербургъ для положенія прочныхъ основаній въ дѣлѣ, относящемся до тамошняго духовенства, ибо по оному нужно будетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, а въ другихъ мѣстахъ поясненія, что черезъ переписку было бы затруднительно и даже продолжительно". Въ виду этого, генералъ Тормасовъ поспѣшилъ немедленно дать генералъ-маіору Ахвердову предписаніе, чтобы тотъ увѣдомилъ объ этой высочайшей волѣ католикоса Антонія. Послѣдній, получивъ отъ Ахвердова 13 декабря 1809 года письмо, вмѣстѣ съ копіей отношенія князя Голицына къ генералу Тормасову, соизволилъ 2 января 1810 года увѣдомить главнокомандующаго въ Грузіи: „таковая всемилостивѣйшая воля, клонящаяся къ благосостоянію всего здѣшняго духовенства, а при томъ и восхитительная мысль узрѣть священное лице государя императора, возводящаго отечество мое на верхъ счастья, приводятъ меня въ восторгъ вожделѣнной радости". Но столь возвышенныя чувства, овладѣвшія душою католикоса Антонія II, не помѣшали ему, однако, представить въ этомъ же своемъ увѣдомленіи цѣлую серію причинъ, якобы мѣшающихъ ему отправиться въ С.-Петербургъ. „Но сколь я несчастливъ",—говоритъ онъ,—„что не имѣю силъ послѣдовать движеніямъ сердца моего, ибо въ прошломъ году, будучи одержимъ болѣзнью не малое время, приведенъ былъ въ крайнюю слабость, отъ которой и доселѣ здоровье мое весьма разстроено. Какъ сіе, такъ и сложеніе корпуса моего, весьма часто различнымъ припадкамъ склоннаго, лишаютъ меня надежды перенесть толико дальній и немало затруднительный путь безъ подверженія даже самой опасной болѣзни или, по крайней мѣрѣ, безъ чувственнаго здоровью моему вреда".

Думается, что не эти выставленныя причины мѣшали католикосу Антонію II выѣхать въ С.-Петербургъ. Быть можетъ, до него какимилибо путями дошли свѣдѣнія о томъ, что въ Петербургѣ уже извѣстно о его дѣятельности въ Грузіи, за которую ему по всей справедливости пришлось бы отдавать полный отчетъ и испытать не малую долю непріятностей и щекотливыхъ для его самолюбія объясненій. Вотъ почему католикосъ Антоній II и предлагалъ, вмѣсто себя, отправить въ С.-Петербургъ члена Св. Сунода, архіепископа Варлаама и перваго въ Грузіи архимандрита Доситеоса, „какъ отличнѣйшихъ

по всему между здѣшнимъ духовенствомъ", которые, руководствуясь даннымъ имъ отъ католикоса наставленіемъ, а при томъ и имѣя достаточныя свѣдѣнія о всемъ, относящемся до грузинскаго духовенства, могли бы представить всѣ необходимыя соображенія по упорядоченію самаго дѣла управленія мѣстною церковью. Этотъ отказъ католикоса Антонія II ѣхать въ С.-Петербургъ былъ доведенъ до свѣдѣнія генерала Тормасова, который 12 января 1810 года и сообщилъ обо всемъ вышеизложенномъ въ С.-Петербургъ. До полученія же оттуда рѣшенія по возбужденному вопросу католикосу Антонію II мѣстною властью было предложено снабдить архіепископа Варлаама полными и точными свѣдѣніями о всемъ, что касалось до грузинскаго духовенства, къ исполненію чего его святѣйшество имѣлъ теперь очень удобное время, такъ какъ всѣ епархіальные митрополиты и архіереи находились въ Тифлисѣ. Собравъ отъ нихъ по интересующему Св. Сунодъ и русское правительство вопросу необходимыя свѣдѣнія, католикосъ Антоній долженъ былъ приготовить, кромѣ того, подробное наставленіе или инструкцію для архіепископа Варлаама. Необходимость эта вытекала изъ простаго желанія не возбуждать впослѣдствіи по каждому отдѣльному вопросу продолжительной переписки. Спустя нѣсколько недѣль, а именно, 25 февраля 1810 года, изъ Петербурга увѣдомили, что государь приказалъ предложить католикосу Антонію прибыть въ столицу, когда здоровье его поправится, а до того времени самое разсмотрѣніе обстоятельствъ, относящихся до устройства церковныхъ дѣлъ въ Грузіи, отложить до времени пріѣзда его святѣйшества въ С.-Петербургъ. Очевидно, что русское правительство рѣшило устранить подъ благовиднымъ предлогомъ верховнаго предстоятеля грузинской церкви отъ управленія ею. Но, вмѣстѣ съ этимъ, и самое рѣшеніе по вопросу объ учрежденіи въ Грузіи Духовной Дикастеріи откладывалось, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, такъ какъ оно всецѣло было связано съ личнымъ прибытіемъ въ С.-Петербургъ католикоса Антонія II, отъ котораго тамъ ожидался подробный и обстоятельный докладъ по дѣлу о состояніи грузинскаго духовенства и объ учрежденіи для упорядоченія церковной жизни особаго духовнаго правленія, а также и по поводу могущихъ въ недалекомъ будущемъ произойти реформъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы существенно измѣнить даже самый бытъ грузинскаго духовенства того времени.

Наконецъ, какъ показываетъ отношеніе генерала Тормасова къ оберъ-прокурору Св. Сунода кн. Голицыну, отъ 29 іюля 1810 года за № 94, у католикоса Антонія явилась рѣшимость отправиться въ С.-Петербургъ, на что, по его просьбѣ, ему отпустили изъ казны 5.000 рублей на путевыя издержки, но, получивъ деньги эти, онъ

отложилъ по неизвѣстной причинѣ свой отъѣздъ до августа мѣсяца 1810 года. Между тѣмъ, пока католикосъ Антоній II собирался въ дорогу, архимандритъ Доситеосъ (Досиѳей), назначенный къ выѣзду въ С.-Петербургъ въ числѣ свиты его святѣйшества, употреблялъ оставшееся до отъѣзда время съ великою для себя пользою. Неизвѣстно доподлинно, дѣйствовалъ ли онъ по собственной иниціативѣ, или же по порученію его святѣйшества, но дѣло въ томъ, что все это время онъ разъѣзжалъ по деревнямъ и собиралъ съ крестьянъ довольно значительныя суммы денегъ, отъ 50 рублей до 400 и болѣе съ каждаго дыма (т. е. двора), увѣряя крестьянъ, что если они пособятъ католикосу на дорогу, то послѣдній, по прибытіи въ С.-Петербургъ, исходатайствуетъ у государя такую имъ вольность, что они никогда уже не будутъ платить въ казну никакихъ больше повинностей. Простодушные люди, разумѣется, отъ всего сердца вѣрили этимъ никогда не могущимъ сбыться обѣщаніямъ о. архимандрита и отдавали ему заработанныя тяжелымъ трудомъ и, быть можетъ, даже послѣднія свои деньги. Съ крестьянъ же селенія Капареули, Телавскаго уѣзда, принадлежащаго князю Чавчавадзе, архимандритъ Доситеосъ рѣшился даже принужденно требовать 300 рублей серебромъ, когда они, по всей вѣроятности, не поддались на его обѣщанія, способныя вскружить голову развѣ только однимъ легковѣрнымъ людямъ.

Въ это же время, когда происходили сборы католикоса Антонія II къ отъѣзду его въ Петербургъ, главнымъ начальникомъ края получены были очень важныя извѣстія о томъ, „что вѣтренный мальчикъ царевичъ Леванъ изъ Осетіи послалъ возмутительныхъ людей къ Арагвскимъ осетинамъ, чтобы ихъ возбудить къ мятежу и къ отнятію католикоса Антонія въ проѣздъ его въ Россію“. Обстоятельство это зародило въ душѣ генерала сильныя подозрѣнія въ благонадежности и вѣрности католикоса русскому правительству, почему и поручено было 20 августа 1810 года генералу Ахвердову разслѣдовать все это дѣло и „примѣчать неослабно за окружающими его святѣйшество, не теряя также изъ виду и его самого“.

Чтобы какъ можно дальше протянуть время, столь необходимое для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія замысловъ, какъ самого католикоса Антонія, такъ и грузинскихъ князей, генералъ Тормасовъ „счелъ полезнѣйшимъ“ нѣсколько повременить отъѣздомъ его святѣйшества въ С.-Петербургъ, „во избѣжаніе, кромѣ того, всѣхъ хлопотъ и необходимости давать ему сильный конвой для препровожденія“. Но нѣтъ худа безъ добра, и эта истина получила въ данномъ случаѣ полное свое примѣненіе на дѣлѣ. Мы разумѣемъ здѣсь весьма тактичный, заслуживающій особеннаго вниманія и особенной похвалы, пріемъ генерала Тормасова, который въ достаточной степени, не-

смотря на кратко-временное свое пребываніе на Кавказѣ, изучивъ характеръ католикоса Антонія II, съумѣлъ ловко воспользоваться слабой его стороной въ достиженіи своей преднамѣченной цѣли, какъ это и видно изъ слѣдующихъ словъ указаннаго уже нами его предписанія генералу Ахвердову: „итакъ, испытавъ уже, сколько до сихъ поръ тяжелъ его (католикоса) подъемъ, остается только не настаивать больше, чтобы онъ ѣхалъ; тогда, я думаю, онъ самъ набиваться на то станетъ. Если же начнетъ сильно стоять въ томъ, чтобы отправиться скорѣе, то этимъ обнаружитъ себя, что у него самого есть замыслы, согласные съ царевичемъ Леваномъ,—слѣдовательно, можно будетъ подъ строгою сокровенностью приступить къ обнаруженію оныхъ. Между тѣмъ, не давая ему ни малѣйшаго повода замѣтить отлагательства съ нашей стороны, можете, ваше превосходительство, подъ видомъ вашего угожденія ему и искренней заботливости о выгодахъ ему въ пути, объявить, что вы первоначально пошлете вездѣ по дорогѣ до самаго Моздока заготовить достаточное число лошадей и безопасный конвой, прося его, въ видѣ великаго участія вашего къ его спокойствію, подождать возвращенія вашего посланнаго не болѣе одной недѣли. А тамъ будетъ предлогомъ невозвращеніе посланнаго, невыставка еще лошадей и испортившаяся дорога, которую для него исправляютъ, доколѣ наступитъ время, удобное къ отправленію его". Вмѣстѣ съ тѣмъ, указано было разузнать въ точности о настроеніи умовъ Арагвскихъ осетинъ и другихъ горцевъ, а также и о томъ, дѣйствительно ли пріѣзжали посланные къ нимъ отъ царевича Левана, какъ они были приняты горцами, и нельзя ли этихъ пословъ схватить.

Въ разслѣдованіи всего этого дѣла, очевидно, со стороны русской правительственной власти на Кавказѣ соблюдалась чрезвычайная осторожность, чтобы, съ одной стороны, не оскорбить какимъ-либо необдуманнымъ мѣропріятіемъ католикоса, а съ другой—соблюсти въ цѣлости русскіе интересы. Ровно черезъ недѣлю, а именно 27 августа 1810 года, стало извѣстно, что католикосъ Антоній II арестовалъ монаха Серапіона и заковалъ его въ кандалы, заподозрѣвъ его въ подачѣ генералу Тормасову какого-то доноса о томъ, что якобы онъ, католикосъ, содѣйствовалъ побѣгу бывшаго имеретинскаго царя Соломона въ Турцію. Объ этомъ поступкѣ монаха Серапіона доведено было до свѣдѣнія католикоса Антонія архимандритомъ Діонисіемъ, который, вмѣстѣ съ названнымъ монахомъ, самъ принималъ въ доносѣ на своего патріарха дѣятельное участіе, но, одумавшись, раскаялся и выдалъ головою своего соучастника Антонію. На уговоры генерала Ахвердова оставить все это дѣло съ Серапіономъ безъ послѣдствій, какъ не стоящее даже простаго вниманія, католикосъ,

ссылаясь на то, что его злодѣи хотятъ оклеветать его въ глазахъ правительства въ измѣнѣ послѣднему, отказывался отъ преподаннаго ему совѣта и непремѣнно хотѣлъ доискаться истины—кто именно пустилъ въ обращеніе подобнаго рода клевету. Обстоятельство это въ данномъ случаѣ явилось для католикоса предлогомъ остаться въ Грузіи до тѣхъ поръ, пока онъ не оправдается во взводимомъ на него тяжкомъ преступленіи. „Всѣ мои убѣжденія,—доносилъ генералъ Ахвердовъ,—остались тщетными, а завтра, какъ слышу, хочетъ велѣть архіереямъ разспросить Серапіона, кѣмъ онъ былъ побужденъ къ сей клеветѣ; кажется, что патріархъ полагаетъ участникомъ въ семъ дѣлѣ митрополита Арсенія“, съ которымъ еще ранѣе поссорилъ его преосвященный Варлаамъ Эристовъ. Вотъ послѣдній-то, намъ думается, и былъ, по всей вѣроятности, главнымъ виновникомъ всѣхъ козней по отношенію къ католикосу Антонію II, мѣсто котораго онъ, очевидно, желалъ занять. Насколько, такимъ образомъ, можно судить по тѣмъ даннымъ, какія у насъ имѣлись подъ руками, на католикоса Антонія, вѣроятно, его врагами были взведены тяжелыя обвиненія, которыя такъ сильно подѣйствовали на него лично и въ то же время уронили его въ глазахъ мѣстнаго правительства. Но были ли основательны эти обвиненія, остается вопросомъ. Очень можетъ быть, что во всемъ взведенномъ на католикоса Антонія и заключалась извѣстная доля правды, которая стараніями его враговъ приняла слишкомъ уже мрачную окраску, по крайней мѣрѣ, не видно, чтобы хоть одно изъ этихъ обвиненій было оффиціально подтверждено. Несмотря на это, все-таки на особу католикоса Антонія легла нѣкоторая тѣнь, заставившая считать его человѣкомъ двуличнымъ по отношенію къ русскому правительству, особенно по закулисной сторонѣ его дѣятельности, о которой знали его приближенные, и свѣдѣнія о которой до властей доходили уже въ нѣсколько извращенномъ видѣ.

Указанными мѣропріятіями генерала Тормасова поѣздка католикоса Антонія II въ С.-Петербургъ отлагалась, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, а вмѣстѣ съ этимъ было пріостановлено и движеніе по дѣлу объ учрежденіи въ Грузіи особаго духовнаго правленія. Дѣло это, несмотря на сильное желаніе правительства, не могло двинуться впередъ, такъ какъ Св. Сунодъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, что собственно нужно было сдѣлать для грузинской церкви. Изъ отношенія оберъ-прокурора Св. Сунода, отъ 28 сентября 1810 г. № 778, къ начальнику края, усматривается, что главнокомандующему войсками въ Грузіи, совмѣстно съ архіепископомъ Варлаамомъ Эристовымъ, поручено было, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, представить мнѣніе

въ какомъ видѣ и на какомъ основаніи устроить управленіе грузинскимъ духовенствомъ и при томъ такъ, чтобы оно было въ зависимости отъ Св. Сунода, съ обозначеніемъ фамилій лицъ, изъ коихъ возможно было бы образовать самый составъ проектируемаго духовнаго правленія.

Между тѣмъ розыски по дѣлу о замыслахъ католикоса Антонія II и окружающихъ его лицъ были приведены къ благополучному концу, результатомъ чего и явилась возможность не задерживать болѣе отъѣзда его святѣйшества въ С.-Петербургъ, куда онъ и выѣхалъ изъ Тифлиса 3-го ноября 1810 года, простившись предварительно въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ со всѣми епархіальными архіереями. По прибытіи въ Мцхетъ, католикосъ Антоній II прожилъ здѣсь до 9 ноября, а затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь, сопровождаемый до Коби 16-ю казаками Данилова полка во главѣ съ офицеромъ, а изъ Коби до Владикавказа—расположенными въ Хевскомъ и Тагаурскомъ ущельяхъ ротами пѣхотныхъ солдатъ, такъ какъ дорога эта была небезопасна для путешественниковъ со стороны немирныхъ горцевъ [1]). Католикосъ Антоній прибылъ въ С.-Петербургъ въ началѣ 1811 года.

Императоръ Александръ I отнесся къ нему чрезвычайно милостиво: назначилъ его членомъ Св. Сунода, подарилъ ему богатую мантію зеленаго бархата съ крижалями, украсилъ его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и, кромѣ гонорара на этотъ орденъ, пожаловалъ ему ежегодную пенсію въ 54.000 рублей ассигнаціями, что по тогдашнему курсу составляло значительную сумму. Но, вѣроятно, дороговизна жизни въ С.-Петербургѣ, требовавшая тамъ на содержаніе большой свиты весьма значительныхъ издержекъ и вовлекшая католикоса въ неизбѣжные долги, а можетъ быть, и другія какія-либо причины заставили его изъ сѣверной столицы удалиться во внутреннюю Россію: онъ отправился на покой, былъ уволенъ 11 іюня 1811 года, и потомъ жилъ въ Москвѣ, съ 1812 года—въ Тамбовѣ, съ 1819 года опять въ Петербургѣ и, наконецъ, въ Нижнемъ Новгородѣ [2]).

Изъ всѣхъ великороссійскихъ губерній католикосъ Антоній II предпочелъ избрать окончательнымъ своимъ мѣстопребываніемъ Нижегородскую, быть можетъ, потому, что здѣсь жили его соотечественники: потомокъ карталинскихъ царей князь Георгій Александровичъ Грузинскій, вдова князя Леона Грузинскаго, Параскева Евграфовна,

---

[1]) См. мою статью—„Нѣсколько страницъ изъ исторіи Грузинской церкви“ въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“ за 1893 годъ.

[2]) Исторія христіанской церкви въ XIX в., изд. Лопухина. Спб., 1901 г., т. II, стран. 572.

Библиотека-Читальня
Московскаго общества

урожденная Татищева, съ своимъ семействомъ, которую называли еще княгинею Катунской, по помѣстью ея, селу Катункамъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ и свойственникъ его по матери князь Николай Александровичъ Дадіанъ. А такъ какъ многіе изъ нихъ были постоянными прихожанами Покровской церкви, то подъ сѣнію этого же храма и царственный святитель пріютился въ качествѣ прихожанина со своимъ штатомъ, состоящимъ изъ однихъ грузинъ, монашествующихъ и мірянъ, а изъ принадлежащихъ лично ему, выѣхавшихъ съ нимъ изъ Грузіи, дворовыхъ людей, изъ которыхъ иные были съ семействами. Изъ близкихъ родственниковъ находился при немъ родной его племянникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Евстафій Давидовичъ Циціановъ, выѣхавшій съ нимъ изъ Грузіи въ Россію, жившій при немъ 17 лѣтъ неотлучно и управлявшій всѣми его домашними дѣлами. При князѣ Циціановѣ также находилось нѣсколько семействъ крѣпостныхъ людей, взятыхъ имъ изъ Грузіи. По пріѣздѣ своемъ въ Нижегородскую губернію, католикосъ нѣкоторое время гостилъ въ селѣ Лысковѣ у камергера, князя Г. А. Грузинскаго, бывшаго болѣе 20 лѣтъ сряду нижегородскимъ предводителемъ дворянства, имѣвшаго большое состояніе и жившаго, по примѣру истыхъ вельможъ прежнихъ временъ, открыто, гостепріимно, по-княжески. Изъ Лыскова католикосъ Антоній II переѣхалъ въ 1824 году весной на житье въ Нижній Новгородъ и сначала занималъ домъ, принадлежащій тогда Рюмину, почти напротивъ Покровской церкви, которая постоянно была молельнымъ храмомъ его святѣйшества; въ ней Харлампіевскій придѣлъ отведенъ былъ грузинамъ для отправленія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ богослуженія на ихъ отечественномъ діалектѣ. При этихъ богослуженіяхъ почти всегда присутствовалъ католикосъ, какъ богомолецъ, сидя бо́льшею частію, по слабости ногъ, посреди церкви подъ аркой, на высокихъ креслахъ, покрытыхъ бѣлымъ чахломъ. Памятникомъ его пребыванія въ Покровскомъ приходѣ служитъ принесенная имъ въ даръ церкви небольшая икона Св. Троицы, о которой самъ его святѣйшество свидѣтельствовалъ, что она старинная и чудотворная. Кромѣ того, въ метрической церкви записано, что 9-го октября 1824 года былъ онъ воспріемникомъ съ княжною Дарьею Леоновной Грузинской у гвардіи поручика Александра Александровича и супруги его Ольги Леоновны Турчаниновыхъ, дочери Варвары. Самъ Антоній II, хотя и служилъ въ каѳедральномъ соборѣ и въ новомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, но весьма рѣдко. Монахини шестидесятыхъ годовъ помнили и разсказывали, какъ парадно пріѣзжалъ, бывало, къ нимъ блаженнѣйшій католикосъ въ своей золотой каретѣ, и какъ онъ совершалъ у нихъ литургію на грузинскомъ языкѣ, котораго всѣ онѣ не пони-

мали, между тѣмъ, какъ служащіе съ нимъ и пѣвчіе отправляли службу по-славянски. Разсказывали также, что онъ одинъ разъ послѣ литургіи кушалъ въ монастырской трапезѣ, сидя на возвышеніи вмѣстѣ съ игуменіей Дорооеей Михайловой, въ виду всѣхъ сестеръ обители, помѣщавшихся за длинными столами, у окошекъ.

Когда нижегородскій преосвященный Моусей, въ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы 1824 года, ѣхавшій служить въ Дѣвичій монастырь литургію, былъ на дорогѣ, въ каретѣ, пораженъ апоплексическимъ ударомъ, то, во время его болѣзни, католикосъ освящалъ антиминсы, посвящалъ всѣхъ ставленниковъ и отпѣвалъ преосвященнаго Моусея, скончавшагося 10-го января 1825 года. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1825 года, по случаю кончины императора Александра I, католикосъ Антоній II, въ небытность епархіальнаго архіерея, два раза приводилъ нижегородскихъ гражданъ къ присягѣ: въ первый разъ ночью — императору Константину I, въ другой разъ послѣ вечерни—императору Николаю I.

На эктеніяхъ величали его „блаженнѣйшимъ“ католикосомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, а въ разговорѣ и на письмѣ именовали „святѣйшествомъ“. Въ свободное время Антоній II любилъ заниматься отечественной литературой, владѣя драгоцѣнной коллекціей грузинскихъ книгъ, преемственно доставшихся ему отъ предмѣстника его, покойнаго католикоса Антонія I, который самъ написалъ нѣсколько полезнѣйшихъ сочиненій по учебной части и во всю жизнь свою не щадилъ ничего на пріумноженіе своей грузинской библіотеки. Многіе нижегородцы того времени долго помнили своего знаменитаго гостя и разсказывали, что блаженнѣйшій католикосъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, отличался сановитою наружностью, имѣлъ высокій ростъ, лицо полное, свѣжее, восточнаго типа, красоты замѣчательной, съ большою окладистою бородою; глубокіе черные глаза его осѣнялись густыми бровями, голова его украшалась бѣлымъ клобукомъ съ брилліантовымъ крестомъ и съ жемчужными херувимами на плечахъ, на груди у него блистали двѣ драгоцѣнныя панагіи и наперстный крестъ съ двумя крупными брилліантами; золотая цѣпь и звѣзда ордена св. Андрея Первозваннаго, Александровская звѣзда и, среди всѣхъ этихъ первоклассныхъ и цѣнныхъ украшеній, простой бронзовый кресс въ память отечественной войны 1812 года на Владимірской лентѣ. Всѣ эти знаки отличія придавали ему величественный видъ. Обращеніе его со всѣми было чрезвычайно вѣжливое и благосклонное; манеры его соотвѣтствовали высокому сану и происхожденію; затрудняясь въ произношеніи русскихъ словъ, разговаривалъ онъ большею частію черезъ переводчика, любилъ бесѣды образованныхъ лицъ, принималъ охотно посѣщенія и часто самъ бывалъ

въ обществѣ. Свои парадные выѣзды католикосъ Антоній II совершалъ въ подаренной ему императоромъ Александромъ I золотой каретѣ, принадлежавшей ранѣе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. У этой шестистекольной, французскаго издѣлія, кареты, кузовъ былъ росписанъ лиліями и гирляндами; запрягалась она обыкновенно цугомъ, въ шесть лошадей, съ шарами и страусовыми перьями на головахъ. Въ незатѣйливомъ губернскомъ городѣ все это было такъ диковинно, такъ необыкновенно, что народъ не могъ довольно наглядѣться на грузинскаго іерарха и вездѣ сопровождалъ его толпами. Угасая на холодномъ сѣверѣ, вдали отъ родной своей Грузіи, католикосъ Антоній II болѣе всего скорбѣлъ душою о томъ, что не имѣетъ чѣмъ обезпечить жизнь своихъ близкихъ. Хотя и получалъ онъ отъ казны ежегодный гонораръ въ 54.000 руб. ассигнаціями, но, при высокомъ смиреніи своемъ, не скопилъ для себя ничего, потому что всегда и вездѣ содержалъ въ довольствѣ свой штатъ, много раздавалъ бѣднымъ, помогалъ своимъ соотечественникамъ; самъ же, въ полномъ смыслѣ слова, богатъ былъ одною нищетою, такъ что и похоронить его было нечѣмъ.

Католикосъ Антоній II скончался послѣ непродолжительной болѣзни, 66 лѣтъ отъ роду, 21-го декабря 1827 года, въ 10 часовъ утра, о чемъ въ то же время генералъ-губернаторъ Бахметевъ извѣстилъ шефа жандармовъ Бенкендорфа, оберъ-прокурора Св. Сунода князя П. С. Мещерскаго и министра внутреннихъ дѣлъ.

Такъ какъ послѣ смерти католикоса осталось въ наличности денегъ только 400 рублей ассигнаціями, то князь Г. А. Грузинскій, для отданія ему послѣдняго долга, принужденъ былъ занять 6.000 рублей, о чемъ тогда же извѣстилъ мѣстное начальство и принялъ на себя всѣ похоронныя хлопоты и распоряженія. Съ подобающими высокому сану и достоинству покойнаго іерарха-царевича почестями тѣло его было вынесено 24-го декабря изъ дома г. Ефимьевскаго въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ устроенъ былъ великолѣпный катафалкъ подъ короной, и вся внутренность церкви была одѣта глубокимъ трауромъ съ гербами и цвѣтами Грузіи. Со дня кончины до самыхъ похоронъ все духовенство Нижняго Новгорода, по очереди, дежурило день и ночь при тѣлѣ почившаго католикоса: священники читали въ головахъ усопшаго евангеліе, діаконы держали надъ нимъ золотые его дикиріи, а причетники осѣняли золотыми же рипидами. 31-го декабря совершено было съ печально-торжественною церемоніею погребеніе сего потомка царей грузинскихъ преосвященными епископами—нижегородскимъ Аѳанасіемъ и пензенскимъ Иринеемъ. Передъ выносомъ гроба изъ Благовѣщенскаго собора протоіерей Лебедевъ произнесъ надъ нимъ прощальную рѣчь. Въ процессіи несли знаки отличія

покойнаго и слѣдовали—генералъ-губернаторъ Бахметевъ, губернаторъ Храповицкій, губернскій предводитель дворянства кн. Грузинскій и всѣ городскія власти въ полной парадной формѣ; войска, стоявшія въ строю на Верхне-базарной площади, отдавали знаменитому усопшему царскую почесть. Прахъ католикоса Антонія II покоился въ Скорбященскомъ соборѣ около 14-ти лѣтъ, а 9-го сентября 1841 года, по разобраніи этого собора, перенесенъ былъ подъ своды новаго Преображенскаго каѳедральнаго собора, гдѣ и положенъ въ усыпальницѣ въ нынѣшнемъ алтарѣ Дмитріевскаго придѣла, по правую сторону [1]).

III.

Вступленіе архіепископа Варлаама во временное управленіе грузинскимъ духовенствомъ.—Труды архіепископа Варлаама по приведенію въ извѣстность числа духовенства, церквей, монастырей, церковныхъ имѣній и доходовъ.—Учрежденіе Духовной Дикастеріи.—Новый проектъ митрополита Варлаама и архіепископа Досиѳея по управленію грузинскимъ духовенствомъ.—Учрежденіе и открытіе Грузино-Имеретинской Св. Сѵнода конторы и Осетинской духовной коммиссіи.—Неудовлетворительная дѣятельность послѣдней.—Увольненіе отъ службы 1-го экзарха Грузіи и Имеретіи, митрополита Варлаама и архіепископа грузино-кавказскаго Досиѳея.

За отъѣздомъ его святѣйшества католикосо-патріарха Антонія II въ Россію, во временное управленіе грузинскимъ духовенствомъ вступилъ архіепископъ Варлаамъ Эристовъ, которому и предстояло, съ одной стороны, выработать проектъ учрежденія въ Грузіи Духовной Дикастеріи, а съ другой—представить высшей власти обстоятельный докладъ о томъ, въ какомъ видѣ находится ввѣренное ему духовенство, какія предполагаются имъ мѣры къ приведенію послѣдняго въ должный порядокъ и къ учрежденію здѣсь Духовной Дикастеріи, имѣетъ ли онъ въ своемъ распоряженіи по этому предмету какое-либо для своего руководства наставленіе изъ Св. Сѵнода, а также и о томъ, какія именно лица должны войти въ составъ проектируемаго учрежденія. Возложенная на архіепископа Варлаама задача была не изъ легкихъ, такъ какъ дѣла по управленію грузинскимъ духовенствомъ за все время предстоятельства католикоса Антонія II были слишкомъ запутаны и находились въ хаотическомъ состояніи, особенно по вопросу о числѣ доходовъ, приносимыхъ

---

[1]) Журналъ „Странникъ“ за 1865 г., августъ, стран. 95—102.

церквами и монастырями. Въ этой области царилъ полный произволъ: епархіальные архіереи, въ распоряженіи которыхъ состояли эти доходы, рѣшительно никому никакого отчета по этому дѣлу не давали, да и сами къ тому же не имѣли точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о количествѣ получаемыхъ ими съ указанныхъ источниковъ денежныхъ суммъ, каковыми совершенно безконтрольно пользовались не только они сами, но свою долю участія въ нихъ имѣли также и принадлежащіе къ церквамъ дворяне. Какъ тѣ, такъ и другіе прикрывались въ данномъ случаѣ соизволеніемъ бывшаго католикосо-патріарха Антонія II, по которому епархіальные архіереи и церковные дворяне имѣли право на обоюдное пользованіе церковными доходами и имуществомъ. Но что всего удивительнѣе, такъ это—отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о числѣ церквей и самаго духовенства, а также и о количествѣ движимаго и недвижимаго имущества, принадлежащаго церквамъ. Все это было покрыто мракомъ неизвѣстности и крайней неопредѣленности. Архіепископъ Варлаамъ не замедлилъ, съ своей стороны, въ скоромъ времени выполнить съ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ успѣхомъ возложенное на него порученіе и тѣмъ далъ возможность начальнику края, генералу Тормасову, черезъ посредство оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода князя Голицына, представить обстоятельный докладъ, отъ 18-го февраля 1811 года, Св. Сѵноду по вопросу объ упорядоченіи всего церковнаго строя въ тогдашней Грузіи. 21-го іюня 1811 года на высочайшее благоусмотрѣніе императора Александра I было представлено опредѣленіе самого Св. Сѵнода. Въ немъ сообщалось, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ съ Кавказа, въ Грузіи состояло въ то время: епархій — 13, въ нихъ архіереевъ — 7, церквей — 799, священниковъ — 746, діаконовъ — 146, церковниковъ — 661, архимандрій — 9, архимандритовъ—6, монашествующихъ 75 и при нихъ крестьянскихъ дворовъ 2.213; въ 9 архимандріяхъ—637 дворовъ, да у церковныхъ дворянъ—470 семействъ. Весь доходъ съ церквей, монастырей и принадлежащихъ послѣднимъ имѣній, по сообщенію архіепископа Варлаама, въ епархіяхъ исчислялся въ 26.360 р., а въ архимандріяхъ—въ 13.224 рубля. А потому — говорилось въ сѵнодальномъ докладѣ — правительство и управляющій духовенствомъ (въ виду гадательности этихъ цифръ, итогъ которымъ былъ подведенъ только лишь приблизительно) приложатъ все свое стараніе въ дѣлѣ изысканія болѣе лучшихъ путей и средствъ къ увеличенію самой суммы получаемыхъ церковныхъ доходовъ, остатокъ которой, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей церковной жизни, возможно впослѣдствіи употребить на богоугодныя заведенія, содержимыя казною. Изъ существовавшихъ же тогда 13 епархій, по мнѣнію архіепископа

Варлаама, предполагалось составить только двѣ—Мцхетско-Карталинскую и Алавердско-Кахетинскую. Архіерею первой епархіи, какъ начальнику надъ грузинскимъ духовенствомъ, предоставить право называться митрополитомъ мцхетскимъ и карталинскимъ и экзархомъ сунодскимъ надъ Грузіею, и быть ему подъ вѣдомствомъ Св. Сунода, въ который онъ обязывался въ случаѣ особенно важныхъ дѣлъ входить рапортами. Изъ 9 архимандрій предпологалось образовать только пять.

Что же касается Духовной Дикастеріи, то послѣдняя проектировалась по образцу существовавшихъ тогда въ Россіи подобнаго рода духовныхъ учрежденій, при чемъ предсѣдателемъ ея обязывался быть управляющій грузинскимъ духовенствомъ, а членами —архіереи, архимандриты и протоіереи. По смыслу выработанныхъ правилъ, Дикастерія должна была обо всемъ, что касалось грузинскаго духовенства, получать представленія и необходимыя свѣдѣнія отъ епархій и архимандрій.

Первоначальною же обязанностью означенному учрежденію имѣлось въ виду поставить: а) опредѣлить подлинное (а не гадательное только) число существовавшихъ тогда церквей, а также и духовенства, изъ которыхъ лишнія упразднить, а оставленному за штатомъ вслѣдствіе этого духовенству опредѣлить соотвѣтственное званію содержаніе изъ церковныхъ доходовъ; б) привести въ совершенный порядокъ доходы съ церковныхъ крестьянъ, для чего Дикастерія обязана разсмотрѣть и повѣрить всѣ счеты о приходахъ и расходахъ, а также и распоряжаться своими доходами, предназначенными на содержаніе учебныхъ и прочихъ богоугодныхъ заведеній. Общая же сумма всѣхъ расходовъ по грузинскому экзархату не должна была превышать 39.548 рублей въ годъ, изъ коихъ экзарху Грузіи предполагалось назначить на ежегодное содержаніе 5.000 рублей; в) такъ какъ сборъ церковныхъ доходовъ натурою представлялся крайне затруднительнымъ, то архіереямъ и архимандритамъ предложить, чтобы означенный сборъ былъ обращенъ въ денежный для доставленія его въ Дикастерію, которая, въ свою очередь, полученную сумму распредѣляетъ по статьямъ расхода на содержаніе учебныхъ и прочихъ заведеній въ экзархатѣ. А тѣ доходы, которые назначены въ жалованье архіереямъ и архимандритамъ, предоставить имъ получать съ крестьянъ натурою, при чемъ Дикастерія, съ своей стороны, назначаетъ каждому изъ нихъ опредѣленную деревню и опредѣленное число крестьянскихъ дворовъ, съ которыхъ они получали бы, съ вѣдома Дикастеріи, опредѣленное содержаніе; г) въ виду той общей пользы, какую приноситъ образованное ученіемъ и воспитаніемъ духовенство, но особенно можетъ быть употребляемо для проповѣданія слова

Божія сосѣднимъ съ Грузіею горскимъ идолопоклонническимъ племенамъ. Для осуществленія этой цѣли, за неимѣніемъ въ Грузіи духовныхъ училищъ, признается необходимымъ основать гимназію для дѣтей священниковъ и діаконовъ. Число учениковъ на первое время могло бы состоять изъ 60 человѣкъ. Окончившихъ курсъ ученія въ этой гимназіи имѣлось въ виду опредѣлять на епархіальную службу. Въ уѣздныхъ же училищахъ могутъ обучаться дѣти не только духовенства, но и бѣдныхъ дворянъ и гражданъ, гдѣ будутъ преподаваемы русскій и грузинскій языки и первыя правила ариѳметики.

Что же касается дворянъ, принадлежащихъ епархіямъ и монастырямъ, которые, въ качествѣ управителей церковными имѣніями, пользовались вполнѣ безконтрольно доходами съ нихъ, получивъ это право отъ епархіальныхъ архіереевъ, несмотря на то, что эти послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могли, да и не имѣли рѣшительно никакой власти, по грузинскому узаконенію, раздавать церковныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ имѣніями, — то Св. Сѵнодъ, вполнѣ раздѣляя по этому вопросу мнѣніе архіепископа Варлаама и генерала Тормасова, предложилъ, съ своей стороны, „чтобы тѣ имѣнія оставить церквамъ, дворянъ же церковныхъ съ ихъ имѣніями и крестьянами передать въ казенное вѣдомство и переселить на пустопорожнія земли, принадлежащія правительству“. Равнымъ образомъ, „о священническихъ и діаконскихъ вдовахъ и дѣтяхъ, дабы первыя послѣ смерти мужей, а послѣднія отцовъ своихъ, не оставались безъ пропитанія, необходимо признавалось озаботиться путемъ обезпеченія чрезъ отчисленіе на ихъ содержаніе особой суммы, за исключеніемъ тѣхъ вдовъ и сиротъ, которыя будутъ имѣть сами вполнѣ достаточное состояніе или собственныя недвижимыя имѣнія“.

Св. Сѵнодъ, разсмотрѣвъ изложенныя выше свѣдѣнія о состояніи въ Грузіи духовенства, пришелъ къ тому заключенію, что оставить его въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось до сихъ поръ, нельзя, между прочимъ, и потому: 1) что 13 епархій по своему количеству превышаютъ мѣру какъ по пространству, такъ и по числу церквей въ Грузіи; 2) что отсутствіе духовныхъ судебныхъ мѣстъ, наблюдающихъ, подобно русскимъ духовнымъ консисторіямъ и духовнымъ правленіямъ, надъ дѣятельностью духовенства, влечетъ за собою неустройство и безпорядки; 3) устройство духовной семинаріи необходимо для того, чтобы въ приходахъ имѣть всегда такихъ священнослужителей, которые были бы по своему образованію наставниками въ законѣ, а по жизни — примѣромъ для своихъ прихожанъ, наконецъ, 4) что раздача частнымъ лицамъ церковнаго имѣнія безъ всякаго на это права неминуемо лишила правительство средствъ для приличнаго содержанія какъ церквей, такъ и духовенства.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, Св. Сунодъ и пришелъ къ такому рѣшенію: а) вмѣсто 13 епархій, образовать только двѣ—одну подъ названіемъ Мцхетской и Карталинской, а другую — Алавердской и Кахетинской; изъ 9 архимандрій оставить только пять, согласно представленію архіепископа Варлаама; б) начальникомъ надъ грузинскимъ духовенствомъ быть митрополиту мцхетскому и карталинскому, съ присвоеніемъ ему навсегда титула члена Св. Сунода и экзарха Грузіи; в) учредить Духовную Дикастерію на равномъ съ русскими духовными консисторіями основаніи и подъ верховнымъ начальствомъ управляющаго грузинскимъ духовенствомъ съ представленіемъ ему права по своему усмотрѣнію опредѣлять въ нее присутствующими членами способныхъ изъ монашествующихъ лицъ и бѣлаго духовенства, а самой Духовной Дикастеріи, сверхъ возлагаемой на нее обязанности, въ производствѣ дѣлъ предписывалось поступать, согласно слову Божію, правиламъ свв. соборовъ и отецъ, государственнымъ узаконеніямъ и предписаніямъ изъ Св. Сунода.

Когда же учрежденіе Дикастеріи станетъ совершившимся фактомъ, то предполагалось начальствующему надъ грузинскимъ духовенствомъ предоставить право, принимая во вниманіе удобство и количество церквей, для начальнаго судопроизводства между духовенствомъ, устроить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ духовныя правленія, въ которыя и назначить членами мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ, а для надлежащаго надзора надъ духовенствомъ имѣть также и благочинныхъ; г) для обученія дѣтей священно-церковно служителей и приготовленія ихъ къ духовному званію, Св. Сунодъ нашелъ необходимымъ основать духовную семинарію; что же касается до уѣздныхъ училищъ, то, по мнѣнію членовъ Сунода, надлежало открыть таковыя въ удобныхъ мѣстахъ и непремѣнно въ то время, когда въ семинаріи будетъ сдѣланъ первый выпускъ окончившихъ курсъ ея воспитанниковъ, изъ которыхъ и возможно будетъ выбрать годныхъ для этого дѣла учителей; д) суммы, ассигнуемыя на содержаніе архіереевъ, архимандритовъ, Дикастеріи, семинаріи, а также и на пенсіи вдовамъ и сиротамъ духовенства и на удовлетвореніе другихъ расходовъ, должны быть образовываемы изъ церковныхъ доходовъ, получаемыхъ съ церковныхъ крестьянъ. Относительно же денежныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія уѣздныхъ училищъ, то таковыя ассигновать уже по открытіи ихъ, а до того времени, если встрѣтится надобность, то часть изъ этихъ суммъ можно употреблять на устроеніе семинаріи и приведеніе въ порядокъ всѣхъ ея частей, остальныя же деньги хранить до открытія училищъ; е) къ поддержанію церквей и духовенства Св. Сунодъ согласенъ съ мнѣніемъ архіепископа Варлаама и генерала Тормасова объ обращеніи раньше

розданныхъ частнымъ лицамъ церковныхъ имѣній въ духовное вѣдомство, при чемъ дворянъ, занимающихъ должности управляющихъ этими имѣніями, такъ какъ сборъ доходовъ съ церковныхъ крестьянъ возлагается уже на Дикастерію, отчислить отъ должности, потому что надобности въ нихъ уже больше не предвидится; но такъ какъ переселеніе ихъ на пустопорожнія мѣста въ краѣ зависитъ не отъ духовнаго начальства, то Св. Сунодъ всеподданнѣйше и представляетъ это обстоятельство высочайшему разсмотрѣнію.

Императоръ Александръ I означенный докладъ Св. Сунода всемилостивѣйше утвердилъ 30-го іюня 1811 года, начертавъ на подлинномъ собственноручно: „Быть по сему".

Св. Суноду предстояло теперь сдѣлать непремѣнное распоряженіе о томъ, въ какихъ именно случаяхъ экзархъ Грузіи обязанъ сноситься съ Св. Сунодомъ и въ какихъ можетъ самостоятельно рѣшать тѣ или другіе вопросы по епархіальному управленію на мѣстѣ. Кромѣ этого, на обязанности Св. Сунода лежало еще и снабженіе управляющаго грузинскимъ духовенствомъ свѣдѣніями и правилами, дѣйствовавшими до этого времени въ Грузіи при обращеніи въ христіанство язычниковъ Кавказскихъ горъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, по ознакомленіи съ ними, представилъ свои соображенія по данному вопросу въ Св. Сунодъ [1]).

Такимъ образомъ, по высочайше утвержденному 30-го іюня 1811 г. докладу Св. Сунода, грузинская церковь, основанная въ IV вѣкѣ по Рожд. Христовомъ, уже окончательно входитъ въ составъ церкви русской, съ подчиненіемъ Св. Суноду и подъ непосредственнымъ управленіемъ экзарховъ.

8-го мая 1815 года состоялось въ городѣ Тифлисѣ и самое открытіе грузино-имеретиской Св. Правительствующаго Сунода конторы. Наканунѣ этого событія совершено было всенощное богослуженіе въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ, а въ самый день — литургія, которую совершалъ первый экзархъ Грузіи, митрополитъ Варлаамъ, съ присутствующими членами сунодальной конторы. За богослуженіемъ было сказано его высокопреосвященствомъ на грузинскомъ языкѣ приличествующее обстоятельствамъ слово. По совершеніи божественной литургіи, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома, митрополитомъ Варлаамомъ съ преосвященными архіепископами—Досиѳеемъ телавскимъ и грузино-кавказскимъ и Стефаномъ, бывшимъ ниноцминдскимъ и руставскимъ, съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По отправленіи благодарственнаго молебна, вышеупомянутые

[1]) См. мою статью въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата" за 1893 годъ и № 19 того же журнала за 1894 годъ.

преосвященные и съ ними прочіе присутствующіе члены конторы, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ г. Тифлиса, вышли изъ Сіонскаго собора и направились въ домъ, находящійся въ подворьѣ Тифлисскаго греческаго монастыря въ честь воздвиженія Креста Господня и предназначенный для торжества открытія сунодальной конторы; въ этомъ шествіи принимало участіе и все знатное городское духовенство, въ сопровожденіи главнокомандующаго въ Грузіи, генерала Ртищева, тифлисскаго военнаго губернатора, генералитета, губернскаго и уѣзднаго маршаловъ, знатныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и почетныхъ мокалаковъ. До самаго мѣста открытія шли впереди пѣвчіе съ приличнымъ случаю пѣніемъ. По входѣ въ домъ, митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми преосвященными и духовенствомъ, въ присутствіи всѣхъ представителей знатнѣйшихъ сословій, совершилъ водоосвященіе, по окончаніи котораго, секретарь сунодальной конторы Чиляевъ прочиталъ высочайшій указъ объ ея открытіи, послѣ чего членомъ конторы, архимандритомъ Аѳанасіемъ, сказана была на русскомъ языкѣ привѣтственная рѣчь; затѣмъ, какъ предсѣдатель сунодальной конторы, такъ и всѣ члены послѣдней, согласно духовному регламенту и по изданной формѣ, приняли присягу на вѣрность службы. Въ этотъ же день, по установленному порядку, съ занятіемъ соотвѣтствующихъ званію мѣстъ, присутствующіе открыли первое засѣданіе, по окончаніи котораго всѣ отправились къ высокопреосвященному Варлааму, митрополиту мцхетскому, гдѣ сервированъ былъ завтракъ для всѣхъ рѣшительно лицъ, участвовавшихъ въ торжествѣ открытія грузино-имеретинской сунодальной конторы. Изъ особеннаго соучастія въ этомъ радостномъ для всей Грузіи торжествѣ, положившемъ собою начало новой и болѣе лучшей жизни мѣстной православной церкви, главнокомандующій, съ своей стороны, далъ обѣдъ, къ которому были приглашены какъ почетнѣйшее духовенство, такъ и всѣ знатные военные и гражданскіе чины и грузинское дворянство. Во всѣхъ церквахъ города Тифлиса цѣлый день продолжался колокольный звонъ [1]).

Вмѣстѣ съ грузино-имеретинской сунодальной конторой, высочайшею волею призвана была къ новой жизни и осетинская духовная коммиссія для наиболѣе успѣшнаго распространенія христіанства, какъ среди осетинскаго народа, такъ и другихъ горскихъ племенъ Кавказа. Эти племена еще въ отдаленной древности, благодаря миссіонерскимъ трудамъ свв. апостоловъ, а также грузинскихъ и греческихъ про-

[1]) Подробности см. въ моей статьѣ „Нѣсколько страницъ изъ исторіи Грузинской церкви“, въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“ за 1894 г., № 19.

повѣдниковъ, исповѣдывали православно-христіанскую вѣру. До сихъ поръ еще по самымъ глухимъ ущельямъ Кавказа разсѣяно много мѣстъ, которыя абхазцы, сванеты, осетины, кистины, кабардинцы, многія чеченскія общества, большая часть одыговъ окружаютъ благоговѣніемъ, необъяснимымъ для нихъ самихъ; въ смутномъ понятіи ихъ о святости такихъ мѣстъ всегда мерцаетъ какой-нибудь слѣдъ христіанскаго преданія. „Картлисъ-Цховреба“ свидѣтельствуетъ, что съ 696 года просвѣщенные христіанствомъ осетины составляли паству мцхетскаго католикоса и подчинялись его юрисдикціи. Но особенно много заботился о крещеніи кавказскихъ горцевъ византійскій императоръ Юстиніанъ (527—565), который въ 541 году къ покореннымъ его войсками абхазцамъ посылаетъ священниковъ, строитъ церкви и учреждаетъ архіепископскую каѳедру въ Пицундѣ, подчинивъ ее юрисдикціи константинопольскаго патріарха [1]). Объ этомъ императорѣ, славянинѣ по происхожденію, которому приписываютъ преимущественную честь распространенія евангельскаго ученія въ западномъ Кавказѣ, до сихъ поръ сохраняется живое воспоминаніе въ адыгскихъ пѣсняхъ. Памятникомъ просвѣтительной дѣятельности императора Юстиніана является знаменитый и величественный храмъ питіусскій-пицундскій на берегу Чернаго моря, недалеко отъ Сухума, обновленный послѣдній разъ 3 сентября 1885 года, при архіепископѣ Павлѣ, экзархѣ Грузіи.

Отсюда, изъ этого священнаго мѣста, при императорѣ-строителѣ Юстиніанѣ, многочисленные греческіе проповѣдники проникали въ нѣдра горъ до самой кабардинской плоскости, и множество разрушенныхъ древнихъ церквей, часовенъ, крестовъ и полуистертыхъ надписей на камняхъ, этихъ нѣмыхъ для нашего времени свидѣтелей прежняго, хотя и въ зачаточномъ только видѣ, состоянія христіанской культуры и гражданственности, въ недоступной глуши горъ, обитаемыхъ теперь магометанами, въ верховьяхъ Кубани, на Шебердѣ и въ другихъ ущельяхъ и дебряхъ Кавказа,—относится, по всей вѣроятности, еще къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ вѣкамъ, когда крестъ Христовъ былъ лучезарнымъ знаменемъ, около котораго соединялись въ одну христіанскую семью различныя племена кавказскихъ горцевъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ распространенія христіанства для его окончательнаго успѣха не доставало одного великаго условія—національной самостоятельности. Книги св. писанія не были переводимы на туземные языки; богослуженіе совершалось на греческомъ діалектѣ;

[1]) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рожд. Хр. до 1879 года. Архим. Арсеній. Спб. 1880 г., стран. 225.

христіанство находилось въ строгой зависимости отъ Византіи, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельскаго свѣта для Кавказа. Туземцы не успѣли еще высвободиться изъ переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ послѣднее. Мнимые кавказскіе христіане оказывались въ дѣйствительности язычниками. И теперь передъ многими, сохранившимися до нынѣ, вещественными памятниками угасшей тамъ вѣры Христовой, горцы шепчутъ свои молитвы, но, конечно, не тому Богу, въ чье имя они сооружены. Кромѣ того, нашествіе на Кавказъ арабовъ въ VII—VIII столѣтіяхъ подавило едва начавшееся здѣсь христіанство. Оно было истреблено почти повсемѣстно въ горахъ Кавказа,—не только среди лезгинъ и чеченцевъ, но даже и въ болѣе далекой Осетіи. Возникшія мусульманскія правительства, по самому географическому и историческому положенію своему, имѣли на горцевъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ грузинскіе цари и католикосы, и съ успѣхомъ распространяли въ горахъ исламизмъ, который—кстати сказать—въ настоящее время успѣлъ на большомъ протяженіи Кавказскихъ горъ слиться съ бытомъ народнымъ. Впрочемъ, въ Осетіи приверженность къ христіанству все-таки укоренилась глубже, чѣмъ въ восточномъ Кавказѣ. Однако, и этотъ народъ, по сообщенію арабскаго писателя Масуди, въ 931 году выгналъ изъ страны своихъ священниковъ, разрушилъ свои христіанскія церкви и принялъ исламъ. Около 1050 года, сынъ грузинскаго царя Георгія I (1014—1027 г.), Димитрій вступилъ на престолъ Осетіи, положивъ тамъ начало грузинской багратіоновской династіи. Воцареніе Димитрія, несомнѣнно, было благопріятно для гонимаго въ Осетіи христіанства. На указанный упадокъ послѣдняго между кавказскими горцами грузинская церковь всегда обращала свое вниманіе, принимая соотвѣтственныя мѣры къ его возстановленію. Въ то время, какъ грузинскіе проповѣдники, отдаваясь съ полнымъ самоотверженіемъ своему высокому служенію, несли дикимъ племенамъ угрюмаго Кавказа, въ самыя глухія его мѣста, слово спасенія, вѣнценосные вожди Грузіи, несмотря на скудость своихъ средствъ, строили по ихъ слѣдамъ вѣковыя церкви, отписывали на нихъ имѣнія и высылали въ горы многочисленныхъ священниковъ-миссіонеровъ. Извѣстно, напримѣръ, что, когда во времена грузинскаго царя Давида III Возобновителя (1089—1125), осетины возмутились противъ него, то онъ силою оружія заставилъ ихъ признать надъ собою его власть и господство, а затѣмъ много потрудился и положилъ силъ въ дѣлѣ возобновленія въ Осетіи старыхъ и построенія новыхъ храмовъ и вообще просвѣщенія осетинъ свѣтомъ Христова ученія. А великая царица Грузіи Тамара (1174—1204)? Произнесите ея имя—говоритъ одинъ русскій паломникъ—и

вамъ откликнутся горы и долины Кавказа. Поэтому, нисколько неудивительно, что съ великимъ именемъ Тамары, какъ щедрой строительницы, связаны своимъ существованіемъ многочисленные храмы, разсѣянные въ горахъ, ущельяхъ и часто на еле доступныхъ высотахъ Осетіи и самое имя этой царицы, популярнѣйшее изъ вѣнценосныхъ именъ, всѣми горцами произносится съ любовью и величайшимъ благоговѣніемъ. Такимъ образомъ, сѣмя, брошенное впервые еще апостолами, принесло свой плодъ: христіанство оживилось и даже процвѣтало на сѣверномъ Кавказѣ, во второмъ періодѣ своего развитія, съ V по XIV вв. Грузія и Византія, въ лицѣ своихъ представителей—царя Вахтанга I, императора Юстиніана и царицы Тамары, — содѣйствовали росту евангельскаго сѣмени на сѣверномъ Кавказѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ процвѣтанія христіанства здѣсь въ этотъ грузино-византійскій періодъ была Аланская епархія (впослѣдствіи митрополія),—громадная по пространству и значительная численностью своихъ церквей. Къ этому, именно, періоду народное преданіе относитъ постройку болѣе 20 церквей, развалины которыхъ существуютъ и теперь по Осетіи и Чечнѣ: „юстъ-дзуаръ“ (церковь Юстиніана) въ Галіатѣ, церковь въ Нузалѣ, дзгвигская и рекомская часовни, у ингушей—тхаба-эрда (т. е. 2.000 святыхъ). Центромъ этой епархіи былъ городъ съ нѣсколькими церквами, на развалинахъ которыхъ устроенъ теперь Зеленчукскій монастырь. Самымъ же дорогимъ и роднымъ для насъ памятникомъ этого періода досталась въ наслѣдство намъ и грядущимъ поколѣніямъ чудотворная моздокско-иверская икона Божіей Матери. Она въ древнѣйшія времена сохранялась въ одномъ изъ храмовъ, созданныхъ великою Тамарою, развалины котораго видны и понынѣ въ Карталинскомъ ущельѣ. Храмъ этотъ два раза былъ разрушаемъ пожаромъ, и два раза икону Богоматери находили подъ грудою развалинъ и пепла невредимою. 600 лѣтъ пребывала икона въ Карталинскомъ ущельѣ. Но когда магометанство ворвалось въ Кавказскія горы, а русское правительство пригласило горскихъ христіанъ за Терекъ, къ Моздоку,—святая икона Иверіи становится русскою святынею. Сохранилось преданіе, что когда, въ 1793 году, партія горцевъ прибыла къ Моздоку съ иконой, и тогдашній епископъ моздокскій, встрѣтивъ ее съ крестами и хоругвями, внесъ въ соборъ, то Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила, что икона должна остаться внѣ города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбѣ. Тамъ соорудили часовню, а впослѣдствіи воздвигли храмъ во имя Успенія Божіей Матери. И нынѣ паломники стекаются сюда на поклоненіе со всего Кавказа и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ русской земли.

Что грузинская церковь и иверійцы старались поглубже внѣдрять

среди кавказскихъ горцевъ, особенно осетинъ, и дѣйствительно внѣдряли начала христіанскаго вѣроученія, чему отчасти помогали и греки, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что осетинскія названія храмовъ, часовенъ, различныхъ церковно-богослужебныхъ принадлежностей, и вообще христіанская терминологія получили свое начало и происхожденіе изъ грузинскаго лексикона. Наконецъ, о святомъ рвеніи грузинъ къ миссіонерству среди полудикихъ племенъ Кавказа говоритъ и самое существованіе, въ періодъ присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Некресской епархіи миссіонерскаго училища, задачею котораго было подготовить опытныхъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ. Генуэзецъ Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, нашелъ христіанство даже въ тамошнемъ черкесскомъ населеніи. „Черкесы называютъ себя христіанами“, пишетъ онъ, „и имѣютъ греческихъ священниковъ, но дѣтей крестятъ не ранѣе, какъ когда имъ минетъ 8 лѣтъ. Священники обливаютъ ихъ водою на свой ладъ, къ чему присовокупляютъ краткую молитву. Знатные люди не входятъ въ церковь до шестидесятилѣтняго возраста, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ всѣ они живутъ грабежомъ. Перейдя эти лѣта, они перестаютъ воровать и грабить, и присутствуютъ тогда при богослуженіи, которое въ молодости слушали не иначе, какъ сидя на конѣ передъ дверями церковными. У народа этого нѣтъ азбуки. Ихъ священники для богослуженія употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ“.

Въ этомъ была великая ошибка всѣхъ просвѣтителей горскаго Кавказа. Ни апостолы и ихъ первые ученики, ни греки, ни грузины, ни императоръ Юстиніанъ, ни царица Тамара, никто не позаботился о томъ, чтобы вмѣстѣ съ проповѣдію Евангелія создать письменный языкъ для обращенныхъ народовъ и сдѣлать переводъ необходимыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя, внѣ всякаго сомнѣнія, могли бы упрочить въ сердцахъ людей христіанскія понятія даже въ отсутствіе учителей. Если нашлись въ ихъ исторіи люди, ревностно исполнявшіе дѣло святаго Владиміра равноапостольнаго, то, къ сожалѣнію, не нашлось никого, способнаго на просвѣтительный подвигъ святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянства. Нечего и удивляться, что сѣмена Христовой вѣры, посѣянныя при такихъ печальныхъ и неблагопріятныхъ для своего дальнѣйшаго роста условіяхъ, не дали въ горахъ Кавказа роскошнаго всхода. Сообщенія съ горами во всѣхъ отношеніяхъ были крайне опасны и затруднительны, а потому и вліяніе православной Грузіи на горскія племена Кавказа всегда было весьма ограничено; большею частію оно уступало мѣсто ожесточенной враждѣ. Да и самое христіанство среди обитателей дикихъ скалъ и ущелій не имѣло никакой самостоятельности; при разрывѣ съ равниной оно лишалось всякой

поддержки. Эти разрывы случались безпрестанно; мы знаемъ, что грузинскіе владѣтели, для наказанія горцевъ за частые грабежи, иногда даже поставляли ихъ въ непрерывное блокадное положеніе, не позволяя имъ выходить изъ ущелій. Блокадное положеніе, въ какое, напр., поставилъ Сванетію имеретинскій царь Александръ, повлекло за собою разореніе и совершенное одичаніе страны. При такихъ условіяхъ, постоянное и безпрерывное рукоположеніе духовенства въ горахъ Кавказа сдѣлалось невозможнымъ. Вмѣсто прежнихъ грузинскихъ священниковъ, охранителями опустѣлыхъ церквей явились „деканозы“, т. е. духовенство туземное, нерукоположенное, чуждое самыхъ основныхъ понятій о христіанской религіи. Теперь, въ христіанскихъ храмахъ деканозы приносятъ жертвы, читаютъ непонятныя какъ для нихъ самихъ, такъ и для слушателей молитвы, совершаютъ нелѣпые обряды. Вся религія этихъ одичавшихъ христіанъ заключается въ обоготвореніи тайныхъ силъ природы, которыя олицетворяются въ видѣ различныхъ фантастическихъ существъ, обитающихъ въ извѣстныхъ рощахъ или на извѣстныхъ скалахъ. Ихъ религіозныя обязанности ограничиваются тѣмъ, что они собираются иногда на тѣхъ или другихъ мѣстахъ и тамъ приносятъ въ жертву быковъ и барановъ, мясо которыхъ съѣдается на мѣстѣ же, послѣ чего происходятъ скачки, стрѣльба въ цѣль и т. п. Слѣды дѣятельности христіанскихъ проповѣдниковъ и просвѣтителей обозначились въ горахъ сооруженіемъ нѣсколькихъ небольшихъ церквей или часовенъ въ честь разныхъ святыхъ и водруженіемъ въ иныхъ мѣстахъ крестовъ.

Все это представлялось горцами лишь въ видѣ дополненій къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ; церкви, часовни и кресты сдѣлались предметами благоговѣнія народнаго на-ряду съ рощами и скалами. Св. Георгій, Св. Илья, Маріамъ и другіе святые христіанской церкви примкнули къ сонму мѣстныхъ языческихъ боговъ, какъ ихъ неразлучные спутники и сожители одинаково благосклонные или враждебные къ дикому обитателю Кавказскихъ горъ. Празднованіе дней памяти христіанскихъ святыхъ отличалось по преимуществу языческимъ характеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обычай горскихъ племенъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ употребленіи пищи. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинились; такъ, напр., супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями. Нечего и говорить, что обычай кровомщенія сохранился у нихъ во всей силѣ, вопреки евангельскому ученію о кротости и прощеніи обидъ. Словомъ, свѣтъ христіанскаго ученія среди кавказскихъ горцевъ явился въ видѣ молніи, мгновен-

ный блескъ которой среди непроглядной ночи смѣнился для нихъ глубочайшимъ мракомъ.

Съ паденіемъ въ 1453 году Константинополя и генуэзскихъ колоній Чернаго моря, владыкою кавказскихъ береговъ сдѣлалась магометанская Турція. Христіанская Грузія, эта единственная въ то время защитница христіанства, сама все болѣе и болѣе слабѣла и расшатывалась подъ безпощадными ударами мусульманскаго фанатизма. Понятно, что исламъ долженъ былъ торжествовать все болѣе и болѣе надъ горами Кавказа. Уже 50 лѣтъ спустя послѣ Интеріано, доминиканецъ Іоаннъ Луккскій, посѣтившій Черкесію около 1637 года, пишетъ о ней: „Черкесы говорятъ и по-черкесски и по-турецки; нѣкоторые изъ нихъ магометане, другіе греческаго вѣроисповѣданія. Но магометанъ болѣе. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда креститъ ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій. Съ каждымъ днемъ число мусульманъ возрастаетъ: отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилы и нѣсколько постовъ... Абхазцы неграмотны; они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ встрѣчается много водруженныхъ крестовъ. Жители величайшіе мошенники... Они носятъ усы, но бреютъ бороду, за исключеніемъ „папаровъ“. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ. Покойниковъ кладутъ въ колоды, которыя потомъ ставятъ на четыре кола“...

Съ 1745 года, когда русское правительство прислало въ Кизляръ нѣсколько миссіонеровъ, начался и продолжается доселѣ третій— „русскій“ періодъ распространенія христіанства и развитія миссіонерскаго дѣла на сѣверномъ Кавказѣ. Къ этому дѣлу, во-первыхъ, подали мысль бывшій въ Москвѣ грузинскій архіепископъ Іосифъ и Московскаго Знаменскаго монастыря архимандритъ (изъ грузинъ) Николай, войдя съ представленіемъ въ Св. Сунодъ. Образовалось „Осетинское подворье“ въ Кизлярѣ, переведенное затѣмъ, подъ именемъ „Осетинской коммиссіи“ въ г. Моздокъ и, наконецъ, въ г. Тифлисъ (1814 г.). Цѣлью было проповѣдывать христіанство среди осетинъ и иныхъ горскихъ племенъ, которыя, съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, были для церкви почти совершенно потеряны [1]).

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Изданіе Кавказскаго горскаго управленія. Выпускъ II. Тифлисъ, 1869 г., стран. 18—22. „Очерки Кавказа“. Евгенія Маркова. Изд. Вольфа. Спб., 1887 г., стран. 170—180. Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стран. 87—90. Брошюра „Преосвященный Іосифъ, епископъ Владикавказскій (1821 — 1890)“. Сост. свящ. Іоаннъ Поповъ. Кіевъ. 1902 г.

Тогда же, въ 1745 году, проповѣдниками были назначены архимандритъ и два игумена изъ грузинъ. Содержаніе этой миссіи обходилось казнѣ ежегодно 1.550 рублей и 70 четвертей хлѣба. Но отъ 1752—по 1770 годъ на опытѣ оказалось, что и эти проповѣдники, не исполняя въ точности возложенныхъ на нихъ обязанностей, не обнаружили тѣхъ успѣховъ, какихъ ожидало правительство отъ ихъ дѣятельности. Факты краснорѣчиво свидѣтельствовали, что осетины какъ вступали въ христіанскую церковь безъ всякаго внутренняго убѣжденія, такъ легко и оставляли ее, и что, къ крайнему сожалѣнію, сами „учителя вѣры, не имѣя ни должной ревности, ни способности къ дѣйствованію, больше о собственныхъ своихъ прибыткахъ мыслили". Коллегія иностранныхъ дѣлъ, замѣтивъ, что совершенно напрасно издерживаются государственныя средства на проповѣдниковъ, поручила составить новый проектъ по мѣстному положенію кизлярскому коменданту Потапову. Послѣдній исполнилъ данное ему порученіе, и Св. Сунодъ, по соглашенію съ Сенатомъ, опредѣлилъ новый штатъ. Въ 1771 году снова была преобразована Осетинская духовная коммиссія, для чиновниковъ которой была тогда же составлена присяга отъ Св. Сунода и издана „по секрету" полная для руководства инструкція, регламентирующая собою дѣятельность проповѣдниковъ христіанства среди дикихъ обитателей Кавказскихъ горъ. Впослѣдствіи, а именно въ 1777 году, императрица Екатерина II въ рескриптѣ астраханскому губернатору Якоби высочайше, между прочимъ, повелѣла: „чтобы Сунодъ протопопу Осетинской коммиссіи далъ наставленіе въ томъ, чтобы онъ не считалъ исполненнымъ званіе и долгъ свой въ торопливомъ сподобленіи крещенія, а старался бы внушать имъ и силу христіанскаго ученія, и руководствовать ко всякому благонравію, безъ чего крещеніе, дикимъ людямъ преподаваемое, едва-ли не можетъ быть названо злоупотребленіемъ одного изъ величайшихъ таинствъ вѣры христіанской". Св. Сунодъ въ правилахъ, данныхъ тогда Моздокской коммиссіи, постановилъ: 1) проповѣдники слова Божія отнюдь не должны говорить, что присланы по указу; 2) предлагать крещеніе по довольномъ наученіи и утвержденіи въ вѣрѣ; 3) никакихъ непристойныхъ и до званія проповѣдническаго не касающихся разглашеній не чинить. Кромѣ этихъ, чисто внутренняго характера, причинъ, были еще и другія. Хотя на бумагѣ и много были обезпечены посылаемые въ горы проповѣдники, но на самомъ дѣлѣ не существовало даже дома

стран. 2. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ и біографіяхъ. В. А. Потто. Спб., т. I, стран. 235—236. Сказаніе о чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери, находящейся въ Успенской церкви гор. Моздока. Изд. Ѳ. Н. Копылова. Москва. 1878 г., стран. 1—36.

для жительства поставленнаго во главѣ миссіи протоіерея, который вскорѣ и умеръ отъ недостатковъ и лишеній, а за нимъ послѣдовали и прочіе его соработники съ одинаковою участью; свѣтское правительство слабо дѣйствовало въ пособіяхъ, да и люди, избранные для служенія святому дѣлу проповѣди, были безъ достойныхъ качествъ. Результаты отъ всего этого получились неутѣшительные. Рейнеггсъ, путешествовавшій по Кавказу между 1783 и 1784 годами, разсказываетъ объ абхазцахъ: „каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрою. Ихъ догматы весьма разнообразны; упомяну лишь о тѣхъ, которые наиболѣе распространены. Слѣдуя древнему обычаю, они празднуютъ весеннее равноденствіе, окрашивая яица въ разные цвѣта, при чемъ пируютъ. Въ этотъ день и въ два слѣдующіе за нимъ происходятъ скачки, борьба и другія увеселенія... Въ началѣ мая собираются въ густомъ лѣсу, который почитаютъ священнымъ и въ которомъ никто не смѣетъ срубить дерева, что, по ихъ мнѣнію, прогнѣвило бы Всевышняго, которому достойно и успѣшно молиться можно лишь въ этомъ лѣсу. Посреди лѣса, какъ увѣряютъ, находится большой и тяжелый желѣзный крестъ, охраняемый благочестивыми отшельниками. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ былъ поставленъ. Но отшельники разсказываютъ о немъ много чудеснаго и сверхъестественнаго, не имѣющаго никакого отношенія къ христіанству: этимъ привлекаютъ они даянія народныя“ [1]).

Въ 1795 году учреждена была викарная Моздокская епархія для лучшаго распространенія и утвержденія православія среди горскихъ племенъ, обитающихъ по близости къ Кавказской линіи, вмѣсто бывшей предъ тѣмъ временемъ Осетинской коммиссіи, которая съ 1792 года перестала дѣйствовать, вслѣдствіе чего новообращенные осетины и другіе горцы, не имѣя у себя ни церквей, ни постояннаго богослуженія, оставленные на произволъ судьбы своими учителями, обратились къ прежнему своему заблужденію, исключая тѣхъ, которые жили вблизи православныхъ и приходили съ ними въ ближайшее соприкосновеніе по торговымъ и другимъ дѣламъ. Но и съ устройствомъ Моздокской каѳедры, какъ это видно изъ сохранившихся до нашего времени документовъ, вновь назначеннымъ проповѣдникамъ никакихъ для руководства опредѣленныхъ правилъ выдаваемо не было, а въ полной мѣрѣ держались прежде изданныхъ постановленій, „съ тѣмъ, однако, различіемъ, что гораздо бдительнѣе и ревностнѣе отправляемо было самое дѣло, успѣхи же въ обращеніи горцевъ почти одни и

---

[1]) „Очерки Кавказа“ Евгенія Маркова. Изд. Вольфа. Спб. 1887 года, стран. 170—180.

тѣ же имѣли препятствія: не во всякое время со стороны свѣтскаго правительства оказываемо было должное и необходимое содѣйствіе, то обстоятельствамъ политическимъ, то по положенію мѣстныхъ неудобствъ. Да и сами жители горъ съ ослабленіемъ надежды сдѣлаться свободными (въ чемъ, быть можетъ, и увѣряли ихъ проповѣдники христіанства) не только отъ владѣльцевъ, но и отъ гражданскаго начальства, съ отвращеніемъ слушали проповѣдниковъ вѣры, которые часто для усмиренія ихъ испрашивали со слезами помощи отъ воинскихъ командъ. Впрочемъ, бывали и отрадные случаи, когда сами жители обращались съ просьбами объ устроеніи ихъ церковнаго быта, какъ это было, напр., при главнокомандующемъ въ Грузіи Кнорингѣ, которому генералъ Лазаревъ въ 1802 году доносилъ, что осетины готовы принять православную вѣру, если къ нимъ будутъ опредѣлены „благоразумные священники“.

Въ 1815-мъ году была учреждена Осетинская духовная коммиссія въ г. Тифлисѣ, гдѣ она и открыла свои дѣйствія подъ непосредственнымъ начальствомъ преосвященнаго Досиѳея, архіепископа телавскаго и грузино-кавказскаго.

При открытіи этой коммиссіи государь императоръ соизволилъ пожаловать изъ своего кабинета два архіерейскихъ облаченія и для всей духовной свиты по три полныхъ облаченія со всѣми другими принадлежностями при архіерейскомъ служеніи. Кромѣ того, отъ казны для содержанія названной коммиссіи повелѣно было отпускать ежегодно 14.750 рублей. Такимъ образомъ, ей предстояло съ этого времени широкое и благотворное въ дѣлѣ распространенія христіанства среди кавказскихъ горцевъ поле дѣятельности, обѣщавшей несомнѣнно успѣхъ, такъ какъ большинство осетинъ, напр., жители Нарскаго ущелья еще въ 1814 году безъ всякаго посторонняго имъ внушенія сами просили главное военное и гражданское начальства прислать имъ священниковъ.

Просьба эта была, какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ документовъ, въ свое время исполнена, и миссіонеръ, посланный туда, въ теченіе 7 мѣсяцевъ, безъ всякой сторонней помощи и помимо какого-либо вмѣшательства со стороны гражданскихъ и другихъ властей, обратилъ къ вѣрѣ Христовой до 150 душъ. Это обстоятельство ясно свидѣтельствовало о томъ, что почва для посѣва на ней слова Божія среди горцевъ была болѣе или менѣе подготовлена, и новымъ дѣятелямъ оставалось только благоразумно воспользоваться столь благопріятнымъ для дѣла миссіи положеніемъ. Но дѣятельность Осетинской коммиссіи, подъ управленіемъ преосвященнаго Досиѳея, архіепископа телавскаго и грузино-кавказскаго, не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ и была признана въ значительной мѣрѣ фик-

тивною, а потому весь штатъ и канцелярія коммиссіи были переданы въ непосредственное вѣдѣніе Грузино-Имеретинской сунодальной конторы въ 1817-мъ году [1]). Это мѣропріятіе по отношенію къ Осетинской духовной коммиссіи состоялось со стороны Св. Сунода въ виду того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что коммиссія, имѣвшая вліяніе на осетинъ, жительствующихъ по хребту Кавказскихъ горъ, прилегающихъ къ Горійскому уѣзду, вмѣшивалась въ дѣла, касающіяся военнаго и гражданскаго правительства, входила въ недолжное разбирательство ихъ и не только удаляла мѣстное начальство отъ завѣдыванія осетинами, но и лишала правъ даже самихъ помѣщиковъ на владѣніе ими, вслѣдствіе чего послѣдніе не получали никакихъ доходовъ отъ осетинъ. Кромѣ того, отъ князей, дворянъ и заслуживающихъ уваженія почетныхъ стариковъ Горійскаго уѣзда дознано было, какъ они, нерѣдко бывая у проповѣдника слова Божія, сами слышали внушенія его къ осетинамъ, что принявшіе св. крещеніе никому болѣе, за исключеніемъ казны, не принадлежатъ, и не одинъ уже бывшій до сего ихъ помѣщикъ не въ правѣ взыскивать съ таковыхъ какую-либо повинность, да и сами осетины свидѣтельствовали, что когда начато было введеніе между ними христіанства, то миссіонеры, не проповѣдуя слова Божія и не внушая, что значитъ св. крещеніе, заявляли только объ одномъ, что всѣ крестившіеся осетины, принадлежащіе помѣщикамъ, не будутъ уже больше принадлежать имъ, а останутся навсегда за казной, обѣщая при этомъ, что все, украденное ими до крещенія у жителей Карталиніи, останется безъ взысканія въ пользу самихъ осетинъ. Мало того, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ внушали послѣднимъ, что всякій крестившійся осетинъ не будетъ у себя имѣть никого болѣе изъ начальниковъ, какъ только монаховъ, и не одинъ мѣстный начальникъ уже не посмѣетъ сдѣлать безъ воли духовенства какихъ-либо взысканій съ осетинъ. Эти внушенія не замедлили оказать свое вліяніе на самое поведеніе названныхъ горцевъ. Когда окружной начальникъ явился къ осетинамъ въ Чвривское ущелье для сбора казенной подати, то они, не принявъ его къ себѣ, объявили, что не знаютъ окружнаго начальника, а знаютъ одного только архимандрита, которому и будутъ повиноваться [2]).

Несомнѣнно, что подобнаго рода дѣйствія проповѣдниковъ христіанства стояли въ прямой зависимости отъ взглядовъ самого упра-

---

[1]) Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата за XIX ст. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стран. 96—97. Прав. Богосл. Энциклопедія. Изд. А. П. Лопухина. Спб. 1903 г., т. IV, стран. 743—744.

[2]) Акты Кавказ. Арх. Ком., т. VI, ч. I, стран. 363.

вляющаго Осетинской духовной коммиссіей, архіепископа Досиѳея, который, въ свою очередь, въ это же самое время поднялъ дѣло объ отобраніи въ казну отъ князей Эристовыхъ имѣній, расположенныхъ въ Осетіи, основывая эти свои притязанія на томъ соображеніи, что Осетинская духовная коммиссія тогда только можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ дѣлѣ распространенія среди горцевъ христіанства, когда жители ксанскіе и гвердисъ-дзирскіе будутъ изъяты изъ-подъ власти названныхъ князей. По поводу этого дѣла главный начальникъ края, А. П. Ермоловъ, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ рапортомъ, отъ 15 ноября 1816 года, къ государю императору, въ которомъ и высказалъ свое мнѣніе объ Осетинской духовной коммиссіи, при чемъ представилъ и всю переписку по возбужденному архіепископомъ Досиѳеемъ вопросу. „Коммиссія эта—говоритъ Ермоловъ—совершенно можетъ существовать и дѣйствовать въ распространеніи христіанской вѣры между идолопоклонниками безъ взятія въ казну какъ имѣній князей Эристовыхъ, такъ и другихъ помѣщиковъ, да и какое могли бы они сдѣлать въ томъ помѣшательство. Напротивъ того, какъ вѣра обращаетъ людей къ кротости, повиновенію властямъ и къ исполненію обязанностей, то, безъ всякаго сомнѣнія, и князья Эристовы пожелаютъ имѣть у себя такихъ подвластныхъ и приложатъ со стороны своей стараніе къ обращенію ихъ на путь истины. Да изъ всѣхъ доводовъ, представляемыхъ епископомъ Досиѳеемъ относительно отобранія имѣній сперва у Эристовыхъ и потомъ у князей Мачабели, я никакой не нашелъ существенной причины или необходимости; при томъ же, что заставляетъ его непремѣнно обратиться къ просвѣщенію сперва ксанскихъ осетинъ, тогда какъ въ виду есть множество идолопоклонниковъ и осетинъ, живущихъ по Арагвскому ущелью, также народы хевсурскіе, гудакамарскіе, мтіулинскіе и множество другихъ, гдѣ не встрѣтилъ бы онъ надобности въ отобраніи имѣній и чужихъ собственностей и гдѣ нужно было бы одно только благочестіе и добрые примѣры къ обращенію. Но какъ, повидимому, изъ отстраненія его преосвященствомъ нѣкоторыхъ членовъ собранія, гдѣ разсматривался поднятый имъ вопросъ, возраженій его на поданныя мнѣнія, а болѣе изъ безпрестанныхъ представленій его о правахъ родственниковъ своихъ заключить должно, что не столько польза Осетинской коммиссіи требуетъ имѣнія князей Эристовыхъ, сколько польза родства его, дабы, по взятіи имѣнія у Эристовыхъ, были они благонадежнѣе водворены на Ксани и, будучи назначаемы имъ членами коммиссіи, могли бы съ большимъ удобствомъ наблюдать свои выгоды, вмѣсто распространенія христіанской вѣры, тогда какъ, напротивъ, должно стараться этихъ дворянъ удалить съ того мѣста, ибо они уже обнаружены въ неблагонадежности своей и всегда

могутъ быть готовы къ причиненію вреда тамошнему краю, такъ какъ по дѣлу, производившемся уголовнымъ порядкомъ, о возмущеніи ксанскихъ жителей въ 1808 году видно, что нѣкоторые изъ этихъ дворянъ, именно — Николай и Глаха Пицхелаури, родные братья архіепископа Досиѳея, возмущали народъ къ неповиновенію не только помѣщикамъ, но и самому правительству, за что̀ освобождены отъ наказанія единственно по всемилостивѣйшему манифесту, въ 31-й день августа 1814 года изданному. Но если согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ преосвященнаго, что Гвердисъ-дзирское имѣніе для того только нужно взять у князей Эристовыхъ, что оно смежно съ Ксанскимъ, которые могутъ вредить коммиссіи, владѣя первымъ, то, по сему случаю, чѣмъ же другіе помѣщики правы, у коихъ также живутъ осетины и за землю, ими занимаемую, платятъ положенную грузинскими законами подать, — слѣдовательно, должно для просвѣщенія и у тѣхъ отобрать осетинъ, а съ ними вмѣстѣ подъ предлогомъ смежности и коренныхъ ихъ крестьянъ, дабы и тѣ помѣщики не могли, по мнѣнію архіепископа Досиѳея, вредить Осетинской коммиссіи въ ея дѣйствіяхъ.

Обращаясь затѣмъ къ успѣху просвѣщенія, нельзя умолчать и о томъ, что въ декабрѣ 1815 года архіепископъ Досиѳей увѣдомилъ бывшаго начальникомъ края генерала Ртищева о поразительномъ успѣхѣ христіанской проповѣди среди горцевъ. По его словамъ, со дня открытія осетинской коммиссіи окрещено въ христіанскую вѣру въ дальнѣйшихъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ болѣе 14.000 душъ обоего пола, и что всѣ эти новокрещенныя племена начали вести жизнь тихую и покойную и обнаруживаютъ приверженность къ государю своему и начальству. Но вѣроятное ли дѣло, чтобъ въ теченіе столь короткаго времени возможно было обратить такое множество людей въ христіанство и до такой степени, что племена посредствомъ крещенія обратились уже къ покорности, тогда какъ они, будучи погружены въ самомъ закоснѣломъ невѣжествѣ, занимались единственно воровствомъ, грабежами, смертоубійствомъ, поставляя это послѣднее ни во что и тогда, какъ большая часть ихъ не знаетъ и грузинскаго языка, то какимъ, спрашивается, чудеснымъ образомъ могли они понять отъ проповѣдниковъ слова Божія христіанскую вѣру и чрезъ оную смириться? Справедливо и то, что нѣкоторая часть тѣхъ племенъ, особенно же осетинъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, окрещена, но крещеніе это приняли они не для спасенія своего, о чемъ они и понятія не имѣютъ, но единственно изъ обѣщанной имъ свободы проповѣдниками, что они никому ни принадлежать, ни платить податей не будутъ, также за раздаваемыя еньги и подарки, изъ чего видно, что таинство св. крещенія совер-

шено было съ торгу, вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ по Закону Божію не прельщеніями, а примѣромъ кротости и убѣжденіемъ о той пользѣ, какую приноситъ съ собою для нравственной жизни человѣка принятая имъ христіанская вѣра. Между тѣмъ, какая рѣзкая противоположность столь призрачному успѣху евангельской проповѣди среди кавказскихъ горцевъ открывается изъ такого, напр., факта: когда ксанскіе жители узнали объ учрежденіи вновь Осетинской коммиссіи подъ непосредственнымъ начальствомъ архіепископа Досиѳея, то они рѣшительнымъ образомъ заявили свое желаніе 20-го января 1815 года объ избавленіи ихъ отъ преосвященнаго и что они страшатся даже одного его имени.

Вотъ почему сомнительно, чтобы въ столь короткое затѣмъ время въ сердцахъ названныхъ горцевъ могла возродиться такая довѣрчивость, которая привела ихъ въ такомъ великомъ множествѣ къ подножію креста Господня. Очевидно, что здѣсь дѣйствовало не истинное желаніе послѣдовать за Христомъ, а подарки, сопряженные съ невозвратною и безполезною потерею казны“ [1]).

Въ отвѣтъ на это послѣдовало высочайшее повелѣніе генералу А. П. Ермолову, отъ 8-го февраля 1817 года, въ которомъ было сказано: „По намѣреніямъ моимъ объ Осетинской духовной коммиссіи, данъ былъ предмѣстнику вашему генералу-отъ-инфантеріи Ртищеву 1814 года августа въ 31 день указъ объ обращеніи въ казенное вѣдомство Ксанскаго имѣнія вмѣстѣ съ имѣніемъ Гвердисъ-дзири, принадлежащихъ фамиліи князей Эристовыхъ. Нынѣ удостовѣрясь чрезъ донесеніе ваше, отъ 15-го ноября прошлаго года, что упомянутая духовная коммиссія не только существовать, но и предназначенной ею цѣли достигнуть можетъ, не обращая тѣхъ имѣній въ казенное вѣдомство, повелѣваю вамъ вышеизложеннаго указа моего, отъ 31-го августа 1814 года, въ исполненіе не приводить, имѣнія же Ксанское и Гвердисъ-дзири оставить по-прежнему во владѣніи князей Эристовыхъ на основаніи указа моего 5-го мая 1803 года [2]).

Вскорѣ выяснилась ненадежность обоихъ преосвященныхъ, Варлаама и Досиѳея, для церковнаго управленія и рѣшено было назначить въ Грузію экзархомъ человѣка дѣятельнаго и способнаго, а Досиѳея и Варлаама удалить, перваго по неблагонадежности, а второго—по неспособности. Досиѳей былъ помѣщенъ на пенсію въ Москвѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, а Варлаамъ вызванъ въ С.-Петер-

---

[1]) Тамъ же, на стр. 643—368.

[2]) Тамъ же, стран. 369.

бургъ къ постоянному присутствованію въ Св. Сѵнодѣ, изъ котораго былъ уволенъ 5-го февраля 1825 года, а 20-го февраля назначенъ управляющимъ Московскимъ Даниловымъ монастыремъ, гдѣ и скончался 18-го декабря 1830 года; погребенъ подъ соборнымъ монастырскимъ храмомъ [1]).

Священникъ Н. Покровскій.

---

[1]) Исторія христіанской церкви въ XIX в. Изд. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., стран. 573.

Заграничныя замѣтки.

Барра въ Люксембургскомъ дворцѣ [1]).

Послѣ 9 термидора (день паденія Робеспьера), Франція веселилась и танцовала до упада. Всѣ тѣ, кои не погибли во время террора, были такъ рады сознанію, что они остались живы, что ими обуяла безумная жажда веселья. Въ Парижѣ было ежедневно не менѣе шестисотъ общественныхъ баловъ, начиная отъ самыхъ простонародныхъ и кончая раскошными балами въ Елисейскихъ поляхъ и Полэ-Роялѣ:—въ Ренелагэ и Тиволи мужчины и женщины предавались самымъ разнузданнымъ танцамъ. Танцовщикъ Вестрисъ воцарился въ Парижѣ на мѣсто Робеспьера въ роскошныхъ салонахъ Люксембургскаго дворца, гдѣ жилъ Барра, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ недавно раздавались стоны, разучивали подъ звуки марсельезы паспіе (passe-pied) танецъ съ пѣснями. Революція и тутъ оставила свои слѣды: дворецъ Маріи Медичи не былъ пощаженъ также точно какъ и церковь кардинала; со стѣнъ исчезли картины Рубенса, въ садахъ были побиты статуи, на стѣнахъ еще были видны надписи, начертанныя въ послѣднія минуты жизни приговоренными къ казни; подъ сѣнью стараго парка прогуливались теперь публичныя женщины, устраивались танцы подъ звуки народныхъ инструментовъ; ворота парка не запирались ни днемъ, ни ночью. По улицѣ Турнонъ, на которой мостовая носила еще слѣды выбоинъ отъ телѣгъ, на коихъ возили на казнь осужденныхъ, съ трудомъ можно было проѣхать къ заколоченному дворцу.

4-го ноября 1794 г. въ обширныхъ, опустѣлыхъ залахъ дворца собрались на первое засѣданіе вновь избранные члены директоріи: Ларевельеръ, бывшій инженерный офицеръ, Летурнеръ, Ревбель, Барра и Сіейсъ, котораго замѣнилъ, въ послѣдній моментъ, Карно.

[1]) Edmond Pilon. Barras au Luxembourg.

Ожидавшій ихъ у входа привратникъ Дюглонъ вручилъ директорамъ ключи отъ зданія и принесъ маленькій поломанный столикъ и пять расшатанныхъ стульевъ, на которыя они усѣлись. Засѣданіе происходило въ залѣ нижняго этажа, наименѣе пострадавшемъ во время революціи, гдѣ уцѣлѣли стекла и нѣкоторыя стѣнныя украшенія.

Честолюбіе и любовь къ роскоши, составлявшія отличительную черту Барра, сказались тотчасъ. Въ то время, какъ Ларевельеръ, Летурнеръ и Карно поселились въ маленькомъ Люксембургскомъ дворцѣ, онъ занялъ большой дворецъ со всѣми принадлежащими къ нему службами. По его же, „великолѣпнаго Барра“, настоянію, всѣмъ членамъ директоріи было назначено по 150 тысячъ франковъ жалованія. Было приказано, чтобы въ Люксембургскомъ дворцѣ находилось всегда въ караулѣ сто сорокъ человѣкъ пѣхоты и такое же количество кавалеріи; наконецъ, для дворцовой прислуги была придумана особая ливрея: шитый золотомъ свѣтло-красный фракъ съ бѣлымъ жилетомъ, голубой кушакъ съ золотой бахромой, шпага, круглая шляпа съ трехцвѣтнымъ султаномъ.

Дворецъ былъ наводненъ легіонами рабочихъ, которые подновляли позолоту на дверяхъ, карнизахъ, прибивали занавѣси, подвѣшивали люстры, разставляли мебель, вазы съ цвѣтами, бронзу, фарфоръ.

Такимъ образомъ большой Люксембургскій дворецъ, въ которомъ помѣстился Барра, поражалъ роскошью убранства, въ то время какъ малый дворецъ, гдѣ жили прочіе члены директоріи: Карно, человѣкъ науки, любившій тишину и уединеніе; строгій Ревбель, врагъ всего утонченнаго и поклонникъ тишины Ларевельеръ,—имѣлъ самый скромный провинціальный видъ. „Гражданка Ларевельеръ“, „со слезами“ разставшаяся со своей маленькой квартиркой въ улицѣ Копо, о которой она не могла вспомнить безъ сожалѣнія, сама вела свое скромное хозяйство, подобно графинѣ Кайлюсъ, жившей нѣкогда въ томъ же маломъ дворцѣ; она любила слѣдить за курами, бѣгавшими по птичьему двору, за коровами, стоявшими въ молочной. Самъ Ларевельеръ, человѣкъ скромныхъ вкусовъ и привычекъ, не любилъ шумныхъ, многолюдныхъ собраній и находилъ удовольствіе лишь въ концертахъ устраиваемыхъ въ тѣсномъ кругу друзей, и въ изученіи древесныхъ породъ. У него бывали Дюси и Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ.

„Каждую декаду“, пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, „у насъ собиралось нѣсколько друзей. Веселыя игры, не выходившія изъ рамокъ приличія, смѣнялись маленькими концертами, коими дирижировалъ Мегюль или я самъ; за концертомъ слѣдовалъ ужинъ. Г-жа Ларевельеръ сама прислуживала. Маленькая группа приглашенныхъ была одушевлена республиканскими идеалами. Бернарденъ, Дюпонъ

де Немуръ и Себастіанъ Мерсье бесѣдовали о литературѣ и философіи; Карно отстаивалъ неприкосновенность членовъ Директоріи; Ларевельеръ спорилъ, излагалъ свои планы и мечты; такъ возникъ мало по малу тотъ маленькій кружокъ деистовъ, тайной главою котораго былъ Ларевельеръ и которые мечтали объ идеальной миролюбивой республикѣ, въ коей процвѣтали бы нравы золотаго вѣка".

Но откуда доносятся эти звуки флейтъ? эти звуки танцевъ? Откуда слышатся пѣсни, вздохи, поцѣлуи? Какое эхо доноситъ ихъ изъ большаго Люксембургскаго дворца до слуха этихъ скромныхъ безпритязательныхъ людей, напоминая имъ о томъ, что тамъ веселится и танцуетъ Барра? Большой Люксембургскій дворецъ ярко освѣщенъ. Тамъ идутъ пиръ, веселье. Изящные щеголи расхаживаютъ, при яркомъ свѣтѣ люстръ, съ щеголихами (merveilleuse); кафтаны бутылочнаго цвѣта съ перламутровыми пуговицами пестрѣютъ рядомъ съ декольтированными пеплонами молодыхъ женщинъ, съ мундирами военныхъ. Смѣшные франты подпрыгиваютъ на ходу, зюзюкаютъ, гримасничаютъ. Въ зеркалахъ отражаются фалды ихъ широкихъ платьевъ, ихъ трехугольныя шляпы, съ которыхъ они уже откололи кокарды.

Вотъ законодатель моды, красавецъ Фреронъ; его шея туго затянута высокимъ воротникомъ; кружевное жабо ниспадаетъ на широкій шелковый жилетъ, короткіе штаны скрѣплены по бокамъ лентами и туго обтягиваютъ икры. За нимъ идетъ толпа какихъ-то подозрительныхъ личностей, среди которыхъ самые завзятые мошенники изъ среды золотой молодежи. Вотъ появилось новое лицо, въ большомъ, слегка напудренномъ парикѣ—это Талейранъ. Вотъ гражданинъ Эгюильенъ (Aiguillon), бывшій герцогъ Ришенье-Дюплесси, пэръ Франціи и полковникъ въ отставкѣ; онъ явился сюда въ поискахъ за г-жею Таліенъ. Вотъ Грезъ, такъ мастерски изображающій на полотнѣ цѣломудренную любовь и любующійся здѣсь наготою женскаго тѣла, вотъ хромой болтунъ Лемерсье, съ нимъ Мари-Жозефъ Шенье. Далѣе Дону, Волней, герцогъ Фитцъ-Джемсъ, Бойли, Губертъ-Робертъ, Колленъ Дарвиль, генералы, военные коммиссары, представители обоихъ совѣтовъ, Гара, Вижэ, Александръ Дюваль, юный Легуве; наконецъ оба Ламета и Феликсъ Лепеллетье де Сенъ-Фаржо. Послѣдніе явились сюда, чтобы видѣть госпожу Таліенъ.

Наконецъ, появляется красавица — героиня 9-го Термидора. Она идетъ опираясь на руку г-жи Шато-Реньо. Онѣ похожи на двухъ сестеръ разнаго типа. Шато-Ренье какъ бы играетъ роль наперсницы Таліенъ; она стушевывается передъ нею, но со свойственной ей граціей и очарованіемъ умѣетъ хранить вокругъ царицы Директоріи какую-то особую женственную прелесть.

„Таліенъ — олицетвореніе самаго изящнаго, совершеннаго типа женской красоты. Безупречныя черты ея прелестнаго лица оживляются блестящими черными глазами и восхитительнымъ цвѣтомъ лица. Ей чрезвычайно идетъ облекающее ея фигуру платье греческаго покроя, которое оставляетъ обнаженными ея дивныя руки и грудь. Улыбка озаряетъ ея лицо, обнажая прелестные зубки, граціозная походка слегка напоминаетъ танецъ. Она хороша собой и нарядна; ее всѣ привѣтствуютъ, ею всѣ восхищаются, ее воспѣваютъ поэты, изображаютъ художники. Это уже не вульгарная Кабаррюсъ, воспѣтая якобинскими легендами, та „донна Терезія, которую жители Бордо съ изумленіетъ видѣли стоящею на колесницѣ, въ красномъ колпакѣ съ пикою въ рукахъ".

Теперь она сдѣлалась предметомъ всеобщаго поклоненія и восторга. Ее сопровождаетъ толпа молодыхъ женщинъ. Г-жи Сталь и Рекамье считаются ея интимными друзьями; а эта дама, которая, проходя мимо, склоняется передъ нею—это супруга Бонапарта.

Среди этой толпы блестящихъ женщинъ и мужчинъ, жаждущихъ вкусить всѣ наслажденія жизни, подобно Алкивіаду, въ своей яркой директорской мантіи расхаживаетъ спокойный и невозмутимый Барра.

Среди окружающихъ его женщинъ нѣтъ ни одной, которая бы не была близка ему, нѣтъ мужчины, который бы не заискивалъ въ немъ; все сулитъ ему успѣхъ. Дѣвица Ланжъ обожаетъ его, Таліенъ любитъ его, весь дворъ льститъ ему и воскуриваетъ ему ѳиміамъ.

Послѣ ужина раскроются карточные столы, за которыми будутъ играть въ вистъ или въ „двадцать одинъ"—Талейранъ и г-жа Сталь, Фуше и Миранда и г-жа Шато-Реньо. Вотъ появляется Гойэ. Вмѣстѣ съ нимъ приходятъ граждане Камбасересъ и Савари. Таліенъ идетъ, высоко поднявъ голову, онъ держится прямо, говоритъ громко. У него красавица жена, которую онъ любитъ тихою спокойною любовью; его руки еще запятнаны кровью Робеспьера. Онъ жеманно кланяется Барра.

Но вотъ новая толпа мужчинъ и женщинъ, сопровождающихъ г-жу Сталь. Тутъ военный министръ Милле-Мюро, министръ финансовъ Робертъ-Линде, министръ иностранныхъ дѣлъ Рейнгардъ, Фуше, уже назначенный министромъ полиціи, Маре, Беррье, Дюбуа-Крансе. Вотъ испанскій посланникъ Мускитцъ, прусскій посланникъ баронъ Сандозъ, посолъ Лигурійской республики Бонарди, представитель Цизальпійской республики герцогъ Сербеллони и курфирста Виртембергскаго—Абель. Можно подумать, что тутъ собралась вся Европа, чтобы привѣтствовать счастливаго директора. Цельтнеръ ведетъ подъ руку г-жу Сталь. Они громко говорятъ и смѣются, указывая другъ другу на красавицъ: г-жу Рекамье, во всемъ блескѣ самой ранней

молодости; m-elle де Сантъ-Фаржо, „дочь націи“, впослѣдствіи госпожа Виттъ, о которой г-жа Жюно писала, что она была „алѣе розы“. Давидъ, Жироде, Гуеренъ увѣковѣчили на полотнѣ божественныя черты этихъ красавицъ, такъ же точно, какъ и остальныхъ мотыльковъ, вертѣвшихся въ этомъ салонѣ.

Но вотъ появился полномочный министръ Баденскаго двора при Французской республикѣ, баронъ Рейценштейнъ, а этотъ высокій, очень красивый молодой человѣкъ, въ яркомъ костюмѣ, — это президентъ совѣта пятисотъ, Люсіенъ Бонапартъ.

Барра ходитъ взадъ и впередъ, всѣмъ улыбается, говоритъ съ мужчинами, склоняется передъ дамами, освѣдомляется объ отсутствующихъ, называетъ фамиліи посланниковъ, представляетъ гостей другъ другу.

Стоящіе у дверей „придверники директорской комнаты“ громогласно возвѣщаютъ имена пріѣзжихъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ то время, когда во дворцѣ жилъ братъ короля. Въ хрустальныхъ бокалахъ сверкаетъ и пѣнится дорогое вино и ликеры. Г-жа Шато-Реньо и генералъ-Шавембургъ приготовляютъ столы для азартныхъ игръ, на которыхъ директоръ и красавица Тереза, смѣлая Кабаррюсъ пригоршнями сыплютъ золото. Конта и Рокуръ разыгрываютъ комедію“...

Нигдѣ жизнь не кипѣла такъ бурно, какъ въ салонахъ Барра, нигдѣ не было столько блеска и великолѣпія, не происходило столько оргій, не было такого вѣчнаго праздника. Весь Парижъ стекался въ Люксембургскій дворецъ; это было самое порочное мѣсто республики. Въ прилегавшихъ ко дворцу службахъ помѣщался цѣлый штатъ, начиная отъ секретарей и кончая поварами. На прочихъ директоровъ, запрятанныхъ въ маломъ дворцѣ, едва обращали вниманіе, ихъ затемнялъ новый Периклъ. Никогда еще въ бывшихъ покояхъ Маріи Медичи не замышлялось столько заговоровъ, не происходило столько интригъ, не заключалось столько безмолвныхъ и позорныхъ соглашеній.

Въ салонахъ герцогини Беррійской, въ самыя развратныя времена регентства не было такихъ кутежей. Возмущенный всѣмъ этимъ кроткій Ларевельеръ выражалъ свое презрѣніе къ Барра. Онъ писалъ одному изъ своихъ коллегъ:

„Барра окружилъ себя самыми безпутными главарями анархической партіи, самыми подкупными аристократами, развратными женщинами, промотавшимися кутилами, наложницами и фаворитами. Въ его домѣ свилъ себѣ гнѣздо величайшій развратъ. Онъ поддерживаетъ генераловъ, которые угнетаютъ и грабятъ народъ, продажныхъ администраторовъ, взяточниковъ, поставщиковъ, чиновниковъ, бездѣльниковъ. Онъ окружилъ Директорію величайшими мошенниками“.

*

Газеты только и писали о Барра, о его празднествахъ и увеселеніяхъ. Достаточно было, чтобы кто-либо изъ его поваровъ лишилъ себя жизни, чтобы въ газетахъ тотчасъ появилась статья, подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ: „Подробности несчастнаго случая въ Люксембургскомъ дворцѣ: самоубійство повара директора Барра“.

Съ именемъ Барра были связаны самыя гнусныя исторіи. Случалось, что люди приходили въ негодованіе и оглашали какую-нибудь исторію въ печати. Такъ, напр., извѣстный аббатъ Пуанселенъ высказалъ Барра порицаніе на страницахъ „Gazette de France“ послѣ знаменитаго празднества, происходившаго 21-го января 1797 г., въ годовщину казни Людовика XVI, когда Барра произнесъ рѣчь въ якобинскомъ духѣ и старался обѣлить себя отъ всякихъ подозрѣній въ роялизмѣ.

„Тотчасъ послѣ появленія этой статьи, читаемъ въ „Grondeur“ (февраль 1797 г.), Пуанселена захватили въ его загородномъ домѣ и потащили въ Люксембургскій садъ. Человѣкъ пятнадцать клевретовъ директора повалили его, связали ему руки, повѣсили его ногами кверху и высѣкли!“

Эта исторія надѣлала много шума.

„Редакторомъ „Gazette de France“, которую издавалъ Пуанселенъ, былъ въ то время юный Фіевэ“, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Абрантесъ: „у него хватило гражданскаго мужества выступить обвинителемъ противъ этого гнуснаго покушенія; имъ была подана противъ Директоріи жалоба мировому судьѣ Люксембургскаго квартала, у котораго хватило, въ свою очередь, мужества принять ее“.

Барра испугался, помѣстилъ опроверженіе въ газетахъ, оправдывался, предлагалъ даже Пуанселену пріѣхать въ Люксембургскій садъ, указать мѣсто, гдѣ надъ нимъ было произведено насиліе и признать людей его избившихъ. Но Пуанселенъ, застращенный Барра, или, быть можетъ, подкупленный имъ, вдругъ позабылъ все случившееся.

Какъ? его били? его ударили? кто это сказалъ? Развѣ онъ, аббатъ Пуанселенъ, жаловался?

Тогда въ „Grondeur'ѣ“ появилась негодующая статья. „Ему приснилось, что его отвезли въ Люксембургскій садъ, ему приснилось, что съ него спустили штаны и что ему наложили то, что всѣмъ извѣстно; ему приснилось, что двѣнадцать или пятнадцать гайдуковъ превратили его сидѣнье въ рубленую говядину!“

„Вотъ такъ бѣдняга, аббатъ Пуанселенъ; чтобы чортъ меня побралъ, если я когда-нибудь стану защищать такую з—у!“

Клубъ роялистовъ въ Клиши заволновался, золотая молодежь негодовала, на стѣнахъ дворца появились оскорбительные пасквили; къ-

числу недовольныхъ присоединились оба совѣта. Якобинцы, совершившіе переворотъ въ Преріалѣ, и роялисты, дѣйствовавшіе 13 вендеміера, задумывали снова походъ противъ Люксембургскаго дворца. Въ самыхъ нѣдрахъ Директоріи произошелъ разладъ: только-что избранный въ директора Бартелеми повліялъ на Карно, который разссорился съ Ревбелемъ и Ларевельеромъ.

Тогда Барра рѣшилъ устроить рядъ празднествъ. Неожиданное обстоятельство дало ему возможность поддержать свою популярность и заставить позабыть на время дѣло Пуанселена; то былъ пріѣздъ въ Парижъ посланника султана Селима III, Эссеидъ-Али-Эффенди, по случаю котораго Барра, не жалѣя денегъ, устраивалъ пиршества, фейерверки и разныя увеселенія.

Въ распоряженіе посланника былъ предоставленъ дворецъ Монако, составляющій нынѣ собственность герцогини Талейранъ-Саганъ. Для него былъ открытъ паркъ Монсо, гдѣ посолъ торжественно прогуливался. Но все это были пустяки; самое главное былъ оффиціальный пріемъ посланника въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Эссеидъ-Али, заботясь о соблюденіи самаго строгаго восточнаго этикета, выразилъ желаніе ѣхать во дворецъ, нигдѣ не останавливаясь, даже въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и сидѣть одному въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей, которая должна была ѣхать позади всѣхъ экипажей.

Обсужденіе подробностей церемоніала этой дипломатической аудіенціи было возложено на Талейрана.

Пріемъ посла происходилъ 10 термидора и прошелъ къ полному удовольствію всѣхъ участвовавшихъ.

Эссеидъ-Али, отказавшись отъ мысли о знаменитой каретѣ запряженной шестеркой лошадей, пожелалъ отправиться во дворецъ верхомъ, какъ онъ и изображенъ на гравюрѣ той эпохи, гарцующимъ позади своей кареты на довольно тощей лошади, покрытой великолѣпнымъ чепракомъ.

Введенный по пріѣздѣ во дворецъ въ частную гостиную директора Карно, Эссеидъ-Али перешелъ затѣмъ въ роскошно убранное праздничное зало, сооруженное по этому случаю на большомъ дворцовомъ дворѣ, гдѣ „былъ устроенъ полукруглый амфитеатръ, украшенный статуями Свободы, Равенства и Мудрости, и убранный военными трофеями. Въ верхней части амфитеатра, въ глубинѣ, было поставлено пять креселъ для директоровъ; на двухъ боковыхъ эстрадахъ стояли кресла для министровъ; по обѣимъ сторонамъ амфитеатра стояли кресла для дипломатическаго корпуса; конная гвардія Директоріи была разставлена во дворѣ лицомъ ко дворцу; въ саду, на виду у всѣхъ, была поставлена артиллерія. Въ окнахъ дворца

толпились гражданки въ легкихъ, свѣтлыхъ платьяхъ, любуясь не обычайнымъ зрѣлищемъ.

Ровно въ пять часовъ, за нѣсколько минутъ до пріѣзда посла, изъ залы засѣданій вышли директора; на нихъ было парадное одѣяніе: бѣлый атласный кафтанъ и панталоны, красная вышитая мантія, голубой поясъ, серебряная сабля на боку и широкополая шляпа, украшенная трехцвѣтными перьями на головѣ; впереди ихъ шла пѣшая стража-придверники и прочія должностныя лица въ живописныхъ костюмахъ à la Van-Dyck, министры и государственный секретарь—всѣ въ новыхъ, съ иголочки, мундирахъ; всѣ эти лица заняли, предназначенныя имъ мѣста на амфитеатрѣ.

Представленіе Эссеидъ-Али совершалось съ большой церемоніей. Его представили министръ внутреннихъ дѣлъ Бенезехъ и Талейранъ. Какъ только онъ подошелъ, всѣ пять директоровъ: Карно, Барра, Ларевельеръ, Бартелеми и Ревбель встали со своихъ мѣстъ. Эссеидъ-Али произнесъ привѣтствіе, которое было переведено драгоманомъ. Ему отвѣчалъ Карно.

Затѣмъ Эссеиду-Али было предложено сѣсть на возвышенномъ креслѣ, по правую сторону отъ директоровъ. Этимъ торжество не окончилось.

„Директоріи представлялись въ тотъ же день и произносили рѣчи маркизъ Массими, полномочный папскій посолъ, и Боккарди, полномочный посолъ Генуэзской республики; военный министръ Шереръ представилъ адъютанта генерала Дюмона, Готье, привезшаго два знамени, взятые Рейнской и Мозельской арміями у непріятеля. Залпъ изъ орудій возвѣстилъ начало празднества Свободы. Воспитанники консерваторіи и оркестръ исполнили симфонію и пропѣли „Гимнъ Свободѣ“, Карно произнесъ рѣчь въ честь годовщины 9 термидора и заклеймилъ еще разъ память Робеспьера; подъ мощные звуки „Пѣсни отъѣзда“ (Chant du départ) директора торжественно возвратились во дворецъ“.

Жизнерадостные парижане, страстные охотники до увеселеній, увлекшись празднествами, быстро позабыли дѣло Пуанселена. Строгій Карно и кроткій Ларевельеръ замѣнили на время Барра, потерявшаго въ мнѣніи общества.

Мужчины и дамы только и мечтали о томъ, какъ бы увидѣть Эссеидъ-Али. Для него были даны празднества въ Тиволи, гдѣ Руджіери сжегъ роскошный фейерверкъ, былъ данъ балъ въ Елисейскомъ дворцѣ, ужинъ въ Идаліи (Idalie). Въ Одеонѣ, который былъ роскошно иллюминованъ, состоялся спектакль въ честь мусульманина.

Въ ложахъ сидѣли г-жа Таліенъ, дѣвица Ланжъ и другія красавицы, соперничая нарядами, кокетствомъ и красотою. Восхищенная

публика рукоплескала. M-elle Ланжъ, съ которой Эссеидъ-Али не сводилъ глазъ, ликовала. Г-жа Таліенъ съ досады разрыдалась и дала себѣ слово отомстить. Это удалось ей нѣсколько дней спустя, въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ она появилась въ платьѣ турецкаго покроя: бѣлой юбкѣ, шелковомъ казакинѣ съ короткими рукавами и полумѣсяцемъ на шеѣ. Это было сигналомъ къ новой модѣ, которая держалась очень долго; дамы стали носить платья турецкаго покроя, тюрбаны, широкія и длинныя шубы, прически à la Bajazet. Г-жа Сталь такъ пристрастилась къ тюрбану, что носила его много лѣтъ спустя.

Въ салонахъ Барра, у Талейрана, въ Тиволи, въ Люксембургскомъ дворцѣ—всюду турецкій посолъ былъ окруженъ толпою красавицъ, имена которыхъ перечислялись въ печати. Въ современномъ листкѣ „le Thé“ приводились имена г-жъ де-Ноаль, Флеріо, Таліенъ, Лешодэ, Гервазіо, Лозаль, Пюисегюръ, Перрего (во времена Имперіи вышедшей замужъ за маршала Мармона, герцога Рагузскаго), Делоръ, Шовеленъ, Маскараль. Посолъ раздавалъ всѣмъ благовонныя пастилки сераля, розовую эссенцію, ладанки съ благословеніемъ муфтія и просилъ сказать имъ по-французски: „красавица, прелестная, очаровательная“.

Стараясь загладить свои политическіе промахи, потакая любви французовъ къ увеселеніямъ, Директорія нашла средство властвовать и даже отчасти снискать любовь народа. Такимъ образомъ, Барра пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы дать празднество, балъ, устроить смотръ, сжечь фейерверкъ.

Подходящіе къ тому случаи доставляла ему итальянская кампанія. Въ Парижъ каждый день пріѣзжали курьеры съ отобранными знаменами и извѣстіями о побѣдахъ.

Еще до аудіенціи турецкаго посла въ Люксембургскомъ дворцѣ состоялся пріемъ генерала Ожеро.

„Завтра, 10 жерминаля V года (29-го марта 1794 г.)“, читаемъ въ одномъ объявленіи того времени, „въ полдень, въ садахъ Люксембургскаго дворца состоится блестящее празднество по случаю поднесенія шестидесяти знаменъ, взятыхъ у императора (австрійскаго). Торжество будетъ происходить въ саду, чтобы въ немъ могъ участвовать народъ. Храбрый Ожеро, совершившій всѣ походы въ Испанію, не былъ ни разу побѣжденъ, перешелъ въ Италію. Этотъ герой, правая рука непобѣдимаго Бонапарта, лично поднесетъ знамена. Съ нимъ прибыло пять генераловъ“.

Извѣстна роль, которую сыгралъ впослѣдствіи Ожеро въ существованіе Директоріи и въ переворотѣ 18 фруктидора. Онъ именно собралъ, въ ночь на этотъ достопамятный день, болѣе 12.000 человѣкъ войска вокругъ дворца, гдѣ засѣдали совѣты. Барра, Ревбель, Ларе-

вельеръ ловкимъ маневромъ сумѣли еще разъ удержать въ своихъ рукахъ колебавшуюся власть. Многіе роялисты, генералъ Пишегрю, многіе служащіе, многіе члены совѣта, въ томъ числѣ Лафонъ Ладеба, Барбе-Марбуа, Мюринэ, Роверъ и Тронсонъ-Дюкудрэ были арестованы. Директоръ Бартелеми былъ арестованъ дворцовой стражею въ Люксембургскомъ дворцѣ. Карно удалось бѣжать черезъ садъ, онъ спрятался подъ деревьями и пробрался на аллею обсерваторіи. Въ тотъ же вечеръ мѣсто Бартелеми занялъ Летурнеръ. Арестованные были отведены въ Тампль, а затѣмъ вскорѣ отправлены подъ конвоемъ по дорогѣ въ Орлеанъ.

„Вмѣсто того, чтобы идти по улицѣ Сенъ-Жакъ, разсказываетъ генералъ-адъютантъ Рашель, бывшій въ числѣ арестованныхъ, конвойные, миновавъ мосты, свернули направо, провели насъ подлѣ Люксембургскаго дворца, гдѣ мы простояли болѣе трехъ четвертей часа. Дворецъ былъ ярко освѣщенъ; мы слышали, сквозь громкіе крики веселья стражи, какъ позвали начальника нашего конвоя, отвратительнаго Дютерта, и какъ ему было приказано строго присматривать „за этими господами“. Нѣсколько членовъ совѣта пятисотъ, изъ меньшинства, которое пріобрѣло столь печальную извѣстность, засѣдавшіе въ Одеонѣ, гдѣ происходило знаменитое безсмѣнное засѣданіе, вышли на улицу, чтобы взглянуть на насъ и грубо оскорбили насъ; они были запанибрата съ конвоировавшими насъ егерями, угощали ихъ спиртными напитками, и, подойдя къ нашимъ телѣгамъ, пили за наше здоровье и говорили о прощеніи и помилованіи.

„Бурная ночь, отблескъ костровъ, горѣвшихъ вокругъ Одеона, и вопли террористовъ придавали этой прощальной сценѣ зловѣщій видъ, вполнѣ достойный тѣхъ варваровъ, которые подготовили ее. Наконецъ, нашъ конвой тронулся, прошелъ по Адской улицѣ, и мы вышли изъ Парижа“ [1]).

Барра торжествовалъ и только и мечталъ о томъ, какъ бы упрочить власть, коей онъ являлся высшимъ представителемъ. Послѣ Ожеро онъ задумалъ привлечь на свою сторону главнокомандующаго итальянской арміей. 20 фримера VI года, Директорія торжественно принимала въ Люксембургскомъ дворцѣ самого Бонапарта. Во дворцѣ былъ воздвигнутъ большой алтарь отечества, передъ которымъ возвышалась эстрада директоровъ. Эти послѣдніе появились на ней въ своихъ роскошныхъ костюмахъ. Вдоль стѣнъ были разставлены, въ видѣ трофея, отнятыя у непріятеля знамена. Стѣны были задрапированы трехцвѣтной матеріей, подобранной военными арматурами и гражданскими эмблемами. На высокихъ помостахъ возсѣдали всѣ знаменито-

[1]) Fructidor, par l'adjutant général Resnel.

сти парижскаго свѣта. Среди нихъ, рядомъ съ „вѣрнымъ“ Талейраномъ сидѣлъ Эссеидъ-Али, дававшій на другой день въ честь Бонапарта балъ. Самыя первыя красавицы Директоріи придавали еще болѣе блеска собранію, въ которомъ сверкали мундиры.

Костюмы турецкаго и греческаго покроя перемѣшивались съ доломанами гренадеръ и гусаръ. Рядомъ съ г-жею Таліенъ можно было видѣть г-жу Рекамье, потерявшую счетъ своимъ поклонникамъ, которая мечтала о побѣдѣ надъ героемъ, стяжавшимъ военные лавры

„Самъ Бонапартъ, писалъ Ламартинъ, былъ пораженъ такъ же, какъ и всѣ остальные, этой выдающейся красавицей Парижа. Онъ замѣтилъ ее издали, въ толпѣ, на празднествѣ, данномъ въ честь его Директоріей въ Люксембургскомъ дворцѣ“.

Несмѣтная толпа народа наполнила дворцовые сады. Тамъ танцовали и пили. Директорія вручила Бонапарту знамя для итальянской арміи. Этотъ день прошелъ шумно и воинственно.

Это было не послѣднее и не единственное празднество въ этомъ родѣ, происходившее въ стѣнахъ Люксембургскаго дворца.

30 преріаля VII года въ Парижѣ снова вспыхнули волненія. Трельяръ, Ларевельеръ и Мерленъ де Дуэ были вынуждены уступить директорскія мѣста Гойэ, Роже-Дюко и Мулену. Въ Люксембургскомъ дворцѣ водворилась вновь борьба партій. Въ концѣ концовъ Ларевельеръ ушелъ въ отставку и удалился вскорѣ въ Андилли, близъ Монморанси, гдѣ онъ погрузился въ свои любимыя книги и цвѣты. Его примѣру послѣдовалъ Мерленъ де Дуэ. Барра торжествовалъ, но ненадолго. Въ клубѣ манежа, игравшемъ ту же роль, какъ клубъ Клиши, гдѣ собирались члены оппозиціи, громко требовали избранія Бонапарта: за него были Ожеро, Люсіенъ Бонапартъ, генералъ Моро, Мекдональдъ, Бертье, Берновиль, Мюратъ, Лефевръ и множество офицеровъ. 18 брюммера было неизбѣжно. Еще пять дней, и Директорія должна была пасть.

Сосредоточеніе огромныхъ военныхъ силъ обезпечило Бонапарту власть. Въ то время, какъ онъ самъ отправился въ Сенъ-Клу, въ совѣтъ пятисотъ, Ланнъ двинулся на Тюильри, а генералъ Моро, во главѣ отряда въ пятьсотъ человѣкъ окружилъ садъ Люксембургскаго дворца.

Барра, не ожидавшій такого поспѣшнаго нападенія со стороны Бонапарта, сидѣлъ въ ваннѣ, въ тотъ моментъ, когда ему донесли объ этомъ. Вскорѣ ему пришли сказать, что войска окружили дворецъ исполнительной директоріи. Пораженный, не понимая въ чемъ дѣло, онъ сталъ спѣшить; онъ считалъ свое владычество нескончаемымъ, свою власть безграничной.

Вскорѣ ему пришлось подумать объ отъѣздѣ въ свое имѣніе Гро-

буа, гдѣ у него было скоплено столько богатствъ, не говоря о роскошной мебели и картинахъ. Онъ призвалъ своего секретаря Ботто и поручилъ ему изъявить отъ его имени покорность Бонапарту.

Онъ самъ написалъ ему письмо, которое можетъ служить образцомъ пошлости и искусства. Его прочелъ вслухъ Люсіенъ Бонапартъ. Въ то же время къ Барра прибѣжали Муленъ и Гойэ, его коллеги, не измѣнившіе ему такъ подло, какъ Сіейсъ и Роже Дюко. Они застали Барра очень блѣднымъ, разстроеннымъ, но не обнаруживавшимъ слабости.

Во дворецъ только-что пріѣхала Таліенъ, со слезами умолявшая генерала Моро разрѣшить ей свиданіе съ Барра.

— Что же ты предпримешь? сказала она.—Бонапартъ побѣдитель; народъ, который тебя обожалъ, пока ты могъ давать ему празднества, кричитъ сегодня, требуя твоей головы, и Бонапартъ защищаетъ тебя отъ его злобы. Что ты намѣренъ дѣлать? Лишившись власти, постарайся, по крайней мѣрѣ, уберечь свою славу". Барра пожалъ плечами:

— Что же мнѣ дѣлать, какъ ни сидѣть спокойно и просить Бонапарта, чтобы онъ дозволилъ мнѣ жить спокойно въ Парижѣ. Я поѣду въ оперу [1]).

Это были послѣднія политическія слова Барра.

Бонапартъ заставилъ ждать своего отвѣта. Барра получилъ его лишь 19 брюммера. Онъ провелъ томительную ночь. Всѣ попытки, сдѣланныя Гойэ и Муленомъ, не привели ни къ чему. Имъ пришлось возвратиться во дворецъ, гдѣ они были арестованы генераломъ Моро.

На другой день Барра уѣхалъ, наконецъ, изъ Люксембургскаго дворца, бросивъ послѣдній разъ взглядъ на эти роскошные салоны, эти великолѣпные обои, на всю эту роскошь, среди которой протекала его порочная жизнь.

У подъѣзда ожидала карета. Когда онъ сѣлъ въ нее, экипажъ былъ окруженъ отрядомъ драгунъ. Командовавшій ими офицеръ приказалъ отвезти Барра въ Гробуа. Нѣсколько времени спустя, улица Турнонъ была заполнена кавалеріей, которая выстроилась передъ Люксембургскимъ дворцомъ. Тутъ были всѣ войска парижскаго гарнизона съ Ланномъ, Бессьеромъ и Мюратомъ во главѣ. Во дворъ Люксембургскаго дворца въѣхала карета, запряженная шестеркой великолѣпныхъ бѣлыхъ лошадей; войска сдѣлали на караулъ. Изъ кареты вышелъ генералъ Бонапартъ.

---

[1]) Записки г-жи Абрантесъ.

Цензура при Наполеонѣ III.

Какова была въ нѣкоторыхъ случаяхъ французская цензура въ указанное время, могутъ наглядно служить нѣсколько данныхъ, приводимыхъ въ „Nouvelle Revue“.

Вотъ, напримѣръ, три рапорта, составленныхъ въ 1851 году по поводу драмы „Дама съ камеліями“ Александра Дюма-сына, принятой къ постановкѣ на сценѣ театра Водевиль.

Первый рапортъ, помѣченный отъ 28-го августа 1851 г., гласитъ: Пьеса рисуетъ лихорадочную жизнь и беззастѣнчивый разгулъ, которому безъ удержу предаются женщины легкаго поведенія, которыя въ погонѣ за наслажденіями, роскошью и блескомъ, не щадятъ ничего, даже собственнаго здоровья, но у которыхъ, среди ихъ пресыщенія, иногда просыпается сердце, и, тогда, слѣдуя его голосу, онѣ способны на порывы величайшей преданности и самоотверженности.

„Такова Маргарита, прозванная „Дамой съ камеліями“ за то, что она никого не любитъ и носитъ только эти цвѣты безъ запаха. Изъ бѣдной работницы-бѣлошвейки, въ началѣ своей карьеры, она попадаетъ подъ благосклонное покровительство стараго герцога и открыто состоитъ на содержаніи богатаго графа, щедроты котораго, не считая постороннихъ подарковъ, достигаютъ ежегодно пятидесяти тысячъ франковъ, которые она тратитъ съ безумной расточительностью; тѣмъ болѣе, что, чувствуя себя неизлѣчимо больной какимъ-то невѣдомымъ недугомъ, она хочетъ хотя недолго, но хорошо пожить“.

Далѣе слѣдуетъ содержаніе пьесы, изложенное тѣмъ своеобразнымъ стилемъ, къ которому прибѣгаютъ гг. цензора, когда желаютъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ произведеніе, которое они уже обрекли на казнь. Забавно прослѣдить, къ какимъ иносказательнымъ образамъ и недомолвкамъ они прибѣгаютъ, чтобы не называть вещи ихъ настоящими именами и даже для того, чтобы исказить мысль автора. Вотъ цензорскій отзывъ:

„Послѣ четырехъ дней подъ рядъ, когда Арманъ каждый вечеръ приходилъ въ полночь и удалялся только въ тѣ часы, въ которые удаляются утромъ тѣ, которыхъ любятъ и которыхъ принимаютъ въ полночь, Маргарита попросила своего возлюбленнаго дать ей покой на пятую ночь, но Арманъ, обезумѣвшій отъ любви, уже ревнуетъ, какъ тигръ. Онъ подозрѣваетъ, что она хочетъ принять кого-то. Но она просто утомлена. Вѣдь, не каждый же день, или вѣрнѣе, не каждую же ночь, праздникъ.—Клянись мнѣ, что ты никого не ожидаешь. — Клянусь тебѣ, что я люблю тебя, только тебя одного; до-

статочно ли тебѣ этого?.. Арманъ, скрѣпя сердце, удаляется, а графъ, котораго она, какъ ей кажется, также любитъ, замѣняетъ его...“

Послѣ изложенія пьесы, первый отзывъ заканчивается такимъ образомъ:

„Этотъ анализъ, хотя крайне неполный, какъ со стороны фактовъ, такъ и скандальныхъ подробностей, все же достаточно выясняетъ, на сколько эта пьеса затрогиваетъ чувство нравственности и общественной стыдливости.

Это картина, въ которой выборъ дѣйствующихъ лицъ и яркость сгущенныхъ красокъ превосходятъ самыя крайнія границы театральной терпимости. Неудобство затронутаго сюжета и его изображеніе на сценѣ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ является воспроизведеніемъ жизни одной недавно умершей женщины, давшей матеріалъ одному романисту и одному талантливому критику написать книгу и біографію, сдѣлавшіяся на столько популярными, что этимъ вполнѣ объясняется, на сколько нѣкоторыя положенія и подробности могли бы оказаться на подмосткахъ непристойными [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и единодушнаго нашего мнѣнія, мы почтительнѣйше предлагаемъ г-ну министру не давать разрѣшенія на постановку этой пьесы“.

Александръ Дюма-сынъ, какъ равно и директеръ театра Водевиль, конечно, не удовлетворились этимъ запрещеніемъ, и пьеса, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ, была снова представлена на просмотръ гг. цензорамъ, и тѣ положили слѣдующую резолюцію:

„Г. Буффе, отъ имени директора театра Водевиль, обратился къ намъ по поводу пьесы въ пяти актахъ и шести картинахъ безъ куплетовъ, подъ названіемъ „Дама съ камеліями“, и представилъ новую рукопись этой пьесы, изъ которой, по его словамъ, авторъ выкинулъ всѣ мѣста, наиболѣе возбудившія наше неодобреніе. Мы не считали себя въ правѣ отказаться отъ новаго пересмотра пьесы. Но вторичное чтеніе убѣдило насъ, что по существу и по развитію дѣйствій пьеса остается все той же. Это по-прежнему картина нравовъ и интимной жизни продажныхъ женщинъ. Маргарита продолжаетъ получать средства отъ стараго герцога и графа, съ разсчетомъ ликвидировать свое прошлое и начать спокойную жизнь въ деревнѣ съ Арманомъ, котораго любитъ ради его самого, а когда ей приходится отказаться отъ этого друга сердца, она принимаетъ состояніе, предложенное г-мъ де-Варвиль, и открыто становится его любовницей.

---

[1]) Романистъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ г. Дюма-сынъ, а критикъ никто иной, какъ г. Жюль Жаненъ.

При такомъ положеніи вещей, мы единогласно настаиваемъ на соображеніяхъ и резолюціи, высказанныхъ въ нашемъ отзывѣ, отъ 28-го августа с. г.“.

Наконецъ, послѣ третьяго просмотра пьесы гг. цензора составили 1 октября 1851 года нижеслѣдующій третій отзывъ:

„При третьемъ тщательномъ просмотрѣ пьесы „Дама съ камеліями“, мы признали, что въ рукописи, присланной намъ г. министромъ, сдѣлано много купюръ. Но мы убѣдились также, что это изъятіе болѣе или менѣе рискованныхъ деталей все-таки не устраняетъ отмѣченныхъ нами въ отзывахъ, отъ 28-го августа и 1-го сентября, существенныхъ неудобствъ въ самой основѣ пьесы.

„Правда, двѣ картины слиты въ одну, но эта работа, равно какъ и другія купюры ничего не измѣнили въ основной части пьесы; она сокращена, но не переработана. Драма, съ точки зрѣнія нравовъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, остается прежней.

Въ виду всего этого, мы, съ крайнимъ сожалѣніемъ, все-таки считаемъ своимъ долгомъ настаивать на выводахъ и заключеніяхъ, высказанныхъ въ нашихъ предшествовавшихъ отзывахъ“.

Несмотря на эти отзывы, пьеса все-таки была поставлена, благодаря вмѣшательству г. де-Морнее, и уже извѣстно, какой она имѣла огромный успѣхъ. Публика оказалась менѣе щепетильной, чѣмъ гг. цензора.

„Mademoiselle de-la Seiglière“. Казалось бы, что, если есть пьеса, которая менѣе всего можетъ навлечь запреты суровой madame цензуры, то это безспорно утонченно-изящное произведеніе г. Жюля Сандо. Эта пьеса, принятая въ 1851 году къ постановкѣ во французскомъ театрѣ, подъ названіемъ: „Замокъ де-ла Сейгліеръ“, была тѣмъ не менѣе запрещена цензурой.

Изложивъ содержаніе пьесы,—конечно, отчасти, по ихъ способу,—гг. императорскіе цензора заканчиваютъ такъ свое постановленіе:

„Конечно, въ содержаніи пьесы нѣтъ ничего такого, что̀ не было бы безусловно морально и намъ оставалось бы только разрѣшить, если бы мы не усмотрѣли въ спорѣ о „національныхъ имуществахъ“ возможнаго повода къ раздраженію, а въ лицѣ стараго маркиза—смѣшное и до нѣкоторой степени отвратительное олицетвореніе стараго режима, чѣмъ, конечно, могутъ быть задѣты нѣкоторыя личности. Обративъ на этотъ предметъ вниманіе авторовъ, гг. Жюля Сандо и Г. Ренье изъ французской комедіи, мы получили отъ нихъ отвѣтъ въ такомъ духѣ:

„Какъ люди, стоящіе совершенно въ сторонѣ отъ всякой политической борьбы, они хотѣли только создать чисто литературное произведеніе и старались очертить характеры дѣйствующихъ лицъ, по воз-

можности, жизненнѣе, что же касается маркиза де-ла Сейгліеръ, роль котораго такъ насъ напугала, то на-ряду съ нимъ они поставили въ самыя благородныя и самыя симпатичныя условія двѣ личности, m-lle де-ла Сейгліеръ и Рауля де-Воберъ, олицетворяющихъ молодую, современную аристократію. Измѣнить же характеръ маркиза авторы не могутъ, такъ какъ иначе они обезцвѣтили бы все свое произведеніе. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе наши замѣчанія, авторы обѣщали вычеркнуть въ своей комедіи все то, что по существу можетъ дать серьезные поводы къ сомнѣнію.

„Работа эта была выполнена, хотя, быть можетъ, и не столь радикально, какъ намъ было бы желательно, тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что мѣста, которыя мы въ особенности рекомендовали вниманію авторовъ, частью вычеркнуты, частью передѣланы, и мы склонны думать, что пьеса можетъ быть поставлена на сценѣ, не возбуждая серьезныхъ нареканій. Тѣмъ не менѣе, въ виду тѣхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ пьесѣ, и въ виду неизвѣстности по поводу того, въ какой мѣрѣ г. министръ намѣренъ оказать защиту могущимъ быть затронутыми чувствамъ недовольства, мы считаемъ своимъ долгомъ рекомендовать это произведеніе его особенному вниманію для личнаго его одобренія“.

Андрэ дель Сарто. Даже самому очаровательному поэту, Альфреду де-Мюссе, не всегда удавалось ускользать отъ столкновеній съ цензурой. Всѣмъ извѣстна, хотя бы только въ чтеніи, его чарующая драма „Андрэ дель-Сарто“. Принятая къ постановкѣ въ театрѣ Одеонъ въ 1851 году, она дала поводъ гг. цензорамъ къ двумъ отзывамъ, выводы которыхъ мы здѣсь приводимъ.

Этотъ разборъ (пьесы) достаточно показываетъ, на сколько не цензурна пьеса, какъ по основному своему сюжету, такъ и по различнымъ эпизодамъ, содѣйствующимъ развитію дѣйствія.

Въ ней выставлена любовь, доведенная до такой экзальтаціи, что находитъ въ себѣ силу на оправданіе даже измѣны, адюльтера и убійства, и, въ заключеніе, мужъ рѣшается на самоубійство для того, чтобы избавить отъ угрызеній совѣсти преступную жену и вѣроломнаго друга, обагреннаго кровью.

Помимо всего этого, мы думаемъ, что представленіе „Андрэ дель-Сарто“ будетъ имѣть еще совершенно особыя неудобства на сценѣ театра, посѣщаемаго учащейся молодежью и субсидируемаго правительствомъ.

Вслѣдствіе этого мы не считаемъ себя въ правѣ предложить къ разрѣшенію этой пьесы въ ея настоящемъ видѣ.

Между прочимъ, имѣется еще одно обстоятельство, которое мы должны привести на благосклонное усмотрѣніе г. министра. Эта

пьеса заимствована изъ стараго давно отпечатаннаго сборника. Первоначально ея прототипъ былъ въ трехъ актахъ. Поставленная въ 1848 году, на сценѣ французскаго театра, пьеса успѣха не имѣла и выдержала весьма малое число представленій.

Второй отзывъ. Въ то время, когда мы подписывали вышеприведенный отзывъ, директоръ театра „Одеонъ", предвидя затрудненія съ пьесой, явился самъ просить насъ сообщить ему наше мнѣніе прежде, чѣмъ оно будетъ представлено г. министру. Мы не считали себя въ правѣ отказать его просьбѣ и сообщили ему все то, что возбудило въ пьесѣ наше неодобреніе. Онъ обѣщалъ передать наши замѣчанія автору и вскорѣ привезъ намъ рукопись, въ которой были сдѣланы столь существенныя измѣненія, что изъ пьесы совершенно исчезли тѣ нецензурныя мѣста, которыя мы замѣтили при первомъ чтеніи. Для противовѣса слишкомъ пылкимъ теоріямъ и парадоксамъ, авторъ ввелъ реплики въ формѣ корректива, значительно смягчающія смыслъ. Слишкомъ рѣзкія детали смягчены, или совершенно выброшены. Въ заключеніе Кордіани умираетъ отъ раны и искупаетъ такимъ образомъ свою измѣну и свой проступокъ; такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы двое виновныхъ остались счастливыми и свободными, благодаря смерти Андрэ, остается одна только женщина, вдвойнѣ наказанная за свое преступленіе утратой любовника и самоубійствомъ мужа, память о великодушіи котораго теперь только усуглубляетъ ея угрызенія совѣсти.

При такомъ положеніи вещей и, принимая во вниманіе уже состоявшуюся репетицію въ то время, когда пьеса была въ гораздо менѣе допустимомъ видѣ, мы пришли къ выводу, что, при коренной передѣлкѣ и прочихъ измѣненіяхъ, внесенныхъ авторомъ, нѣтъ болѣе основанія настаивать на выводахъ нашего предъидущаго отзыва; а потому мы предлагаемъ разрѣшеніе пьесы.

„Діана". Цензура, хотя и не посмѣла запретить этого прекраснаго произведенія Эмиля Ожье, тѣмъ не менѣе она сочла нужнымъ, рапортомъ отъ 3 февраля 1852 года, довести до свѣдѣнія министерства о неудобствахъ, могущихъ возникнуть отъ постановки этой пьесы.

Рапортъ этотъ отнюдь не лишенъ находчивости, такъ какъ благодаря ему г.г. цензора очень ловко выгораживаютъ самихъ себя.

Въ этой пьесѣ роли двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ принадлежатъ Ришелье и Діанѣ. Молодая дѣвушка такъ энергично разстраиваетъ покушеніе на жизнь нужнаго Франціи человѣка, что нецензурность самаго покушенія намъ кажется сглаженной общимъ характеромъ всего произведенія.

„Кромѣ того эта драма была лично изустно одобрена предше-

ственникомъ г-на министра, хотя формальнаго разрѣшенія еще не успѣли выдать.

„Независимо отъ этого высокаго одобренія, наше личное мнѣніе также привело бы насъ къ испрошенію разрѣшенія, которое мы имѣемъ честь представить господину министру.

„Однако, каковы бы ни были благія намѣренія авторовъ, ихъ осторожность и талантъ, подобный сюжетъ не можетъ подвергнуться разработкѣ безъ того, чтобы не возникли возраженія, которыя мы и должны представить на высокое усмотрѣніе г. министра, въ видѣ нѣсколькихъ выдержекъ.

„Какъ бы ни были гнусны и безсмысленны подозрѣнія, противъ которыхъ возмущается наше гражданское чувство, долгъ разслѣдователей заставляетъ насъ приступить безъ ложной щепетильности къ этому деликатному вопросу.

„Какіе упреки наша непредусмотрительность вызвала бы со стороны г. министра, еслибы недоброжелательность враждебныхъ партій вдругъ вспыхнула бы публично въ театрѣ по поводу нижеслѣдующихъ строфъ.

Дѣйствіе II.—Сцена 3 (между заговорщиками).

„Убьемъ кардинала. Нанеся ударъ, уѣдемъ въ Седанъ и будемъ ждать результата.

„Кто теряетъ время,—теряетъ все противъ такого противника".

„Смерть его оправдана, коль скоро она необходима".

„Моя ненависть къ тираннамъ разгорается въ тиши".

„О, съ какимъ нетерпѣньемъ я стряхнулъ бы свои цѣпи!"

„Мы считаемъ долгомъ обратить особенное вниманіе г. министра на эту спену".

Діана де-Ли (Diana de Lys). Г-ну Александру Дюма-сыну рѣшительно не везло въ его сношеніяхъ съ цензурой. Послѣ „Дамы съ камеліями", его новая пьеса „Діана де-Ли" подверглась запрещенію цензуры въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Вотъ причины, которыя были указаны въ данномъ случаѣ г.г. цензорами въ ихъ отзывѣ отъ 10 января 1853 г.

„Въ этой драмѣ, если страсть не проповѣдуетъ адюльтера, то утонченный порокъ распространяетъ заразу. Отъ постановки подобнаго рода пьесы, по нашему мнѣнію, возникаетъ троякаго рода опасность.

„Подрывая основы брака, драма расшатываетъ семью; изображая въ ложномъ свѣтѣ людей высшаго круга, она даетъ поводъ къ нареканіямъ противъ высшихъ классовъ общества, наконецъ она одухотворяетъ на сценѣ тѣ теоріи упадка нравственности, которыя съ 1830 года воцарились въ современныхъ драмѣ и романахъ.

„Въ виду всего этого и по единогласному нашему рѣшенію, мы

не считаемъ себя въ правѣ рекомендовать разрѣшеніе этого произведенія".

Однако послѣ нѣсколькихъ значительныхъ поправокъ, внесенныхъ г. Дюма-сыномъ въ его произведеніе, гг. цензора отмѣнили рапортомъ отъ 14 ноября 1853 г. ихъ первоначальное запрещеніе.

Молодость Людовика XV (La jeunesse de Louis XV) у Александра Дюма-отца, такъ же, какъ и у его сына, бывали недоразумѣнія съ цензурой. Такъ, напримѣръ, его пьеса „Молодость Людовика XV" была воспрещена цензурой нижеслѣдующимъ рапортомъ отъ 9 ноября 1853 г.

„Людовику XV 23 года; его любовь къ королевѣ мало-по-малу охладѣла. Эта принцесса также отвернулась отъ него и, вотъ, весь дворъ наперерывъ старается навязать королю метрессу и т. д. Не касаясь пьесы по существу, мы отмѣчаемъ только: цинизмъ супружеской покладливости завѣдующаго государственной казной Дево. Имя кардинала Флери замѣшано также въ интригу, недостойную нравственнаго облика этого пастыря. И вообще вся эта слишкомъ ярко подчеркнутая придворная коалиція противъ добродѣтели короля.

„Эти важныя неудобства не позволяютъ намъ, при нынѣшней формѣ произведенія, рекомендовать его къ разрѣшенію".

Лоріанская ярмарка (La foire de Lorient) наряду съ серьезными произведеніями, принадлежавшими перу самыхъ извѣстныхъ драматическихъ авторовъ, запрещеніямъ цензуры подвергались также и простые водевили, даже фарсы.

Вотъ почему маленькій водевиль „Le foire de Lorient" вызвалъ со стороны гг. цензоровъ слѣдующій глубокомысленный отзывъ:

„Театръ представляетъ ярмарку. Сцена занята двумя конкурирующими между собой балаганами. Первый принадлежитъ Фанфарону, великому сѣверному силачу; другой, увѣнчанный полумѣсяцемъ, принадлежитъ Саладину, первому эквилибристу въ Европѣ.

„Нѣтъ ли основанія опасаться, что въ изображеніи сѣвернаго силача Фанфарона имѣются оскорбительныя указанія на одного монарха, о которомъ, въ связи съ намеками на Константинополь, предписывается, по особому распоряженію г. министра, вовсе не касаться со сцены?

„Въ этомъ вопросѣ высшей политической учтивости мы ожидаемъ особыхъ предписаній отъ его превосходительства".

Взоръ министра (Un regard de Ministre). Но самые интересные отзывы гг. цензоровъ не всегда были самыми пространными. Наоборотъ, они страдаютъ краткостью, какъ это видно по нижеслѣдующему отзыву объ одноактномъ водевилѣ, подъ названіемъ „Взоръ министра".

„21 іюля 1854 г.

... мы рекомендуемъ пьесу къ разрѣшенію, но подъ условіемъ измѣненія заглавія, которое намъ кажется недопустимымъ".

Домовладѣльцы такъ же, какъ и гг. министры пользовались особымъ покровительствомъ цензуры, что видно изъ приведеннаго ниже рапорта.

Повышеніе квартирной платы (La Hausse des Loyers). Водевиль въ одномъ дѣйствіи г. Любиза. Плисоно, квартиронаниматель, громитъ домовладѣльцевъ за повышеніе квартирной платы, но, сдѣлавшись самъ домовладѣльцемъ, далеко превосходитъ своего предшественника въ требовательности и безжалостныхъ надбавкахъ на квартирантовъ, изъ чего какъ-бы слѣдуетъ, что достаточно сдѣлаться домовладѣльцемъ, чтобы превратиться въ гнусное существо (un être immonde). Но фабула здѣсь является только предлогомъ для самыхъ рѣзкихъ нападокъ на всѣхъ собственниковъ. Родственники, друзья, помолвленные женихъ и невѣста, слуги, даже дѣти, однимъ словомъ, всѣ въ этой пьесѣ, словно на перебой, стараются забросать домовладѣльцевъ грязью. Быть собственникомъ, значитъ, быть палачемъ своихъ согражданъ, гонителемъ рода человѣческаго.

„Мы полагаемъ, что эта опасная пьеса не можетъ быть допущена къ представленію, а потому мы не беремся рекомендовать ее къ разрѣшенію.

„Авторъ въ письмѣ къ министру ссылается на нѣкоторые отрывки изъ „Обозрѣній" (Revue), разрѣшенныхъ цензурой до конца минувшаго года и затрогивающихъ домовладѣльцевъ. Но существуетъ огромная разница между безобидными шутками, затерявшимися на протяженіи нѣсколькихъ актовъ и картинъ театральнаго обозрѣнія, и пьесой, имѣющей серьезное значеніе, не взирая на комическій элементъ, въ изобиліи примѣшанный къ основному сюжету.

„Вотъ почему мы можемъ только настаивать на нашемъ первоначальномъ отказѣ въ разрѣшеніи къ постановкѣ этой пьесы".

Приводимъ здѣсь же упомянутое въ отзывѣ цензоровъ письмо автора.

„Господинъ министръ. Водевиль „Повышеніе квартирной платы" является не болѣе, какъ повтореніемъ всего того, о чемъ уже неоднократно говорилось въ обозрѣніяхъ въ 1852 и 1853 гг. Къ тому же эта маленькая пьеса не только не заключаетъ въ себѣ памфлета на домовладѣльцевъ, но является просто этюдомъ человѣческаго сердца, что я и докажу, изложивъ пьесу въ двухъ словахъ. Квартирантъ, раздраженный и негодующій на повышеніе квартирной платы, натравляетъ на домовладѣльца свою дочь, своего цирюльника и свою

служанку. Но, сдѣлавшись, въ свой чередъ, домовладѣльцемъ, онъ надбавляетъ еще сверхъ цѣнъ прежняго домовладѣльца и проявляетъ настоящее скаредничество, коль скоро дѣло касается его личныхъ интересовъ. Во всемъ этомъ, какъ изволите видѣть, ваше превосходительство, нѣтъ ничего особенно опаснаго.

„Намъ уже и такъ воспрещено выставлять съ комичной стороны священнослужителей, чиновниковъ и военныхъ, и было бы, право, даже жестоко отнять у насъ буржуа. Если же домовладѣльцы злоупотребляютъ, чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отрицать, то это еще очень безобидно, если мы слегка подшутимъ надъ ихъ алчностью.

„Нельская башня“ („Le Tour de Nesle“). Произведеніе Александра Дюма-отца и Гильярдэ было впервые поставлено на сценѣ театра La Porte Saint-Martin 29 мая 1832 г. Въ тѣ времена еще не существовало драматической цензуры. Пьеса имѣла огромный успѣхъ и выдержала 300 представленій въ Парижѣ.

Въ 1836 году, когда была основана цензура, Тьеръ пригласилъ въ свой кабинетъ коммиссію цензоровъ и рекомендовалъ имъ не разрѣшать пьесъ въ родѣ „Нельской башни“. Тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайной популярности этой драмы снять ее съ репертуара и запретить тогда не рѣшились. Только въ 1853 году болѣе смѣлый и рѣшительный де-Персиньи, министръ внутреннихъ дѣлъ, включилъ „Нельскую башню“ въ число запрещенныхъ пьесъ. Однако, по просьбѣ многочисленныхъ театральныхъ директоровъ, пьеса была отдана на пересмотръ цензуры, постановившей слѣдующій отзывъ:

„Нельская башня“ принадлежитъ къ тѣмъ пьесамъ, которыми мотивировано было въ 1835 году возстановленіе драматической цензуры, не въ силу какихъ-либо соображеній текущей политики, но съ точки зрѣнія общественной нравственности всѣхъ временъ.

„Если многихъ благонамѣренныхъ людей шокируетъ униженіе, до котораго доходятъ царственныя особы въ пьесѣ „Царица“ (Czarine), то возможно ли разрѣшить къ представленію драму, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ фигурируетъ королева Франціи Маргарита Бургонская, которая, послѣ еженочныхъ оргій, приказывала бросать въ Сену трупъ того возлюбленнаго, которому отдавалась въ ту ночь.

„Пьеса эта—есть безконечный рядъ преступленій и чудовищностей, она была подвергнута запрещенію по приказанію высшаго начальства, и цензурная коммиссія не находитъ ни въ своей совѣсти, ни въ своемъ опытѣ никакихъ мотивовъ для отмѣны этого, болѣе чѣмъ справедливаго, запрета.

„Коммиссія усердно проситъ всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы

ходатайствовать о снятіи запрещенія съ этого, безспорно высокоталантливаго произведенія прочесть его предварительно съ точки зрѣнія общественной морали, уваженія къ коронованнымъ лицамъ и вообще впечатлѣнія, которое могутъ произвести подобныя картины на настроеніе массъ.

„Коммиссія полагаетъ, что, разрѣшивъ теперь это крупное произведеніе, она повлекла бы къ неизбѣжному возстановленію всѣхъ запрещенныхъ пьесъ и открыла бы настежь двери передъ той беззастѣнчивой литературой, которая причинила уже столько скандаловъ и столько несчастій.

Представленіе этой пьесы представляется коммиссіи противорѣчащимъ взглядамъ и интересамъ правительства".

„Олимпійскій бракъ" („Le Mariage d'Olympe") Гг. цензорамъ показалось также недостаточно моральной превосходная пьеса Эмиля Ожье „Олимпійскій бракъ", разрѣшенная только послѣ многочисленныхъ передѣлокъ.

„Намъ кажется,—писали цензора,—что по основной фабулѣ произведеніе можетъ быть допустимо, подробности же заходятъ слишкомъ далеко и вотъ главные пункты, возбуждающіе наши возраженія:

1. Личность матери, встрѣчающейся съ дочерью и принимающей участіе въ ужинѣ втораго дѣйствія, намъ кажется неестественной. Мать, раздѣляющая и поддерживающая дурныя страсти дочери, не должна фигурировать подъ этимъ именемъ въ пьесѣ.

2. Финалъ не можетъ быть допустимымъ съ моральной и религіозной точекъ зрѣнія. Старикъ, олицетворяющій собой идеалъ чести и добродѣтели, не долженъ быть выставленъ кончающимъ самоубійствомъ, послѣ того, какъ имъ совершенъ актъ правосудія убійствомъ, тѣмъ временемъ, какъ его жена присутствуетъ при катастрофѣ, стоя на колѣняхъ и молясь Богу.

При устраненіи этихъ условій и другихъ особо указанныхъ деталей, мы полагаемъ, что пьеса можетъ быть допущена къ представленію".

„Соборъ Парижской Богоматери" (Notre Dame de Paris). Пьеса, передѣланная г. Полемъ Фуше изъ прекраснаго романа Виктора Гюго, подала поводъ къ пяти отзывамъ, одинаково склонившимся къ запрещенію.

Въ первомъ отзывѣ, помѣченномъ отъ 27-го августа 1857 года, сказано:

„Пьеса изобилуетъ возмутительными картинами и сценами, противорѣчащими порядку и нравственности и выходками противъ религіи. Авторъ пьесы напрасно внесъ нѣкоторыя измѣненія, переименовавъ, напримѣръ, Клодо Фроло въ торговца религіозными предметами при

соборѣ Парижской Богоматери. По рѣчамъ этого дѣйствующаго лица, по средѣ, въ которой онъ поставленъ, публика, какъ бы мало она ни была предупреждена, всегда узнаетъ въ немъ священника—подстрекателя, развратника и убійцу".

Въ слѣдующемъ отзывѣ въ мартѣ 1858 гг. цензора еще подробнѣе распространяются о причинахъ, побуждающихъ ихъ къ запрещенію пьесы:

„Возможно ли выводить на сценѣ въ священнической рясѣ полнѣйшаго негодяя, какъ опредѣляетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ, и подвергать всѣмъ справедливымъ порицаніямъ публики измышленный воображеніемъ поэта образъ?

Мы съ этимъ не согласны.

Роль Клодо Фроло переноситъ насъ къ самымъ тяжелымъ днямъ нашего театра, наступившимъ послѣ іюльской революціи, когда на сценѣ, освобожденной отъ всякаго предварительнаго контроля цензуры, начали одновременно появляться такія пьесы, какъ „Кюрэ Мингра" (Curé Mingraf), „Епископство" (La Curé de l'Archevéché), „Кюре Меринo" (Curé Merinot) и нѣсколько подражаній „Монаху" де-Леви (Moin de Levis).

По нашему мнѣнію, выводить священниковъ на сценахъ народныхъ театровъ нужно не иначе, какъ съ большой осмотрительностью, и только тогда, когда эта личность можетъ произвести благопріятное, возвышенное и облагораживающее впечатлѣніе на публику. Но изображать его, въ особенности, если это только измышленіе автора, не имѣющее никакой исторической подкладки, порочнымъ, расточительнымъ и убійцей и вдобавокъ, по ходу пьесы, сдѣлать его еще главнымъ предателемъ, на котораго обрушивается вся ненависть и злоба публики, это значитъ серьезно компрометтировать уваженіе къ священнической рясѣ и подрывать религіозный духъ".

„Бѣдныя львицы" (Les Lionnes pauvres). Безъ личнаго вмѣшательства принца Наполеона, который былъ менѣе деспотиченъ, чѣмъ его цензора, прекрасная пьеса Ожье, быть можетъ, не была бы поставлена вовсе во времена имперіи. Цензура находила эту пьесу исключительно безнравственной.

Давая доступъ на сцену замученной продажной женщинѣ, не будетъ ли это процедентомъ, могущимъ повлечь къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ?

Читая пьесу: „Бѣдныя львицы", невольно задаешься вопросомъ, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ и какую мораль можно извлечь изъ подобной пьесы, но искать назиданія въ подобномъ произведеніи было бы безполезно.

Въ этомъ двойномъ адюльтерѣ, замужняя женщина, принимая

деньги и подарки отъ человѣка, также женатаго и имѣющаго добрую и честную жену, нѣтъ даже оправданія ссылкой на бѣдность, или увлеченіемъ страсти...

Мы полагаемъ, что было бы оскорбительнымъ для святости брака и для спокойствія домашняго очага показывать передъ публикой во всей наготѣ подобную язву, которая, сама быть можетъ и существуетъ въ обществѣ, то до сихъ поръ была еще устранена съ театральныхъ подмостковъ".

„Свободные каменщики" (Франкмасоны). Теперь, когда масонство возбуждаетъ такъ много толковъ, небезъинтересно познакомиться съ мнѣніемъ цензоровъ второй имперіи объ этомъ учрежденіи, которое въ тѣ времена было гораздо болѣе замкнутымъ и тайнымъ, нежели въ наши дни.

Когда драматургъ Дебомондъ представилъ на разсмотрѣніе цензуры пьесу подъ названіемъ: „Свободные каменщики", его произведеніе было запрещено:

„Авторъ комедіи „Свободные каменщики", желая оправдать названіе, данное имъ своему произведенію, рисуетъ сцены, служащія непрерывной и подъ-часъ даже преувеличенной апологіей масонства и услугъ, оказываемыхъ имъ обществу.

„Отсюда между дѣйствующими лицами происходятъ философскія бесѣды, въ которыхъ религіозныя вѣрованія подвергаются нападкамъ, искаженіямъ и извращеніяхъ, при чемъ всѣ выводы неизбѣжно клонятся къ восхваленію масонства и его приверженцевъ.

„Какъ бы ни было почтенно общество, прикрывающееся благотворительностью и филантропіей, мы полагаемъ, что было бы неумѣстнымъ въ смыслѣ общественнаго порядка допустить на подмосткахъ сцены диспуты, въ которыхъ затрогиваются религіозно-нравственныя и политическія основы.

„Эти замѣчанія могутъ пріобрѣсти тѣмъ бо́льшую силу и важность въ моментъ, когда новые выборы депутатовъ грозятъ взволновать умы и внести новый поводъ къ общественнымъ распрямъ.

„Добавимъ при этомъ, что никакія измѣненія и передѣлки не устранятъ отмѣченныхъ нами неудобствъ, вотъ почему намъ кажется болѣе разумнымъ совершенно устранить со сцены произведеніе, которое по своему существу можетъ послужить поводомъ къ расколу и даже смутамъ".

Съ любовью не шутятъ (On ne badine pas avec l'amour). Не дерзая запретить восхитительную комедію Альфреда де-Мюссе „Съ любовью не шутятъ", гг. цензора все-таки дѣлаютъ на данномъ ими разрѣшеніи свои курьезныя замѣчанія.

„Прочитавъ эту пьесу, написанную съ такимъ большимъ талан-

томъ, невозможно не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того духа невѣрія, которымъ проникнуто все произведеніе и который выступаетъ еще замѣтнѣе въ положеніяхъ, нежели въ словахъ.

„Первоначальная работа была значительно измѣнена и смягчена прежде, чѣмъ пьеса допущена къ представленію на французской сценѣ. Мы сами отмѣтили нѣсколько шокирующихъ деталей, которыя были, или могли быть измѣнены; тѣмъ не менѣе пьеса въ общемъ была и останется произведеніемъ мало симпатичнымъ въ смыслѣ религіозныхъ вѣрованій, и, если одна часть публики пожалѣетъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ ради театральныхъ условностей, то еще бо́льшая часть зрителей, въ особенности, при нынѣшнихъ условіяхъ, будетъ поражена общимъ направленіемъ пьесы, разрѣшеніе которой можетъ даже показаться чѣмъ-то въ родѣ манифестаціи и уступки въ смыслѣ требованій извѣстной части прессы противъ религіозныхъ конгрегацій.

„Мы не беремъ на себя отвѣтственности за разрѣшеніе и имѣемъ честь перенести этотъ важный вопросъ на усмотрѣніе его превосходительства“.

Въ вышеприведенныхъ выдержкахъ, мы, какъ кажется, достаточно выяснили, на сколько враждебно цензура относилась къ писателямъ. И тѣмъ временемъ, какъ она упрямо придиралась къ крупнымъ и цѣннымъ литературнымъ произведеніямъ, она снисходительно пропускала всякія кафе-концертныя глупости, гораздо болѣе опасныя, чѣмъ проза такихъ писателей, какъ оба Дюма, Ожье, Сандо, де-Мюссе. „Вотъ почему мы далеко не изъ тѣхъ, которые будутъ проливать слезы по случаю кончины madame цензуры“, говоритъ въ заключеніе Арманъ Шарпантье.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

О подпискѣ въ 1906 г. на изданіе Сергѣя Шарапова.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Русское дѣло и въ будущемъ 1906 году такъ же мужественно будетъ идти противъ революціоннаго потока, такъ же стойко защищать національную, земскую и общественную свободу, такъ же страстно выяснять народные идеалы и вѣрованія, такъ же безпощадно разоблачать всякую ложь и обманъ, откуда бы таковые ни шли и какими бы громкими фразами ни прикрывались. Теперь, въ критическій моментъ для родины, особенно важно и дорого искреннее, независимое и **ТРЕЗВОЕ** слово правды. И если ранѣе мы не склоняли своего знамени передъ темной и злой силой бюрократическаго произвола и насилія, то тѣмъ болѣе не подчинимся ни деспотизму кружковъ, ни террору улицы.

Газета будетъ выходить **ПОКА** еженедѣльно. Принимаемъ всѣ мѣры къ скорѣйшему переходу на ежедневную. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ** не измѣнятся: Годъ **8** р., 1/2 года **4** р., 3 мѣсяца **2** р. съ дост. и перес.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Пахарь останется въ 1906 году тѣмъ же политическимъ и сельско-хоз. **ДЕШЕВЫМЪ** ежемѣсячнымъ народнымъ изданіемъ. Его задача—возводить въ сознаніе и укрѣплять чувства высокаго и чистаго народнаго патріотизма, сплачивать и организовывать православную сельскую Русь и уяснять ей ея собственные идеалы правды, свободы, порядка и русской государственности. Въ сел.-хоз. отдѣлѣ будутъ общедоступн. статьи по улучшенію всѣхъ отраслей земледѣльч. культуры, мелкихъ технич. производствъ. **БЕЗПЛАТНО** будутъ разосланы **ДВѢ ПРЕМІИ:** 1) книга С. Ѳ. Шарапова **„РОССІЯ БУДУЩАГО“** и 2) **„ПРОЕКТЫ НОВЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕШЕВЫХЪ ПОСТРОЕКЪ“.**

1 съ дост. и перес. рубль въ годъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ журнала со всѣми преміями и приложеніями съ доставкой и пересылкой **ОДИНЪ РУБЛЬ.** Въ книжныхъ магазинахъ 1 р. и 10 к. въ пользу магазина. Наложеннымъ платежомъ (на 1-ю книжку) 1 р. 20 коп. На другіе сроки подписка не принимается.

Полный комплектъ „Пахаря“ за 1905 годъ съ безплатными преміями: 1) книгою „Крестьянское самоуправленіе“ и „Чертежомъ сибирскаго привода „Вороба“ къ молотилкѣ“ высылается за 1 руб.

Контора и редакція обоихъ изданій въ Москвѣ, Скатертный пер., домъ Московскаго Домостроительнаго Общества.

Въ С.-Петербургѣ Отдѣленіе конторы у д-ра А. И. Дубровина (Изм. полкъ, 4-я рота, д. № 6).

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

1—3

Открыта подписка на 1906 годъ

(двадцать седьмой годъ)

на ежемѣсячное литературно-политич. изданіе

„Русская Мысль."

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Ваганьковскій переул., домъ Куманина.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ:

СПБ., книжный магазинъ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ ***В. М. Лавровъ.***

Редакторъ-издатель ***В. А. Гольцевъ.***

1—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

въ 1906 году.

Измѣняющіяся условія печатнаго слова въ Россіи откроютъ, конечно, въ ближайшемъ будущемъ возможность для нашей Украйны имѣть вполнѣ самостоятельные свои украинскіе органы въ формѣ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ, а также и ежемѣсячныхъ журналовъ. Все это давало бы редакціи нашего журнала право или прекратить свое существованіе, или измѣнить совершенно прежній характеръ; но мы, ведя изданіе 24 года, рѣшаемъ вступить и въ 25-ый годъ издательства, сохраняя то же названіе журнала, тѣмъ болѣе, что въ такіе переходные моменты, какъ переживаемый теперь, находимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ попытаться сдѣлать постепенный переходъ къ иной формѣ нашего изданія. Въ 1906 году „Кіевская Старина“ будетъ главнымъ образомъ посвящена научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей, этнографіей и литературой Украйны, понимая всѣ эти области въ самомъ широкомъ значеніи и по возможности освѣщая каждую изъ нихъ съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ нашей жизни. Дорожа вполнѣ нормальнымъ развитіемъ и правильной разработкой дорогой намъ украинской рѣчи, мы, при первой возможности, употребимъ всѣ силы на то, чтобы среди научныхъ статей въ нашемъ журналѣ нашли себѣ достойное мѣсто и работы, написанныя на украинскомъ языкѣ, не говоря уже о художественныхъ произведеніяхъ, которыя будутъ помѣщаться нами исключительно на этомъ языкѣ.

Чтобы доставить возможность читателямъ имѣть нашъ журналъ по болѣе доступной цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременить редакцію большими матеріальными затратами, мы будемъ ежемѣсячно выпускать книжки въ 10 печатныхъ листовъ, дѣлая подписчикамъ скидку 30% съ подписной цѣны въ 10 рублей въ годъ, т. е. за годовое изданіе съ пересылкой и доставкой — **7** руб., безъ доставки — **6** руб.

Редакція будетъ помѣщаться тамъ же: КІЕВЪ, Троицкая площадь, Народный домъ.

Редакторъ-издатель **В. Науменко.**

Открыта подписка на 1906—XVII г. изд.

(подписной годъ начинается съ 1-го ноября)

Вышедшіе №№ и приложенія высылаются немедленно.

Природа и Люди

52 **№№ художественно-литературнаго журнала,** въ которыхъ читатель найдетъ все, что необходимо въ настоящее время каждому, слѣдящему за всемірнымъ прогрессомъ.

40 **томовъ ПОЛНАГО собранія сочиненій** свыше 6.500 страницъ.
(Первое полное изданіе на русскомъ языкѣ)

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Всѣ романы переведены полностью, безъ пропусковъ.

Это громадное изданіе невозможно дать сразу въ одинъ годъ. Оно заключаетъ болѣе 80 томовъ, т. е. свыше 13.000 страницъ. Въ 1906 г. будутъ даны первые 40 томовъ, стоимость которыхъ въ отдѣльной продажѣ свыше 50 руб., остальные въ слѣдующемъ году.

КРОМѢ ТОГО РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

СВѢТОЧИ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ

НА ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

Долгъ каждаго гражданина знать тѣхъ людей, которые отдали всю свою жизнь служенію правдѣ, добру и свободѣ для счастья своей родины; знать и свято чтить память о нихъ и объ ихъ дѣяніяхъ. Въ этомъ изданіи будетъ помѣщенъ рядъ превосходно исполненныхъ портретовъ этихъ свѣточей русскаго самосознанія, начиная отъ А. Н. Радищева и кончая Н. К. Михайловскимъ и кн. С. Н. Трубецкимъ, умершимъ на зарѣ нашей обновляемой жизни, съ ихъ автографами, подробными біографіями и яркими характеристиками ихъ дѣятельности.

И, НАКОНЕЦЪ, ПРАВО НА ПОЛУЧЕНІЕ

новой, ЕЖЕДНЕВНОЙ политической и литературной ГАЗЕТЫ

„Обновленная Россія“

органъ прогрессивной мысли

За уменьшенную плату 2 руб. 60 коп. въ годъ.

Газета высылается со дня полученія денегъ (№ 1 вышелъ 15 ноября)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журн. „ПРИРОДА и ЛЮДИ“ со всѣми прилож. за годъ съ дост. и перес. по всей Россіи. **6 РУБ.**

ВМѢСТѢ съ ГАЗЕТОЙ „ОБНОВЛЕННАЯ РОССІЯ“ **8 руб. 60 к.** Допускается разсрочка: безъ газеты при подпискѣ 2 р. съ газет. при подпискѣ 4 р. 60 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. д. Изд. П. П. Сойкинъ.

3—3

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4-й г. и ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ 4-й г.

„Всемірный Вѣстникъ“

Въ 1906-мъ году „Всемірный Вѣстникъ“ поставитъ задачей ознакомить читателей съ такъ называемой **«нелегальной литературой»**. На страницахъ журнала будетъ помѣщено:

1) Собраніе сочиненій, изданныхъ за границей,

графа Льва Николаевича ТОЛСТОГО

Сочиненія Толстого: 1) Критика догматическаго богословія. 2) Соединеніе и переводъ 4-хъ евангелій и 3) Изложеніе евангелій,—въ виду ихъ большого объема (около 3000 стр. рукописи) выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 4-хъ томахъ и будутъ разосланы **только** тѣмъ подписчикамъ журнала, которые, во 1-хъ, внесутъ **не позже** 1 марта 1906 г. **полностью** всю годовую плату за журналъ, т. е. 6 р. и 2) **кромѣ того** вышлютъ **дополнительно** не позже того же 1 марта—3 р.

2) Библіотека писателей декабристовъ (въ приложеніи).

Записки декабриста **Кн. С. П. ТРУБЕЦКАГО.**

3) **М. А. Бакунинъ, А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ.**

4) Записки **Александра Ивановича Кошелева.**

5) Петропавловская крѣпость, **Д. Кеннана.**

6) **Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія.**

7) **Изъ недавняго прошлаго.** Очерки и воспоминанія бывшаго товарища прокурора.

8) **Пѣсни русскихъ масоновъ.** Подъ ред. и съ примѣч. члена СПБ.-Археологическаго общества Т. О. Соколовской.

9) **Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.** Воспоминанія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

10) Главнѣйшія статьи изъ журнала

„ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА“

издававшагося въ Лондонѣ А. И. Герценомъ.

11) ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА.

Политическій романъ-утопія Компанелла (будетъ помѣщенъ въ приложеніяхъ).

12) **Женщина и соціализмъ, Августа Бебеля.**

13) Общественное движеніе въ царствованіе Александра II.

14) **САМОДЕРЖАВІЕ И ПЕЧАТЬ.**

15) Хранящіяся въ архивѣ Департамента Полиціи

ДѢЛА III ОТДѢЛЕНІЯ

о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ и Александрѣ Ивановичѣ Герценѣ.

(Дѣла эти заключаютъ въ себѣ 660 листовъ и содержатъ рядъ неизданныхъ писемъ Герцена). (Печататься будетъ въ приложеніи).

16) **О половомъ вопросѣ.**

Мысли гр. Льва Николаевича Толстого, собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

17) Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. **А. Радищева.**

18) Гражданская война во Франціи. К. Маркса.

19) **Сибирь и ссылка, Кеннана.**

Подписка на 1906 г. принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна въ годъ 6 р. съ дост. и перес.; на 1/2 года 4 р., отдѣльный нумеръ 1 р.

Допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Подробное объявленіе высылается по первому требованію.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ 17.

2— Редакторъ-Издатель *С. С. Сухонинъ.*

Отъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Уже не разъ въ тяжелыя минуты, переживаемыя нашей родиной, Императорскому Вольному Экономическому Обществу приходилось выполнять возлагаемыя на него временемъ задачи. По примѣру прошлыхъ голодовокъ, и нынѣ Императорское Вольное Экономическое Общество позволяетъ себѣ обратиться ко всему русскому обществу съ предложеніемъ въ борьбѣ соединить свои силы съ новымъ бѣдствіемъ, постигшимъ Россію. Ни на минуту не ослабляя общественной борьбы во имя освобожденія страны отъ угнетающихъ ее общихъ условій государственной жизни, благодаря которымъ каждый неурожай неизбѣжно сопровождается у насъ голодомъ, необходимо обратить вниманіе и силы общества также и на непосредственную помощь тѣмъ, которые уже теперь принуждены голодать.

Болѣе 23 губ. постигнуты неурожаемъ и уже страдаютъ мѣстами отъ тифа, а въ конецъ подорванное экономическое положеніе русской деревни заставляетъ съ ужасомъ подумать о томъ, что будетъ съ этой деревней, лишенной хлѣба, топлива, скота, павшаго жертвой безкормицы. Впереди снова виднѣются сотни тысячъ жертвъ голода. Передъ этой картиной ужасной дѣйствительности священный долгъ каждаго прійти съ непосредственной помощью голодающимъ, отстаивая по мѣрѣ силъ своихъ самое святое право каждаго—право на жизнь.

Императорское Вольное Экономическое Общество призываетъ все русское общество помочь вопіющей народной нуждѣ, кто чѣмъ можетъ; съ своей же стороны оно беретъ на себя организацію помощи голодающимъ при тѣсномъ союзѣ въ этомъ дѣлѣ съ другими общественными организаціями.

Пожертвованія могутъ быть направляемы по адресу: Спб., Забалканскій, д. 33, въ Императорское Вольное Экономическое Общество.

Свѣдѣнія о всѣхъ поступившихъ пожертвованіяхъ и отчетъ о нихъ будутъ своевременно публиковаться.

Вице-Президентъ *А. Фаминцынъ.*

И. д. Секретаря *В. Яковлевъ.*

3—3

Открыта подписка на **1906** годъ (изд. XXI годъ)

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Въ 1906 году подписчики получатъ:

52 №№ литературно-художеств. и иллюстр. журнала до 2,000 столб. текста и до 300 иллюстрацій. Въ журналѣ будутъ печататься статьи духовн. и свѣтск. писателей по предмет. христіанск. вѣры и жизни, очерки изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ; описаніе святынь и достопримѣчательностей Россіи и православнаго Востока; стихотворенія на мотивы характера духовно-назидательнаго; очерки и разсказы изъ русской исторіи; воспоминанія и преданія старины; *статьи по современнымъ вопросамъ церковно-обществен. жизни*; текущія новости; отзывы о наиболѣе полезныхъ книгахъ и тому под.

12 КНИГЪ ежемѣсячныхъ приложеній до 2.000 страницъ убористой печати, именно: 1—2) Пустыня. Очерки жизни ѳиваидскихъ отшельниковъ *Е. Поселянина*. 3) Паѳадій Роговскій. Историч. очеркъ. *П. А. Россіева*. 4) Тайна стараго колокола. Бытовая пов. *Н. К. Дарьина*. 5) Сыны свѣта. Сборникъ церковно-историч. повѣстей. *Л. Денисова*. 6) Какъ жить? Очерки, разск. и бесѣды *Священ. П. Полякова*. 7) Вѣчанныя затворницы. Историч. пов.-хрон. *Льва Жданова*. 8) Митрополитъ Филиппъ. Историч. пов. *Вл. П. Лебедева*. 9) Попъ Иванъ Окуловъ. Ист. хрон. *А. Осипова*. 10) Псковитянка. Пов. изъ жизни св. княг. Ольги *А. Лаврова*. 11) Свѣтъ истины. Пов. *А. Лаврова*. 12) О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи церкви. Историч. очеркъ. *Проф. Д. Г. Левицкаго*.

4 КНИГИ болѣе 600 страницъ большого формата всемірно-извѣстное переведенное на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій, вендскій, шведскій, чешскій, голландскій, датскій, венгерскій, польскій, и друг. сочиненіе ІОАННА АРНДТА.

ОБЪ ИСТИННОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

2 КНИГИ болѣе 350 страницъ большого формата, сочиненіе профес. Московской Духовной Академіи, протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго.

Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка.

10 КАРТИНЪ въ краскахъ, точныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ русскихъ художн.: на библейскіе, историческіе, и духовные сюжеты, размѣромъ 24×33 см., а именно: 1. Проф. Флавицкій: «Въ Колизеѣ».—2. Проф. Ивановъ: «Явленіе Христа Маріи».—3. Проф. Семирадскій: «Христосъ у Марѳы и Маріи».—4. Проф. Ге: «Послѣдняя вечеря».—5. Проф. Рейтернъ: „Жертвоприношеніе Исаака».—6. Акад. Полѣновъ: «Блудная жена».—7. Академикъ Нестеровъ: «Великій погромъ».—8. Богдановъ-Бѣльскій: «Соборованіе».—9. Акад. Новоскольцевъ: «Смерть митрополита Филиппа».—10. Раевъ: «Преподобный Ананій иконописецъ».

И, НАКОНЕЦЪ, ПРАВО НА ПОЛУЧЕНІЕ

НОВОЙ ежедневной политической, общественной и литерат. ГАЗЕТЫ.

ОБНОВЛЕННАЯ РОССІЯ органъ прогрессивной мысли.

За уменьшенную плату 2 р. 60 к. въ годъ. Газета высылается со дня полученія денегъ (№ 1-й вышелъ 15 Ноября).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ со всѣми приложен. за годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **6 РУБ.**

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЙ „Обновленная Россія" **8 РУБ. 60 К.** Допускается безъ газеты при подпискѣ 2 руб. Разсрочка: съ газетой при подпискѣ 4 р. 60 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журн. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ».

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

Редакторъ И. Д. Ѳеодоровскій. *Издатель* П. П. Сойкинъ.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета.
на 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и пр.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ, журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

и при томъ всякую душу, не только что-либо имѣющую, но и нечего не имѣющую и даже не способную къ работѣ. Въ наказахъ постоянно встрѣчаемъ жалобы на обложеніе: малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безрукихъ, сумасшедшихъ и даже мертвыхъ и просьбы выложить ихъ изъ оклада. Обложеніе по душамъ повело и къ установленію круговой отвѣтственности за неплатежъ, тоже не извѣстной древности и донынѣ составляющей язву деревенскихъ порядковъ.

Въ древней Россіи государственное тягло не смѣшивалось съ арендной платой за угодья, которыя сдавались изъ казны желающимъ за плату особаго оброка. Въ XVIII же вѣкѣ сельскіе обыватели иногда платили съ одного и того же земельнаго надѣла и подушную подать и оброкъ. Они просятъ о снятіи съ нихъ оброка.

Подушная подать дала поводъ и къ другимъ еще жалобамъ. Многіе старыхъ службъ служилые люди и однодворцы, надѣленные очень небольшими участками земли, въ 1724 г. положены въ подушный семи и четырехъ-гривенный окладъ и, такимъ образомъ, были приравнены къ крестьянамъ, а они потомки дворянъ.

Вотъ что читаемъ въ наказѣ одоевскихъ однодворцевъ: „А изъ давнихъ лѣтъ прародители наши въ подушномъ окладѣ до 1724 г. не состояли, а служили въ московскомъ чину и городовыхъ дворянахъ, по наряду и разряду, полковую службу и написаны въ десятняхъ прежнихъ службъ служилыхъ людей изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ тѣхъ десятняхъ дѣйствительно находились; сверхъ же онаго, за службу верстаны помѣстными окладами и жалованы вотчинами, о чемъ подлинно явствуетъ по разрядной архивѣ, по служебнымъ дворянскимъ спискамъ въ десятняхъ".

Такимъ образомъ, многіе потомки дворянъ были зачислены въ податные разряды и лишены возможности воспользоваться тѣми преимуществами, которыми такъ щедро надѣлила императрица дворянское сословіе. Въ ихъ числѣ были и лица княжескаго происхожденія.

Для поощренія заводскаго дѣла съ Петра Великаго появились приписанные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ крестьяне. Они должны были за установленную плату производить разныя работы въ пользу заводовъ. Кромѣ работъ на самомъ заводѣ,—для чего крестьяне должны были выставлять опредѣленное число людей,—на нихъ возлагалось еще заготовленіе для заводовъ угля, дегтя, доставка на заводы разныхъ припасовъ и пр. Приписанныя къ заводомъ деревни отстояли отъ нихъ иногда на 500 верстъ. Понятно, сколько уходило времени на эти доставки и работы, изъ которыхъ многія совпадали со временемъ сельскихъ работъ.

Крестьяне жалуются, что „за таковыми дальнопроходными временами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и прочей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живемъ всегда при заводской работѣ безотлучно". Чтобы не остаться безъ пропитанія, нѣкоторые приписанные къ заводамъ крестьяне замѣняли себя работниками по вольному найму, а сами оставались дома для хлѣбопашества. За рубку сажени дровъ и возку угля на заводъ сами крестьяне получали по 45 к., а по вольному найму они платили за тотъ же трудъ по 1 р. 45 к., за сопровожденіе чугуна водою до завода крестьяне получали по 65 к. на человѣка, а по вольному найму сами платили по 3 и по 4 р. человѣку. На нѣкоторые заводы крестьяне должны были поставлять деготь по $3^1/_2$ к. за ведро. Въ безлѣсныхъ мѣстахъ крестьянамъ приходилось покупать деготь, и они платили за него по 25 к. за ведро.

Такимъ образомъ, для развитія насаждаемой заводской производительности крестьянинъ долженъ былъ жертвовать свою послѣднюю копѣйку. Крестьяне просятъ объ отпискѣ ихъ отъ заводовъ.

По свидѣтельству мастеровыхъ и рабочихъ людей Юговскихъ заводовъ графа И. Г. Чернышева, положеніе рабочихъ на казенныхъ заводахъ было все же лучше ихъ положенія на частныхъ. До перехода Юговскихъ заводовъ къ гр. Чернышеву денежное жалованье рабочимъ производилось „по чинамъ и заслугамъ, по учиненному Сенатомъ штату, безобидно; также въ воскресные и праздничные дни гуляли и въ работахъ не находились, а денежное жалованье и за праздники получали. Кто былъ боленъ, тому производили половинное жалованье. А буде кто убьется на казенной работѣ,—пока выздоровѣетъ, давали полное жалованье. А кол. асс. Ѳ. Санниковъ, управляющій гр. Чернышева, опредѣленные штаты отмѣнилъ, сталъ давать задѣльную плату, меньше штатной; и той платы едва на самую убогую пищу достаетъ. А на праздничные дни, кто не работаетъ, также, кто отъ воли Божіей или отъ убитья при работѣ занеможетъ,—платы никакой не производятъ. И отъ той малодаваемой платы задолжались подушной недоимкой не мало".

Къ плачевнымъ послѣдствіямъ приводили и мѣропріятія правительства въ цѣляхъ распространенія православія. Татаръ, изъявившихъ желаніе принять крещеніе, освобождали отъ рекрутчины, а потому многіе изъ нихъ заявляли желаніе креститься только для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности. Служилые мурзы просятъ не увольнять отъ службы тѣхъ, которые при приводѣ въ рекруты объявятъ о желаніи перейти въ православіе.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ 115 томѣ Сборника.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о пѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ **Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по 9 рублей.**

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

371 23/XI				
127 21/II				
2241 225				
61 13+20				
383 231/12				
2331 5XII				